

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2025

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет,
академик Польской академии
наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Васильев В. Л. — д. ф. н., Институт
русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Новгородский гос. университет
им. Ярослава Мудрого

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS; Institute of Linguistics of
the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Natio-
nal Research University Higher School of Econo-
mics, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, D.Sc. (Comparative and Contrastive
Linguistics and Linguistic Typology), Institute
of Oriental Studies of the RAS; National Re-
search University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;

- Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — академик РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — д. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meščuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), University of Potsdam, Germany;
- Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
- Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Hannu Tømmola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Потсдамский университет, Германия
Стойнова Н. М. — к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Valery L. Vasiljev, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Р. Н. Кривко.</i> История термина <i>кириллица</i>	11
<i>И. Б. Иткин.</i> Линейная позиция и просодический статус форм обращения в древнерусском языке: данные "Слова о полку Игореве"	82
<i>Д. В. Руднев, М. Г. Шарихина.</i> Из истории русских условных союзов: союзное употребление словоформы притчею в старорусском языке.....	98
<i>Е. В. Урысон.</i> <i>Неделю назад</i> : к системному описанию синтаксиса и семантики конструкции	115
<i>Е. В. Маринова.</i> Синтагматика слова как показатель аксиологического сдвига и ценности понятия (на примере прилагательного <i>информационный</i>)	135
<i>З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева.</i> «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» как источник исследования компаративных тропов со значением олицетворения.....	156
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> <i>Метла и мести</i> (семантика и этимология).....	174

Из материалов конференции

«Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (июнь 2024)

<i>М. Н. Шевелёва.</i> К вопросу о диалектных различиях в сфере древнерусских посессивных конструкций	178
<i>И. С. Юрьева.</i> <i>Слышавъ вже, рече яко</i> , или О выборе изъяснительного союза в древнерусских памятниках	215
<i>А. В. Птенцова.</i> К вопросу о происхождении и истории служебного слова <i>анъ</i> (<i>ано</i>).....	243
<i>И. И. Макеева.</i> Союз <i>но</i> в цикле молитв Кирилла Туровского	261

Рецензии

<i>Т. В. Пентковская.</i> [Рец. на:] W. R. Thompson. Epifanii Slavinetkii's Greek-Slavonic-Latin Lexicon between East and West.....	280
---	-----

Информационно-хроникальные материалы

Хроника VIII Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (25–27 октября 2024 г., Москва) (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Е. В. Колесникова, А. В. Малышева</i>)	286
Хроника LVI Виноградовских чтений в МГУ (<i>Н. К. Ониненко</i>).....	301
Адреса университетов и институтов	306
Правила подачи статей	307

CONTENTS

Articles

<i>Roman N. Krivko</i> . A history of the term <i>kirillica</i>	11
<i>Ilya B. Itkin</i> . Linear position and prosodic status of addressive forms in Old Russian: data from <i>the Lay of the Host of Igor</i>	82
<i>Dmitry V. Rudnev, Milyausha G. Sharikhina</i> . From the history of Russian conditional conjunctions: conjunctive use of the word form <i>pritcheyu</i> in the Middle Russian language	98
<i>Elena V. Uryson</i> . Syntax and semantics of the Russian construction <i>nedeliu nazad</i> ‘a week ago’ (lit. ‘a week back’): an attempt of systemic description	115
<i>Elena V. Marinova</i> . The syntagmatics of a word as an indicator of an axiological shift and the value of a concept (using the adjective <i>informatsionnyj</i> as an example).....	135
<i>Zoya Yu. Petrova, Natalia A. Fateeva</i> . <i>Materials for the Dictionary of metaphors and similes of the 19th – 21st centuries Russian literature</i> as a source of research into the personifying comparative tropes	156
<i>Zhanna Zh. Varbot. Metla and mesti</i> (semantics and etymology).....	174

From the proceedings of the conference «Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony» (June 4-6, 2024, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences)

<i>Maria N. Sheveleva</i> . On the dialectal distinctions in the sphere of Old Russian possessive constructions.....	178
<i>Irina S. Yurieva</i> . <i>Slyshavъ ozhe, reche yako</i> , or On the choice of the objective conjunction in Old Russian texts	215
<i>Anna V. Ptentsova</i> . On the origin and history of the function word <i>anъ/ano</i>	243
<i>Irina I. Makeeva</i> . The conjunction <i>no</i> in the prayers of Kirill of Turov	261

Reviews

<i>Tatiana V. Pentkovskaya</i> . [Review of:] Walker Riggs Thompson. <i>Epifanii Slavinskii's Greek-Slavonic-Latin Lexicon between East and West</i>	280
---	-----

Reports

VIII International Conference “Current problems of Russian dialectology” (October 25–27, 2024, Moscow) (<i>Irina A. Bukrinskaya,</i> <i>Olga E. Karmakova, Elena V. Kolesnikova, Anna V. Malysheva</i>)	286
The 56th Vinogradov conference in the Moscow State University (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>).....	301
Addresses of universities and institutes.....	306
Notes for contributors	308

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2025.2.1

Р. Н. КРИВКО

Венский университет
(Вена, Австрия)
Universität Wien
(Wien, Österreich)
roman.krivko@univie.ac.at

ИСТОРИЯ ТЕРМИНА *КИРИЛЛИЦА**

Современные славянские, романские и германские названия кириллицы восходят к ранней хорватской форме **kürillica/*kurillica*, впервые зафиксированной в латинских актах Дубровника и Котора как *chiuril(l)iza* и *curiliza*. Изначально хорватский термин **kürillica* обозначал глаголицу. Семантический сдвиг произошёл в конце XIII в. на фоне формирования средневековой научной традиции, согласно которой автором глаголицы считался святой Иероним. Под её влиянием в латинских источниках глаголица стала называться *alphabetum Hieronymianum*. Вследствие этого Кирилл Философ стал восприниматься как создатель кириллицы, которая получила научное латинское наименование *alphabetum Cyrillianum* (*Cyrillicum*, *Cyrilliacum*). Под влиянием позднесредневековой и ренессансной латинской ученой традиции формировались современные европейские термины для обозначения кириллицы. Формы типа *chiuril(l)iza* были заимствованы европейскими гуманистами, а также учёными Просвещения и раннего роман-

* На тему статьи 24 мая 2021 г. мной был прочитан доклад «История термина КИРИЛЛИЦА, или Когда и где кириллическое письмо было названо именем прп. Кирилла Философа?» (Лаборатория лингвосомиотических исследований Школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — НИУ ВШЭ, Москва; платформа Zoom) (<https://philology.hse.ru/lingvosem/announcements/469617373.html>; <https://www.hse.ru/news/science/473206283.html>). Благодарю всех, принявших участие в обсуждении доклада. Некоторые его положения (с корректными ссылками) опубликованы без моего согласия и ведома сотрудницей НИУ ВШЭ О. В. Соболевской в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/@hse-delo-o-kirillice>). В некоторых разделах предлагаемой статьи использован материал моего неопубликованного доклада «Westliche Humanisten und die Quellen ihrer Kenntnisse über die slavischen Alphabeten» (14. Deutscher Slavistentag, 23. September 2022, Ruhr-Universität Bochum). К. Джункова (Прага), Э. Келих (Вена), М. Мозер (Вена), И. А. Подтергерра (Гейдельберг) в личных сообщениях и в переписке внесли уточнения и дополнения в готовящийся материал, а М. А. Бобрик (Берлин), А. Л. Лифшиц (Москва) и А. М. Пентковский (Москва) полностью прочитали черновой текст статьи и сделали ряд существенных замечаний. Д. В. Руднев указал мне на форму *кириллица* в переводе рецензии С. Б. Линде. Выражаю коллегам искреннюю благодарность.

тизма, писавшими на итальянском, английском, французском и немецком языках. Из итальянского, а позднее из польского и немецкого языка термин КИРИЛЛИЦА был заимствован в русский. Украинский и, вероятно, болгарский языки также восприняли это слово из немецкого. В сербском языке форма *ћурилица* (*ćirilica*) напрямую восходит к хорватскому источнику. Словацкие и ранние польские обозначения кириллицы происходят от латинизированной формы *cyrillica*.

Ключевые слова: кириллица, глаголица, историческая лексикология славянских языков, история славистики.

1. Состояние вопроса

Кириллицей называется славянская азбука, созданная на основе греческого алфавита в к. IX — нач. X в. (до 921 г.) в Первом Болгарском царстве. В наше время этим словом обозначают как церковнославянскую, так и гражданскую кириллическую азбуку. Как будет показано далее, история русского термина *кириллица* неотделима от европейского контекста и его появление в русском языке продолжает историю наименований славянского письма в трудах гуманистов и учёных позднего Ренессанса и Просвещения. По этой причине в статье рассматривается история не только русского термина *кириллица*, но и всех славянских, латинских и некоторых романогерманских (итальянских, немецких и французских) обозначений кириллического письма, родственных блр. *кірыліца*, болг. и макед. *кириллица*, польск. *cyrilica*, сербск. *ћурилица* или *ћирлилица*, хорв. *ćurilica* или *ćirilica*, словц. *cyrilika*, словн. *cirilica* (*cirilica*, *cirilica*), укр. *кириллиця*, чешск. *cyrilice*. В качестве их общего наименования мы будем далее пользоваться формой КИРИЛЛИЦА, набранной малыми прописными буквами.

Если история названий глаголицы изучена основательно и позднее, не ранее XVI в., хорватское происхождение термина *глаголица* не вызывает сомнений¹, то об истории термина КИРИЛЛИЦА неизвестно почти ничего, а содержащиеся в различных публикациях разрозненные сведения противоречивы². Например, Т. В. Шмелёва [2021: 76] полагает, что *кириллица* — «собственно русское наименование» кириллического письма, другие авторы замечают, что «степень древности термина “кириллица” неизвестна» [Кузьминова, Ремнёва 2018: 626]. П. Й. Шафарик впервые высказал убеждение, что термин КИРИЛЛИЦА изначально обозначал глаголицу [Šafařík 1858: 8–9], а согласно гипотезе Г. И. Ильинского [1931], кириллическое

¹ [Štefanić 1976]; [Kragić 2023]: «Naziv *glagoljica* prvi je put zasvjedočen u tal. pismu Franje Glavinića rim. Propagandi 11. I. 1626., a koristi se učestalije tek od XIX. st»; [Mihaljević 2020].

² Ср. [Поппэ 1985: 342–345; Мельников 1967; Шустова 2011]. Обобщающие работы по славянской палеографии сведений об истории термина КИРИЛЛИЦА не содержат, см. [Черепнин 1956; Щепкин 1967; Ђорђић 1971; Карский 1979; Добрев 1995; Eckhart 1989; Кульбакин 2008].

письмо было названо КИРИЛЛИЦЕЙ в результате смешения Константина Кирилла Философа с пресвитером Константином, позднее — епископом славянским, который якобы изобрёл кириллицу в 893 г. по решению так называемого «Преславского собора» [Ильинский 1931: 87].

А. Поппэ [1985: 344] утверждал, что «название кюрилицей [так!] [...] славянского алфавита было известно римским книжникам [...] в середине 16 века», ссылаясь на изображение кириллического алфавита в одном из изданий итальянского каллиграфа и издателя Джованни Баттиста Палатино (Giovanni Battista Palatino; *1515, †1575) [Palatino 1545]³. В описании этой азбуки использован термин *chiurilizza*, встречающийся в латинских актах Дубровника с нач. XV в. [Поппэ 1985: 343]. В свою очередь, Б. Ангелов утверждал, что «понятието *кириллица*, разбирано в днешен смисъл», появилось в XVI в.

в книгите на хърватския книжовник Примус Трубер. [...] През 1541 в гр. Тюбинген (Германия) излиза «Табла за дицоу. едне малахне книжице, из коих се та млада предрага дитца, тере припрости люди с циркулскимими словми читати [...]» Подобно указание има и в книгата «Постила [...] сада наипрво циркуличкимими слови штампана», издадена в Белград през 1563 г. [Ангелов 1995: 284–285].

Как мы видим, однако, «понятие *кириллица*» в колофонах изданий Трубара отсутствует — Б. Ангелов приводит в пример прилагательные *цирулски* или *цирулички*, которые фонетически разительно отличаются от болгарского существительного *кириллица*, рассматриваемого в его статье, причём начальное *ц* указывает на латинский источник термина. Кроме того, словенец Трубар не был «хорватским» книжником, если не имеется в виду его причастность к хорватской письменной культуре⁴. Далее, Табла за днцу [1561] опубликована не в 1541 г., а в 1561-м⁵. Причина ошибки — датировка по колофону издания, где как будто действительно указан 1541 г.:

³ В каталогах и исследованиях это издание датируется 1545 или 1550 гг., под сопроводительным текстом Палатино стоит дата M.D.XXXX.V, тот же год указан под предисловием Палатино; папское разрешение выдано в 1540 г. [Palatino 1545: A ii], что соответствует дате первого издания. С. Кемпген датирует книгу Палатино 1550 г. со ссылкой на титульный лист, где указаны год («M.D.L.») и издатель («per Antonio Blado Afolano») [Kempgen 2015a: 12]. Здесь и далее цитируется издание, доступное на сайте Library of Congress (<https://www.loc.gov/item/65059102/>), где издателем назван Antonio Blado (*1490, †1567), дата на титульном листе отсутствует (указано лишь место публикации: «In Roma in Campo di Fiore»), а таблицы алфавитов датированы 1540 или 1545 гг. Возможно, А. Поппэ имел в виду это издание, мы следуем его датировке (1545 г.).

⁴ Б. Ангелов [1995: 285] принял имя Степана Истриянина за псевдоним Трубара: «Издательте Примус Трубер (подписан с името Стипан Истриан) и Антон Далматин» и т. д.

⁵ [Гусева 2003: 101; Немировский 2009: 15].

ā.ф.м.ā. [Табла за днцу 1561; Гусева 2003: 101]. Однако у Трубара буква *M* имеет числовое значение не 40, а 60, поскольку его система основана на глаголической цифири, что было нормально для хорватской и боснийской кириллицы⁶. Наконец, «Постгла» была издана не в Белграде, а в Тюбингене [Гусева 2003: 145–148, рис. 29.1–29.15]⁷.

2. Термин КИРИЛЛИЦА в славянских словарях и корпусах

В истории термина КИРИЛЛИЦА обращает на себя внимание его крайне позднее появление именно в кириллических письменных культурах⁸. В русском языке, согласно НКРЯ, слово *кириллица* впервые фиксируется в середине XIX в. у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Употребление слова *кириллица* в новейших словарях украинского языка датируется не ранее 1957 г. и подтверждается примерами в сочинениях П. А. Загребельного и Л. В. Костенко второй половины XX — нач. XXI в. [СУМ¹, 4: 152; СУМ², 7: 60], хотя термин КИРИЛЛИЦА засвидетельствован в «Украинско-русском словаре» 1930 г.: «Кириллица — (*азбука*) кириллица» [Изюмов 1930: 346]. В изданном в Киеве словаре Б. Д. Гринченко 1907–1909 г. лемма отсутствует [СУМ-Г], однако в словаре Е. Желиховского и С. Недельского, изданном во Львове в 1886 г., имеется статья «Кириллица, *f.* Cyrillschrift, *f.* кирильскый, *a.* cyrillisch» [МНС, 1: 343], что указывает на различное развитие орфографической терминологии в украинском языке на территории Австро-Венгрии и Российской империи. Первенство галицийской традиции в истории термина КИРИЛЛИЦА в украинском языке подтверждается данными украинского корпуса, в котором самое раннее употребление слова *кириллица* относится к 1920 г., когда во львовской газете «Громадська думка» был опубликован рассказ «Малий Угорський Руснак», подписанный «Ол. Галичанка» [GRAC: *s.v.* *кириллица*]. В то же время Толковый словарь современного белорусского языка не приводит датированных примеров использования слова *кірыліца* [ТСБМ, 2: 689]. Согласно белорусскому корпусу, оно впервые отмечается в пособии для учителей «Мэтодыка роднае мовы» Якуба Коласа (К. М. Мицкевич), которое вышло в свет в Минске в 1926 г. [Мицкевич 1926: 133, 134]. Кроме того, слово *кірыліца* дважды отмечено у того же автора в романе «На ростанях», который создавался с 1922 по 1954 г. [БНК: *s.v.* *кірыліца*], ср. [СА] (примеры 2009 г.). Первая фиксация термина

⁶ [Bratulić 1971: 112; Немировский 2011: 15; Isailović 2018: 150].

⁷ Возможно, смешение с местом издания каталога, который упоминается в предыдущем предложении — «Каталог књига на језицима југословенских народа. 1519–1867»: Београд, 1973 [Ангелов 1995: 284].

⁸ См. [БАСРЯ; НКРЯ; ГСБМ; МСДРЯ; СДРЯ; СРЯ 11–17; РБЕ; СРЯ 18; ССУМ; СУМ, 16–17; СУМ¹, 4: 152; СУМ², 7: 60; СУМ-Г; ТСБМ, 2: 689; ESSČ; GbSlov; HSSJ; MSS; RCSJHR; PCXKJ; PCXKHJ; PKCC; ŠimekSlov; SISJ; OCSД; SP, 16; SSP].

кириллица в болгарском языке лексикографически датируется 1925 г. [РБЕ 7: 416]. Что касается сербской письменной культуры, то в словаре Вука Караджича сообщается, что слово *ћурилица* имеет хорватское происхождение: «ћурилица, f. (у Хорв.) Славенска буквица, cyrillisches Alphabet, alphabetum cyrillicum» [CP: 787]⁹.

В отличие от других славянских традиций, хорватское слово *ćirilica* лексикографически датируется XVII в. [RHSJ, 2: 155], правда, в качестве самого раннего источника приводится первое издание «итальянско-латинско-иллирийского» словаря («Dizionario italiano, latino, illirico») Арделио Делла Белла 1728 г. (Ardelio Della Bella; *1655, †1737) [Ibid.]. В этом тексте, однако, находится другая форма, почти совпадающая со словоупотреблением Палатино и латинских актов Дубровника: «Alfabeto fofa ot. Alphabetum, ti. n.g. Bùkviza, ze. f. Chiuriliza, ze. Slòva, vaa. n.pl.» [DILI: 60]. Тем не менее хорватская форма *ćirilica* действительно известна с XVII в. и встречается в предисловии к официю Матийи Альберти [Oficiu 1617]: «*slovom naše bukvice i ćirilice [...] načín naše bukvice i ćirilice*» [Štefanić 1976: 35; курсив автора. — *P. K.*]¹⁰. Современная хорватская форма *ćirilica* в [RHSJ] иллюстрируется примером из сочинения хорватского политика, писателя и священника Миховила Павлиновича (*1831, †1887): «*Ćirilica, f. alphabetum cyrillicum. u jednoga pisca našega vremena: Eh, za što bar ne bacite latinicu a ne primite ćirilicu? M. Pavlinović, razg. 74*» [Ibid., 2: 139]. Кроме того, [RHSJ] цитирует старшую хорватскую латинизированную форму *cirilica* (так!), засвидетельствованную в одном из предисловий Антона Далматина, соратника Трубара: «*Cirúlica, f. alphabetum cyrillicum. isporedi ćirilica. u jednoga pisca XVI vijeka. Jesmo cirulicom štampali*» [Ibid., 1: 803]. Таким образом, самые ранние примеры употребления терминов *ćirilica* и *ćirilica* представлены в хорватских текстах.

Хорватский материал до сих пор не принимался во внимание для объяснения совр. русск. *кириллица*, укр. *кириллиця* или болг. *кириллица*, предшественником которых обычно считается гапакс *коуриловица*¹¹. Этим словом восточнославянский писец середины XI в. поп Упырь назвал, по мнению большинства исследователей, глаголицу: «Слава тѣбѣ, г(оспод)и [...] ꙗко сподоби

⁹ При этом Вук Караджич сообщает собственное название сербской кириллической азбуки: «Сад наша Азбука, или, како прости Сербљи по Сербии и по Херцеговини говоре, Б у к в и ц а, има 29 писмена» [Караџић 1814: 9] (разрядка автора. — *P. K.*).

¹⁰ В словарях сербскохорватского языка этот пример отсутствует. Издание [Oficiu 1617] мне недоступно, В. Штефанич также цитирует его не по первоисточнику, а по статье [Fancev 1936: 8].

¹¹ [БТР, 1: 1022]; [ЕСУМ, 2: 436]: «кири́лиця [...] — утворення, що продовжує із зміною (спрощенням) др. *куруловица*»; [ЭСРЯ, 2: 237: s.v. *Кирилл*; РЭС, 10: 261; Щепкин 1967: 25; Черепнин 1956: 100]. Некоторые словари ограничивают сведения о происхождении термина КИРИЛЛИЦА указанием на его очевидную связь с именем *Кирилл* [БЕР, 2: 381], в [SES] старшие словенские формы не упомянуты.

ма написати книги си ис коуриловицѣ». Слово коуриловица использовано в записи к библейским книгам пророчеств с толкованиями, перевод которых был выполнен в Первом Болгарском царстве (к. IX — перв. треть X в.), что указывает на древнеболгарское происхождение слова в X в.¹² Оказиональное продолжение этого древнего термина — форма *кириловица*, отмеченная у А. Х. Востокова [1863: 1]: «Письменные памятники Словенского языка дошли до нас начертанные двумя различными азбуками: 1-е Кирилловским письмом или *кириловицею*, и 2-е Глагольским письмом или *буквицею*» (курсив автора. — Р. К.).

Разительные словообразовательные отличия слов *коуриловица* и *кириллица*, а также хронологический разрыв между письменными фиксациями этих терминов заставляют усомниться в наличии между ними языковой преемственности. Вместе с тем очевидно почти полное тождество русск. *кириллица* и хорватских форм *ćirilica* или *ćurilica*, несомненно связанных с формой *chiuriliza* в латинских актах Дубровника и в издании Палатино. Исторические связи между этими наименованиями славянского письма неясны.

3. Этногеографические определения кириллицы

В славянской традиции до XVIII в. господствуют этногеографические определения славянских алфавитов, причём в ранней славянской традиции алфавит, который использован в рукописи или в издании, как правило, не называется. В первопечатных глаголических и кириллических букварях, а также в большинстве древних южно- и восточнославянских грамматических сочинений славянская азбука тоже часто не имеет названия или же для её обозначения применяются этнические определения [Ягич 1885–1895]. Исключения известны только в изданиях Трубара и гуманистов его круга¹³.

¹² [СРЯ 11–17: 7, 133], [Столярова 2000: 11–13] — наиболее полная публикация записи, комментарий, литература; там же другие гипотезы относительно значения термина *коуриловица*; из новейшей литературы см. [Бобрик 2014; Калугин 2018; 2021: 31, 53]. Об истории славянского перевода книг пророков с толкованиями см. [Евсеев 1905: VII, XXVII–XLVII; Туницкий 1918: I–VII; Alekseev 1999: 163–166; Калугин 2021] и др. В. В. Калугин [2021: 43] датирует древнеболгарский антиграф древнейшего восточнославянского списка второй половиной X — не позднее первой четверти XI в.

¹³ Об этом можно судить по опубликованным колофонам, предисловиям и послесловиям славянских инкунабул и старопечатных изданий [Зернова 1958; Зернова, Каменева 1968; Гусева 2003; Немировский 2009; 2011; 2012; Nemirovskij 1996; 1997; 1998; 1999; 2001; 2003; 2007]. См. сводное издание глаголических и кириллических алфавитов, встречающихся в славянских и иностранных инкунабулах и старопечатных изданиях, в том числе в букварях и научных трактатах [Kempgen 2015a; 2015b; 2016].

Обычным обозначением глаголического и кириллического письма является один из вариантов прилагательного *словѣньскыи* или наречия *словѣньскы*: мы встречаем их в «Сказании о письменах» черноризца Храбра¹⁴, Житиях Кирилла и Мефодия, включая их версии в хорватских бревиариях, в Повести временных лет, Житии Стефана Пермского, сочинениях Константина Костенецкого и Юрия Крижанича, а также — в латинских и греческом вариантах — в папских посланиях, буллах и рескриптах IX–XIII вв. (*sclavicas litteras, in litteris sclavicis*), в баварском сочинении «*Conversio Vagoariorum et Carantanorum*» (870–871), в латинских документах Далмации XIV–XV вв. (*littera sclava* и под.), в греческом житии Климента Охридского, составленном Феофилактом Болгарским (τὰ Σθλοβενικὰ γράμματα [так!]), в Летописи попа Дуклянина (*litteram lingua sclavonica componens*) и в древнейшей латинской легенде о св. Прокопии (нач. XII в.), в старочешском переложении которой читается: «Kvirillus [...] slovenskému písmu naučil»¹⁵. Константин Костенецкий также называет кириллическую азбуку этническими определениями (ни влзгар’скоу ни сръбскоу сїю наричють, но словѣньскоу), а кириллические буквы — *нашими* (вз нашї писменѣ)¹⁶. В латинских источниках XI (?) — XV вв. глаголическое и кириллическое письмо может называться *idioma bulgarica, littera et lingua bulgarica* (ср. древнейший полный глаголический алфавитарий *abecenariū bulgaricū*) подобно тому, как определение типа *hrvatski* и его латинские эквиваленты употребляются по отношению к славянскому письму с XIV в.¹⁷

Судя по «Сказанию о русской грамоте» XII–XIV вв. [Живов 2002: 116–169], не ранее XII в. в восточнославянских текстах для обозначения кириллического письма начинает употребляться термин *русский* (*роус(ь)(с)кыи*): едва ли автор «Сказания...» подразумевал под *русской грамотой* что-то, кроме кириллицы. *Русской грамотой* называл кириллицу Епифаний Пре-

¹⁴ Одним из источников этого сочинения являются схолии к трактату Дионисия Фракийского «Τέχνη γραμματική» [Ziffer 1995], к которому, возможно, восходит и известное выражение *чрътами и рѣзными* (ср. *γράμματα δὲ λέγεται διὰ τὸ γραμμαῖς καὶ ζυγμαῖς τοιοῦσθαι*) [Ziffer 2001; Дзиффер 2017]. Р. Клеменсон приводит дополнительные греческие параллели к славянскому выражению *чрътами и рѣзными*, полагая, что приводимый Д. Дзиффером фрагмент трактата Дионисия «was a commonplace of Greek grammatical or lexicographic literature. [...] It seems most probable, therefore, that in writing *чрътами* и *рѣзными*, Chrabrū was doing no more than Slavonicising the vague and commonplace Greek expression *γραμαῖς καὶ ζυγμαῖς*, and that no more specific meaning should be read into it» [Clemenson 2022: 222–223].

¹⁵ [Rački 1861: 62–63; Ягич 1885–1895: 643; Lieropili 1919: 45–47; Дружинин, Чижевский 1959: 69; Милев 1966: 80; Куев 1967; Мельников 1967: 125–127; Štefanić 1976: 18–29; Križanić 1983: 1, 4; Поппэ 1985: 324, 346; Куев, Петков 1986: 93; Хабургаев 1994: 117–119; Mužić 2011: 262; ПСРЛ, 1: 6, 26, 27, 152; ММФН, 2: 85, 90, 125, 126; 3: 172, 326, 327, 328].

¹⁶ [ММФН, 3: 399; Куев, Петков 1986: 126].

¹⁷ [Rački 1861: 63–65; Štefanić 1976: 22–23, 25; Kempgen 2020].

мудрый (рѹ́скый — так, без согласования по роду, грамота [...] рѹ́скаа, ср.: преводаше с рѹ́скыи книгъ на пѣрѣмьскїа книги), Юрий Крижанич — рѹ́ским писмо́м¹⁸. При этом Крижанич различал «русскую» (московскую?) и «белорусскую» (рутенскую?) кириллицу, ср.: «аще не ви раздѣмьлѣ правописја греческого, латинского [...] лешкого, рѹ́ского, вѣлорѹ́ского, и задѣмьлѣского» и т. д. [Križanić 1983: 2]; ср. старорусское сочинение «Начало грамотъ грѣскои і рѹ́скои» (XVI в.) [Ягич 1885–1895: 635]. В к. XIV в. известно старочешское определение кириллицы *pismo rus'ske* [Štefanić 1976: 25].

Основатель славянского книгопечатания Швайпольд Фиоль (Schweipolt Fiol; *ок. 1460, † ок. 1525/1526) называл кириллический шрифт своих инкунабул *reusische schrift* ‘русский шрифт’ и *puchstaben reussischer schrift* ‘буквы русского шрифта’¹⁹. Эти выражения использованы в договорах с мастерами 1489 и 1491 г., которые обязались изготовить кириллический шрифт для его типографии, — Лудольфом (Рудольфом) Борсдорфом из Брауншвейга и Якобом Карбесом из Нюрнберга [Timann 1998: 111, 114]. Похожий термин встречается у Трубара, который различал *рутенские* («*ruthenische*») и *кириллические* («*cyrullische*») буквы: «man hatt von allen orten getruckhte venedische vnnd ruthenische vnnd gar vil geschribne crobatische vnnd cyrullische geschriften vnnd buechstaben jme zugeschickht» (письмо барону Унгнаду от 4 ноября 1561 г.) [Rajhman 1986: 97]. Очевидно, что Трубар, как позднее Крижанич, терминологически разделяет региональные варианты кириллической графики. Известно, что образцами кириллических шрифтов Трубара были «шрифты венецианских кириллических типографий и пражской типографии Ф. Скорины» [Немировский 2009: 15], причём венецианские издания XVI в., использованные Трубаром, были напечатаны на западном варианте кириллицы [Bratulić 1971: 114–115]. Следовательно, определения «кириллические (*cyrullische*)» и «рутенские (*ruthenische*)» «шрифты и буквы (*geschriften vnnd buechstaben*)» относятся к венецианским и рутенским разновидностям старопечатной графики, которые восходят к разным ветвям кириллической традиции: западной (боснийско-хорватской) и восточной (рутенской, или белорусско-украинской). Московская традиция не была актуальна ни для Фиоля, ни для Трубара.

Немецкое определение кириллического письма (*ruthenisch*) восходит к распространённой латинской форме *ruthenicum*, самый ранний известный пример её употребления по отношению к восточнославянскому письму находится в Бамбергском кириллическом алфавитари XIII в. *Alfabetum Ruthenicum*, причём название буквы г в этом источнике с отражением фарингального *h* (*hlahol*) указывает на рутенский источник²⁰.

¹⁸ [Дружинин, Чижевский 1959: 8, 34, 69, 70, 72; Križanić 1976: s.p.].

¹⁹ О молдавском влиянии на издания Фиоля см. [Соболевский 1888; Турилов 2010: 434; 2012: 653], ср. иначе [Исаевич 1975: 18], о влиянии перемышльской рутенской традиции см. [Корогодина 2020: 80–88].

²⁰ [Mathiesen 1981–1983; Marti 1991; Kempgen 2022].

Историк и филолог Йозеф Скалигер (Josephus Justus Scaliger; *1540, †1609) называл кириллическую азбуку *рутенской* или *московской*: «Linguae Voge, duplices Characteres sunt: Rutenici, siue Moschouitici, è Græcis deprauati [...] Item Dalmatici»²¹. В славянском переводе этого сочинения, выполненном Епифанием Славинецким в 1650-е гг. в Москве, определение *rutenicus* переводится как *росский*: «Азыѣка, Бѣга, сирѣ Славѣнскагѡ, сѣгѣба начертанїа сѣтъ. Рѡсскаа илї Москѡвскаа, изъ Греческїѣ растлѣнна [...] Такожде Долмѣтскаа, ѣже Іеронимїѣнскаа» [Николенкова 2018: 115]. В к. 1630-х — нач. 1640-х гг. в Стокгольме на двух листах был напечатан *Alphabetum Russarum* — русско-церковнославянский алфавит, содержащий описание произношения букв на латинском языке, а выражением *Alfabetum Rutenorum* надписана кириллическая азбука в одноимённой брошюре, изданной в Стокгольме ок. 1640 г.; оба текста напечатаны в одной типографии и созданы одним автором — Петером ван Селовом²². В рукописном приложении к *Alphabetum Russarum* обращается внимание на кириллические буквы — *russicae literae*: «Vide etiam Russicas literas» etc. [Maier 2023: 330], их голландским наименованием в к. XVII в. было *Text Russis* и *Mediaan Russis*. Путешествовавший по России Адам Олеарий писал о кириллических буквах русского устава и скорописи — *Characteres linguae Rutenicae* [Olearius 1656: 280; Maier 2023: 333], а церковнославянский шрифт *Text Rucifsch*, созданный в Голландии для русской грамматики Лудольфа, сам автор именовал *the Slavonian characters* и *Slavonian types* [Левичкин 2024: 40, 41, 43]. Эдвард Бернад, координировавший «покупку шрифтов для университетской типографии» [Там же: 42], приобрел для грамматики Лудольфа *a Font of Sclavonian or Russian letters*, в дальнейшем этот шрифт «фигурировал в описании издательства Оксфорда как *Sclavonian Great Primer*» [Там же: 44–45]. Наконец, терминологическое сочетание *Mediaen Ruffis* употребляется по отношению к церковнославянскому шрифту Иоганна Ролу, который был приобретён Яном Тесингом в Амстердаме для его русских изданий, предпринятых по привилегии Петра I [Там же: 51–52].

Судя по всему, Западная Европа впервые познакомилась именно с западным вариантом кириллицы. Самым ранним свидетельством этому служит таблица кириллической азбуки в лингвистическом сочинении французского гуманиста, мистика и филолога Гильома Постеля (Guillaume Postel; *1510, †1581), где в качестве кириллического алфавита опубликован *Alphabetum Tzeruianorum* ‘алфавит сербов’, а соответствующий раздел компендиума «Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum» (1538) озаглавлен «De [lingua] Tzeruiana Poznania’ue [= Poznaniaque]» ‘о [языке] сербском и боснийском’²³. Похожим определением кириллицы пользуется Анджело Рокка (Angelo Rocca; *1545, †1620) — итальянский

²¹ [Scaliger 1610: 120], ср. [Kempgen 2015b: 42–51].

²² [Maier 2012; 2021; 2023; Левичкин 2024: 39].

²³ [Postel 1538: s.p.; Kempgen 2015a: 5].

гуманист, писатель и библиофил, глава Ватиканской апостолической библиотеки при папе Сиксте V и составитель одного из её первых каталогов, в котором помещена таблица кириллической азбуки *Alphabetum Servianum* ‘алфавит сербский’ [Росса 1591: 169]. В обоих случаях речь идёт именно о западных вариантах кириллицы, что следует не только из характерных для «босанчицы» начертаний букв у Постеля, но и из их наименований, которые отражают икавизм и иекавизм у Постеля и только иекавизм у Рокки: «vide [...] zielo [...] miflite [...] [ср. мыслѣте]», ср. «w̄ od» [Postel 1538: s.p.]; «Viede [...] Xiviete», ср. «Wдь» [Росса 1591: 169]. Те же особенности имеют обозначения славянских букв в «Постилле словенской» — старшем словенском переводе проповедей немецкого богослова и реформатора Иоанна Шпангенберга (Johann Spangenberg; *1484, †1550), который был выполнен словенским протестантским богословом, филологом и проповедником Себастьяном Крелем (Sebastijan Krelj; *1538, †1567): «Litterarum Slavicarum appellationes [на левом поле:] imena flovenskih puhstbov [...] vidi [...] shivite [...] miflite [...] hir» [Spangenberg, Krelj 1567: 1].

В согласии с западнобалканскими источниками сведений о славянских алфавитах известнейший дизайнер шрифтов Робер Гранжон (Robert Granjon; *1513, †1589) определяет кириллическое письмо как *иллирийское*, ср. его труд 1582 г. об «иллирийских буквах» «Сербии, Болгарии, Валахии, Молдавии и Московии» и «многих других иллирийских областей» («Illirici characteres, quibus Seruia, Bulgaria, Vallachia, Moldauia, & Moschouia, ac multae aliae illiricae regiones vtuntur») ²⁴. Итальянский историк Паоло Джовио (Paolo Giovio; *1483/1486, †1552) сообщает, что «иллирийский язык и иллирийские буквы» используют «московиты», «славяне», «далматинцы», чехи, поляки и литовцы («Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicut & Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni, & Lituani») [Giovio 1527: 32].

Поскольку в боснийско-хорватском ареале сосуществовали две славянские азбуки, в таблицах славянских азбук XVI–XVII вв., встречающихся у западноевропейских авторов, глаголица регулярно публикуется рядом с кириллицей ²⁵, из-за чего некоторые ренессансные авторы терминологически не различали эти азбуки, руководствуясь их общими этногеографическими определениями. Так, если Гранжон и Джовио называли иллирийским письмом кириллицу, то у Рокки сочетанием *Alphabetum Illyricum* обозначена глаголица [Росса 1591: 160]. Кардинал Санторо пишет в дневнике (9 ноября 1581 г.) об изданиях круга Трубара:

Della stampa Illyrica o Serviana com[m]inciata con esser si fatto qual che pulsone. Del Catechismo e Dottrina Christiana in lingua schiavona lettere serviane, finite per Simone can[onico] di Zara et Alessander Dalmata [Vervliet 1981: 41].

²⁴ Цит. по: [Vervliet 1981: 47; Гусева 2003: 638].

²⁵ [Kempgen 2015a; 2015b: passim].

По мнению исследователя,

Santoro does not seem to distinguish consistently between ‘littera Illyrica’, a term which at first glance [...] designates glagolitic characters, and ‘littera Serviana’, which applies rather to Cyrillic [...]. Roccha expresses himself in the same ambiguous manner, when [...] he prints Pater Noster in Cyrillic letters under the title ‘Illyrice vel Sclavonice’, while [...] he distinguishes Cyrillic from glagolitic in the following manner: ‘[Alphabetum] [...] Servianum non Illyricum nuncupatum [...] cum hae litterae Servianae non Illyricae dicantur nec ab Illyricis, seu Dalmatis dignosci quae[n]t, nisi laboriose perdiscantur’. The ‘litterae Servianae’, he goes on, were employed in Serbia as far as Russia Muscovy [Vervliet 1981: 41].

Несмотря на терминологическое смешение глаголицы и кириллицы, кардинал Санторо различал западный и восточный варианты кириллицы: сравнивая шрифт Острожской Библии 1581 г. с кириллическим шрифтом Гранжона, кардинал решил, «che il carattere n[ostr]o è piu bello di quello» [Vervliet 1981: 44].

4. «Иллирийские алфавиты» блаженного Иеронима и Кирилла Философа

Создателем «иллирийской» (хорватской) глаголической азбуки позднесредневековые и ренессансные гуманисты считали Иеронима Стридонского (Sophronius Eusebius Hieronymus; *ок. 345/347, †419/420). Впервые это представление зафиксировано в письме папы Иннокентия IV от 1248 г. Филиппу, епископу Сеньского диоцеза, в котором подтверждается его право на литургическое употребление «особой азбуки, которую, как утверждают клирики этой земли, они получили от блаженного Иеронима» («littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a beato Jeronimo asserentes [...]») ²⁶. Согласно обоснованной гипотезе Ю. В. Верхоланцевой, эта легенда возникла среди учёного латинского монашества и поэтому изначально была неизвестна славянским священникам римского обряда Истрии и Далмации ²⁷. Поскольку Иероним был признан изобретателем глаголицы, то глаголический алфавит мог называться *littera (scriptura) S. Hieronymi (Hieronymiana)* или *alphabetum Hieronymianum*: эти выражения встречаются, например, у Гильома Постеля («alphabetum Hieronymianum sive Dalma-

²⁶ Послание хранится в Секретном архиве Ватикана (Città del Vaticano, Archivio Segreto Vaticano, Reg. Vat, n. 21, f. 522rv). См. обзор изданий [Glavičić 2014] (там же на с. 162–164 переиздания полного текста послания по более ранним публикациям, с раскрытием сокращённых написаний; с. 163 — факсимиле). Самый подробный историко-культурный анализ фрагмента см. в работах [Verkholantsev 2010: 253–254; 2012: 42, 44; 2013: 255; 2014; 2016: 48] (там же литература).

²⁷ [Verkholantsev 2010: 253–258; 2014].

ticum»), Джованни Палатино («Alpha.<betum> Illiricum divi Hieronymi»), позднее — в документах Конгрегации пропаганды веры и у Рафаила Леваковича (*Azbukoviněk slovinskij*, Roma, 1629 и 1693)²⁸. Скалигер тоже называл глаголицу, изобретённую, по его мнению, для славян Далмации, «Иеронимовой азбукой»: «Linguae Boge, duplices Characteres sunt: Rutenici [...] Item Dalmatici qui & Hieronymiani» [Scaliger 1610: 120].

Таким же общим местом в трудах западных гуманистов были представления об изобретении кириллицы Кириллом Философом, которого Анджело Рокка и художник, издатель и иллюстратор Иоганн Теодор де Бри (Theodor de Bry; *1528, †1598) называли «создателем других иллирийских писмен» («Aliarum Illyricarum litterarū Auctor») ²⁹. Де Бри опубликовал в своём издании два варианта кириллического алфавита, «иллирийский» и «московский» («Alphabetum Muscoviticus»), как две разных азбуки, причём Кирилл как «aliarum Illyricarum litterarū Auctor» определённо связан в представлении де Бри с «иллирийской», т. е. хорватской, традицией [Bry 1596: 22, 24]. Для Паоло Джовио Кирилл Философ и блаженный Иероним были создателями «иллирийских» переводов: «In hanc linguam [т. е. на «иллирийский» язык. — *P. K.*] ingens multitudo facrorum librorum industria maxime divi Hieronymi & Cyrilli translata est» [Giovio 1527: 32]. По аналогии с латинским определением (*alphabetum*) *Hieronymianum* кириллическая азбука получает научное определение *Cyrilliana*; судя по известным примерам, оно впервые встречается у Анджело Рокки («lingua [...] Cyrilliana») [Rossa 1591: 171]. Немногим позднее сочетания типа *characteres Cyrilliani* или *character Cyrillianum* получают распространение в документах Конгрегации пропаганды веры, которая в XVII в., приступая к славянскому книгопечатанию, делала выбор между глаголицей и кириллицей, из-за чего возникла необходимость в точном определении каждого славянского алфавита, ср. примеры типа «[...] caractere Hieronymiano, an vero Cyrilliano [...]» (1627 г.) и др.³⁰ Имя Кирилла Философа употребляется и в названиях типографских шрифтов, что свидетельствует об использовании соответствующих терминов в книгопечатной терминологии: «pro matribus characterum illyricorum Sancti Cyrilli» (1643 г.), «pro matribus typi slavonici

²⁸ [Štefanić 1976: 23–24; Kempgen 2015a: 4, 14–15; 2015b: 28, 30]. Ср. *caractere Hieronymiano, characteribus S. Hieronymi* (1627 г.) и др. [Welykyj 1953: 59, 60, 61].

²⁹ [Bry 1596: 22] (то же [Kempgen 2015a: 36, 39]); [Rossa 1591: 168].

³⁰ [Welykyj 1953: 59, 60, 61] (этот и другие подобные примеры), ср.: «an Misalia, et Breviaria illyrica imprimenda essent characteribus S. Hieronymi, an vero S. Cyrilli» [Welykyj 1953: 59]; [Ambrosiani 2019] (о кириллических изданиях Конгрегации). Ср.: «Уточняющие названия появляются прежде всего там, [...] где применялись обе славянские грамоты и их следовало различить. [...] Уточняющие названия необходимы также тогда, когда проводится определенная [...] религиозно-церковная политика, пользующаяся как инструментом одним или обоими алфавитами для достижения поставленных целей» [Поппэ 1985: 342].

Sancti Cyrilli» (1644 г.), «matribus characteris illyrici Cyrilliani» [Welykij 1953: 202, 204, 215]³¹. Выражения типа *character (characteres) Cyrillianum (Cyrilliani)* отмечены в тех документах Конгрегации, которые связаны с литературой церковных организаций Киевской митрополии, что стало особенно актуально после Брестской унии 1596 г. По этой причине определение *Cyrillianum* по отношению к кириллическому письму могло быть известно в XVII в. украинским священникам, участвовавшим в создании, распространении и учёте книг в многоязычной и многоконфессиональной Речи Посполитой. Этим следует объяснять появление выражения *кириловское письмо* — по образцу латинского *character Cyrillianum* — в реестрах львовского Успенского Ставропигиального братства, которое содержало документы и книги на разных языках [Шустова 2009: 495–556]³²:

КИРИЛОВСКИЙ, КИРІЛОВСКИЙ *прикм.* (писаний кирилицею) кирилівський: и псалты(р) киріло(в)скую лво(в)ско (!) дрѣкѣ: продалем му(н)таномъ за зло(т) 28 и 15 (Львів, 1623 ЛСБ 1049, 3 зв.); пса(л)ты(р) кирило(в)скую продалем а зло(т) 3 и 20 (Львів, 1629 ЛСБ 1049, 8) [СУМ 16–17: 14, 101–102]; киріловский друкъ — те, що надруковано кирилицею: пса(л)ты(р) киріловского дрѣку п(н) грыгоры(и) прода(л) за зло(т) 7 (Львів, 1627 ЛСБ 1049, 6 зв.) [Там же: 8, 216].

Судя по источникам 1620-х гг., староукраинский термин *кириловский* не получил распространения за пределами львовского Ставропигиального братства.

Выразительным примером представлений об изобретении славянских азбук Иеронимом и Кириллом Философом является кириллическо-глаголический букварь Матая Карамана, трижды изданный Конгрегацией пропаганды веры в Риме (1739; 1753; 1788) [Вялова 2017: 10]. Букварь содержит два параллельных текста — кириллический и глаголический, и два титула,

³¹ Определение *Cyrillianus* по отношению к типографским шрифтам длительное время ограничивалось, видимо, документами Конгрегации пропаганды веры, насколько можно судить по словоупотреблению Лудольфа, который в обращении к читателю своей русской грамматики называл кириллические шрифты определением *Slavonicus*: «E specimine hoc tyrorum Slavicorum, cura Celeberrimae Academiae Oxoniensis factorum» и т. д. [Ludolf 1696: s.p.].

³² «[П]одъем и [...] расцвет Львовского братства в к. XVI — первой половине XVII в. способствовал тому, что вокруг Ставропигии объединились самые образованные [...] деятели украинской культуры, которые сотрудничали с братскими школами и типографиями [...]. Совместно с членами Львовского братства начали свою деятельность [...] Стефан и Лаврентий Зизании, Кирилл Транквилион Ставровецкий, Мелетий Смотрицкий, Иван Борецкий, Памво Берында [...]. Идеологи братского движения синтезировали постулаты, выдвинутые мыслителями западноевропейского гуманизма и реформаторского движения» [Шустова 2009: 453–454]. Языковое и культурное разнообразие Речи Посполитой отражается в реестрах Ставропигиального братства, где «[ч]асто отмечается язык документа: “по-русску писан”, “привилей по-дравску писаный”, “увесь по-кгрецку писаный”» [Там же: 504].

набранные кириллицей и глаголицей; в кириллическом титуле «славянские писмена» названы писменами *преподобнагѡ кѣрилла славянинагѡ епископа*, в глаголическом — писменами «Б[лаженнаго] Иеронима» [Karaman 1753].

Учитывая особую значимость хорватской традиции для истории термина КИРИЛЛИЦА, необходимо обратиться к её древнейшим источникам и затем установить пути распространения этого понятия в европейских языках³³.

5. *Chiuriliz(z)a* и *c(h)uril(D)ica* в латинских актах Дубровника и Котора

Как было сказано, термин *chiuriliz(z)a* активно используется в латинских актах Дубровника XV–XVI вв. Со словообразовательной точки зрения он тождествен современному слову *кириллица*, единственное отличие касается вокализма первого слога, что обусловлено разным чтением греческой буквы *υ* (ср. *Κύριλλος*). Славянское происхождение формы *chiuriliz(z)a* не вызывает сомнений: на это указывает буква *z(z)*, которая передаёт славянскую аффрикату [с] (*u*), невозможную в латинском языке перед гласным непереднего ряда. Кроме того, латинская орфограмма *chiu-* отражает две бесспорно славянские фонетические особенности.

Во-первых, форма *chiuriliz(z)a* фиксирует древнее произношение славянской ижицы как лабиализованного гласного переднего подъёма. Вариант такого произношения представлен также гапаксом *коуриловица*, где греческое *υ* фонетически адаптировано как гласный непереднего ряда. Это позволяет отнести появление обоих терминов к одному раннему периоду, когда лабиальное произношение ижицы было единственно возможным³⁴.

Во-вторых, форма *chiuriliz(z)a* указывает на палатализацию заднеязычного *k* в аффрикату *č* перед гласным переднего ряда *i*, это же явление мы встречаем в списках хорватско-глаголической службы свв. Кириллу и Ме-

³³ А. Поппэ [1985: 346–348] предполагал, что далматинский термин *chiuriliza* был принесён в Новгород в к. XV в. хорватским доминиканцем Вениамином. Вслед за архим. Леонидом Кавелиным А. Поппэ полагал, что первоначальным чтением записи Упыря Лихого было ***ис коурилоцѣ*, т. е. «по образцу» [Кавелин 1891: 136; Поппэ 1985: 346]. «Надоумленный доминиканским монахом [...] новгородский книжник исправил запись на русский лад, вводя в основу прилагательное притяжательное от Кирилл» [Поппэ 1985: 346]. Очевидна лингвистическая несостоятельность этой гипотезы, не говоря уже о фантастическом характере знакомства Вениамина с новгородским переписчиком. Тюркизм *коурѣлькѣ* ‘изображение; образ; образец’ должен был в XV в. дать форму *ис коурѣл(ѣ)ка* ‘из образца’ (?!), с утратой слабого редуцированного или с сохранением графемы *ѣ* по традиции, но никак не с вокализацией *ѣ > o* и тем более не с окончанием мягкой разновидности **ā*-основы и рефлексом второй палатализации. Кроме того, значение ‘по образцу, по тому же способу’ выжалось с помощью конструкции с предлогом *по*: «по тому же курѣлку по подобию (*τὸν αὐτὸν τρόπον*). Оп. II (2), 39. XV в.» [СРЯ 11–17: 8, 136].

³⁴ См. об истории ижицы [Кривко 2015: 141–176] (там же литература).

фодию к. XIV — нач. XV в., созданной в пражском монастыре Эммаус [OCSD: s.v. *щоуриль*]. Позднепраславянской эпохой датировать этот переход невозможно, поскольку фонетически закономерным рефлексом первой палатализации *k* является *č'*. Результат перехода *k* → *č'* совпадает с аналогичными результатами второй йотации в истории сербскохорватского языка, которая, в свою очередь, происходила после утраты слабых редуцированных, развития второго эпентетического *l* (например, *zdrāvl'e*) и изменения *ě* в *ie* и *št'* в *št*, *žd'* в *žd* [Holzer 2011: 86].

Таким образом, латинское *chiuriliz(z)a* отражает древнюю лексему *čurilica*, восходящую к первоначальной форме **kürilica*.

Известно, что слово *chiuriliz(z)a* и его варианты встречаются в составе сочетания типа *presbyteri chiurillice*, относящееся в латинских актах Дубровника XIV–XV вв. к священникам-глаголяшам и тождественное сочетанию *presbyteri sclavici*³⁵. Эти сведения полностью основаны на материалах М. Динича [Динић 1934; 1960], который собрал большое количество примеров употребления термина *chiuriliza* в дубровницких актах и первоначально пришёл к выводу, что выражение *presbyteri chiurilize* называет священников, использовавших в богослужении кириллические (!) книги [Там же: 58–59]. Позднее Динич пересмотрел свои выводы и решил, что термин *chiuriliza* в актах Дубровника обозначает глаголицу, а сочетание *presbyteri chiurilize* относится к священникам-глаголяшам [Динић 1960]. Это объяснение утвердилось в научной традиции³⁶.

Противоречия в истории вопроса заставляют вновь обратиться к материалам Динича, которые следует разделить на три группы.

Первую группу образуют два употребления термина *chiuriliza* по отношению к литургическому алфавиту хорватско-церковнославянских богослужебных книг. Именно в таком контексте отмечается первая известная письменная фиксация этого слова в отчёте о визитации в Груз (в наше время район в Дубровнике) 15 апреля 1407 г.:

Et ibi prefatus presbiter Juan examinatus, qui nescit litteram latinam, sed illam que vocatur *chiuriliza*. Cui dictum fuit quod veniat die dominica cum suo missali ad pacacium archiepiscopale et ibi se presentet coram prefatis vicariis [Динић 1934: 56] (курсив Динича. — *P. K.*).

Ограниченное использование кириллицы в качестве литургического алфавита в богослужебных книгах латинского обряда известно в хорватской традиции с последней четверти XV в.: этим временем, между 1477 и 1495 гг., датируется хранящийся в Лейпциге «Иллирийский кириллический миссал» («*Missale illyricum cyrillicum Lipsiense*») — древнейший сви-

³⁵ [Štefanić 1976: 19; Nazor 1987: 83; 2000: 291–292; 2008: 292; Katičić 1999: 548; Malić 2002: 100], см. также [Liepopili 1919: 39–40].

³⁶ [Štefanić 1964a: 151–152; 1964b: 334–335; Pantelić 1965: 103; Nazor 1987: 83; 2000: 291–292; 2008: 292; Katičić 1999: 548; Malić 2002: 100], ср. иначе [Schütz 1963: 1, 304–310; Verkholantsev 2012: 40; 2014: 37].

детель кириллической хорватско-боснийской богослужебной письменности латинского обряда [Schütz 1963]³⁷. Вопреки научному названию, рукопись содержит не полные тексты мессы, а лекционарий латинского обряда — в Средние века и в эпоху Ренессанса полные тексты мессы не записывались и не издавались кириллицей в хорватско-боснийской традиции. Согласно Г. Ланту,

the missal, a book containing services as well as scriptural lessons, is found only in glagolitic, while the lectionaries, which may contain some ritual prayers but do not ordinarily include masses, are not only later in time, but non-glagolitic. Therefore [...] the missals were in use where the whole service was in Slavic (and specifically Slavonic), while the lectionaries are auxiliary books to supplement the Latin service [Lunt 1965: 216].

Упомянутые в дубровницком акте 1407 г. книги едва ли были написаны в первые годы XV в. — скорее всего, их следует датировать XIV в. или более ранним периодом. Поэтому, даже если предположить, что выражение *cum suo missali* относится не к миссалам, а к лекционариям типа *Лейнцигского*, литургическое употребление кириллицы в архиепископии Дубровника в XIV в. представляется маловероятным. Следовательно, в отчёте о визитации в Груж 1407 г. речь идёт о глаголических рукописях. Перед нами, таким образом, — древнейшая письменная фиксация термина *chiuriliza* (< **kürilica*) ‘глаголица’, который сохраняет историческую память о Кирилле Философе как создателе первого славянского алфавита.

Иначе объясняется второй контекст, где слово *chiuriliza* употребляется по отношению к богослужебным книгам:

Занимљиво је да је у Врховцу, срез јастребарски у Хрватској, приликом једне визитације у цркви Св. Кузмана и Дамјана из друге половине 17 века (1668–1683) од књига нађено: *Missale glagoliticum; item libri churiliza duo* [Динић 1934: 59–60, прим. 5].

Значение *churiliza* ‘кириллица’ здесь не вызывает сомнений, однако это не имеет большого значения для истории термина. Учитывая употребление

³⁷ «The missals are in traditional Croatian Slavonic, while the lectionaries are in a more modern and popular type of language [...]. The language of *MLips*. is a type of Štokavian that betrays its complicated history but at the same time indicates a bid for supra-dialectal effectiveness. The text was surely intended for and used by Franciscan pastors and missionaries not only in the immediate vicinity of Dubrovnik, but farther into the hinterlands» [Lunt 1965: 216–217]. К XV в. относится также кириллический «чин мессы на “русской мове”, посвященный Деве Марии и переведенный [...] с хорватского миссала XIV в.» [Верхоланцева 2010: 75 (литература)] (здесь же см. об использовании кириллицы для записи славянских богослужебных текстов латинского обряда в рутенской традиции и для транслитерации латинских текстов; см. также [Верхоланцева 2009]). Кириллическая месса не предназначалась для литургического использования, а имела целью «объяснить содержание мессы для католика из великого княжества Литовского, не владеющего латынью» [Турилов 1998: 62].

итальянских гуманистов, перенос названия алфавита *chiuriliza* (< **kūrilica*) с глаголицы на кириллицу состоялся до середины XVI в. Terminus ante quem определяется датировкой издания [Palatino 1545], где отмечен бесспорный пример названия кириллического алфавита именем Кирилла Философа — *chiurilizza* ‘кириллица’.

Вторую группу примеров образуют случаи употребления термина *chiuriliza* в сочетании с именами собственными:

Don Blasius Jachetich, *presbiter chiuriliza*, promisit et se et omnia opera [Договор Власия Якетича с представителями общины Риеки и Шумета 13 декабря 1424 г. — *P. K.*] [Динић 1934: 57]³⁸.

Distributio testamenti dom Clementis *Chiurilize Sclai* [Завещание «дона Климента» 29 января 1432 г. — *P. K.*], [...] *Clementis Chiurilice Sclai* [Там же: 57, прим. 2].

Године 1407 био је у Дубровнику и неки presbyter Radoslauus vocatus Duyme *chiuriliza*, који се врло рђаво провео приликом визитације, јер је био суспендован док боље не научи све што је свештенику потребно [Там же: 62].

Састављач Андрићевог тестамена био је свекако presbyter Nicolaus Georgiі *chiuriliza* de Breno [Там же: 58].

Похожие формы имеются в латинских актах Котора, они интересны отсутствием палатализации заднеязычного *k*, что отражает архаичный облик лексемы *kurillica* с непередним лабиальным произношением [u]: «presbiter Matheus Curiliza, tamquam capellanus et rector sanctae Trinitatis de Cataro (1469 г.), presbiter Matheus Churiliza (1461 г., 1478 г.), presbiter Matheus Curiliza [...] (1492 г.), presbiter Gregorius Curiliza (1494 г.) [Ђурић 1996: 51–53].

Термины *chiuriliza* и *C(h)uriliza* воспроизводятся в сочетании с именами священников регулярно, поэтому они представляют собой не бытовые прозвища, соотносимые с отдельными личностями, а указывают на родовой признак группы священников латинского обряда, использовавших славянский язык и алфавит в богослужении³⁹. В таком употреблении термин

³⁸ Здесь и далее в примерах из этой статьи курсив Динича.

³⁹ Типологически слово *chiuriliza* вполне могло бы быть бытовым прозвищем, ср. народноязыковую номинацию, на которую обратила наше внимание Я. А. Пенькова в одной из старорусских межевых грамот 1554 г.: «А у подлинной выписи назади пишет: Подьячей Левица Дмитриев сын Вырубов» [НКРЯ]. Несмотря на единственную известную письменную фиксацию, прозвище *Левица* ‘первоначально — левая рука; затем — тот, кто пользуется левицей, т. е. левой рукой; левша’ было нередким, насколько можно судить по распространённой русской фамилии *Левицын*. Став именем собственным, *Левица* (*левица*) перестало соотноситься с леворукостью, утратив первоначальную мотивацию через инструментальную семантику. Этого нельзя сказать про хорватский термин *chiuriliza*, который в сочетании с именем священника всякий раз прозрачно мотивирован и указывает на богослужебный язык и алфавит.

chiuriliza выражает церковно-каноническую характеристику, в основу которой положен признак по инструментальной семантике, сравним похожие конструкции в актах того же региона: «Êа, dom' Jurai pop' Zubin hrvacke knjige (1437 г.) [...] što bi se službeno u latinskom reklo “de littera sclava”» — речь идёт о частном акте, записанном глаголицей [Štefanić 1976: 26]. Здесь славянское выражение калькирует латинскую модель типа «Ivan Jurovich de litera slava, sacerdotibus de littera Slava seu Illyricis» или «per fratrem Bartolum litere slave» [Ibid.: 28–29].

Поскольку примеры литургического использования кириллического алфавита в славянском богослужении латинского обряда до последней четверти XV в. неизвестны, слова *chiuriliza* и *C(h)uriliza* в сочетании с именами священников обозначают глаголицу, как и в первой группе примеров.

Менее очевидно значение форм типа *chiuruliza* в третьей группе примеров, которые датируются к. XV в. В них речь идёт о том, что составленный на «кириллице» текст завещания прочитывался вслух, затем выполнялся письменный перевод на латинский язык, заверявшийся подписями:

Hoc est testamentum Jurchi Dabisiuouich de Breno, scriptum in *litteris chiuruluziis* et interpretatum *de chiuruluzia* in latinum per presbyterum Georgium de Georgio, capellanum in Breno (30 января 1476 г.) [Динић 1934: 58].

Dictum autem testamentum scriptum erat *litteris chiurilicis* et de mandato ipsorum dominorum cosnulis et iudicum translatum in *litteras* et linguam latinas sive italas presbytero — — — (sic), capellano Breni, qui scripserat dictum testamentum, legente et interpretante (s.d.) [Там же: 58].

Hoc est testamentum Vladne Radochnine de — — — (sic) scriptum in *chiuruliza* et translatum *de litteris chiuruluziis* in latinum per presbyterum Bernardum de Segna, capellanum in Ombla (1 апреля 1476 г.) [Там же: 59].

В связи со вторым фрагментом М. Динич пишет:

Состављач [...] тестаментa био је свекако presbyter Nicolaus Georgii *chiuriliza* de Breno, који је со још двојицом сведока у дубровачкој канцеларији изјавио да их је покојни Лауренције Прибиловић из Бргата пред смрт позвао, quod volebat ordinare testamentum suum et non habens facultatem scriptoris, *quia dictus presbyter Nicolaus nescit scribere nisi litteras in chiuriliza*, ordinavit oretenus assignando predictos omnes in testes sic dicens [...]. И тестамент Михоча Михатовића из Челопека — Жупа — писан је in idiomate dicto *chiuriliza*, manu presbyteri Nicolai de Breno. Као сведоци потписани су presbyter Nicolaus et Givan Pribissalich in dicto idiomate *chiuriliza*, а поп Georgius Gregorovich et Nixa Jurcovich потписали су се in lingua latina. Поп Никола превео је оригинал тестаментa de manu sua scriptum in dicta lingua *chiuriliza* нотару на «вулгарни латински језик», заклевши се с руком на срцу — *ponens manum ad rectus* — да ће по савести казати све како пише у тестаменту (26 августа 1496 г.) [Динић 1934: 58].

Трудно интерпретироваць эти сообщенія иначе, чем свидетельства делового употребленія кириллицы в нотариате Дубровника. Самые ранние

сохранившиеся частные кириллические акты архива Дубровника датируются второй половиной XIV в.,

kada prvo susrećemo spise koje je pisao Jaketa Krusić [...]. Najviše slavenskih dokumenata, njih oko 300, na prijelazu iz XIV. u XV. st. ispisao je ćirilčni i latinski pisar Rusko Hristoforović (Kristofanović), a niz pisara kroz cijelo XV. st., a i početak XVI. potvrđuje dug i čvrst kontinuitet takve uporabe jednoga slavenskog pisma [Žagar 2009: 210].

Из материалов М. Динича следует, что записанный кириллицей частный акт имел в нотариате Дубровника юридическую силу только в том случае, если он был переведён на латинский язык и записан по-латински, хотя этот любопытный факт функциональной истории кириллического письма в Далмации не имеет здесь для нас принципиального значения. Для истории термина КИРИЛЛИЦА важно то, что не позднее 70-х гг. XV в. слово *chiurilliza* стало обозначать кириллическое письмо. Эта датировка оказывается на три четверти века древнее, чем первые письменно зафиксированные наименования кириллицы именем Кирилла Философа у итальянских гуманистов.

Полагаем, что значение термина *ch(i)uril(l)ica* ‘глаголица’ → ‘кириллица’ изменилось в результате распространения среди славянских священнослужителей латинского обряда, совершавших богослужение на славянском языке в Истрии и Далмации, представления об изобретении глаголицы Иеронимом, а кириллицы, соответственно, — Кириллом Философом. Время семантического перехода (вторая половина XV в.) приблизительно совпадает с датировкой Лейпцигского кириллического миссала (лекционария) (1477–1495). Вероятно, распространение представлений об Иерониме как изобретателе глаголицы и о Кирилле Философе как об авторе кириллицы привело не только к изменению первоначального значения термина *ch(i)uril(l)ica* ‘глаголица’ → ‘кириллица’, но и к расширению функций кириллического письма в славянских структурах Римской церкви, где стало возможным ограниченное литургическое использование кириллической азбуки, изобретённой, согласно средневековым представлениям, святым Кириллом Философом.

6. *Chiurilizza* в изданиях итальянских гуманистов XVI в.

Хорватский термин *chiurilizza* в позднем значении ‘кириллическое письмо’ был заимствован в итальянскую гуманистическую традицию. Первый пример его употребления зафиксирован в трактате уроженца хорватского Задара и гражданина Венецианской республики Луиджи Бассано (Luigi Bassano da Zara; *ок. 1510) «Обычаи и особые уклады жизни турок» (1545). Рассказывая о славянских алфавитах на территории Османской империи, Бассано использует для обозначения кириллицы не только старый термин *Chiuriliza*, но и более новый *Chiriliza*, вокализм которого соответствует современным славянским и итальянскому вариантам имени Кирилла Философа:

Questi scrivono oltre la lor lettera, la Schiavona, cioè quella ch'i Schiavoni chiamano Buchuiza, & l'altra Chiuriliza composta, come viene detto da san Girolamo; ma io credo che san Cirolamo faceße la Buchuiza, & Cirilo Greco, la Chiuriliza, quasi dica Chiriliza [Bassano 1545: 58].

Через 37 лет этот текст был воспроизведён в одном из трактатов итальянского учёного, поэта и писателя Франческо Санзовино (Francesco Sansovino; *1512, †1586) [Sansovino 1582: 71]. В 1545 г. вышло в свет издание Палатино [Palatino 1545], посвящённое различным алфавитам, в котором содержится публикация западной версии кириллического алфавита, иногда называемой «босанчицей»⁴⁰. После алфавитных таблиц в этом издании помещена напечатанная кириллицей эпитафия Катарины Косача-Котроманич, или Катарины Боснийской (*1424, †1478), последней королевы Боснии, почитаемой Римской церковью в лике блаженных. Эпитафия опубликована как образец кириллического текста, что ясно указывает на боснийскую и хорватскую католическую традицию как на источник сведений Палатино о кириллической азбуке.

Издание Палатино неоднократно привлекало к себе внимание славистов⁴¹. Помимо таблиц и образцов письма, оно содержит небольшую статью о славянских азбуках, составленную самим Палатино и датированную им 1545 г. [Palatino 1545: s.p.]. На значимость этого текста для истории термина КИРИЛИЦА впервые обратил внимание А. Поппэ [1985: 344], который частично опубликовал его по изданию 1561 г. Воспроизведём этот текст в полном объёме в орфографии источника по editio princeps:

È da sapere che gli Illirici Popoli, ò verò Schiauoni, hanno due forti d'Alfabeti, & quelle prouincie, le quali sono piu uerso l'Oriente, si seruono di quello che è fimili al Greco, del quale fu Autore Cirillo, et di qui lo chiamano Chiurilizza, l'altre Prouincie, le quali sono piu uerso il mezo giorno, ò verò l'Occidète, si seruono di quello, del quale fu Autore Santo Hieronimo, et lo chiamano Buchuizza, il quale Alfabeto è disfimile á tutti gli altri del módo. Et hauete à sapere, che il parlar del Volgo, é quello proprio col qual continuamente dicano i loro offitij, & tutti Popoli l'intendono, come intendian noi il Volgar nostro, è amplissimo di Vocaboli, ma difficilissimo à proferire à chi non é nudrito da putto fra loro, & ne hanno Mesfali, Breuiarij, & Offitij della nostra Donna, & anco la Biblia. Palatinus scribebat Romae. M.D.XXXXV [Palatino 1545: s.p.].

Вероятно, этот текст был источником сведений о славянских алфавитах, которые сообщает Анджело Рокка, воспроизводя распространённые сведения об изобретении кириллицы Кириллом Философом и глаголицы — блаженным Иеронимом, используя при этом термин *Chiurilizza* [Росса

⁴⁰ [Palatino 1545: s.p.]; ср. [Ahačić 2014: 235, прим. 336]. «Книга выдержала с 1540 по 1588 гг. 17 изданий, страницы со славянскими алфавитами появляются [...] с 4-го издания в октябре 1545 г.» [Поппэ 1985: 344, прим. 70].

⁴¹ [Pešić 1921; Ђорђевић 1922; Динић 1960: 279; Поппэ 1985: 344; Barbieri 2002: 62; Ahačić 2014: 235; Kempgen 2015a: 12].

1591: 159–168, 171]. Рокка отмечает, что название *Chiurilizza* образовано от имени Кирилла, изобретателя этой азбуки («[...] a Cyrillo inuatore, quem Chiuril appellant») [Ibid.: 171]. Форма *Chiuril*, несомненно, отражает сербскохорватскую аффрикату *č*, причём сочетание *ch* следует считать итальянской орфограммой, передающей звуки *kju*, наиболее близкие в таком сочетании хорватскому *ču*. В качестве образца кириллического текста Рокка воспроизводит эпитафию Катарине Косача-Котроманич по изданию Палатино [Rossa 1591: 171; Palatino 1545].

7. Названия кириллицы у словенских и хорватских гуманистов XVI в.

Важнейшая отличительная особенность кириллических изданий Трубара, опубликованных в Тюбингене в сотрудничестве с Антоном Далматином и Степаном Истриянином при поддержке барона Ганса фон Унгнада фон Зонек⁴², — регулярное использование слов *цнрүлскн*, *цнрүлскн*, *цнрүлнүкн*, *цнрүлнүскн*, *цүрнлскн*, *цүрнлнц*. Деятельность Трубара и его сподвижников и благодетелей, в число которых входила австрийская и немецкая знать — от барона Унгнада до Максимилиана Второго, императора Священной Римской империи и эрцгерцога Австрии (с 1564 г.), — имела общеюжнославянскую программу: славянское книгопечатание в южной Славии рассматривалось как инструмент противостояния Османской империи⁴³. В рамках этой программы в изданиях Трубара и его сподвижников использовались четыре шрифта: латинский (в латинских, хорватских и словенских текстах), готический (в немецких предисловиях), глаголический (в хорватских текстах) и кириллический (в хорватских и словенских текстах). Из-за разнообразия шрифтов и языков возникла необходимость точного обозначения каждой азбуки.

Первое кириллическое издание Трубара, Азбука и молитва «Отче наш» (1561), представляет собой наборную полосу на одном листе. Названия алфавита в этом издании нет, хотя в науке оно известно как «Большой пробный лист кирилловских письмен Ганса Гартваха»⁴⁴. Название дано по имени нюрнбергского мастера, гравировавшего для Трубара кириллический шрифт и пуансоны по рисункам Якоба Зальба из Ройтлингена [Немировский 2011: 15]. Нет названия алфавита и в другой кириллической «Азбуке» 1561 г., хотя в научной литературе это издание известно как «Малый проб-

⁴² [Гусева 2003] — сведения об изданиях, сохранившихся экземплярах и литературе; [Аһаџић 2014: 29–31, 37] — об изданиях Трубара и других словенских протестантов.

⁴³ См., например, [Murko 1962: 63–75, 76–103; Vratulić 1971: 110–111; Аһаџић 2014: 69–73; Schwarz 2020: 73–75] и др.

⁴⁴ [Гусева 2003: 97], см. об издании и литературу [Там же: 97–98], изд. на рис. 18.1.

ный лист кирилловских письмен Ханса Гартваха»⁴⁵. Отсутствует название алфавита и в «Азбуке глаголических, кирилловских и латинских писмен» (1564) — памятник назван так в современной научной традиции⁴⁶.

Впервые термин *црѣлскн* появляется в Букваре Табла за днѣс (1561), эта форма — самый ранний известный пример названия кириллицы именем Кирилла Философа, записанный кириллическим письмом:

Табла за днѣс: кнѣжнѣ, нз конх се та маада предрага днѣца, тере прн-простн людн с црѣлскнмн словмн чнтатн [...] лахко мо҃҃҃ на҃҃҃чнтн. Abecedarium, Und der gantze Catechismus / one auflegung / in der Syruischen Sprach [Табла за днѣс 1561: титульный лист; Гусева 2003: 101, рис. 22.1].

В том же году Трубар издал Катехизис в хорватском переводе Антона Далматина и Степана Истриянина⁴⁷. В хорватском предисловии к нему не только употреблено определение *цѣрлскн*, которое существенно ближе к латинскому имени Кирилла — *Cyrillus*, но и впервые написан кириллицей сам термин КИРИЛЛИЦА в корректной латинизированной форме — *цѣрнлца*:

н кад ѓва цѣрлска слова свѣ једнако не пишѣ, н не штампаю, јесмо полѣ ѓвнх згора реуенѣх кнѣжнѣ прнложнѣ једнѣ таблнцѣ, н штампалѣ : нз које свакѣ се море цѣрнлцѣ, н ѓве наше кнѣжнѣ право разѣмно чтатѣ на҃҃҃чнтн [Гусева 2003: рис. 20.4, факсимиле].

Годом позже были опубликованы «Артикулы христианской веры», в славянской части которого название кириллического шрифта отсутствует [Дртнѣсн 1562], однако в славянском предисловии к «Артикулам христианской веры Филиппа Меланхтона», изданным в том же, 1562, году [Гусева 2003: 140], сказано:

јесмо с бо҃҃҃ю помоцѣ, ѣз горннх Немшкнх странах, овѣ Црѣлскѣ, н Глаголскѣ штампѣ нареднѣн [так!] н зачелн [...]. Н ѣко ва ѓвнх кнѣгах, нн које вѣдѣ за ѓвнмн кнѣгамн с црѣлскнмн словмн брзо штампане, кѣ весеѣс [...] ннн ко слово право непоставлено на҃҃҃детѣ [...]. Таково погрншене, васѣ овде дрѣгоу проснма да намѣ брзо любезннво данте на знанѣ [Гусева 2003: рис. 26.16].

В 1563 г. выходит в свет сборник поучений и толкований на воскресные и праздничные евангельские чтения «Постнла, то јест, кратко нстламаченѣ вснх недеелскнхъ евангелновѣ [...] сада на҃҃҃прво црѣлнчкнмн словн штампана», или «Kurtze Auslegung [...] jetzt erstlich in Crobatischer Sprach mit Cirulischen Buchstaben getruckt»⁴⁸. Тогда же был издан старохорватский

⁴⁵ [Гусева 2003: 98, рис. 19.1, факсимиле].

⁴⁶ [Гусева 2003: 152, рис. 32. 1–2].

⁴⁷ «Катехнзмѣс: една малахна кнѣга, ѣ кон јесѣ веле потрѣбнн н корнстнн науоцн н дртнкоуан праве Карстнѣске вере с краткнмъ нстоумаченемъ»; немецкий вариант названия — «Catechismus / Mit auflegung / in der Syruischen Sprach» [Гусева 2003: 98, рис. 20.1–20.7].

⁴⁸ [Гусева 2003: 145–148, рис. 29.1–29.15].

кириллический Новый Завет в двух частях, первый кириллический том которого озаглавлен так: «Првн деа новога тештамента, ва том сѠ все четн-рн евангелнстн н апоустолска дѣянья [...] с цнрѠанѸскнмн словн нан-прво сада штампанн»⁴⁹. В предисловии содержатся важные уточнения:

Ѡвн првн дѣль новога тештамента, кн смѠ сада нанпрво с цнрѠанѸскнмн словн хрватскнмъ ѣзнкомъ нстѠмачнлн н штампалн [...] ѣсмѠ Ѡвн двн штампн, ГлаголскѠ н ЦнрѠаскѠ 8 Нѣмшкнхъ странахъ нзнова горѣ наре-днлн н поставнлн [...]. Вн знате оѸе да слова Глаголска, нн ЦнрѠска по-всоуда ѣднако се не пншоу [...]. Надъ ЦнрѠанскнмн Словнмн згора, ннсмо Ѹннлнлн нздлестн веле Ѡннхъ грѸкнхъ надметнць [...]. Н да то волѣ Ѡва наша Слова зналн бѠдете, ѣсмѠ ЦнрѠанѸске н хрватске табанце нлн БѠковнлк, то ѣсть, а б. в. г. н прочаа, нанпрво Ѹннлнлн Штампатн [Гусева 2003: рис. 28.8, 28.13, 28.14].

Здесь же употреблен термин ЦнрѠанца: «Ѡве кннге полакъ Евангелн-овъ ѣсмо ЦнрѠанцомъ штампалн, сада юре дрѠгоуъ з глаголскнмн словнмн се штампаяу» [Там же: рис. 28.13].

Таким образом, если из девяти кириллических изданий Трубара исключить два пробных листа, то окажется, что в пяти из оставшихся семи изданий указано название алфавита, на котором опубликована книга⁵⁰. Ни одна другая славянская традиция не знает такого регулярного упоминания алфавитов, которые использовались при написании рукописи или же в изданиях. Славянские термины с огласовкой цнрѠл-, которые используются в изданиях Трубара, как мы сейчас увидим, представляют собой морфологически адаптированные немецкие заимствования.

В переписке на немецком языке, связанной с издательской деятельностью Трубара, Антона Далматина и Степана Истриянина, с 1561 г. активно употребляются термины *cirulisch*, *cirulica*, *cyrulitza*, заимствованные в виде старших словенских форм с огласовкой цнрѠл-. Участниками переписки были, кроме барона Унгнада, Трубара, его хорватских сподвижников и реформаторов словенской Краины, Максимилиан Второй и представители германских городов:

die buechstaben der cirulischen sprach [...] (Hans Freiherr von Ungnad an den König Maximilian, 12. April 1561, Urach); [...] mit cirulischen buechstaben zu drucken [...] (König Maximilian an Hans Freiherr von Ungnad, 5. Mai 1561, Wien); Die cirulisch gantz voll [...] (Ambros Frölich an Hans Freiherrn von Ungnad, 24. Juni, 1561, Wien); [...] buecher in der cirulica hab trucken lassen; [...] aufnehmung der crabbatischen vnd cirulischen truckhs [...] (Jobst von Galenberg und die Verordneten Krains an Hans Freiherr von Ungnad, 14. März 1562, Laibach); [...] des chrabbatischen vnnnd cirulischen truckhs [...]; [...] des angefangnen chrabatischen vnd cyrullischen truckhs [...] (Beglaubigungsschreiben

⁴⁹ [Гусева 2003: 143, рис. 28.1].

⁵⁰ Список изданий Трубара (без пробных листов): [Schwarz 2020: 75–77], там же литература.

der Landschaft von Krain für Hans Lamella an Franz Vajić und Balthasar N., Caplan zu Mitterburg,⁵¹ 22. Juni 1562, Laibach); [...] windische buecher in chrabatische vnnd cyrulische puchstaben vebertrügen [...] (Jobst von Gallenberg und die Verordneten von Krain an Hans Freiherrn von Ungnad, 10. Juli 1562, Laibach); [...] herr Primus werder die crabatisch noch cirulisch sprach gar nit khan [...] (Hans Freiherr von Ungnad an Stephanus Consul, Anton Dalmata und Philipp Gugger, 1562, Urach); [...] das ganntz werch des cirullischen truckhs [...] (Die Verordneten von Krain an Hans Freiherrn von Ungnad, 2. Jänner 1563); [...] die cyrilische vnnd crabatische locos communes [...] (Primus Truber an Hans Freiherrn von Ungnad, 9. Jänner 1563, Laibach); [...] die windischen bücher mit lateinischen vnnd die crabbatischen mit glagolitischen vnnd cirulischen buchstabenn lassen [...] (Hans Freiherrn von Ungnads Sendschreiben an die deutschen Städte, etliche Fürsten etc., 4. April 1563, Urach) [Kostrenčić 1874: 17, 30, 43, 45, 69, 70, 79, 90, 132, 137, 143, 174]⁵².

Эти же определения *cyrul(l)isch* и название *Cirulitza* употребляются с 1561 г. (в примере 1557 г. опечатка или окказиональная метатеза *r/l*) в немецких предисловиях к изданиям Трубара по отношению к хорватской кириллице и к их собственным кириллическим шрифтам:

Und zween Crobaten, die gut Dalmatinisch und Bosnakisch reden und Crobatisch und Cylurisch [sic!] wol vnd recht schreiben können (1557 г.) (Pervi deil 1557: s. p.); [...] mit zweyerley Crobatischen Geschriften nämlich mit Glagolla [sic!] vnd Cirulitza (dise Sprach vnnd Buchstaben brauchen auch die Türcken) (1561 г.); [...] erstlich mit Crobatischen buchstaben / darnach mit Cyrullischen [...] (1562 г.), [...] bald mit Crobatischen vnd Cyrulischen Buchstaben getruckt werden soll (1562 г.), [...] über die Cyrullische locos Theologicos [...] (1562 г.), [...] mit Cyrullischen Buchstaben [...], [...] zu der Cirullischen Truckerey [...] (1562/1563 г.), [...] mit Cyrullischen Buchstaben getruckt [...] (1563 г.) [Sakrausky 1989: 128, 161, 162, 189, 207, 217].

Начиная с 1561 г. слово *cyrulisch* многократно встречается в письмах Трубара и Степана Истриянина⁵³. Судя по искажённому облику морфемы *cirul(l)*⁵⁴, Трубар, гуманисты его круга и их немецкие и австрийские кор-

⁵¹ Сегодня — часть города Иббс округа Мельк в Нижней Австрии.

⁵² Ср. термины *ciruliza* и *cirulisch* в письмах барона Унгнада: «[...] sein heiliges euangelium auch in die ciruliza oder cirulischen sprach, welche durch die Türkei bis geen Constantinopel geth; [...] das werkh der cirulischen buechstaben [...]; Vnnd dise bücher, sonderlich die crabatischen vnnd cirulischen, werdenn durch gantz Croatien, Dalmatien, Bossnen, Seruiem, Bulgarien vnnd gar bies gen Constantinopel gelesenn vnnd verstanden (1561/1564); [...] diser Cirulischen buechstaben» (s.a.) [Sakrausky 1989: 139, 141, 144, 280].

⁵³ Письма № 22, 1561 г.; № 23, 1561 г.; № 29, 1562 г.; № 71, 1580 г.; № 5, 1561 г. [Vrečko, Krajnc-Vrečko 2015: 104, 105, 111, 150, 302, 393]; письма № 24, 1562 г.; № 26, 1562 г.; № 29, 1562 г.; № 33, 1562 г.; № 35, 1563 г.; № 37, 1563 г.; № 49, 1564 г.; № 71, 1580 г. [Rajhman 1986: 101, 102, 114, 115, 144, 148, 156, 191, 259].

⁵⁴ Ср. аналогичное варьирование в совр. нем. *Sybylle* (вместо *Sibylle*, греч. σιβύλλα, лат. *sibylla*) или *Lybien* (вместо *Libyen*, греч. Λιβύη); мотивация и происхождение

респонденты не понимали её связь с именем Кирилла Философа. Хотя представление об изобретении кириллицы Кириллом было к середине XVI в. известно в ренессансной традиции, оно ни разу не упоминается в текстах Трубара и гуманистов его круга. Немецких соответствий старшим хорватским формам *цѣрнлскн*, *цѣрнлнца* найти не удалось, очевидно, однако, что хорваты Антон Далматин и Степан Истриянин знали корректную огласовку первого и второго слогов, принятую в их культурно-языковой среде. Начальное *ц* здесь и в словенских, и в немецких формах *cyrul-* (*цнрѣл-*, *цѣрнл-*) отражает латинское влияние.

Ранних латинских названий кириллического письма, которые были бы мотивированы именем Кирилла Философа, найти не удалось⁵⁵. Согласно источникам, первым, кто письменно зафиксировал такое латинское название кириллицы, был словенец Адам Бохорич, издавший свою грамматику словенского языка почти через четверть века после первой известной письменной фиксации терминов типа *cyrulisch* или *цнрѣлскн*. Граматику открывает «Prima tabella de orthographia Cyrillica», начинающая раздел «De orthographia Cyrillica»; в дальнейшем изложении используются сочетания *in currente cyrilica, divisio elementorum cyrillicorum, de notis numeralibus Cyrillicis* [Bohorič 1584: 1–6]. *Orthographia Cyrillica* Бохорича отличается от того, что он называет *Orthographia Rvtenica*, хотя отличия, по его словам, касаются только надстрочных знаков, выносных букв и сокращений [Ibid.: 11–12]⁵⁶.

Латинское влияние в более ранних немецких, словенских и хорватских вариантах термина КИРИЛЛИЦА позволяет предполагать, что Бохорич не создал латинский термин *cyrillicus*, а, скорее всего, зафиксировал уже существовавшее латинское определение. Оно могло появиться только в среде образованных носителей кириллической письменной культуры, знакомых с латынью. Такой средой были боснийские и хорватские священники и монахи Римской церкви, в частности боснийская и хорватская диаспоры Рима и Венеции, а также клирики и миряне архиепископии Дубровника, не в последнюю очередь — христиане-эмигранты, переселявшиеся из христианских земель, занятых Османской империей.

На хорватско-боснийский источник немецкого термина, обозначавшего кириллицу, указывают формы *tschurulikha* (так! — возможно, сингармонизм первых двух слогов), *tschurilliza*, *tschurilitza* в письмах, связанных

этих слов современным носителям немецкого языка столь же неясны, как, вероятно, было непонятно для Трубара название кириллического алфавита.

⁵⁵ Ср. [Kempgen 2015a: 2–19; 2016: 2–12].

⁵⁶ [Ahačič 2014: 231–239]: об орфографическом разделе грамматики Бохорича и о «московской» и «рутенской» орфографии — «orthographia rutenica et moshovítica» — в его понимании как об ответвлении «orthographia cyrillica». Ср. о классификации славянских языков в грамматике Бохорича: «The Cyrillic, Croatian, Ruthenian, Muscovite, Bohemian, Lusatian or Vandalic, and Carniolan languages (*lingua*) are thus at the same time *idioms (idioma)* of the Slavic language» [Ibid.: 271].

с издательской деятельностью Трубара⁵⁷. Начальное *tsch* [č] в этих формах соответствует сербскохорватской палатальной аффрикате, которая представлена в современных *ćirilica*, *ћирилица*, отражающих итацирующий вокализм первого слога. Похожие фонетические особенности представлены в названии кириллического письма в предисловии к «Постилле словенской» в переводе Себастьяна Креля; сочетание *ch* в словенском написании соответствует здесь хорватской аффрикате *ć*, причём вокализм словенской формы корректно отражает имя Кирилла Философа: «[...] povfod zhištélhi flovenki govore, kakòr mi po Kraniu inu Korofhki desheli, do polu nembfhki. Inu fo edni navaienina to staro Slovenko, Hèrvatsko tèr Churilsko Pismo» [Spangenberg, Krelj 1567: VII]⁵⁸.

Как и у Трубара, образцом кириллического шрифта Бохорича были венецианские издания, использовавшие западный вариант кириллической азбуки [Bratulić 1971: 114–115], в связи с чем в названиях кириллических букв в грамматике Бохорича отражается икавизм: «В [...] Vidil⁵⁹ [...] Ж [...] Shivite [ср. живѣте ...] М [...] millite [ср. мыслѣте ...] Х [...] hir» [ср. хѣръзъ]; те же фонетические особенности имеют названия глаголических букв, а также старохорватский кириллический текст Господней молитвы [Bohorić 1584: 1, 5–10, 16–18]. В качестве примера кириллического текста Бохорич приводит эпитафию Катарини Косача-Котроманич по изданию Палатино [Bohorić 1584: 13–15; Palatino 1545]. Всё это указывает на то, что термин *cyrillicus*, а также восходящие к латинским немецкие формы типа *cyrulisch* и их славянизированные варианты в изданиях Трубара отражают боснийско-хорватское словоупотребление.

8. Латинские и романо-германские названия кириллицы в XVII — начале XIX вв.

Из трудов итальянских гуманистов позднего Ренессанса название кириллического письма именем Кирилла Философа было воспринято Римской церковью и филологической наукой XVII — начала XIX вв. Романо-

⁵⁷ Georg Vlahović an Mathes Khlobner, 17. Mai 1561; M. Khlobner an Hans Freiherrn von Ungnad, 4. April 1562; Johann Weixler an Mathes Khlobner, 23. Juni 1562; Adam Langenmantel and Hans Freiherrn von Ungnad, 24. Juni 1562 [Kostrenčić 1874: 31, 72, 82, 83].

⁵⁸ С. Крель перечисляет три азбуки, известные в словенской среде и использованные в изданиях Трубара: латиницу («словенское письмо»), глаголицу («хорватское письмо») и кириллицу, не определяя её этногеографически. Ф. Рачки ошибочно полагал, видимо, не разобравшись в старшем словенском тексте, что Крель имеет в виду одну азбуку: «Krel [...] grčko-slovjensko pismo zove “staro slovensko, hèrvatsko, tèr kyrilsko”» [Rački 1861: 61, прим. 1].

⁵⁹ Мотивированное икавизмом переосмысление древней перфектной формы вѣдѣ и её смешение с глаголом **viděti*.

германские определения кириллического алфавита — ср. ит. *cirilliano* (так, не *cirillico!*), фр. *cyrillique*, нем. *cyrillisch* — калькируют латинское *cyrillianus*, засвидетельствованное в сочинении Анджело Рокки и в документах Конгрегации пропаганды веры. Впрочем, нем. *cyrillisch* и фр. *cyrillique* правомерно возводить к лат. *cyrillicus*, впервые представленному в грамматике Бохорича. К этому же латинскому определению восходит и совр. ит. *cirillico*.

Итальянский язык стал первым европейским языком, в котором был адаптирован латинизм *cyrillianus* — в старшей форме *cirilliano*. Особенно активно это прилагательное употребляется в начале XVII в. в документах Конгрегации пропаганды веры, причём параллельно с латинским и итальянским прилагательными в созданных в Италии текстах XVII–XVIII вв. используется старый кроатизм *c(h)iuriliz(z)a* [Štefanić 1976: 36, 50]. Так, архиепископ Кориолано Гардзадоро в одном из писем 1627 г. выражал мнение, что издание славянских миссалов и breviариев кириллицей полезнее, чем глаголицей — «in Carattere Cirilliano potesse più giovare, che nel Glagolitico» [Ibid.: 50]. Неизвестный корреспондент Конгрегации полагал, что новые издания должны понимать все славяне, поэтому в них следует использовать кириллицу, а не «более сложную» глаголицу («буквицу»): «Vuciuizza serve in pochi paesi et è più difficile della Ciuriliza» (1627 г.) [Ibid.]. В этой же среде используется латинское прилагательное *cyrillianus*: «an missalia et breviaria illirica essent caractere hieronymiano, an vero cyrilliano imprimenda» (1627 г.) [Ibid.: 52].

Заимствованные из трудов Палатино и Рокки итальянский кроатизм *chiurilizza* и латинское прилагательное *cyrillianus* распространяются в научных трудах, созданных на континенте к северу и западу от Альп и на британских островах. Параллельное употребление форм *chiurilizza* и *cyrillianus* встречается у англиканского богослова, историка-библеиста и епископа Джеймса Ашера (James Ussher; *1581, †1656), который прямо ссылается на Рокку и почти дословно цитирует его труд [Rocca 1591: 171]: «[...] qui etiam in inscriptione bibliothecae Vaticanæ Illyricarum literarum auctor traditur; unde et lingua ea Chiurilizza, hoc est, Cyrilliana nuncupatur, ut scribit Angelus Roccha» [Ussher 1689: 303]. Французский историк, натуралист и лингвист Клод Дюре (Claude Duret; *1565, †1611) точно цитирует Палатино по-итальянски и затем во французском переводе, используя неадаптированный итальянский кроатизм: «les Prouinces lef quelles font plus vers d’Orient se seruent de celuy là qui est semblable au Grec, duquel fut auctuer Cyrille, à cause dequoy ils l’appellent Chiurilizza» и т. д. [Duret 1613: 738]. С прямыми ссылками на Постеля, Палатино и Рокку пишет о происхождении славянских алфавитов английский математик, астроном и филолог Эдвард Бривуд (Edward Brerewood; *1565, †1613), употребляя тот же итальянский кроатизм:

of which, this last is called the Dalmatian or Illyrian Character, and was of *Hieroms devising, that other bearing for the most part much resemblance with the Greek, is termed the Servian Character, and was of *Cyrils invention: for which cause, as Roccha hath remembred, they term the Language written in that Character, *Chiurilizza [Brerewood 1622: 71].

Утвердившееся представление о Кирилле как изобретателе кириллицы привело к уточнению средненемецкой формы типа *cyrullisch*. Первое этимологически корректное употребление прилагательного *cyrillisch* в немецком языке удаётся найти у словенского учёного Янеза Вайкарда Вальвазора⁶⁰: «Die Cyrillifche Schrift [...] Ordnung des cyrillischen Alphabets» [Valvasor 1689: 271, 272]. Как и другие авторы его эпохи, Вальвазор считает Кирилла Философа создателем кириллицы, называя её «нашей» (т. е., видимо, словенской), и отличает кириллическое письмо от «рутенского» и «московского», хотя и признаёт их почти полное сходство:

Es seynd aber zweyerley Schrifften oder Littern womit die Sclawonische Sprache geschrieben worden. Die erste wird die Cyrillifche genannt, nemlich eben diejenige welche vom Cyrillo, und Methodio, erfunden auch der Reuffisch- und Mofcowitischen Schrifft sehr ähnlich fällt. Die andre wird die Glagolifche (oder Glagolitische) geheiffen [...]. Die erste verstehe ich die Cyrillifche [...] wird auch [...] Reuffen und in Rußland das ift in Mofcowien gebraucht [...] angemerket Mofcowitisches (oder Ruffifches) Alphabet dem Cyrillischen ganz gleych feyn muß [...]. Sonft hat es zwischen jetzt-gedachtem Ruffifchem Alphabeth und unserem Cyrillifchem wie auch Glagolitifchem einen geringen Unterschied [Valvasor 1689: 271, 274].

Опубликованный далее в трактате Вальвазора кириллический алфавит — по традиции западный с элементами икавизма в названиях букв: «vidil [...] Shivite [...] hir» [Ibid.: 273].

Старый немецкий термин *cyrullisch* или, скорее, словенские термины с огласовкой *цирул-* отражаются во французской форме *Cirulique*, которую использует Готфрид Вильгельм Лейбниц в переписке с Юханом Спарвенфельдом⁶¹. В письме Спарвенфельду от 7 апреля 1699 г. Лейбниц сообщает об отправке ему трёх славянских книг, в том числе грамматики Бохорича («la copie du livre d'Adamus Bohoriz de Antiqua lingua Carniolana») и «une autre livre Esclavon grammatical imprimé aussi bien que le precedent dans caracteres des Russes ou Cyruliques» [Leibniz 2000: 719]⁶². Спарвенфельд в приложении к письму Лейбницу от 26 апреля 1699 г. отправил ему свои рукописные таблицы славянских азбук с комментариями [Leibniz 2001a: 141–159]. Таблицы содержат кириллическую старорусскую уставную, полууставную и скорописную кириллические азбуки без каких-либо следов западного (боснийского или хорватского) влияния в начертаниях и названиях букв, а также хорватскую глаголицу, названия букв в латинской транслитерации, их перевод на латынь и греческие и латинские соответствия славянским буквам. В комментариях к таблицам Спарвенфельд не различает западный и восточный варианты кириллицы и пишет о «кирилличе-

⁶⁰ Janez Vajkard Valvasor, или Johann Weichard Freiherr von Valvasor (*1641, †1693).

⁶¹ [Ягич 1910: 61–62]: об интересе Лейбница к славянским языкам, о проекте создания общеславянского алфавита и о его переписке со Спарвенфельдом.

⁶² По мнению В. Ягича [1910: 62], это могла быть грамматика Смотрицкого.

ско-славено-русских» буквах («*litararum Cyrillico-Slaveno-Russicarum*») [Ibid.: 148]. Таблицы завершает пояснение Спарвенфельда: «*Figurae litterar[um] slavonicar[um] quarum Russicae Cyrilli Kirulitsa; Harvat[icae] a[utem] et Illyr[icae] S^{ti} Hieronymi Bukvitsa, vel Ghlagholitsa vocantur*» [Ibid.: 144]. Рассуждая о кириллической письменности («*litteraturae Cyruolicae*») [Ibid.: 149], Спарвенфельд полагает, что именно кириллица может стать всеобщим славянским письмом, о создании которого размышлял Лейбниц. Используемый им латинский термин *cyrulicus* явно отражает влияние старших словенских терминов с огласовкой *цирул-*, на что указывает и записанная Спарвенфельдом латиницей славянская форма *Kirulitsa* или *Kirulitza*; похожая форма, *Cirulica*, неоднократно встречается в его письме Лейбницу от января 1700 г. [Leibnitz 2005: 355, 356]:

Patet ergo, omnibus gentibus communem Evangeliorum librum edere qui in omnibus individuis arrideat impossibile esse, hoc modo confuso supra notato, ideoque necessario tenendam esse Scripturam antiquam Cirulicam vel Slaveno-Russicam, quam si quis perfecte didicerit et per spatium 2 vel 3 dierum exercitaverit, inoffenso pede semper poterit progredi, in omnibus Scriptis Slavonicis, sive dialecto pura sive corruptissima concinnatis. Omnium autem adulterinarum scriptionum, probabilior et usitatio est Polonica et Boemica[,] non tamen omnibus obvia absque ulteriore informatione et sedula exercitatione, ita ut res semper eodem recidat, nempe: praestare ab initio didicisse fideliter Cirulicas [Leibnitz 2001a: 149]⁶³.

В письме Лейбницу от 12 сентября 1699 г. Спарвенфельд вновь пишет о возможности использования кириллицы в качестве общеславянского письма, употребляя восходящее к Бохоричу латинское определение *cyrulicus*:

je ne me presse pas beaucoup, avant que de revoir ma table et vos reflexions sur l'establissement d'une nouvelle maniere d'ecrire la langue Esclavonne, *non tamen excluso caractere Cyrilico antiquo, in usum eorum qui Slavonicae originis et linguae sunt* [Leibnitz 2001b: 500] (курсив в издании. — *P. K.*).

В приложении к письму Спарвенфельду от 11 января 1700 г. Лейбниц благодарит его за присланные таблицы славянских азбук и рассуждает о них. Письмо написано по-французски, в нём три раза употребляется термин *cirulique*, который восходит к латинской форме *cyrulicus*, ранее использованной Спарвенфельдом по образцу старших словенских форм [Leibnitz 2005: 280–286]. В написанном по-французски ответном письме (от 31 января 1700 г.) Спарвенфельд употребляет термин *cirul(l)ique* более

⁶³ Определение *cyrulicus* встречается также в заглавии молитвы «Отче наш» в изданной в Лондоне в 1700 г. полиглотте «*Oratio Dominica: «SLAVONICA, Charactere Cyrulico, f. RUSSICA»*, — в которой русско-церковнославянский текст молитвы напечатан тем же шрифтом, что использовался в грамматике Лудольфа [Левичкин 2024: 44, 45]. Известно, что ранее этот шрифт пытался приобрести Спарвенфельд для издания своего «*Lexicon Slavonicum*» [Там же: 49–51]. Возможно, что благодаря коммуникации со Спарвенфельдом форма *cyrulicus*, отражающая формы типа *цирул-* в изданиях Трубара, попала в лондонскую полиглотту.

30 раз, в том числе в связи с изданиями Трубара и Антона Далматина [Ibid.: 351–357]. Эта же форма встречается один раз в письме Лейбница от 19 февраля 1707 г. английскому коллекционеру, математику и академику Прусской академии наук Эндрю Фунтену (Andrew Fountain; *1676, †1753) [Leibnitz 2023: 113].

Спарвенфельд и Лейбниц впервые распространили термин КИРИЛЛИЦА, заимствованный ими из старшей словенской традиции, на все разновидности кириллического письма. Кроме того, Лейбниц впервые высказал сомнение в том, что глаголица была изобретена Иеронимом (равным образом он сомневался в изобретении кириллицы Кириллом Философом)⁶⁴.

Влиянием ранней немецкой терминологии словенско-германского круга объясняется огласовка латинского термина *cirulicus* в сочинении немецкого натуралиста и филолога Иоганна Леонгарда Фриша (Johann Leonhard Frisch; *1666, †1743) «Origo characteris sclavonici vulgo dicti Cirulici» (1727), в котором Фриш писал об отличии *кириллицы* от новой гражданской азбуки: «Cirulicum nimirum, & qui ex eo orti sunt, Glagoliticum & NeoRusficum» [Frisch 1727a: 4], см. также [Frisch 1727b: A2]. В вышедшей в том же году другой версии того же трактата («De origine Characteris Cyrillici speciatim») Фриш пользуется латинским определением *cyrillicus*, применяя его исключительно к церковнославянской кириллице («de characteris Cyrillici» etc.) [Ibid.: A, A2, A3, B, B4, C] и терминологически отличая её и от «нового русского» письма («[character] novus russicus»), и от скорописи («[character] manuscriptus») [Ibid.: A2]. Кроме того, Фриш первым использовал латинское существительное *cyrillica* [Frisch 1727a: 9], которое представляет собой субстантивированное прилагательное (*orthographia*) *cyrillica*, впервые отмеченное у Бохорича и воспроизведённое Спарвенфельдом. Моделью субстантивации (*orthographia*) *cyrillica* > *cyrillica* служат, надо полагать, сочетания типа ποιητικὴ τέχνη > ποιητική, *ars poetica* > *poetica* или γραμματικὴ (τέχνη) > γραμματική, *ars grammatica* > *grammatica*⁶⁵.

⁶⁴ «Je suis persuadé que les Alphabets tels que le Gothique, le Runique, le Cyrulique, n'ont jamais esté inventés par quelque habile homme[,] car pourquoy les auroit il formé expres par la corruption d'un Alphabet déjà subsistant, mais qu'ils avoient esté formés peu à peu par des gens grossiers, jusqu'à ce qu'un savant homme les a enfin mis en ordre. C'est ce qu'on peut soubçonner d'Ulphilas et de Cyrille; car ce qu'on dit des Caracteres Glagolitiques du Sclavonique attribués à S. Jerome me paroist fabuleux: aussi peut on juger que la langue de l'ancien Illyricum, n'estoit pas encor Slavonique en son temps: Les Esclavons ayant penetré plus tard dans l'Empire Romain» (письмо Лейбница Эндрю Фунтену от 19 февраля 1707 г.) [Leibnitz 2023: 113].

⁶⁵ От этой модели следует отличать субстантивацию по форме среднего рода множественного числа типа (πράγματα) πολιτικά, *politica* (*botanica*, *liturgica* т. п.). Возможно, впрочем, что лат. *cyril(l)ica* Фриша отражает латинскую адаптацию ранней формы *chiuriliz(z)a*, хотя неясно, знал ли Фриш этот хорватский термин. Труды Палатино, Бассано, Рокки, Брирвуда, Дюре, Ашера, где встречается форма *chiuriliz(z)a*, в его трактате не упомянуты.

С латинским вариантом термина КИРИЛЛИЦА, *cyrillica*, Фриш мог познакомиться благодаря своему старшему коллеге по Берлину — Лейбницу. В 1706 г. Лейбниц рекомендовал Фриша в члены Королевской Прусской академии наук, возможно, он же указал ему на литературу словенских и хорватских протестантов, о которой Фриш прямо пишет в своих трудах, упоминая имена немецких и австрийских покровителей словенских гуманистов⁶⁶. Фриш впервые высказал мысль, что глаголица является испорченным кириллическим письмом, и, отказавшись вслед за Лейбницем от представлений об Иерониме как об изобретателе глаголицы, по традиции связывал название кириллицы с Кириллом Философом⁶⁷. Форму *cirul-* в изданиях Трубара Фриш объяснял особым произношением славянского *l*, которое приводило к лабиализации *i* → *ii*:

Nova quoque ratio scribendi linguam Sclavonicam non a Constantini, sed a Cyrilli nomine dicta est Cyrillica, five, ut plerique hodie corrupte scribunt Cyrulica, cum potius, si Sclavorum prononciationem sequi vellent, Kiriullica scribere deberent, (Vocalis u additur ad indicandam aliquo modo prononciationem Sclavonicam literæ liquidæ l.) [Frisch 1727a: 9] ср. название сочинения: «Origo characteris sclavonici vulgo dicti cirulici» etc.

Обычным определением кириллического письма в сочинении Фриша является восходящее к грамматике Бохорича прилагательное *cyrillicus* [Frisch 1727a: 10 et passim]. Ранее этой же формой пользовался моравский священник и церковный историк Ян Стредовский, чьё сочинение было одним из основных источников знаний Фриша о деятельности Кирилла и Мефодия [Ягич 1910: 69]:

S. Cyrillus cum fratre suo Methodio [sic!] [...] omnibus Slavonis [...] litteraturam tradidit: quam hodie ab eo, Cyrillicos characteres vocant, eosque gentes ad huc quam plurimæ, tum in scriptures tum in typographeis conservant. Certe in Servia, Bofnia, Bulgaria, Rascia, Moldavia, Valachia, Ruffia, & Moscovia, id est omnes illæ, versus orientem nationes, quæ ritu Slavonico & Greco sacra celebrant, Cyrillici inventi utuntur elementis [...] [Заглавие раздела слева на поле:] De Hieronymianæ & Cyrillicæ litteraturæ [Stredowsky 1710: 215–216].

Введённое в научный оборот Бохоричем латинское определение *cyrillicus* к началу XVIII в. стало устойчивым. Об этом можно судить не только по словоупотреблению Лейбница⁶⁸, Стредовского и Фриша — тем же при-

⁶⁶ [Frisch 1727a: 12–14, 17–19; 1727b: B; Eichler 1967: 29–33].

⁶⁷ [Ягич 1910: 69; Eichler 1967: 29]. Возможно, это представление своеобразно отражает идеи Лейбница о том, что многие известные алфавиты являются не изобретением известных лиц, а изменением уже существовавшего письма, которое «один учёный человек [...] привёл в порядок. Именно это мы можем подозревать в отношении Ульфила и Кирилла» («jusqu'à ce qu'un savant homme les a enfin mis en ordre. C'est ce qu'on peut soupçonner d'Ulphilas et de Cyrille») [Leibnitz 2023: 113]; см. прим. 64.

⁶⁸ См. также в его приложении к сочинению «англичанина Чемберлена (Chamberlayn) Oratio Dominica в Амстердаме 1715 [...] uno cyrilico, altero glagolítico» [Ягич 1910: 63].

лагательным пользуется священник ордена паулинов, уроженец Богемии Фортунат Дурих (Fortunat Durich; *1730, †1802), других названий кириллического письма в его написанной на латыни работе нет [Durich 1777: 7, 9, 11–12]. Определение (*alphabetum*) *Cyrillicum* регулярно употребляет чешский славист Максимилиан Шимек (Maximilian Schimek, или Šimek; *1748, †1798), причём «Alphabetum Cyrillicum» он называет «vulgo Illyricum» (1783 г.), подчёркивая научный характер обозначения кириллицы именем Кирилла Философа⁶⁹. Изолированным неологизмом является определение *cyrulliacus* («litteris cyrilliacis») в написанной на латыни украинской грамматике [Lutskay 1830: 1]; это слово объединяет особенности трёх более ранних определений кириллицы: *cyrillianus*, *cyrillicus* и словенско-немецких форм *цурул-/cyrul-*.

Что касается итальянского кроатизма *Chiuriliza*, то, кроме текстов, связанных с деятельностью Конгрегации пропаганды веры, оно встречается в сочинении уроженца Дубровника, бенедектинца Мауро Орбини (Mauro Orbini; *1550, †1614):

La natione Slava ha due forti de Caratteri, quel cho non hano nè Greci, nè Latini: vna fù ritrouata da Cirillo, & la chiamano Chiuriliza: dell' altra fù Inuentore San Girolamo, chiamata Buchuiza, & è fatta nel seguente modo (далее следует хорватский глаголический алфавит с названиями букв) Et la chiuruliza sta cosi (далее следует западнокириллический алфавит с иекавскими рефлексам «ятя» в названиях букв: *uiede, sciuieti, sielo, chieru*)⁷⁰ [Orbini 1601: 46–47].

Термины *chiuriliza*, *chiuruliza*, *churulicza* сохраняются в научной литературе XVIII–XIX вв.⁷¹ Август Людвиг Шлёцер, указывая на их хорватское происхождение и используя в качестве научного определения прилагательное *Cyrillianus*, полагал, что «неупорядоченная» *кириллица* послужила образцом для «рутенской» азбуки, различая тем самым западную (хорватско-боснийскую) и восточную (рутенскую) кириллические традиции:

hic aut ille Vladyka (Episcopum dicere volunt), aut ille Archimandrita, aut illi Eruditi, characteres hos Cyrillianos vocant, et legere nouerunt [...]. Ad haec quamuis aliqui Cyrillianos hos characteres dicerent vulgo *Csurulicza*; magno mihi argumento est, ut id quoque negem, adagium Croatis et Illyris modernum ufitatum, quo exprimere volentes scripturam inordinatam et sine lege vagantem, dicere solent: *to je csurulicza*, id est, haec scriptura est Cyrilliana. Ex quo ita arguo: Croatae et Illyri scripturam quamcunque, puta characteribus latinis aut aliis exaratam, quae lituris multis et ductibus inordinatis fusque deque exarata est, *Czuruliczam* (Cyrillianam) vocant [...]. Dein, *Czurulicza*, hoc adagio teste, fuerit

⁶⁹ [Newerkla et al. 2014: 190–191, 218, 221, 222, 225, 328].

⁷⁰ [Štefanić 1976: 436]: о западной форме кириллицы в трактате Орбини.

⁷¹ Слово *chiuruliza* удаётся найти во французской научной статье нач. XIX в., написанной автором *de Ragouse*: «Deux alphabets différens rendent les sons de cette langue [...]. Un de ces alphabets a été inventé par Constantine le philosophe, appelé St. Cyrille. Le nom de l'inventeur a donné à l'alphabet celui de chiuruliza» [de Sorgo 1808: 31].

scriptura aliqua vetus, inordinata, literis difformibus [...] forte Czurulicza erat initium Glagoliticorum et Ruthenorum caracteum [Schlözer 1777: 142–143].

Уроженец Сплита и архиепископ Задара Матей Караман (Matej Karaman; *1700, †1771) пользуется формой *Kjuriliza* в латинских примечаниях к итальянскому тексту своего неизданного трактата 1753 г. «Identità della lingua litterale Slava, e necessità di conservarla ne' libri liturgici» [Schmurlo 1912: 109]. Во второй половине XVIII в. у пишущих по-немецки чешских славистов появляется похожая форма *Kiurilliza*, которая в изданиях набирается обычным латинским, не готическим, шрифтом, что выделяет её из общего текста и подчёркивает её иноязычный характер. Такое употребление мы находим, например, у богемского пиариста и учёного Николауса Фойгта (Nikolaus Adaukt Voigt; *1733, †1787) [Voigt 1775: 169, 170], который пишет об «иллирийском» происхождении термина *Kiurilliza*:

Kiurilliza ist ein illyrisches Wort; den Cyrill heißt in dieser Sprache *Kiurill*; daher auch bey unferem Christann und dem Chronikenschreiber von Sazawa die Schreibart Quirillus herkommen mag [Ibid.: 170–171].

Формы *Kiurilliza* и *cyrillisch* мы встречаем у священника ордена пиаристов, учёного и педагога, немецкого уроженца Праги Геласия Добнера (Gelasius Dobner; *1719, †1790)⁷², употреблявшего и форму *Chiuriliza* с ошибочной ссылкой на Постеля, у которого этого слова нет, — примечательно, однако, бесспорное знакомство Добнера с хорватским термином:

Ja, der noch ältere Wilhelm Pofell, welcher eben das glagolitische Alphabet für älter aniebt, hält in feinem Werk von zwölferley Charakteren dafür, daß die Chiuriliza (wie er sie nennet) erst damals entstanden sey, als die griechischen Slawen mit ihrer Kirche, sich von der römischen zu trennen und zu unterscheiden anfiengen [Dobner 1785: 138].

Йерней Копитар пользовался похожей формой *Kiuruliza*, причём в его тексте, как и у Фойгта, она набрана обычным латинским, не готическим, шрифтом:

So entstand das Kyrillische Alphabet (die Kiuruliza) womit noch jetzt die Slavisch-Griechischen Kirchenbücher gedruckt werden [...] Das Glagolische Alphabet, (die Glagoliza) [...] ist [...] nichts als eine [...] verchnörkelte Kiuriliza [Kopitar 1808: XXIV].

В остальных случаях Копитар использует прилагательное *Kyrillisch*, которое, как и весь основной немецкий текст, набрано готическим шрифтом (в сочетании с существительными *Alphabet* или *Schriftzeichen*) [Kopitar 1808: 47 et passim]⁷³.

⁷² [Dobner 1785: 101–106 et passim].

⁷³ В этой же работе Копитар одним из первых применяет определение *кириллический* (*Kyrillisch*) по отношению к гражданской азбуке: «Vielleicht schrieb Kyrill dafür Ω, welches in diesem Falle mit Unrecht aus dem neuern Ruffisch-Kyrillischen Al-

В согласии с традицией XVIII в. Йосеф Добровский определяет кириллический алфавит латинской формой *cyrillicus*, восходящей к Бохоричу:

Ab hoc itaque tempore distinguenda sunt duo Alphabeta Slavonica, alterum Cyrillicum, alterum Hieronymianum. Distinguiendus quoque ritus Slavo-graecus a Slavo-latinus, quorum primus Codicibus Cyrillicis [...] alter Codicibus Glagoliticis continetur [Dobrowsky 1822: VII],

сравним также выражения *Alphabetum Cyrillicum* в названии кириллической азбуки [Ibid.: Tab. I. p. 2, II. p. 2, 5] — «A Cyrillico autem alphabeto» или *forma Cyrillicorum characterum* и т. д. [Ibid.: 4, 6, 7]. Добровский применял термин *Cyrillicum* по отношению и к восточной (рутенской и московской), и к западной (боснийско-хорватской) кириллице, которую он отмечал в изданиях Трубара и его сподвижников [Ibid.: 4]. В изданной годом позже монографии на немецком языке Добровский пользуется терминами *die Cyrillische (Schrift)* и *Cyriliza*, отмечая хорватское происхождение слова *Cyriliza* [Dobrowsky 1823: 50].

9. Славянские определения кириллицы в XVIII–XIX вв.

9.1. Русский язык

В русском языке с появлением гражданского кириллического алфавита в XVIII в. синонимом традиционных этногеографических определений азбуки (*руско-славенская, российская, славянская* и под.) становятся термины *церковная* или *древняя* азбука, тогда как реформированная азбука называется *гражданской, новой, новотипографской* и *новой гражданской*⁷⁴, ср. Церковныя [...] и Гражданскія Славенскія азбуки Писанія в изданном в Вене букваре 1792 г. («Первое учение хотящим учиться») Марка Теодоровича Булгара [Kempgen 2015b: 124]. В исследовании А. А. Гусевой [2010] содержится около 400 употреблений термина *гражданский* и примерно столько же случаев использования определения *церковный* по отношению к книгам, шрифтам и азбукам в изданиях синодальных типографий XVIII в. Напротив, термины *кирилловский, кириллический, кириллица* употребляются А. А. Гусевой [Там же] только в её авторском научном тексте

phabete wäre ausgestoßen worden» [Kopitar 1808: 7]; «Wir können hier unsern Lesern nur die gefällige Neu-Russische Modifikation des Kyrillischen Alphabets in nachstehender Tabelle aufführen, in welcher jedem Kyrillischen Schriftzeichen die gleichgeltende Bezeichnung aus dem Deutschen, Französischen und Italienischen Alphabete gegenüber ist» [Ibid.: 8–9].

⁷⁴ «Российская церковная и гражданская азбука [...] Печатана церковными и гражданскими буквами въ Московской Синодальной Типографіи 1796 года» [Тредиаковский 1748: 30, 32; Гусева 2010: 363, 547, 595], «4 церковных стана, 2 гражданских» [Гусева 2010: 596, 603 et passim], [Kempgen 2015b: 82–87, 92–93, 102–103, 110, 116, 118–119, 120–121, 124–126].

и в цитируемых ею современных научных изданиях⁷⁵. По отношению к гражданской азбуке «[ч]аще всего в документах раннего XVIII в. речь шла о “новоизобрѣтенныхъ литеряхъ”» [Moser 2020: 132]. Кроме того, «новую азбуку в начальный период часто называли [...] “амстердамской азбукой”» [Ibid.: 137]⁷⁶. В к. XVIII в. гражданская азбука может называться *российской*:

всякія литеры, какъ Россійскія, так и иностранныхъ лить и в Россіи продавать свободно [...]. Россійскихъ литеръ, выливаемыхъ в ихъ Типографіи [...] на продажу [...] не отпускать [ПСЗРИ 20: 405].

[Н]амереваетъ оныи Россійскія буквы доставить [...] а въ разсужденіи употребленія въ оной Типографіи Россійскихъ буквъ предаеть на благо-разсмотреніе Сената. Приказали [...] дать знать, что Сенатъ не усматрива-

⁷⁵ Ср. названия «древних и новых писмен славянских, печатных и рукописных» (М.: Печатный двор, 1710) [Гусева 2010: 119]. Судя по материалам А. А. Гусевой, термин *гражданский* появляется в Петровскую эпоху и первоначально относится к содержанию светских книг, а не к шрифту или азбуке, ср. «цѣны славянскихъ новопечатныхъ церковныхъ и гражданскихъ книгъ» (1722 г.) [Там же: 547, см. также 595, 603–604, 607, 612, 616, 623, 740 и др.]. 1724 г. датируются первые примеры употребления слов *церковный* и *гражданский* в качестве типографских терминов: «11 церковныхъ печатныхъ становъ и три гражданскихъ» [Там же: 596]. Согласно материалам А. А. Гусевой, первая фиксация термина *гражданский* по отношению к буквам датируется 1732 г., правда, он обозначает не русский алфавит: «Въ Сенатскую типографію, при Академіи наукъ, требовались два наборщика для гражданскихъ буквъ, по латинскому, нѣмецкому и греческому языкамъ» [Там же: 689]; 1734 г. датируется пример употребления термина *гражданский* по отношению к русским буквам: «[О]тданы были [...] въ Академію литеръ гражданскихъ» [Там же: 692].

⁷⁶ См. подробный тематический обзор светских и учебных изданий Петровской эпохи и об употреблении термина *гражданский* (шрифт) [Moser 2020: 98–128, 131–145]. Время появления русского термина *гражданица* неизвестно: он отсутствует в НКРЯ и в словарях современного русского литературного языка. [БАСРЯ, 4: 370] фиксирует только *гражданка*² ‘[в] проф. речи — гражданский шрифт’, со ссылкой на словари Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890–1907 гг.) и Д. Н. Ушакова (1934 г.). Едва ли следует считать русск. *гражданица* полонизмом, как это предлагается в некоторых интернет-источниках. Действительно, польск. *graźdanica* удаётся найти в двух лингвистических сочинениях второй половины XIX в., одно из которых было издано в Киеве, а другое — в Варшаве [Kotkowski 1862: 43; Kryński 1882: 192]. В Национальном корпусе польского языка этого слова нет [NKJP]. Возможно, оба слова отражают параллельное развитие по модели типа *кириллица/латиница*. Слово *гражданица* было известно В. Ягичу, который, судя по кавычкам, считал его чуждым научному стилю: «Какъ бояре и боярыни, такъ и буквы сняли широкія шубы и являются теперь въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ “гражданицы”, говорилъ Ломоносовъ» [Ягич 1910: 87]. Ягич пересказывает неоконченный диалог М. В. Ломоносова «Суд Россійскихъ письменъ» (издан посмертно в 1787 г.), в котором слова *гражданица* нет — оно добавлено Ягичем: «Грамм[атика]. Ежели вам угодно перекликать их на улице, то станут они для нынешней стужи в широких шубах, какие они носят в церковных книгах, а ежели в горнице пересматривать изволите, предстанут в летнем платьѣ, какое они надевают в гражданской печати» [Ломоносов 1952: 383].

еть препятствія [...] употреблять Россійскіе буквы, токмо бы [...] не происходило ничего несходственнаго съ духовными Россійской печати книгами [...] если жь иногда помянутая Типографія пожелаетъ иметь собственныя свои Россійскія литеры, то на случай сего [...] послать къ нему [...] точную копию [Там же: 434].

В документах Синода 1736 г. упоминаются специализированные названия кириллических шрифтов, или «азбук» — «Евангельская, Арсеньевская, Осиповская, Воскресенская, Новая Библейная и Большая Евангельская» [Описание 1907: 407–408], — названные так по именам мастеров или по типам изданий, для которых предназначались эти шрифты⁷⁷. Термины *кириллица*, *кирилловский* в русской издательской и типографской терминологии XVIII в. неизвестны, ср. [Гусева 2010].

Судя по всему, В. К. Тредиаковский первым в истории русского языка начинает употреблять термин *кирилловский* по отношению к церковнославянской кириллице [СРЯ 18: s.v.], ранее известны только сочетания *кирилловская соль* (1582 г.) и *кирилловское сукно* (1665 и 1669 гг.), связанные с Кирилло-Белозерским монастырём [СРЯ 11–17: 7, 134–135]. Форма *кіріловскій* отмечена в одном из трактатов Тредиаковского, причём она относится только к «старому алфавиту», или «старым буквам», т. е. к церковнославянской азбуке, а не к «новому гражданскому алфавиту»⁷⁸. Вслед за Фришем Тредиаковский (а позднее — Копитар) считал «глаголітїчскій» алфавит разновидностью «испорченнаго писцамі Кіріловскаго Алфавита» и, подобно другим учёным эпохи Просвещения, критически относился к позднесредневековым и ренессансным представлениям об Иерониме как изобретателе глаголицы: на с. I его сочинения помещено «Ісображеніе іспорченнаго писцамі Кіріловскаго Алфавіта [...] котораго ісобрѣтеніе блаженному Іероніму неправо прїписанное» [Тредиаковский 1748: 38]. В издании трактата Тредиаковского содержатся ссылки на Трубара, Фриша и Орбини, напечатанные на полях основного текста [Там же: 35–36], особенно подробно он пишет о первом кириллическом издании Трубара:

1561. года, вольный баронъ Іоаннъ Унгнадъ, ісдая новый Савѣтъ, (при управленіи дѣла от Теолога Трубера, а прї помощі въ дѣлѣ отъ Антонія Далмата, священника сербскаго, і отъ Стефана Совѣтника, священіка из босніи) выдалъ оный тремя характерамі, а іменно, Кіріловскімъ, Глаголітїчскимъ, і Латінскімъ [Там же: 38] и т. д.

⁷⁷ [Соловьев 1903: 27; Левичкин 2024: 46]. См. также: «По описи подканцеляриста Ивана Матвѣева, типографія имѣла [...] *литеръ церковныхъ*. а) азбуки евангельской [...] библейной [...] арсеніевской [...] іосифовской [...] воскресенской [...] новой библейной, петербургскаго литья [...] новой арсеніевской, петербургскаго литья» и т. д. (1741 г.) [Гусева 2010: 595].

⁷⁸ [Тредиаковский 1748: табл. 1, 30, 32, 35, 36]; см. [Там же: 31, 34, 35, 36–38, 133 и табл. 1].

Помимо В. К. Третьяковского, название «Кириловской азбуки» в XVIII в. использовал В. Н. Татищев (известен один пример): «В азбукѣ Кирилловской положены 3 буквы единого изглашения, яко S, З, з. ЛТ III 1» [СРЯ 18: s.v.; Татищев 1793: 3, 1]⁷⁹.

В русском переводе «Основ славянской грамматики» Добровского, который выполнил М. П. Погодин, термины *Кириллова* и *Иеронимова* (азбука) используются в соответствии с лат. (*alphabetum*) *Cyrillicum* и *Hieronymianum*: «должно различать двѣ азбуки Славянскія, Кириллову и такъ называемую Иеронимову» [Добровский 1833: IV–V], ср. «distinguenda sunt duo Alphabeta Slavonica, alterum Cyrillicum, alterum Hieronymianum» [Dobrowsky 1822: VI], ср. другие примеры:

отъ древняго образа Кирилловскихъ буквѣ [...] (a forma Cyrillicorum characterum antiqua deflectunt); Отъ Кирилловской азбуки [...] (A Cyrillico autem alphabeto); [...] сократить древнюю Кирилловскую [азбуку ...] (cyrillicum antiquum in compendium redigere); [...] буквы Глаголическія отличаются отъ Кирилловскихъ [...] (litteras glagolicas a cyrillicis differe); [...] употребленію Кирилловскихъ письменъ у Сербскихъ писателей [...] (codicum Cyrillicorum a Serbis scriptorum abusum secutus); [...] Кирилловскія буквы [...] (Cyrillicum ꙗ et ѳ); [...] въ Кирилловскихъ новѣйшихъ рукописяхъ [...] (in codicibus Cyrillicis, recentioribus tamen); [...] звукъ Кирилловской буквы ѣ [...] (litera sonum cyrillici ѣ); [...] Кирилловскими буквами [...] (2 раза) (litteris cyrillicis [...] litteris tam cyrillicis) [Добровский 1833: 5–9; Dobrowsky 1822: 4–7].

Судя по переводу латинского сочинения Добровского, русский термин *кирилловский* ‘кириллический’ представляет собой семантическую кальку лат. (*alphabetum, character*) *Cyrillianum, Cyrillicum*. Это же подтверждают и материалы Третьяковского, у которого, по всей видимости, термин *кирилловский* появился под влиянием ренессансных гуманистов и славистов эпохи Просвещения, на чьи работы он ссылается. В первой трети XIX в. калькированный термин утверждается в русском языке, о чём свидетельствует словоупотребление Н. М. Карамзина [1816: 110–111]: «Сия азбука, называемая *Кирилловскою* [...]; церковные Кирилловские рукописи 1056 году».

Самое раннее употребление слова *кириллица* в русском языке представлено в переводе трактата Мауро Орбини [Orbini 1601], выполненном Саввой Рагузинским в 1722 г.⁸⁰ Итальянский кroatизм *Chiuriliza* был фонетически адаптирован в соответствии с русским произношением имени *Кирилл* в XVIII в., результатом чего стало появление русской формы *Кірілица*⁸¹:

⁷⁹ Термин *кириллический*, согласно НКРЯ, появляется в русском языке в 20-е гг. XX в.

⁸⁰ См. об этом переводе [Делль Агата 1990; Dell'Agata 1989; 1990; 1998; Пентковская, Шикина 2023; 2024].

⁸¹ Тем самым увеличивается количество установленных итальянских заимствований в русском языке, см. словарь [Gherbezza 2019]. В словарях и корпусах пример, о котором идет речь, пока отсутствует.

Вся порода Славянская [...] содержит двухъ мѣрь характѣры писменъ, которое преѣмѣтелство не имѣють ни Греки нѣже Латїны, едїно есть избобрѣтенїе предреченнаго Кїрїлла, и называютъ то Кїрїлица; Другаго бѣ избобрѣтатель Святый Иеронїмъ, и нарицашеся буквїца [Orbini 1722: 38].

La nazione Slaua ha due forti de Caratteri, quel che non hãno nè Greci, nè Latini: vna fù ritrouata da Cirillo, & la chiamano Chiuriliza: dell'altra fù Inuentore San Girolamo, chiamata Buchuiza [Orbini 1601: 46].

Следующая известная фиксация русского термина *кириллица* встречается в русском переводе отзыва С. Б. Линде [1816: 136] на «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова (1813). В польском оригинале использована лексема, отражающая старшие словенские формы: «tablica porównyująca buk-wicę z cyrulica» [Linde 1816: 17; ср. ту же форму на стр. 16]. Третий пример отмечен в переводе немецкого сочинения Добровского [Dobrowsky 1823: 50; Добровский 1825: 36–37], в котором латинизированное прилагательное *die Cyrillische (Schrift)* (ср. лат. *Cyrillus*) и кроатизм *Cyriliza* переданы по-русски так:

И такъ справедливо называютъ избобрѣтенное Кирилломъ письмо, по истинному избобрѣтателю онаго, Кирилловскимъ, хотя оноже вообще называется Словенскимъ письмомъ [...]. Въ Далмаціи называлось оно Кириллицею [Добровский 1825: 36–37].

Mit vollem Rechte nennt man also die von Cyrill erfundene Schrift nach ihrem wahren Urheber, die Cyrillische, wenn sie gleich der Sprache wegen [...] allgemein die slawonische Schrift genannt wird. In Dalmatien nannte man sie Cyriliza [Dobrowsky 1823: 50].

Если эти источники адекватно отражают историю термина КИРИЛЛИЦА, то русское *кирил(л)ица* — фонетически адаптированное заимствование кроатизма *chiuriliza (ćurilica)* и старшей словенской или немецкой лексемы с огласовкой *cyrul-* сначала из итальянского, затем из польского и немецкого языка. Источником заимствований служили авторитетные для своей эпохи научные сочинения, поэтому следующие и ближайшие по времени примеры употребления термина *кириллица* также находятся в научных текстах, которые отражают раннюю историю славистики в России⁸². Они

⁸² Об исключительно научном характере русского термина *кириллица* писал архим. Леонид Кавелин ещё в к. XIX в.: «Названия *кириллица* и *глаголица* — это выражения позднейшие, искусственные, ученые» [Кавелин 1891: 136]. Поскольку употребление термина КИРИЛЛИЦА в русском языке было первоначально ограничено сферой науки, он отсутствует в официальных документах Российской империи XIX в., имеющих отношение к переводу литовской и польской орфографии на кириллицу, а также в текстах XIX в., связанных с созданием новых алфавитов для языков Кавказа, Алтая, Якутии, Сибири и Средней Азии: в цитируемых источниках используется только определение *русский*, в полном соответствии с политическими задачами русификации народов Российской империи [Левин 1930; Успенский 2004]. Этим русская традиция отличалась от языковой политики и практики Австро-Венгрии второй половины XIX в., где после революции 1848 г. были провозглашены «равные права и беспрепятственное развитие всех национальностей» [Moser 2002: 78], в связи с чем в юридическую терминологию был включён лингвистический термин *cyrillisch*:

встречаются в работах первых университетских славистов Российской империи — П. И. Прейса, В. И. Григоровича и О. М. Бодянского, которые в ходе дискуссии о сравнительной древности глаголицы и кириллицы утвердили термин *кириллица* в русской славистической терминологии, ср.: «Глагольскія писмена были забыты и сохранились только тамъ, гдѣ Кириллица не могла удержаться» [Прейс 1843: 196] (одно употребление в статье); «Копитаръ предположилъ, что глаголита, можетъ быть, древнѣе и ни въ какомъ случаѣ не позже кириллицы» [Григорович 1852: 59 и др.] (всего 11 употреблений в статье); «древнѣйшіе письменные остатки Сербской словесности, Кириллицей писанные» [Бодянский 1855: 39 и др.] (всего 26 употреблений в монографии). Труд Бодянского [1855] получил известность за пределами профессионального круга: на эту книгу написал отзыв Н. Г. Чернышевский [1855], прямая ссылка на неё находится в памфлете М. Е. Салтыкова-Щедрина «Характеры (подражание Лябрюйеру)» (1860), цитата из которого является самым ранним примером употребления слова *кириллица* в русском языке, содержащимся в НКРЯ (по состоянию на февраль 2025 г.):

Содержание [журнала] [...] будет следующее: «Могила И. С. Тургенева», статья М. Н. Лонгинова, с примечанием от редакции, что И. С. Тургенев еще жив; «О преимуществах кириллицы перед глаголицею», г. Бодянского, с примечаниями от редакции, где доказывается, что напрасно г. Бодянский берется рассуждать о предмете, совершенно ему неизвестном [НКРЯ].

К середине 50-х гг. XIX в. термин *кириллица* использован галицийским украинцем-русофилом Д. И. Зубрицким, который в 1856 г. писал по-русски Погодину: «Правительство [...] покровительствует Кириллицу» [Лесюк 2014: 368–369].

В третьей трети XIX в. некоторые авторы, вероятно, ощущали иностранный характер слова *кириллица*, ср. у Д. И. Иловайского («Начало Руси», 1876): «Глаголица у Болгар была вытеснена так называемой кириллицей» [НКРЯ]. Впрочем, Л. Н. Толстой в дидактическом сочинении «О методах обучения грамоте» (1862) употребляет термин *кириллица* (так!) нейтрально и, что показательно, по отношению к гражданскому письму:

Русский язык и кирилица имеют перед всеми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличие [...]. Преимущество русской азбуки состоит в том, что всякий звук в ней произносится, и произносится как он есть, чего нет ни в одном языке [...] с есть с, а ц есть ц, а не ч и к, как в итальянском, не говоря уже о славянских языках, не имеющих кириллицы [Толстой 1862: 144].

Словоупотребление Толстого соответствует содержанию термина *кириллица* в современном русском литературном языке.

«Das Illyrisch-Serbische wurde, der Natur der Sache gemäß, nur als ein Dialect aufgefaßt und behandelt, der aber wegen des Gebrauches zweier verschiedener Alphabete, nämlich des lateinischen und des cyrillischen, so wie verschiedener anderer Umstände wegen, nun in zwei besondere Literaturkreise geschieden ist» [JPT Tsch 1850: VII; Moser 2002: 89].

9.2. Польский, украинский и словацкий языки

В польском языке термин КИРИЛЛИЦА впервые появляется в словенизированной форме *cyrulica* (см. выше) [Linde 1816: 16, 17], ср. *cyrulicki* [Linde 1815a: 31; 1815b: 141] и затем *cyrylicki* [Linde 1816: 16]. В украинской языковой истории термин КИРИЛЛИЦА впервые отмечается в искажённой форме в написанной по-немецки украинской грамматике галицийского греко-католического священника, филолога и преподавателя Иосифа Левицкого:

Die Russinen (Ruthenier) in Galizien bedienen sich in ihren Schriften des im IX-ten Jahrhunderte vom heiligen C y r i l l und M e t h o d i u s erfundenen Alphabets, welches desswegen auch Kirlica (Кирилица) [sic!] genannt wird [Lewicki 1834a: 1].

В том же году, с началом «азбучной войны» в Галиции, термин КИРИЛЛИЦА появляется и в польских текстах украинских авторов. Священник, этнограф и публицист И. А. Лозинский термином *cyrylika* называл церковно-славянскую азбуку:

Z przyczyny, że dotychczasowi pisarze ruscy więcej cyryliki w pisaniu używali, jak polskiego abecadła, porównam cyrylijską azbuką z polskiem abecedom [...]. Z tego względu przewyższa abecadło polskie cyrylikę [...]. Cyrylika ma wiele liter różnych [...] dla tego cyrylika nie ma nawet znaków [...] nie ma cyrylika [...] są podług cyryliki dwie formy spadkowania [...] tylko jedną zaletę ma cyrylika przed abecadłem polskiem [Łoziński 1834: 229, 230].

Термин Лозинского принял его оппонент Д. И. Зубрицкий, ср. его оставшийся в рукописи ответ Лозинскому «Apologia Cyryliki czyli Azbuki ruskiej» (1 октября 1834 г.), тогда же этот термин использовал Иосиф Левицкий⁸³. Хотя польские формы, встречающиеся у Лозинского, Зубрицкого и Левицкого, отсутствуют в Национальном корпусе польского языка [НКЯ]⁸⁴, они не являются локальными неологизмами, что подтверждается современной словацкой формой *cyrilika* (ср. слвц. *hlaholika*) [SNK], почти тождественной польск. *cyrylika* украинских авторов⁸⁵. Форму *cyrylika* («w cyrylicie») удаётся проследить как минимум до к. 50-х гг. XIX в., причём опять-таки в контексте «азбучной войны» [D.n. 1859: 100].

⁸³ [Lewicki 1834b; Маковой 1903: 79; Нук 2001: 407; Dwornik 2016: 20].

⁸⁴ [НКЯ] содержит лишь формы существительного *cyrylica*, датированные не ранее 90-х гг. XX в. Вероятно, совр. польск. *cyrylica* — фонетически адаптированное (ср. польск. *Cyryl*) заимствование из восточнославянских языков или из международного узуса XX в.

⁸⁵ Интересно, что в современном словацком языке возможны случаи, когда термин *cyrilika* обозначает только церковнославянский алфавит, тогда как гражданское письмо называется *азбукой*: «zachoval hlholskú abecedu, druhý Konštantín, zostavil cyriliku, z ktorej sa vyvinula azbuka» [SNK, s.v. *cyrilika*]. Ср. современные словарные определения слвц. *cyrilika*: «slovan. písmo vytvorené v 9. — 10. stor. prevažne z gréc. veľkých písmen, cyrilské písmo (podľa sv. Konštantína-Cyryla); najstaršie slovanské písmo po hlholicke» [SPJU: s.v.].

Оппонент Лозинского и сторонник кириллицы Маркиан Шашкевич пользуется терминами *Kyrylica* и *Kyrylika* (*kyrylika*):

przez co samo przyznał Kyrylicy pierwszeństwo [...]; Dziwno także i to, że jeszcze znajdują się, którzy kyrylicy pierwszeństwo nad łacińskimi literami zaprzeczają [...]; [...] używających powszechnie w swoich książkach nie kyryliki, lecz abecedła łacińskiego [...]; [...] wykazać niegodność Kyryliki [...]; Rosyianie i Serbowie [...] uczynili Kyrylicy [...]; Stosunek Kyryliki do abecedła polskiego [...]; niedokładność kyryliki [Szczakiewicz 1836: 14–16, 20–21, 29].

Термины *Cyryllika* и *Кыр[у]луса* употребляются в написанной по-польски украинской грамматике Лозинского:

Rusini [...] z wjara świętą przyjęli oraz i Alfabet przez S. Cyrilla na posadzie greckiego, ormjańskiego koptyckiego ułożony i od niego *Cyrylliką* czyli *Kyrlyca* [sic!] nazwany [Łoziński 1846: 1].

Начальное *c* [ц] указывает на латинский или немецкий источник польск. *cyrylika* и слвц. *cyrilika*, которые соответствуют лат. *cyrillica*, отмеченному у Фриша [Frisch 1727a: 9]. Упоминаний его работы у участников «азбучной войны» нет, однако они ссылаются на труды Копитара, Добровского и Шафарика⁸⁶, поэтому в книжном происхождении польск. *cyrylika*, слвц. *cyrilika* сомневаться не приходится⁸⁷. Формы *kyrylica*, *kyrylika*, зафиксированные немногим позднее латинизированной *cyrylika*, отражают украинизацию термина в соответствии с фонетическим обликом имени собственного *Кирилл* в украинском языке, тогда как суффикс *-ic-* в *kyrylica* сохраняет древнюю структуру кroatизма *chiuriliza*, воспринятого европейской научной традицией, в том числе Добровским. Вероятно, к польск. *kyrylika* восходит литовск. *kirilika*. Наиболее близкий к современным восточнославянским формам польский вариант термина КИРИЛЛИЦА появляется в 1862 г. в изданном по-польски в Киеве сочинении Юлиана Котковского, где со ссылкой на Шафарика утверждается, «że Kirylica w stosunku do Głagolicy jest krokiem naprzód» [Kotkowski 1862: 1].

Корректные украинские варианты термина КИРИЛЛИЦА появляются во время второй волны «азбучной войны», когда защитники церковнославянской кириллицы в своих сочинениях отказываются от польского языка. Галицийский публицист, поэт и писатель, выпускник Венского университета и ученик Ф. Миклошича Б. А. Дедицкий, писавший под псевдонимом А. Д. Богдан, называет церковнославянское кириллическое письмо «словенскими буквами и правописію словенскою», «азвукію словенскою», «руско-словенскою

⁸⁶ О прямых контактах Копитара с украинскими филологами Галиции см. [Лесюк 2014: 418].

⁸⁷ О связях участников первой волны «азбучной войны» и авторов первых украинских грамматик с Венским университетом и Копитаром, а также о влиянии идей Копитара и Добровского на галицийских языковедов см. [Маковой 1903: 51–79].

или словено-русскою, такъ ю и предки наши называли» [Богдан 1859: 3]⁸⁸. Кириллица в понимании Дедицкого — «греко-словенская азбука» [Там же: 16]. Слово *кириллица* впервые употребляется в его «розсуждении» «о неудобности латинской азбуки въ письменности русской» при упоминании Шафарика: «отъсылаемъ Пчт. Читателей [...] къ “Мнѣнію Шафарика о изобрѣтателяхъ кириллицы и глаголицы”» [Там же: 7]. Рассуждая о первой славянской азбуке, глаголице, Дедицкий говорит, что «она должна была розличатися тогда и отъ нашей такъ званой кириллицы» [Там же: 8], отмечая необычность термина. Его дальнейшее употребление ограничено специфически научными контекстами, например: «теперь же послѣдѣемъ еще за открытіями надѣки въ областахъ старины, абы дойти до нашей греко-словенской кириллицы» [Там же: 10]. Следуя Шафарика, Дедицкий пишет, что термин КИРИЛЛИЦА первоначально называл глаголическое письмо, и приписывает создание кириллицы Клименту Охридскому: «звернемъ оубавѣ и на се обстоятельство, цю глагольско-словенское письмо почитано тогда изобрѣтениемъ св. Кирила и называно кириловскимъ (кюрилица) [...]. Онъ [Климент Охридский. — Р. К.] составилъ греческо-словенскѣю азбуку, или нашѣ такъ званѣ нынѣ кириллицу [...] додалъ 14 буквъ изъ того первобытно-словенского письма глагольского, или же изъ властиво тогда такъ званой “кюрилицы”» [Там же: 10–11]. Написание с буквой ю (кюрилица) отражает древний хорватский облик слова, засвидетельствованный в форме *Kiuril(D)iza* в работах Добнера, Фойгта и Копитара, или же указывает на немецкий источник заимствования, ср. *Cyriliza* у Добровского или *Cyrillica* у Шафарика [Šafařík 1858: 8]. Буква к отражает фонетическую адаптацию латинского слова к украинскому имени *Кирило* или ц.-слав. и русск. *Кирилл*, как и написания с и в соответствии с нем. или лат. у или *iu*.

Термин кириллица употребляется в первом издании грамматики украинского языка для гимназий Михайла Осадцы (Львов, 1862)⁸⁹:

Рѣскій языкъ употреблае въ письмѣ азбуку кирильскѣю або кириллицу, такъ названѣ отъ св. Кирила, апостола слованьского [...]. Кириллица принала съ часомъ троякій видъ, и зъ той причины дѣлитъ ся на церковнѣ, гражданскѣ и скорописнѣ [...]. Опрочѣ кириллицѣ мае языкъ слованскій еще дрѣгѣ азбуку [...]. глаголицу [...]. Кириллицу [...] оуложилъ Климентій (+916). [Заглавие:] Таблица азбуки кирильскои (кириллицѣ) [Осадца 1862: 2].

Появление термина КИРИЛЛИЦА в собственно украинском литературном языке совпадает с началом его активного употребления в научной, историко-филологической сфере. Самые ранние примеры такого использования

⁸⁸ Она носила тѣтъ сперва названіе азбуки словѣньской, потомъ словено-рѣской или просто рѣской, наконецъ, коли память о еи истинномъ происхожденіи тратилась въ народѣ, названо ю для вышшого почитанія такъ, такъ называно колись старшѣю глаголицю: кириллицею. Сіе има сохранилось ей оу насъ доньинѣ [Богдан 1859: 12].

⁸⁹ См. об этой грамматике [Moser 2022]. В более ранних галицийских грамматиках термина КИРИЛЛИЦА найти не удалось, ср., однако, в грамматике Якова Голвацкого [1848: 3]: «Таблица кириловской азбуки церковной и гражданской».

термина *кириллица* находятся в посвящённой «азбучной войне» книге О. С. Маковея — украинского писателя, публициста и филолога, выпускника Львовского и Венского университетов, ученика В. Ягича, ср.: «боронили кирилиці [...]; [...] важили ся поправляти кирилицю [...]; [...] затримати кирилицю, покинути кирилицю [...]; [...] сумнівi що до кирилиці» [Маковей 1903: 32]. Пересказывая статью Лозинского [Łoziński 1834], Маковей [1903: 66–67] использует укр. *кириллица* для передачи польск. *cyrylika*: «Кириллица має багато звуків [...]. Кириллица не має знаків на звуки [...]. В кирилиці нема знаків на таке є і о [...]. Кириллица то одежа мертвої мови». Немногим позднее датируются примеры употребления термина *кириллица* в статье ученика В. Ягича, поэта и филолога И. Я. Франко [1913: 82, 86], также посвящённой «азбучной войне» в Галиции. Работы Маковея и Франко опубликованы во Львове Научным обществом им. Шевченко, их содержание и исторический контекст указывают на преемственность украинского термина *кириллица* по отношению к наследию галицийских филологов XIX в., которые были прямо связаны с немецкой (австрийской) научной традицией.

9.3. Сербский, чешский, болгарский и белорусский языки

Как уже упоминалось, Вук Караджич прямо указывал на хорватское происхождение термина *ћурилица* [CP: 787], однако в сербскохорватской традиции были известны и другие определения кириллицы. В изданном в 1863 г. по-сербски в Зреняине (Велики Бечкерек, Großbetschkerek) сочинении «Обрана езика Србскогъ одъ изопачиваня и простаченя нѣговогъ и кирилциѣ одъ вуковице» [Михайловић 1863] церковнославянская кириллица названа не кroatизмом *ћурилица*, а, возможно, русской или немецкой формой. Впрочем, она может быть и окказиональным образованием от сербских вариантов имени *Кирил* или *Кирило*; если так, то, судя по отсутствию фонетического закономерного сербскохорватского рефлекса палатализации $k > \check{h}$, эти варианты отражают церковнославянский консонантизм, хотя и построены по хорватской модели. Те же особенности имеют формы *кириловскѣ*, *кириловскѣ*, *кирилскѣ* и *кирилскѣ*, отмеченные у Вука Караджича (1826 г.), Иоанна Хаджича (1858 г.), в сербскохорватских текстах Ягича и в серийном издании «Српски новини» (1845 г.) [PCXKHJ, 9: 489; PCXKHJ, 2: 711].

Вероятнее всего, калькой немецкого термина *cyrillisch* является чешское определение *cyrillský*, впервые, насколько нам известно, отмеченное у Шафарика в 1842 г.⁹⁰ Влияние немецкой или русской научной терминологии

⁹⁰ Ср.: «W řeči ruské rozeznáváme nářečí troje [...] w bulharské, ač jen historicky, dwoje: církevní čili cirillské a nowobulharské» [Šafařík 1842: 5, 34–35]; «Nářečí církevní čili cyrillské» [Ibid.: 35]. Ср. затем: «Mimohodem podotkneme, že některé, dle jazyka a slohu sem náležející památky psány jsau písmeny glagolskými, od cyrillských rozdílnými» [Ibid.: 38–39].

гии правомерно усматривать в употреблении термина *кирилица* в болгарской грамматике Ивана Момчилова, изданной в 1865 г. Вене. По всей видимости, здесь мы встречаемся с первым письменным использованием термина *кирилица* в болгарском языке:

Тъзи старобългарска азбука са-нарича кирилловска или кирилица [...]. Нейно-то древнѣ начъртаніе може са-представи по паметници-тѣ от X-ья — XI-ья вѣкъ, на кои-то почъркъ-тѣ може да са-нарече *древня Старобългарска кирилица*. Тъзи древня кирилица слѣдъ време претърпѣла доста измѣненія [...]. Колко сж были на брой буквы-тѣ на първоначална-та кирилица, и то навѣрно не ꙗ извѣстно [...]. Освень кирилица-та, която ꙗ въ употребеніе у Славены-тѣ отъ Вѣсточно-то исповѣданіе, има и друга старобългарска азбука, наричвана *глаголитска* и *глаголица* [Момчилов 1865: 11, 12, 14].

Что касается белорусского языка, то сколько-нибудь ранних примеров употребления слова *кірыліца*, кроме упомянутых в начале нашей статьи, найти не удаётся. Объясняется это относительно поздним появлением историко-филологических трудов на белорусском языке. Когда же возникла необходимость назвать белорусские алфавиты, основанные на латинице или кириллице, для этого были использованы этнические определения. Так, первая страница издававшейся на двух алфавитах первой белорусской газеты «Наша Ніва» (позднее — «Наша Ніва») содержала уведомление: «Wychodzić raz w tydzień polskimi i ruskimi literami»⁹¹; ср. в более позднем номере: «Выходзиць што тыдзень рускімі і лацінскімі літэрамі [...] Wychodzić što tydzień ruskimi i łacinskimi literami»⁹².

10. Выводы

Необходимость в точном, не этногеографическом, наименовании славянского письма возникала в тех случаях, когда в одном регионе одновременно использовались как минимум две славянских азбуки. Такая ситуация сложилась в Первом Болгарском царстве, где в течение X в. активно писали глаголицей и кириллицей, и в хорватских землях, где кириллица (в виде отдельных букв) известна с к. XI — нач. XII в. По этой причине в древнеболгарском языке возник термин *коуриловица*, сохранившийся в восточнославянских рукописях, а в хорватских землях в XI–XII вв. появился термин **kyril(I)ica*, или **küiril(I)ica* (**kurillica*). Это древнее хорватское слово стало источником современных названий кириллицы, связанных с Кириллом Философом. И древнеболгарский, и древнехорватский термины

⁹¹ «Nasza Niwa. Pierszaja bielaruskaja hazeta z rysunkami». Hod 1. № 1. Wilnia, 10/23 listopada (nojabra) 1906 г. S. 1.

⁹² «Наша Ніва». Год VII. Вильня, № 1. 5 (18) студня (января) 1912 г. С. 1; «Naša Niwa». Hod VII. Wilnia, № 1. 5 (18) studnia (janwara) [1912 г.]. S. 1.

первоначально обозначали глаголическое письмо. *Terminus post quem* появления древнеболгарского слова *коуриловица* — начальный период активного распространения церковной кириллической письменности в Первом Болгарском царстве в X в. Недолгое существование данного термина в древнеболгарском языке объясняется ранним угасанием глаголической традиции в болгарско-македонском и сербском ареалах.

Напротив, длительное и активное использование двух славянских азбук в хорватско-боснийском регионе стало причиной того, что древний термин **kyril(l)ica* (**kürillica*, **kurillica*) и его рефлексы оказались устойчивыми именно в хорватской традиции. В младшей форме *chiuriliza* (< *ćurilica*) термин впервые зафиксирован в латинских актах Дубровника нач. XV в., где обозначал глаголицу. *Terminus post quem* его появления определяется временем древнейшей фиксации отдельных кириллических букв в Башкинской надписи рубежа XI–XII вв. Местом происхождения этой надписи (остров Крк в Кварнерском заливе) и письменной фиксацией термина *chiuriliza* в южной Далмации и похожих терминов в латинских актах Котора определяется место его зарождения: хорватские, боснийские и сербские земли от Истрии до южной Далмации и Котора.

Изменение значения термина *chiuriliza* (< *ćurilica*) ‘глаголица’ > ‘кириллица’ происходит во второй половине XV в., что засвидетельствовано латинскими актами Дубровника, а в середине XVI в. — изданиями Бассано и Палатино. Примерно этим же временем или несколько позже (XVI–XVII вв.) датируется появление термина *glagoljica*. Причиной изменения значения термина *chiuriliza* (< *ćurilica*) стало, вероятнее всего, распространение в к. XIII в. учёного представления об Иерониме как создателе глаголицы. Вследствие этого Кирилл Философ считался изобретателем второго славянского письма, а с к. XV в. кириллица на славянском юге могла ограничено использоваться для записи славянских богослужебных текстов латинского обряда. В XVI–XVIII вв. это представление утвердилось в среде западноевропейских гуманистов и просветителей, благодаря чему глаголицу начали называть *Alphabetum (Character) Hieronymianum* или *littera (scriptura) Hieronymiana*, а кириллицу — по аналогии — *Orthographia Cyrillica* или *Alphabetum (Character) Cyrillianum*. Вариант *cyrillicus* в сочетании *Orthographia Cyrillica* впервые зафиксирован в словенской грамматике Адама Бохорича (1596 г.), немногим раньше в сочинении Анджело Рокки (1591 г.) отмечена форма *cyrillianus*, которая продолжает употребляться в документах Конгрегации пропаганды веры (нач. XVII в.).

История кroatизма *chiuriliza* (< *ćurilica*) ‘кириллица’ в европейских языках с XVI по XIX в. определяется историей славистики и интересом к славянским языкам со стороны гуманистов позднего Ренессанса и Просвещения, а также деятелей и богословов Римской церкви и представителей Реформации. Основным источником сведений о кириллическом алфавите для западноевропейских гуманистов была западнокириллическая традиция. На это указывают не только фонетические особенности в названиях

славянских букв в гуманистических изданиях, но и тип преимущественно использовавшегося ими кириллического письма — западная кириллица («босанчица») в изданиях Постеля и Палатино. Многие авторы прямо называют этот алфавит иллирийским и отличают «иллирийскую кириллицу» от «рутенской» (украинско-белорусской) и «московской» кириллической азбуки. Носителями кириллической традиции в Италии были хорватские и боснийские эмигранты-католики, чьё число и влияние росли по мере усиления Османской империи на западных Балканах. Вероятно, именно в их среде возникли латинские определения кириллицы типа (*orthographia, littera, scriptura*) *Cyrilliana* или *Cyrillica*, насколько можно судить по латинизированным формам *цнрѣлскн, цнрѣлскн, цнрѣлнукн, цнрѣлнукн, цѣрнлскн, цѣрнлнцн*, которые с 1562 г. употребляются в изданиях словенца Приможя Трубара и его хорватских сподвижников — Антона Далматина и Степана Истриянина. На бесспорное боснийско-хорватское влияние указывают и немецкие формы *tshurulikha, tshurilliza, tshurilitza* — они появляются с 1562 г. в немецкоязычной переписке, связанной с издательской деятельностью Трубара, где используются параллельно с определениями *cyrul(l)isch* и *Cirulitza*. Начальное *tsh* [ѣ] в этих формах — результат немецкой фонетической адаптации сербскохорватской палатальной аффрикаты, ср. совр. *ćirilica, ћирилица*. Похожие фонетические особенности представлены в названии кириллического письма у словенского автора Себастьяна Креля (1567 г.) — *Churilsko Pismo*, — где сочетание *ch* соответствует хорватской аффрикате *ć*. Этим формам соответствуют латинизированные немецкие определения кириллицы *cyrul(l)isch* и *Cirulitza*, известные с 1561 г. в немецких предисловиях к изданиям Приможя Трубара, Антона Далматина и Степана Истриянина, а также в переписке словенских, австрийских и германских протестантов.

Из трудов итальянских учёных позднего Ренессанса название кириллического письма именем Кирилла Философа было воспринято филологической наукой XVII — нач. XIX вв. Благодаря калькированию лат. *cyrillianus* появляются романо-германские определения кириллического алфавита, однако в трудах Джеймса Ашера, Клода Дюре, Эдварда Брирвуда параллельно употребляется и старый кроатизм *c(h)iuiriliza*, заимствованный у итальянских авторов, на которых эти учёные прямо ссылаются. Итальянские кроатизмы *Chiuriliza, Chiuruliza, Kjuriliza, Kiurilliza* встречаются у Мауро Орбини (1601 г.), Матея Карамана (1753 г.), Людвига Шлёцера (1777 г.), Николауса Фойгта (1775 г.), Геласия Добнера (1785 г.) и Йернея Копитара (1808 г.). Йосеф Добровский утверждает немецкую форму *Cyriliza* (1823 г.). Все эти авторы писали об «иллирийском» происхождении термина *c(h)iuiriliza*.

Утвердившееся в науке представление о Кирилле как изобретателе кириллицы привело к уточнению ранней немецкой формы типа *cyrullisch*: первое этимологически корректное употребление прилагательного *cyrillisch* в немецком языке удаётся найти в сочинении словенца Иоганна фон Вальвазора (1689 г.).

В трудах учёных эпохи Просвещения, знакомых с грамматикой Бохорича (Стредовский, Фриш, Спарвенфельд, Лейбниц, Дурих, Шимек) вновь используется заимствованный из этой грамматики латинский термин *cyrillicus*, причём у Фриша впервые появляется субстантивированное прилагательное *cyrillica*, лёгшее в основу западнославянских и современного словенского названий кириллицы (*orthographia cyrillica* > *cyrillica* по модели типа *ars poetica* > *poetica*). Важная особенность распространения термина КИРИЛЛИЦА в центральноевропейской традиции — активное участие в ней учёных священников и монахов Римской католической церкви (Стредовский, Фриш, Фойгт, Добнер, Добровский), для которых история славянского письма была частью церковной истории.

Определение *кирилловский* по отношению к кириллическому письму в истории русского и украинского языков калькирует латинские научные формы типа *cyrillianus* или *cyrillicus*. В русском языке это слово впервые употребляется в трактате Третьяковского «Разговор [...] об орфографии старинной и новой» (1748), где имеются прямые ссылки на труды европейских гуманистов и филологов от Трубара до Фриша. В украинском языке определение *кирилловский* «кириллический» отмечено столетием раньше, в 1620-е гг., в реестрах львовского Ставропигиального братства: вероятно, здесь также имело место калькирование латинской формы *cyrillianus*, распространённой к тому времени в документах Конгрегации пропаганды веры, которые были связаны с кириллическим книгопечатанием для грекокатоликов Речи Посполитой.

Термин *кириллица* в русском языке представляет собой опосредованное и фонетически адаптированное заимствование кроатизма *chiuriliza* (*ćurilica*) и ранней словенской формы типа *цирулица* из итальянского, польского и затем немецкого языка. Заимствование происходит сначала при переводе на русский язык итальянского трактата Мауро Орбини (оригинал 1601 г., перевод 1722 г.), затем — при переводе с немецкого языка на русский трактата Добровского 1823 г. (перевод 1825 г.). В сочинениях Орбини и Добровского прямо говорится о хорватском происхождении термина. Его дальнейшее распространение в русском языке связано с развитием славистики в Российской империи.

В украинской языковой истории восходящие, по всей вероятности, к Фришу термины *cyryl(l)ika*, *kyrylica*, *kyrylika* появляются в текстах, написанных по-польски украинскими авторами во время начального этапа «азбучной войны» в Галиции. Позднее, на втором этапе «азбучной войны», у украинских авторов Галиции, Богдана Дедицкого (1859 г.), ученика Миклошича, и Михайла Осадцы (1862 г.), фиксируются формы *кирилиця* и *кюрилиця*, причём огласовка *кюрилиця* в сочинении Богдана Дедицкого прямо указывает на немецкий источник заимствования: непосредственным образцом здесь могли быть немецкие формы *Cyriliza*, как у Добровского, или *Cyrillica*, как у Шафарика, на которого Дедицкий прямо ссылается. Современная украинская литературная форма *кириллица* продолжает традиции гали-

цийских филологов XIX в. Её утверждение связано с развитием историко-филологической науки на украинском языке, что стало возможным в Австро-Венгрии и нашло отражение в работах Маковея и Франко 1903 и 1913 гг., опубликованных во Львове в «Записках научного общества им. Шевченко».

Влиянием немецкой или русской научной терминологии обусловлено употребление термина *кирилица* в грамматике Ивана Момчилова (Вена, 1865), где мы встречаемся с первым известным употреблением термина *кирилица* в болгарском языке.

Таким образом, естественная языковая преемственность с древним термином КИРИЛЛИЦА (**kürillica*) существует только в хорватской языковой истории, к которой примыкает словенская традиция. История термина КИРИЛЛИЦА в хорватской культуре соотносится с древней непрерывной традицией богослужения латинского обряда, для которого в хорватских землях использовался литургический алфавит, первоначально названный именем Кирилла Философа. В остальных европейских языках, славянских и неславянских, определения кириллицы именем Кирилла Философа являются прямыми или опосредованными заимствованиями или кальками, причём основную роль в распространении термина КИРИЛЛИЦА играли европейская латынь, немецкий и итальянский языки. Его появление в отдельных языках определяется зарождением научного интереса к славистике в каждой конкретной культуре.

Проведенное исследование позволило проследить терминологическое влияние трудов Трубара и Бохорича на Спарвенфельда, Лейбница, Стредовского, Фриша, Дуриха, Шимека, ТрEDIAKовского, Линде и Добровского, чем доказывается влияние словенских гуманистов на европейскую славистику, включая раннюю русистику XVIII в.

Вероятно, изложенная история термина КИРИЛЛИЦА содержит лакуны, обусловленные тем, что некоторые случаи его употребления могли остаться незамеченными. Тем не менее, по нашему убеждению, основные этапы развития этого термина установлены достоверно, и новые данные, если они появятся, будут лишь уточнять сказанное. Для наглядности динамику развития термина КИРИЛЛИЦА можно представить в виде следующей таблицы.

Форма	Регион или среда употребления, авторы и источники	Время употребления	Комментарий
<i>*kürillica</i> <i>*kurillica</i> 'глаголица'	Истрия, Далмация, Котор (письменных фиксаций нет)	XI–XII вв.	Древний хорватский термин
<i>ćirilica</i> , <i>ћурилица</i> (хорв.) 'кириллица'	Хорватские тексты	Первая фиксация — в предисловии к официю Матии Альберти 1627 г.	Фонетически закономерные рефлексы древнего хорватского термина <i>*kürillica</i>
<i>ćirilica</i>		C XIX в.	

Форма	Регион или среда употребления, авторы и источники	Время употребления	Комментарий
<i>Chiuril(l)iza</i> (из <i>ćirillica</i>), <i>Chiuril(l)iza</i> , <i>C(h)uriliza</i>	Латинские акты Дубровника и Котора	XV в. (первая фиксация — 1407 г.)	Хорватские термины <i>ćirilica</i> и <i>ćirilica</i> в латинской, итальянской, немецкой записи. Термин <i>ćirilica</i> первоначально обозначал глаголицу, с к. XV в. — кириллицу. В романогерманской традиции употребляется только в значении 'кириллица' (т. е. алфавит, созданный Кириллом Философом)
<i>Chiuril(l)iza</i> , <i>Chiriliza</i> (и под.), <i>Kiuriliza</i>	Европейская, изначально итальянская научная традиция позднего Ренессанса и Просвещения (формы заимствованы из среды боснийских и хорватских католиков, в том числе эмигрантов, переселившихся в Италию в результате османской экспансии)	XVI (с 1545 г.) — XIX вв.	
<i>Tschuri(l)li(t)za</i> , <i>tschuruliza</i> , <i>tschurulikha</i>	Словения (Краина), Австрия, Тюбинген, Урах; переписка славянских (словенских и хорватских) и немецких гуманистов, письма Максимилиана Второго	60-е гг. XVI в.	Хорватский термин <i>ćuri(l)lica</i> в немецкой транслитерации
<i>Churilsko</i> <i>Pifmo</i>	Словения, Себастьян Крель	1567 г.	Хорватское заимствование в словенский
<i>Cyrillicus</i>	Боснийские и хорватские священники и монахи латинского обряда в Италии и в Словении; европейская научная традиция позднего Ренессанса и Просвещения	(XV?)–XIX вв.	Латинский термин, созданный на основе старших хорватских форм; впервые зафиксирован Бохоричем в 1596 г. и заимствован из его грамматики в европейскую латынь XVII–XVIII вв.

Форма	Регион или среда употребления, авторы и источники	Время употребления	Комментарий
цѣрїлскї, цѣрїлїца	Катехизис в хорватском переводе Антона Далматина и Степана Истриянина (изд. Примож Трубар)	1561 г.	Латинизированный хорватский термин <i>ćirillica</i>
<i>Cyruliza, cyrulisch, cyrulica, Cyrulitza</i>	Словения (Краина), Австрия, германские земли (Тюбинген, Урах); переписка на немецком языке словенских и немецких гуманистов, письма Максимилиана Второго, немецкие предисловия к изданиям Трубара	XVI в. (с 1561 г.)	Искаженная немецкая форма (из лат. <i>cyrillicus</i>)
Цѣрїлскн, цѣрїлнѣкн, Цѣрїлнїца	Издания Примож Трубара, Степана Истриянина и Антона Далматина	XVI в. (с 1562 г.)	Немецкие заимствования в словенский и хорватский (из нем. <i>Cyruliza, cyrulisch</i> и под.)
<i>Cyrulicus, Cirulicus, Cyrulique</i>	Переписка Спарвенфельда и Лейбница	1699–1707 гг.	Славянское заимствование в латинский и французский (из старших словенск. цѣрїлскї, цѣрїлнѣкн)
(<i>character, alphabetum</i>) <i>Cyrillianum</i>	Европейская латынь позднего Ренессанса и Просвещения	XVI в. (с 1591 г. у Анджело Рокки) — XVII в.	Форма, построенная по образцу (<i>alphabetum</i>) <i>Hieronumianum</i>
<i>Cyrilliano</i>	Италия, документы Конгрегации пропаганды веры	XVII в.	Итальянский латинизм
<i>cyrillifsch</i>	Впервые у Вальвазора	1689 г.	Немецкая калька лат. <i>cyrillianum</i> или <i>cyrillicus</i>
<i>kyrillisch</i>	Впервые у Копитара	1808 г.	
<i>Cyriliza</i> (нем.)	Впервые у Добровского	1823 г.	Кроатизм, заимствованный через посредство европейской латыни
<i>Cyrilica</i> (нем.)	Впервые у Шафарика	1858 г.	

Форма	Регион или среда употребления, авторы и источники	Время употребления	Комментарий
<i>кирил(л)ица</i> (русск.)	Впервые в русских переводах [Orbini 1601; Linde 1816; Dobrowsky 1823]; распространяется через научные труды первых университетских учёных-славистов (Прейс, Григорович, Бодянский)	1722 г., 1825 г.	Двукратное адаптированное заимствование кроатизма <i>chiuriliza</i> из итальянского и из немецкого языка; адаптированное заимствование через польский старшей словенской или немецкой формы типа <i>cyrul-</i>
<i>cyrillský</i> (чешск.)	Впервые у Шафарика	1842 г.	Калька нем. <i>cyrillisch</i>
<i>cyrilika</i> (слвц.)	?	?	Заимствование латинского сущ. <i>cyrillica</i> (с начальным <i>k</i> адаптировано к восточнославянскому и церковнославянскому вариантам имени Кирилла Философа)
<i>cyrlyka, Kyrylica, Kyrylika</i> (<i>kyrylika</i>) (польск.)	Украинские авторы Галиции (Лозинский, Зубрицкий, Левицкий, Шашкевич); первая волна «азбучной войны»	С 1834 г. (<i>cyrlyka</i>)	
Кирилца (так!)	Украинская грамматика Левицкого	1834 г.	
<i>Кур[у]лыса, Kirylica</i> (польск.)	Впервые в написанной по-польски украинской грамматике Лозинского (Перемышль), затем у Котковского (Киев)	1846 г., 1862 г.	Адаптированное заимствование из немецкой научной литературы
кирилица, кюрилица (укр.)	Впервые у Богдана Дедицкого (оба варианта), затем у Осадцы (кирилица)	1859 г., 1862 г.	
кирилиця (укр.)	Впервые в статьях Маковея и Франко	1903 г., 1913 г.	
кирилиця (болг.)	Впервые в болгарской грамматике Момчилова (Вена)	1865 г.	
<i>кірыліца</i> (блр.)	Впервые в методическом пособии по белорусской орфографии Якуба Коласа	1926 г.	Первая (?) фиксация ставшего международным орфографического термина

**Словари, корпусы и базы данных,
справочные и серийные издания**

- БАСРЯ — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27–. М.; СПб., 2004–2021–.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–7–. София, 1971–2010.
- БНК — Беларускі N-корпус (<https://bnkorporus.info>).
- БТР — Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. 1. София, 1951.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–7. Київ, 1982–2006.
- МНС — Є. Желеховський, С. Недільський. Малоруско-німецький словар. Т. 1–2. Львів, 1886.
- МСДРЯ — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).
- ПСЗРИ 20 — Полное собрание законов Российской империи. Т. 20: 1775–1780. СПб., 1830.
- ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1 (4-е изд.): Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1–15–. 2-е изд. София, 2001–2015–.
- РКСС — Ћ. Д а н и ч и ћ. Рјечник из књижевних старина српских. Т. 1–3. Београд, 1863–1864.
- РСХКЈ — Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 1–6. Нови Сад; Загреб, 1967–1976.
- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–21–. Београд, 1959–2019–.
- РЭС — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1–18–. М., 2008–2024–.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–13–. М., 1988–2023–.
- СР — В. С. К а р а ц и ћ. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће изд. Београд, 1898.
- СРЯ 11–17 — Словарь русского языка 11–17 вв. Вып. 1–32–. М., 1975–2023–.
- СРЯ 18 — Словарь русского языка XVIII в., онлайн-версия // Фундаментальная электронная библиотека (<https://feb-web.ru>).
- ССУМ — Словник староукраїнської мови. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- СУМ¹ — Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
- СУМ² — Словник української мови. Т. 1–14–. Київ, 2010–2023–.
- СУМ 16–17 — Словник української мови XVI — першої половини XVII ст. Т. 1–17–. Львів, 1994–2017–.
- СУМ-Г — Словарь української мови. Т. 1–4 / За ред. Б. Грінченка. Київ, 1907–1909.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- ЭСРЯ — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- СА — Corpus Albaruthenicum (<https://grid.bntu.by>).
- DILI — P. Ardelio Della Bella. Dizionario italiano, latino, illirico. Venezia, 1728.

ESSČ — Elektronický slovník staré češtiny // Vokabulář webový: Slovníky staré češtiny (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

GbSlov — J. Gebauer. Slovník staročeský // Vokabulář webový: Slovníky staré češtiny (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

GRAC — M. Shvedova, R. von Waldenfels, S. Yarygin, A. Rysin, V. Starko, T. Nikolajenko et al. General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv, Lviv, Jena. 2017–2024 (<https://uacorp.us>).

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. T. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

MMFH — D. Bartoňková, R. Večerka (eds). *Magnae Moraviae fontes historici*. 2 vyd. T. 1: *Annales et chronicae*. Brno, 2008; T. 2: *Textus biographici, hagiographici, liturgici*. Brno, 2010; T. 3: *Diplomata, epistolae, textus historici varii*. Brno, 2011; T. 4: *Leges, textus iuridici*. Praha, 2013.

MSS — Malý staročeský slovník // Vokabulář webový: Slovníky staré češtiny (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

NKJP — Narodowy korpus języka polskiego (<https://nkjp.pl>).

OCSD — Digital Old Church Slavonic Dictionary // GORAZD: The Old Church Slavonic Digital Hub (<https://gorazd.org>).

RCSJHR — Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. Knj. 1–23–. Zagreb, 1991–2021–.

RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. 1–95. Zagreb, 1880–1975.

SES — M. Snoj. Slovenski etimološki slovar (<https://fran.si>).

SISJ — Fran. Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (<https://fran.si>).

ŠimekSlov — F. Šimek. Slovníček staré češtiny // Vokabulář webový: Slovníky staré češtiny (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

SNK — Slovenský národný korpus (<https://korpus.sk>).

SPJU — Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV (<https://slovník.juls.savba.sk>).

SP 16 — Słownik polszczyzny XVI wieku (<https://spxvi.edu.pl>).

SSP — Słownik staropolski. T. 1–11. Kraków, 1953–2002.

Источники и литература

Ангелов 1995 — Б. Ангелов. Кирил и Методий в славянските печатни книги от XV–XVII вв. // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2 / Ред. П. Динев. София: Св. Климент Охридски, 1995. С. 283–286.

Дрѣтнѣкѣ 1562 — Дрѣтнѣкѣ наі делѣ правѣ старѣ крѣтіанскѣ верѣ, нс свѣтога писма редомѣ поставлені на кратко раздѣмно сложені н стѣмауенн. В Тѣбнннн, 1562.

Бобрік 2014 — М. А. Бобрік. Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета *лихыи* в записи писца толковых пророков) // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27/1. С. 265–272.

Богдан 1859 — А. Д. [Б. А. Дедицкий]. О неудобности латинской азбуки въ письменности русской. Розсужденіе Богдана А. Д. Вѣдѣнь, 1859.

Бодянский 1855 — О. М. Бодянский. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

Верхоланцева 2009 — Ю. В. В е р х о л а н ц е в а. Чешские и хорватские глаголяши-бенедиктинцы среди православных Литвы и Польши и латинские тексты, записанные кириллицей // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos / S. Temčinas, G. Miškinienė, M. Čistiakova, N. Morozova (eds.). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. С. 81–95.

Верхоланцева 2010 — Ю. В. В е р х о л а н ц е в а. Кириллическая запись латинских молитв и отрывка чина мессы из рукописи Синодального собрания ГИМ № 558 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 74–90.

Востоков 1863 — А. Х. В о с т о к о в. Грамматика церковно-словенского языка. СПб., 1863.

Вялова 2017 — С. О. В я л о в а. Караман // Православная энциклопедия. Т. 31. М.: Православная энциклопедия, 2017. С. 10.

Головацкий 1849 — Я. Ф. Г о л о в а ц к и й. Грамматика Русского Азыка. Во Львовѣ, 1849 (Галицко-руска матица, 6).

Григорович 1852 — В. И. Г р и г о р о в и ч. О древней письменности словян // В. И. Григорович. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852. С. 53–70.

Гусева 2003 — А. А. Г у с е в а. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. Кн. 1. М.: Индрик, 2003.

Гусева 2010 — А. А. Г у с е в а. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010.

Делль Агата 1990 — Д. Д е л л ь А г а т а. Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 58–68.

Дзиффер 2017 — Дж. Д з и ф ф е р. Еще раз по поводу источников Храбра // Славяноведение. 2017. № 4. С. 9–11.

Динић 1934 — М. Д и н и ћ. Словенска служба на територији Дубровачке Републике и у средњем веку // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1934. № 14/1–2. С. 50–65.

Динић 1960 — М. Д и н и ћ. Chiuriliza словенских попова дубровачке грађе // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1960. № 26/3–4. С. 274–279.

Добрев 1995 — И. Д о б р е в. Кирилица // Кирило-методиевска енциклопедия. Т. 2 / Ред П. Динеков. София: Св. Климент Охридски, 1995. С. 301–316.

Добровский 1825 — И. Д о б р о в с к и й. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. М., 1825.

Добровский 1833 — И. Д о б р о в с к и й. Грамматика языка славянского по древнему наречию. Ч. 1. СПб., 1833.

Дружинин, Чижевский 1959 — В. Г. Д р у ж и н и н, Д. И. Ч и ж е в с к и й. Житие св. Стефана, епископа Пермского / Изд. В. Г. Дружининым, photomechanic reprint with an introduction by D. Čiževskij. The Hague: Mouton & Co., 1959 (Arophoreta slavica, 2).

Ђорђевић 1971 — П. Ђ о р ђ и ћ. История српске ћирилице. Београд: Завод за издавање уџбеника Социјалистичке републике Србије, 1971.

Ђурић 1996 — В. Ј. Ђ у р и ћ. У сенци Фирентинске уније: црква св. Госпође у Мржепу (бока Которска) // Зборник радова Византолошког института. 1996. № 25. С. 9–56.

Ђорђевић 1922 — Т. Р. Ђ о р ђ е в и ћ. Словенско писмо у једној талијанској књизи XVI столећа // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1922. № 2/1. С. 82–85.

Евсеев 1905 — И. Е. Евсеев. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе. Введение и тексты. М., 1905.

Живов 2002 — В. М. Живов. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2002.

Зернова 1958 — А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1958.

Зернова, Каменева 1968 — А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М.: Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1968.

Ильинский 1931 — Г. А. Ильинский. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»? // *Byzantinoslavica*. 1931. № 3. С. 79–88.

Изюмов 1930 — О. Изюмов. Українсько-російський словник. За новим правописом. Харків; Київ, 1930.

Исасвич 1975 — Я. Д. Исасвич. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів: Вища школа, 1975.

Кавелин 1891 — Л. Кавелин (архим.). Заметка о слове «ис коуриловице» // *Русский филологический вестник*. 1891. Т. 25. № 1. С. 135–137.

Калугин 2018 — В. В. Калугин. Записи попа Упыря Лихого в Толковых пророчествах 1047 года // *Славяноведение*. 2018. № 2. С. 3–11.

Калугин 2021 — В. В. Калугин. Древнерусский протограф Толковых Пророчеств и задачи его реконструкции // *Palaeoslavica*. 2021. № 29/1. С. 31–88.

Карамзин 1816 — Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1816.

Караѿић 1814 — В. С. Караѿић. Писменица сербскога језика по говору престога народа. У Виенни, 1814.

Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979.

Корогодина 2020 — М. В. Корогодина. Палеографические и орнаментальные особенности перемышльских рукописей конца XV — первой половины XVI века // *Вестник "Альянс-Архео"*. Вып. 32. М.; СПб.: Альянс-Архео, 55–88.

Кривко 2015 — Р. Н. Кривко. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М.: Индрик, 2015.

Куев 1967 — К. Куев. Черноризец Храбър. София: Издателство на Българска академия на науките, 1967.

Куев, Петков 1986 — К. Куев, Г. Петков. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София: Издателство на Българска академия на науките, 1986.

Кузьминова, Ремнёва 2018 — Е. А. Кузьминова, М. Л. Ремнёва. Кириллица // *Православная энциклопедия*. Т. 34. М.: Православная энциклопедия, 2018. С. 626–632.

Кульбакин 2008 — С. М. Кульбакин. Славянская палеография. Белград: Институт за српски језик САНУ, 2008.

Левин 1930 — И. Левин. Материалы о политике царизма в области письменности «иногородцев» // *Культура и письменность Востока*. Кн. 6. Баку, 1930. С. 3–19.

Левичкин 2024 — А. Н. Левичкин. Илья Копиевский и кирилловские шрифты в Европе в конце XVII — начале XVIII вв. // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. 2024. Т. 7. С. 34–72.

- Лесюк 2014 — М. П. Л е с ю к. Становлення и розвиток української літературної мови в Галичині. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2014.
- Линде 1816 — С. Б. Л и н д е. О российской литературе // Вестник Европы. 1816. Ч. 90. № 21. С. 111–136.
- Ломоносов 1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Суд российских писмен, перед разумом и обычаем от грамматики представленных // М. В. Л о м о н о с о в. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 379–388.
- Маковой 1903 — О. С. М а к о в е й. З історії нашої фільольогії: три галицькі граматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький и Йосиф Лозинський). Львів, 1903.
- Мельников 1967 — Е. И. М е л ь н и к о в. О древнерусских названиях славянского письма («куриловица», «словенская грамота», «лтица») // Byzantinoslavica. 1967. № 28/1. С. 124–140.
- Милев 1966 — А. М и л е в. Гръцките жития на Климент Охридски: увод, текст, превод и обяснителни бележки. София: Издателство на Българска академия на науките, 1966.
- Міхайловић 1863 — Е. М і х а й л о в и ћ. Обрана єзика Србскогъ одъ изопачиваня и простаченя нѣговогъ и кирилице одъ вуковице. У Великомъ-Бечкереку, 1863.
- Міцкевіч 1926 — К. М. М і ц к е в і ч. Мэтодыка роднае мовы. Менск, 1926.
- Момчилов 1865 — И. М о м ч и л о в. Грамматика за старобългарскыя ъзыкъ по сичко-то му развитіе. Віена, 1865.
- Немировский 2009 — Е. Л. Н е м и р о в с к и й. Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта. 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. 1: 1491–1550. М.: Знак, 2009.
- Немировский 2011 — Е. Л. Н е м и р о в с к и й. Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта. 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. 2, кн. 1: 1551–1592. М.: Знак, 2011.
- Немировский 2012 — Е. Л. Н е м и р о в с к и й. Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. 2, кн. 2: 1593–1600. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Николенкова 2018 — Н. В. Н и к о л е н к о в а. «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // Slověne. 2018. № 7/2. С. 105–134.
- Описание 1907 — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 15 (1735 г.). СПб., 1907.
- Орбини 1722 — М. О р б и н и. Книга Историография початия имене, славы, и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. СПб., 1722.
- Осадца 1862 — М. О с а д ц а. Грамматика рѣсского ъзыка. Во Львовѣ, 1862.
- Пентковская, Шикина 2023 — Т. В. П е н т к о в с к а я, Е. В. Ш и к и н а. Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 9–18.
- Пентковская, Шикина 2024 — Т. В. П е н т к о в с к а я, Е. В. Ш и к и н а. Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 1. С. 27–36.

Поппэ 1985 — А. П о п п э. «Ис курилоцѣ» и «ис куриловицѣ» // *International journal of Slavic linguistics and poetics*. 1985. № 31/32. С. 319–350.

Прейс 1843 — П. И. П р е й с. О Глагольской письменности // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1843. Т. 37. С. 184–238.

Соболевский 1888 — [А. И. С о б о л е в с к и й]. [Сообщение о докладе А. И. Соболевского «Заметка об языке печатных изданий Швайпольта Фиоля и Скорины» 13 февраля 1883 г.] // *Чтения в историческом обществе Нестора Летописца*. 1888. Кн. 2. С. 192–193.

Соловьев 1903 — А. Н. С о л о в ъ е в. Государственный печатный двор и Синодальная типография в Москве: Историческая справка. М., 1903.

Столярова 2000 — Л. В. С т о л я р о в а. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000.

Табла за днцѣ 1561 — *Abecedarium, Und der gantze Catechismus one auflegung in der Cyrulifchen Sprach*. 8 Т8вннгн, 1561.

Татищев 1793 — В. Н. Т а т и щ е в. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 1–3. СПб., 1793.

Толстой 1862 — Л. Н. Т о л с т о й. О методах обучения грамоте // Л. Н. Т о л с т о й. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1936. С. 126–146.

Трелиаковский 1748 — В. К. Т р е л и а к о в с к и й. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.

Туницкий 1918 — Н. Л. Т у н и ц к и й. Книги 12 малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Вып. 1. Сергиев Посад, 1918.

Турилов 1998 — А. А. Т у р и л о в. Переводы с латинского и западнославянского языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI вв. // *Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.* / Ред. Я. Н. Шапов, С. М. Фалькович, Н. И. Щавелева. М.: УРСС, 1998. С. 58–68.

Турилов 2010 — А. А. Т у р и л о в. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья*. М.: Знак, 2010.

Турилов 2012 — А. А. Т у р и л о в. *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*. М.: Знак, 2012.

Успенский 2004 — Б. А. У с п е н с к и й. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства польского: вопросы графики и орфографии) // Б. А. У с п е н с к и й. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 123–175.

Франко 1913 — І. Ф р а н к о. *Азбучна війна в Галичині 1859 р.* // *Записки товариства імені Шевченка*. 1913. Т. 114. С. 81–116.

Хабургаев 1994 — Г. А. Х а б у р г а е в. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Черепнин 1956 — Л. В. Ч е р е п н и н. *Русская палеография*. М.: Политиздат, 1956.

Чернышевский 1855 — Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. О времени происхождения славянских письмен. Сочинение О. Бодянского. Москва, 1855 года // *Современник*. 1855. № 3. С. 7–11.

Шмелёва 2021 — Т. В. Шмелёва. Алфавит в русской культуре // Кириллица — латиница — гражданица / Отв. ред. Т. В. Шмелёва. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2021. С. 20–52.

Шустова 2009 — Ю. Э. Шустова. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. (Россия и Христианский Восток. Библиотека, 8). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Шустова 2011 — Ю. Э. Шустова. Названия и графика букв кириллицы в печатных азбуках XVI–XVII вв. // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб.: Алетейя, 2011. С. 110–154.

Щепкин 1967 — В. Н. Щепкин. Русская палеография. М.: Наука, 1967.

Ягич 1885–1895 — В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1/3. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

Ягич 1910 — В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910 (Энциклопедия славянской филологии, 1).

Ahačič 2014 — K. Ahačič. The History of Linguistic Thought and Language Use in 16th Century Slovenia. Berlin: Peter Lang Verlag, 2014 (Thought, society, culture. Slovenian and South Eastern European perspectives, 1).

Alekseev 1999 — A. A. Alekseev. Textgeschichte der slavischen Bibel. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1999 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe A: Slavistische Forschungen, 24).

Ambrosiani 2019 — P. Ambrosiani. Slavic alphabets and languages in publications by the Propaganda Fide during the 17th and 18th centuries // Slavic Alphabets and Identities / Ed. by S. Kempgen, V. Tomelleri. Bamberg: University of Bamberg Press, 2019. P. 1–27 (Bamberger Beiträge zur Linguistik, 19).

Barbieri 2002 — E. Barbieri. I libri di calligrafia nel Rinascimento italiano e Giovanbattista Palatino. Una breve introduzione // Verbum. 2002. № 6/1. P. 55–64.

Bassano 1545 — L. Bassano. I costumi et i modi particolari de la vita de' Turchi. Roma, 1545.

Bohorič 1584 — A. Bohorič. Arcticae horulae succifivae, de lationocarniolana literatvra [...]. Witebergae, 1584. (Nachdruck des Exemplars der National- und Universitätsbibliothek in Ljubljana: 1. Teil: Text. Vorwort und technische Redaktion: Branko Berčič. München: Dr. Dr. Rudolf Trofenik, 1969) (Geschichte, Kultur und Geisteswelt der Slowenen, 4/1).

Bratulić 1971 — J. Bratulić. Die glagolitische und die kyrillische Schrift in der Bohorič'schen Grammatik // Adam Bohorič. Arcticae horulae. Die erste Grammatik der slowenischen Sprache. Wittenberg 1584. 2. Teil: Untersuchungen (Geschichte, Kultur und Geisteswelt der Slowenen, 4/2). München: Dr. Dr. Rudolf Trofenik, 1971. S. 109–121.

Bratulić 2008 — J. Bratulić. The Reformation and the Catholic Counter-Reformation // Croatia and Europe. Vol. 2: Croatia in the late Middle Ages and the Renaissance: a cultural survey / Ed. by I. Supićić. London: Wilson; Zagreb: Školska knjiga, 2008. P. 465–480.

Brerewood 1622 — E. Brerewood. Enquiries touching the diversities of languages and religions through the chief parts of the world. London, 1622.

Bry 1596 — J. T. I. de Bry. Alphabeta et characteres iam inde a creato mundo ad nostra vsq. tempora. Francfordij, 1596.

- Clemenson 2022 — R. Clemenson. ЦРЪЛЫ И РЪЗЫ // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 2022. № 4 (special). P. 221–225.
- D.n. 1859 — D. n. Łacińskie czcionki w języku ruskim // *Dodatek tygodniowy przy «Gazecie Lwowskiej»* 24. 18. czerwca 1859. S. 99–102.
- Dell'Agata 1989 — G. Dell'Agata. Il Trattato sulla Bulgaria nella traduzione russa del *Regno degli slavi* di Mauro Orbini // *Europa orientalis*. 1989. № 8. P. 9–18.
- Dell'Agata 1990 — G. Dell'Agata. La traduzione russa del “Regno degli Slavi” di Mauro Orbini // *Filologia e Letteratura. Studi in onore di Sante Graciotti* / A cura di G. B. Bercoff, M. Capaldo, J. Jerkov-Capaldo, E. Sgambati. Roma: Carucci, 1990. P. 387–401.
- Dell'Agata 1998 — G. Dell'Agata. Паисий Хилендарски и Мауро Орбини // *Български месечник*. 1998. № 8. С. 78–84.
- Dobner 1785 — G. Dobner. Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: Ob das heut zu Tage sogenante cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heiligen slawischen Apostels Cyrills zu halten sey? // *Abhandlungen der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Prag*. 2. Abteilung. 1785. S. 101–139.
- Dobrowsky 1822 — J. Dobrowsky. *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*. Vindobonae, 1822.
- Dobrowsky 1823 — J. Dobrowsky. *Cyrill und Method der Slawen Apostel*. Prag, 1823.
- Duret 1613 — C. Duret. *Thresor de l'histoire des langues de cest univers*. Cologny, 1613.
- Durich 1777 — F. Durich. *De Slavo-Bohemica Sacri Codicis Versione Dissertatio*. Praeae, 1777.
- Dwornik 2016 — K. Dwornik. Stanowisko ks. Jozefa Łewickiego (1801–1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku // *Acta Polono-Ruthenica*. 2016. № 21. S. 17–26.
- Eckhart 1989 — T. Eckhart. *Azbuka. Versuch einer Einführung in das Studium der slavischen Paläographie*. Mit einem Vorwort von Walter Leitsch und einem bibliographisch-kritischen Nachwort von Christian Hannick. Wien, Köln: Böhlau, 1989 (*Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas*, 14).
- Eichler 1967 — E. Eichler. *Die slawistischen Studien des Johann Leonhard Frisch*. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Slawistik. Berlin, Boston: De Gruyter, 1967 (*Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik*, 40).
- Fancev 1936 — F. Fancev. *Hrvatska književnojezična pitanja u pismu Splićanina Mateja Alberrija iz god. 1607 // Vrela i prinosi*. 1936. № 6. S. 1–15.
- Frisch 1727a — J. L. Frisch. *Origo characteris sclavonici vulgo dicti Cirulici*. S.l., 1727.
- Frisch 1727b — J. L. Frisch. *Historiam linguae Sclavonicae continuat quator capitibus*. Berolinum, 1727.
- Gherbezza 2019 — E. Gherbezza. *Dizionario di italianismi in russo*. Milano: Biblioteca Ambrosiana, 2019 (*Fonti e studi*, 32).
- Giovio 1527 — P. Giovio. *Pauli Iouii Nouocomensis Libellus de legatione Basilii Magni principis Moschouiae ad Clementem VII. Pontificem Max.[imum] Liber [...]*. Basel, 1527.
- Glavičić 2014 — M. Glavičić. *Pismo pape Inocenta IV. senjskom biskupu Filipu u tiskanim izdanjima i historiografiji // Senjski sbornik: prilozi za geografiju, etnologiju, gospodarstvo, povijest i kulturu*. 2014. Vol. 41, № 1. S. 159–183.

- Holzer 2011 — G. Holzer. Glasovni razvoj hrvatskoga jezika. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
- Huk 2001 — I. Huk. Z problematyki kształtowania się piśmiennictwa ukraińskiego w Galicji w pierwszej połowie XX wieku: wojna o alfabet // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze: spotkania polsko-ukraińskie*. 2001. № 11–12. S. 404–414.
- Ilešić 1921 — F. Ilešić. Slovensko pismo u jednoj talijanskoj knjizi 16. stoleća // *Zbornik filoloških i lingvističkih studija A. Beliću povodom 25-godišnjice njegova naučnog rada*. Beograd, 1921. S. 233–238.
- Isailović 2018 — N. Isailović. A Contribution to Medieval Croatian Diplomats: Cyrillic Charters of Croatian Nobility from the Franciscan Monastery on Trsat in Rijeka // *Secular Power and Sacral Authority in Medieval East-Central Europe* / Ed. by K. Jovanovic, S. Miljan. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 137–152.
- JPT Tsch 1850 — *Juristisch-politische Terminologie für die slawischen Sprachen Oesterreichs. Von der Commission für slawische juridisch-politische Terminologie. Deutsch-böhmische Separatausgabe*. Wien, 1850.
- Karaman 1753 — M. Karaman. Bukvar' Slavenskij Pismeny Prepodobnago Kyrilla Slavjanom Episkopa Napečatan = Bukvar slavenskij pismeny velicajsago učitelja B. Jeronima. V Rime, 1753.
- Katičić 1999 — R. Katičić. *Literatur- und Geistesgeschichte des kroatischen Frühmittelalters*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999.
- Kempgen 2015a — S. Kempgen. *Slavic Alphabet Tables. An Album (1538–1824)*. Revised version of the first edition. Bamberg: University of Bamberg Press, 2015 (Bamberger Beiträge zur Linguistik, 10).
- Kempgen 2015b — S. Kempgen. *Slavic Alphabet Tables. Vol. 2 (1527–1956)*. Bamberg: University of Bamberg Press, 2015 (Bamberger Beiträge zur Linguistik, 12).
- Kempgen 2016 — S. Kempgen. *Slavic Alphabet Tables. An Album. Vol. 3 — Odds and Ends (1530–1963)*. Bamberg: University of Bamberg Press, 2016 (Bamberger Beiträge zur Linguistik, 13).
- Kempgen 2020 — S. Kempgen. *Das Pariser Abecenarium bulgaricum: Edition und frühe Rezeption* // *Die Welt der Slaven*. 2020. № 65/1. S. 142–163.
- Kempgen 2022 — S. Kempgen. *The Bamberg Cyrillic Alphabet — A colour facsimile* // *Scripta & e-Scripta*. 2022. № 22. P. 31–35.
- Kopitar 1808 — B. Kopitar. *Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyemark*. Laibach, 1808.
- Kostrenčić 1874 — I. Kostrenčić. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven in den Jahren 1559–1565*. Wien, 1874.
- Kotkowski 1862 — J. Kotkowski. *Postęp i wsteczność w dziedzinie kształcenia się języków słowiańskich*. Kijów, 1862.
- Kragić 2023 — B. Kragić (ed.). *Hrvatska enciklopedija, mrežno izdanje. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2023* (<https://enciklopedija.hr/>).
- Križanić 1976 — J. Križanić. *Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku* / Besorgt von G. Freidhof. München, Berlin, Washington D.C.: Otto Sagner, 1976.
- Križanić 1983 — J. Križanić. *Objasnenje vivodno o pismě slověnskom* / Prired. J. Hamm. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti u Zagrebu, 1983.
- Kryński 1882 — A. Kryński. *O pisowni polskiej* // *Biblioteka Warszawska*. 1882. № 3/167. S. 169–208.
- Leibniz 2000 — G. W. Leibniz. *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 16: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag, 2000.

- Leibnitz 2001a — G. W. L e i b n i z. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 17, Teil A: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 2001.
- Leibnitz 2001b — G. W. L e i b n i z. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 17, Teil B: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 2001.
- Leibnitz 2005 — G. W. L e i b n i z. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 18: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 2005.
- Leibnitz 2023 — G. W. L e i b n i z. Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 27: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Berlin: Akademie-Verlag, 2023.
- Lewicki 1834a — J. L e w i c k i. Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien. Przemysl, 1834.
- Lewicki 1834b — J. L e w i c k i. Odpowiedź na zdanie o zaprowadzenie abecadła polskiego do piśmienictwa ruskiego // «Rozmaitości»: pismo dodatkowe do «Gazety Lwowskiej». 1834. № 52. S. 1–4.
- Liepopili 1919 — A. L i e p o p i l i. Slavensko bogoslužje u Dubrovniku // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Razreda historičko-filologičkoga i juridičko-filozofičkoga. 1919. № 96/220. S. 30–58.
- Linde 1815a — S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskijey // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (wrzesień). S. 14–34.
- Linde 1815b — S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskijey // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (październik). S. 133–150.
- Linde 1815c — S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskijey // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (listopad). S. 277–298.
- Linde 1816 — S. B. L i n d e. O literaturze słowiańsko-rossyyskijey // Pamiętnik Warszawski. 1816. T. 4 (styczeń). S. 3–21.
- Ludolf 1696 — H. W. L u d o l f. Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford: Clarendon Press, 1959.
- Lunt 1965 — H. G. L u n t. [Review: Schütz 1963] // The Slavic and East European Journal. 1965. № 9/2. P. 216–219.
- Lutskay 1830 — M. L u t s k a y. Grammatica Slavo-Ruthena. Budaë, 1830.
- Łoziński 1834 — J. Ł o z i ń s k i. O wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmienictwa ruskiego // «Rozmaitości»: pismo dodatkowe do «Gazety Lwowskiej». 1834. № 29. S. 228–230.
- Łoziński 1846 — J. Ł o z i ń s k i. Grammatyka języka ruskiego (mało-ruskiego). Przemysł, 1846.
- Maier 2012 — I. M a i e r. Wer war der Autor von Alfabetum Rutenorum (Stockholm ohne Jahr)? // Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text / Hrsg. von I. Podtergera. Göttingen: V&R unipress, Bonn University Press, 2012. S. 333–357.
- Maier 2021 — I. M a i e r. Russian Pronunciation Rules in the Alphabetum Russarum // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2021. № 62. P. 39–60.
- Maier 2023 — I. M a i e r. A Unique Copy of Alphabetum Russarum, Printed in Stockholm by Peter van Selow // Scando-Slavica. 2023. № 69/2. P. 322–340.
- Marti 1991 — R. M a r t i. Fremde Schriften in einem lateinischen Codex (Zu den Bamberger Hss. Patr. 130/1 und 130/2) // Scriptorium. 1991. № 45/1. S. 47–83.
- Mathiesen 1981–1983 — R. M a t h i e s e n. A Thirteenth Century Ukrainian Church Slavonic Text in Latin Letters // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1981–1983. № 15/39–40. P. 219–230.

Malić 2002 — D. M a l i ć. Na izvorima hrvatskoga jezika. Zagreb: Matica hrvatska, 2002 (Hrvatska jezična baština, 2).

Mihalević 2020 — M. M i h a l e v i ć. Glagolitic // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / Ed. by M. L. Greenberg. Leiden: Brill, 2020 (<https://referenceworks.brill.com/view/entries/ESLO/COM-032496.xml>).

Moser 2002 — M. M o s e r. Prüfsteine des Austroslawismus: das „allgemeine Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Oesterreich“ und die „juridisch-politische Terminologie für die slawische Sprachen Oesterreichs“ // Crossroads of cultures: Central Europe / Ed. by I. Pospíšil. Brno: Masarykova univerzita, 2002. S. 75–129.

Moser 2020 — M. M o s e r. «Юности честное зеркало» 1717 г. У истоков русского литературного языка. Wien: LIT, 2020 (Slavische Sprachgeschichte, 10).

Moser 2022 — M. M o s e r. Galizische Wege zur ukrainischen Standardsprache: die Grammatiken von Mychajlo Osadca (1862/1864) und Pylyp Djačan (1865) // Slavia. 2022. № 91/4. S. 385–422.

Murko 1962 — M. M u r k o. Izbrano delo. Ljubljana: Slovenska Matica, 1962.

Mužić 2011 — I. M u ž i ć. Hrvatska kronika u Ljetopisu popa Dukljanina. Split: Muzej hrvatskih arholoških spomenika, 2011.

Nazor 1987 — A. N a z o r. Ćirilica i glagoljaši // Brački zbornik. 1987. № 15. S. 78–83.

Nazor 2000 — A. N a z o r. Prožimanje glagoljice i ćirilice na hrvatskom prostoru // Hrvatska i Europa. Kutura, znanost i umjetnost. Sv. 2: Srednji vijek i Renesansa (XIII–XVI. stoljeće) / Ur. E. Hercigonja. Zagreb: Školska knjiga, 2000. S. 289–297.

Nazor 2008 — A. N a z o r. Interpretation of the Glagolitic and Cyrillic scripts in Croatia // Croatia and Europe: a cultural survey. Vol. 2: Croatia in the Late Middle Ages and the Renaissance / Ed. by I. Supićić. London: Whilson; Zagreb: Školska knjiga, 2008. P. 289–299.

Nemirovskij 1996 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 1: Inkunabeln. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1996. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 140).

Nemirovskij 1997 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 2: Die Druckereien des Makarije in der Walachei und von Giorgio Rusconi in Venedig. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1997. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 152).

Nemirovskij 1998 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 3: Die Prager Druckerei von Francisk Skorina. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1998. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 155).

Nemirovskij 1999 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 5 [sic!]: Die Druckerei von Francisk Skorina in Wilna. Baden-Baden: Valentin Koerner, 1999. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 171).

Nemirovskij 2001 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 4 [sic!]: Die Druckerei von Božidar Goraždanin in Goražde und Venedig. Die erste Druckerei von Božidar Vuković in Venedig. Baden-Baden: Valentin Koerner, 2001. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 170).

Nemirovskij 2003 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 6: Die zweite Druckerei von Božidar Vuković in Venedig. Baden-Baden: Valentin Koerner, 2003. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 187).

Nemirovskij 2007 — E. N e m i r o v s k i j. Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrilischer Schrift. Bd. 7: Die Klosterdruckereien in Rujno und Gračanica. Die erste Druckerei im Kloster Mileševa. Baden-Baden: Valentin Koerner, 2007. (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, 207).

Newerkla et al. 2014 — S. M. Newerkla, V. Petrbok, T. Vykypělová. Maximilian Schimek. Vorläufer der wissenschaftlichen Slawistik: Leben, Werk, Editionen. Wien: Holzhausen, 2014.

Olearius 1656 — A. Olearius. Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscowitischen und Persischen Reyse [...]. Schleßwig, 1656.

Orbini 1601 — M. Orbini. Il Regno degli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni corrotamente detti Schiavoni historia. Pesaro, 1601.

Oficiy 1617 — Oficiy B. Marie D. Piàe V. Pòuelinyem dán skorò nàe duór, a Màetiém Alberti Vlàestelinóm Splitskim i Vcitegliém, iz latinskoga sàeda ù slouinski yazik virnò Prinesén. S tèkstirom, i s Milosckym. V Bnecih, 1617.

Palatino 1545 — G. B. Palatino. Nelqual s'insegna à scriuer ogni sorte lettera, antica & moderna [...]. Roma, 1545.

Pantelić 1965 — M. Pantelić. Glagoljski brevijar popa Mavra iz godine 1460 // Slovo. 1965. № 15–16. S. 94–149.

Pervi deil 1557 — Ta prvi deil tiga Noviga Testamenta [...] fđai peruizh v ta Slouenski Iefik, skufi Primosa Truberia fueiftu preobernen. Tvbingae, 1557.

Postel 1538 — G. Postel. Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum. Parisiis, 1538.

Rački 1861 — F. Rački. Pismo slovensko. Zagreb, 1861.

Rajhman 1986 — J. Rajhman. Pisma Primoža Trubarja. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1986 (Korespondence pomembnih slovencev. Epistulae slovenorum illustrium, 7).

Rocca 1591 — A. Rocca. Bibliotheca Apostolica Vaticana a Sixto V. pont. max. in splendidiorem locum translata commentario illustrata. Roma, 1591.

Sakrausky 1989 — O. Sakrausky. Primus Truber. Deutsche Vorreden zum slovenischen und kroatischen Reformationswerk. Wien: Evangelischer Presseverband, 1989. (Studien und Texte zur Kirchengeschichte und Geschichte, 5. Reihe, 1).

Sansovino 1582 — F. Sansovino. Historia universale dell'origine et imperio de turchi. In Venecia, 1582.

Scaliger 1610 — J. Scaliger. Opuscula varia ante hac non edita. Parisiis, 1610.

Schlözer 1777 — A. L. Schlözer. Von den Slavonischen Schrift- und Mundarten (aus einem Briefe an Hrn. Prof. Büttner, Augsburg 7. März 1777) // A. L. Schlözer. Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts. 2. Theil, 7–12. Heft. Göttingen, 1778. S. 140–147.

Schmurlo 1912 — E. Schmurlo. Über Caramans Werk Identità oder Considerazioni // Archiv für slavische Philologie. 1912. Bd. 33. S. 99–110

Schütz 1963 — J. Schütz. Das handschriftliche Missale Illyricum Cyrillicum Lipsiense. 1. Bd.: Philologisch-linguistische Monographie; 2. Bd.: Phototechnische Reproduktion des Kodex. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1963.

Schwarz 2020 — K. W. Schwarz. Ein Reformator aus Innenösterreich. Primus Truber und der südslawische Buchdruck in der Uracher Bibelanstalt // Reformation und Bücher. Zentren der Ideen — Zentren der Buchproduktion / Hrsg. von Seidler A., Monok I. Wiesbaden: Harrasowitz, 2020. S. 63–84 (Wolfenbüttler Schriften zur Geschichte des Buchwesens, 51).

de Sörgo 1808 — M. de Sörgo. Memoire sur la langue et les moeurs des peuples slaves // Memoires de l'Académie Celtique, ou recherches sur les antiquités celtique, gauloises et françaises. 1808. № 2. P. 21–62.

- Spangenberg, Krelj 1567 — J. Spangenberg, S. Krelj. Postilla slovenska. Ratisbonae, 1567.
- Stredowsky 1710 — J. Stredowsky. Sacra Moraviae historia, sive Vita SS. Cyrilli et Methodii, genere civium Romanorum [...]. Solisbaci, 1710.
- Szczkiewicz 1836 — M. Szczkiewicz. Азбука і abecadło. Uwagi nad rozprawą o wprowadzeniu Abecadła polskiego do pismieństwa ruskiego, napisaną przez M. Łozińskiego, umieszczoną w Rozmaitościach Lwowskich z roku 1834. W Przemysłu, 1836.
- Šafařík 1842 — P. J. Šafařík. Slovanský narodopis. W Praze, 1842.
- Šafařík 1858 — P. J. Šafařík. Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858.
- Štefanić 1964a — V. Štefanić. [Rec.: Schütz 1963] // Slovo. 1964. № 14. S. 147–154.
- Štefanić 1964b — V. Štefanić. [Rez.: Schütz 1963] // Die Welt der Slaven. 1964. № 9. S. 328–336.
- Štefanić 1976 — V. Štefanić. Nazivi glagoljskog pisma // Slovo. 1976. № 25–26. S. 17–76.
- Timann 1998 — U. Timann. Ein unbekanntes Dokument zu Sweitpolt Fiol, dem ersten Drucker der kyrillischen Schrift // Gutenberg-Jahrbuch. 1998. № 73. S. 111–120.
- Ussher 1689 — J. Ussher. Historia dogmatica controversiae inter orthodoxos & pontificios de Scripturis et sacris vernaculis. Londini, 1689.
- Valvasor 1689 — J. W. von Valvasor. Die Ehre Deß Hertzogthums Crain [...]. Bd. 2. Laybach, 1689.
- Verkholantsev 2010 — J. Verkholantsev. “Littera specialis ... a beato Jeronimo”: how did sts. Cyril and Methodius lose recognition as inventors of the Glagolitic letters to st. Jerome? // Ricerche slavistiche. 2010. № 54. P. 5–41.
- Verkholantsev 2012 — J. Verkholantsev. St. Jerome, Apostle to the Slavs, and the Roman Slavonic Rite // Speculum. 2012. № 87/1. P. 37–61.
- Verkholantsev 2013 — J. Verkholantsev. St. Jerome as a Slavic apostle in Luxemburg Bohemia // Viator. 2013. № 44/1. P. 251–286.
- Verkholantsev 2014 — J. Verkholantsev. The Slavic letters of St. Jerome. The History of the Legend and Its Legacy, or, How the Translator of the Vulgate Became an Apostle of the Slavs. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2014.
- Verkholantsev 2016 — J. Verkholantsev. Croatian monasticism and Glagolitic tradition: Glagolitic letters at home and abroad // Monasticism in Eastern Europe and the former Soviet Republics / Ed. by I. A. Murzaku. London; New York: Routledge, 2016. P. 42–61.
- Vervilet 1981 — H. D. L. Vervilet. Cyrillic and Oriental Typography in Rome at the End of the Sixteenth Century: An Inquiry into Later Work of Robert Granjon (1578–90). Berkeley: Poltroon Press, 1981.
- Voigt 1775 — A. Voigt. Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch, und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen // Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen [...]. I. Bd. Prag, 1775. S. 164–199.
- Vrečko, Krajnc-Vrečko 2015 — E. Vrečko, F. Krajnc-Vrečko (ur.). Primož Trubar. Pisma. Ljubljana: Pedagoški institut, 2015. (Zbrana dela Primoža Trubarja, 10).
- Welykyj 1953 — P. Athanasius G. Welykyj, OSBM. Acta S. C. de propaganda fide ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarusijae spectantia. Vol. 1: 1622–1667. Romae: PP. Basiliani, 1953.
- Ziffer 1995 — G. Ziffer. Le fonti greche del monacho Chrabar // Byzantinoslavica. 1995. 56/3. P. 561–570.

Ziffer 2001 — G. Z i f f e r. Ancora intorno alle fonti chrabriane // Словенско средњо-вековно наслеђе. Зборник посвећен професору Ђорђу Трифуновићу / Уред. З. Витић, Т. Јовановић, И. Шпадијер. Београд: Чигоја штампа, 2001. Р. 707–710.

Žagar 2009 — M. Ž a g a r. Hrvatska pisma u srednjem vijeku // Povijest hrvatskoga jezika. 1. knj.: srednji vijek / Ur. Vičanić A. Zagreb: Groatika, 2009. S. 107–220.

Статња получена 17.03.2025

Roman N. Krivko

Department of Slavonic Studies

University of Vienna

(Vienna, Austria)

roman.krivko@univie.ac.at

A HISTORY OF THE TERM *KIRILLICA*

Modern Slavic, Romance, and Germanic terms for the Cyrillic script trace their origins to the early Croatian form **kīrillica*/**kurillica*, first attested in Latin documents from Dubrovnik and Kotor as *chiuril(l)iza* and *curiliza*. Initially, this Croatian term referred to the Glagolitic script. A semantic shift occurred in the late 13th century, wherein **chiuriliza* (< *ćirilica*) came to denote the Cyrillic script. This development was influenced by the Medieval scholarly tradition that attributed the creation of the Glagolitic script to St. Jerome, leading to its Latin designation as *alphabetum Hieronymianum*. Consequently, St. Cyril the Philosopher came to be regarded as the inventor of the Cyrillic script, which was then referred to in scholarly Latin as *alphabetum Cyrillianum* (or *Cyrillicum*, *Cyrilliacum*). Under the influence of late medieval Latin scholarship, modern European terms for the Cyrillic script emerged. Variants such as *chiuril(l)iza* appeared in the writings of European humanists, Enlightenment thinkers, and early Romantic scholars working in Italian, English, French, and German. From Italian—and later German—the term *KIRILLICA* was borrowed into Russian. Ukrainian and, likely, Bulgarian adopted the term from German, whereas Serbian *ćirilica* reflects a direct continuation of the Croatian form. Slovak and early Polish terminology, by contrast, derive from the substantivized Latin form *cyrillica*.

Keywords: Cyrillic script, Glagolitic script, historical lexicology of Slavic languages, history of Slavic studies.

References

Ahačič, K. (2014). *The History of Linguistic Thought and Language Use in 16th Century Slovenia*. Berlin: Peter Lang Verlag, 2014.

Alekseev, A. A. (1999). *Textgeschichte der slavischen Bibel*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1999.

Ambrosiani, P. (2019). Slavic alphabets and languages in publications by the Propaganda Fide during the 17th and 18th centuries. In S. Kempgen, & V. Tomelleri (Eds.), *Slavic Alphabets and Identities* (pp. 1–27). Bamberg: University of Bamberg Press.

Angelov, B. (1995). Kiril i Metodii v slavianskite pechatni knigi ot XV–XVII vv. In P. Dinekov (Ed.), *Kirilo-Metodievaska entsiklopediia* (Vol. 2, pp. 283–286). Sofia: Sv. Kliment Ohridski. (In Bulgarian).

- Athanasius, P., & Welykyj, G. (1953). *Acta S. C. de propaganda fide ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarusijae spectantia. Vol. 1: 1622–1667*. Roma: PP. Basiliani.
- Barbieri, E. (2002). I libri di calligrafia nel Rinascimento italiano e Giovanbattista Palatino. Una breve introduzione. *Verbum*, 6(1), 55–64.
- Bobrik, M. A. (2014). Likh li pop Upyr'? (Znachenie epiteta *likhyi* v zapisi pistsa tolkovykh prorokov). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 265–272.
- Bratulić, J. (1971). Die glagolitische und die kyrillische Schrift in der Bohorič'schen Grammatik. In *Adam Bohorič. Arcticae horulae. Die erste Grammatik der slowenischen Sprache. Wittenberg 1584. T. 2: Untersuchungen* (pp. 109–121). München: Dr. Rudolf Trofenik.
- Bratulić, J. (2008). The Reformation and the Catholic Counter-Reformation. In I. Supićić (Ed.), *Croatia and Europe. Vol. 2: Croatia in the late Middle Ages and the Renaissance: a cultural survey* (pp. 465–480). London; Zagreb: Wilson; Školska knjiga.
- Cherepnin, L. V. (1956). *Ruskaia paleografiia*. Moscow: Politizdat.
- Clemenson, R. (2022). CHR""TY I RĚZY. *Palaeobulgarica = Starob"lgaristika*, 4, 221–225.
- Dell'Agata, G. (1989). It Trattato sulla Bulgaria nella traduzione russa del Regno degli slavi die Mauro Orbini. *Europa orientalis*, 8, 9–18.
- Dell'Agata, G. (1990a). La traduzione russa del "Regno degli Slavi" di Mauro Orbini. In G. B. Bercoff, M. Capaldo, J. Jerkov-Capaldo, & E. Sgambati (Eds.), *Filologia e Letteratura. Studi in onore di Sante Graciotti* (pp. 387–401). Roma: Carucci.
- Dell'Agata, G. (1990b). Russkii perevod «Tsarstva slavian» Mauro Orbini. *Sovetskoe slavianovedenie*, 5, 58–68.
- Dell'Agata, G. (1998). Paisii Khilendarski i Mauro Orbini. *B"lgarski mesechnik*, 8, 78–84.
- Dinich, M. (1960). Chiuriliza slovenskikh popova dubrovachke gradze. *Prilozi za kn'izhevost, jezik, istoriju i folklor*, 3–4(26), 274–279. (In Serbian).
- Dobrev, I. (1995). Kirilitsa. In P. Dinekov (Ed.), *Kirilo-metodievaska entsiklopediia* (Vol. 2, pp. 301–316). Sofia: Sv. Kliment Okhridski. (In Bulgarian).
- Druzhinin, V. G., & Čiževskij, D. I. (1959). *Zhitie sv. Stefana, episkopa Permskogo*. The Hague: Mouton & Co.
- Dwornik, K. (2016). Stanowisko ks. Josyfa Łewickiego (1801–1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku. *Acta Polono-Ruthenica*, 21, 17–26.
- Dzhordzhich, P. (1971). *Istoriia srpske khirilitse*. Belgrade: Zavod za izdavan'e utshbenika Sotsijalistichke republike Srbije. (In Serbian).
- Dzhurich, V. J. (1996). U senti Firentinske unije: tsrkva sv. Gospodzhe u Mrzhepu (boka Kotorska). *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*, 25, 9–56. (In Serbian).
- Eckhart, T. (1989). *Azbuka. Versuch einer Einführung in das Studium der slavischen Paläographie*. Wien; Köln: Böhlau.
- Eichler, E. (1967). *Die slawistischen Studien des Johann Leonhard Frisch. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Slawistik*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Gherbezza, E. (2019). *Dizionario di italianismi in russo*. Milano: Biblioteca Ambrosiana.
- Glavičić, M. (2014). Pismo pape Inocenta IV. senjskom biskupu Filipu u tiskanim izdanijima i historiografiji. *Senjski sbornik: prilozi za geografiju, etnologiju, gospodarstvo, povijest i kulturu*, 41(1), 159–183.
- Guseva, A. A. (2003). *Izdaniia kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka. Svodnyi katalog* (Vol. 1). Moscow: Indrik.

- Guseva, A. A. (2010). *Svod russkikh knig kirillovskoi pečati XVIII veka tipografii Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naia metodika ikh identifikatsii*. Moscow: Indrik.
- Holzer, G. (2011). *Glasovni razvoj hrvatskoga jezika*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Huk, I. (2001). Z problematyki kształtowania się piśmiennictwa ukraińskiego w Galicji w pierwszej połowie XX wieku: wojna o alfabet. *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze: spotkania polsko-ukraińskie*, 11–12, 404–414.
- Isaevich, Ya. D. (1975). *Pershodrukar Ivan Fedorov i viniknennia drukarstva na Ukraini*. Lviv: Vishcha shkola. (In Ukrainian).
- Isailović, N. (2018). A Contribution to Medieval Croatian Diplomatics: Cyrillic Charters of Croatian Nobility from the Franciscan Monastery on Trsat in Rijeka. In K. Jovanovic, & S. Miljan (Eds.), *Secular Power and Sacral Authority in Medieval East-Central Europe* (pp. 137–152). Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Kalugin, V. V. (2018). Zapisi popa Upyria Likhogo v Tolkovykh prorochestvakh 1047 goda. *Slavianovedenie*, 2, 3–11.
- Kalugin, V. V. (2021). Drevnerusskii protograf Tolkovykh Prorochestv i zadachi ego rekonstruktsii. *Palaeoslavica*, 1(29), 31–88.
- Karskii, E. F. (1979). *Slavianskaia kirillovskaia paleografiia*. Moscow: Nauka.
- Katičić, R. (1999). *Literatur- und Geistesgeschichte des kroatischen Frühmittelalters*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Kempgen, S. (2015a). *Slavic Alphabet Tables. An Album (1538–1824). Revised version of the first edition*. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Kempgen, S. (2015b). *Slavic Alphabet Tables. Vol. 2 (1527–1956)*. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Kempgen, S. (2016). *Slavic Alphabet Tables. An Album. Vol. 3 — Odds and Ends (1530–1963)*. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Kempgen, S. (2020). Das Pariser Abecenarium bulgaricum: Edition und frühe Rezeption. *Die Welt der Slaven*, 1(65), 142–163.
- Kempgen, S. (2022). The Bamberg Cyrillic Alphabet — A colour facsimile. *Scripta & e-Scripta*, 22, 31–35.
- Khaburgaev, G. A. (1994). *Pervye stoletii slavianskoi pis'mennoi kul'tury: istoki drevnerusskoi knizhnosti*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Korogodina, M. V. (2020). Paleograficheskie i ornamental'nye osobennosti perymyshl'skix rukopisei kontsa XV — pervoi poloviny XVI veka // *Vestnik Alyans-Arkheo*. Vyp. 32. Moscow; St Petersburg: Alyans-Arkheo, 55–88.
- Kragić, B. (Ed.). (2023). *Hrvatska enciklopedija* (mrežno izdanje). Leksikografski zavod Miroslav Krleža.
- Krivko, R. N. (2015). *Ocherki iazyka drevnikh tserkovnoslavianskikh rukopisei*. Moscow: Indrik.
- Križanić, J. (1976). *Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku*. München; Berlin; Washington DC: Otto Sagner.
- Križanić, J. (1983). *Objasn'enje vivodno o pismě slověnskom*. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti u Zagrebu.
- Kuev, K. (1967). *Chernorizets Khrab"r*. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarska akademiia na naukite. (In Bulgarian).
- Kuev, K., & Petkov, G. (1986). *S"brani s"chineniia na Konstantin Kostenechki*. Izsledvane i tekst. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarska akademiia na naukite. (In Bulgarian).
- Kul'bakin, S. M. (2008). *Slavianskaia paleografiia*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU.

- Kuz'minova, E. A., & Remneva, M. L. (2018). Kirillitsa. In Aleksii II (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 34, pp. 626–632). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.
- Leibniz, G. W. (2000). *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 16: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Leibniz, G. W. (2001a). *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 17, Teil A: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Leibniz, G. W. (2001b). *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 17, Teil B: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Leibniz, G. W. (2005). *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 18: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Leibniz, G. W. (2023). *Sämtliche Schriften und Briefe. 1. Reihe. Bd. 27: Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Lesiuk, M. P. (2014). *Stanovlennia i rozvytok ukrains'koi literaturnoi movy v Galychyny*. Ivano-Frankivsk: Misto NV. (In Ukrainian).
- Levichkin, A. N. (2024). Il'ia Kopievskii i kirillovskie shrifty v Evrope v kontse XVII — nachale XVIII vv. *Slavianskaia istoricheskaia leksikologiia i leksikografiia*, 7, 34–72.
- Linde 1815a – S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskiei // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (wrzesień). S. 14–34.
- Linde 1815b – S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskiei // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (październik). S. 133–150.
- Linde 1815c – S. B. L i n d e. O literaturze rossyyskiei // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 3 (listopad). S. 277–298.
- Linde 1816 – S. B. L i n d e. O literaturze słowiańsko-rossyyskiei // Pamiętnik Warszawski. 1816. T. 4 (styczeń). S. 3–21.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 7). Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Lunt, H. G. (1965). [Review: Schütz 1963]. *The Slavic and East European Journal*, 2(9), 216–219.
- Maier, I. (2012). Wer war der Autor von Alfabetum Rutenorum (Stockholm ohne Jahr)? In von I. Podterger (Ed.), *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. T. 3: Vom Wort zum Text* (pp. 333–357). Göttingen: V&R unipress; Bonn University Press.
- Maier, I. (2021). Russian Pronunciation Rules in the Alfabetum Russarum. *Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures*, 62, 39–60.
- Maier, I. (2023). A Unique Copy of Alfabetum Russarum, Printed in Stockholm by Peter van Selow. *Scando-Slavica*, 2(69), 322–340.
- Malić, D. (2002). *Na izvorima hrvatskoga jezika*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Marti, R. (1991). Fremde Schriften in einem lateinischen Codex (Zu den Bamberger Hss. Patr. 130/1 und 130/2). *Scriptorium*, 1(45), 47–83.
- Mathiesen, R. (1981–1983). A Thirteenth Century Ukrainian Church Slavonic Text in Latin Letters. *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States*, 15(39–40), 219–230.
- Mel'nikov, E. I. (1967). O drevnerusskikh nazvaniakh slavianskogo pis'ma («kurilovitsa», «slovenskaia gramota», «lititsa»). *Byzantinoslavica*, 1(28), 124–140.
- Mihalević, M. (2020). Glagolitic. In M. L. Greenberg (Ed.), *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden: Brill. Retrieved from <https://referenceworks.brill.com/view/entries/ESLO/COM-032496.xml>

Milev, A. (1966). *Gr"tskite zhitia na Kliment Okhridski: uvod, tekst, prevod i ob"-iasnitelni belezhki*. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarska akademiia na naukite. (In Bulgarian).

Moser, M. (2002). Prüfsteine des Austroslawismus: das „allgemeine Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Oesterreich“ und die „juridisch-politische Terminologie für die slawische Sprachen Oesterreichs“. In I. Pospíšil (Ed.), *Crossroads of cultures: Central Europe* (pp. 75–129). Brno: Masarykova univerzita.

Moser, M. (2020). «*Iunosti chestnoe zertsalo*» 1717 g. *U istokov russkogo literaturnogo iazyka*. Wien: LIT.

Moser, M. (2022). Galizische Wege zur ukrainischen Standardsprache: die Grammatiken von Mychajlo Osadca (1862/1864) und Pylyp Djačan (1865). *Slavia*, 4(91), pp. 385–422.

Murko, M. (1962). *Izbrano delo*. Ljubljana: Slovenska Matica.

Mužić, I. (2011). *Hrvatska kronika u Ljetopisu popa Dukljanina*. Split: Muzej hrvatskih arholoških spomenika.

Nazor, A. (1987). Ćirilica i glagoljaši. *Brački zbornik*, 15, 78–83.

Nazor, A. (2000). Prožimanje glagoljice i ćirilice na hrvatskom prostoru. In E. Herigonja (Ed.), *Hrvatska i Europa. Kultura, znanost i umjetnost. Sv. 2: Srednji vijek i Renesansa (XIII–XVI. stoljeće)* (pp. 289–297). Zagreb: Školska knjiga.

Nazor, A. (2008). Interpretation of the Glagolitic and Cyrillic scripts in Croatia. In I. Supićić (Ed.), *Croatia and Europe: a cultural survey. Vol. 2: Croatia in the Late Middle Ages and the Renaissance* (pp. 289–299). London; Zagreb: Whilson; Školska knjiga.

Nemirovskii, E. L. (2009–2012). *Slavianskie izdaniia kirillovskogo (tserkovnoslavianskogo) shrifta. 1491–2000. Inventar' sokhranivshikhsia ekzempiarov i ukazatel' literatury* (Vols. 1–2). Moscow: Znak; Yazyki slavianskikh kul'tur.

Nemirovskij, E. (1996–2007). *Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift* (Vols. 1–7). Baden-Baden: Valentin Koerner.

Newerkla, S. M., Petrbok, V., & Vykypělová, T. (2014). *Maximilian Schimek. Vorläufer der wissenschaftlichen Slawistik: Leben, Werk, Editionen*. Wien: Holzhausen.

Nikolenkova, N. V. (2018). «Diatriba o iazykakh evropeitsev» Iosifa Yusta Skaligera v tserkovnoslavianskom perevode XVII veka. *Slověne*, 7(2), 105–134.

Pantelić, M. (1965). Glagoljski brevijar popa Mavra iz godine 1460. *Slovo*, 15–16, 94–149.

Pentkovskaia, T. V., & Shikina, E. V. (2023). Petr Tolstoi i Savva Raguzinskii kak perevodchiki Petrovskoi epokhi: iazykovye skhodstva i razlichiiia. Chast' 1. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologija*, 6, 9–18.

Pentkovskaia, T. V., & Shikina, E. V. (2024). Petr Tolstoi i Savva Raguzinskii kak perevodchiki Petrovskoi epokhi: iazykovye skhodstva i razlichiiia. Chast' 2. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologija*, 1, 27–36.

Poppe, A. (1985). «Is kurilotsě» i «is kurilovitsě». *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 31/32, 319–350.

Rajhman, J. (1986). *Pisma Primoža Trubarja*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.

Sakrausky, O. (1989). *Primus Truber. Deutsche Vorreden zum slovenischen und kroatischen Reformationswerk*. Wien: Evangelischer Presseverband.

Schütz, J. (1963). *Das handschriftliche Missale Illyricum Cyrillicum Lipsiense* (Vols. 1–2). Wiesbaden: Otto Harrasowitz.

Schwarz, K. W. (2020). Ein Reformator aus Innenösterreich. Primus Truber und der südslawische Buchdruck in der Uracher Bibelanstalt. In A. von Seidler, & I. Monok (Eds.),

- Reformation und Bücher. Zentren der Ideen — Zentren der Buchproduktion* (pp. 63–84). Wiesbaden: Harassowitz.
- Shchepkin, V. N. (1967). *Russkaia paleografiia*. Moscow: Nauka.
- Shmeleva, T. V. (2021). Alfavit v russkoi kul'ture. In T. V. Shmeleva (Ed.), *Kirillitsa — latinitsa — grazhdanitsa* (pp. 20–52). Veliky Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo.
- Shustova, Yu. E. (2009). *Dokumenty L'vovskogo Uspenskogo Stavropigiiskogo bratstva (1586–1788): Istochnikovedcheskoe issledovanie*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Shustova, Yu. E. (2011). Nazvaniia i grafika bukv kirillitsy v pechatnykh azbukakh XVI–XVII vv. In *Kirillitsa ot voznikoveniia do nashikh dnei* (pp. 110–154). St Petersburg: Aleteiia.
- Štefanić, V. (1964a). [Rec.: Schütz 1963]. *Slovo*, 14, 147–154.
- Štefanić, V. (1964b). [Rez.: Schütz 1963]. *Die Welt der Slaven*, 9, 328–336.
- Štefanić, V. (1976). Nazivi glagoljskog pisma. *Slovo*, 25–26, 17–76.
- Stoliarova, L. V. (2000). *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepletchikov drevne-russkikh pergamenykh kodeksov XI–XIV vekov*. Moscow: Nauka.
- Timann, U. (1998). Ein unbekanntes Dokument zu Sweitpolt Fiol, dem ersten Drucker der kyrillischen Schrift. *Gutenberg-Jahrbuch*, 73, 111–120.
- Turilov, A. A. (1998). Perevody s latinskogo i zapadnoslavianskogo iazykov, vypolnennye ukrainsko-beloruskimi knizhnikami v XV — nachale XVI vv. In Ya. N. Shchepkin, S. M. Fal'kovich, & N. I. Shchhaveleva (Eds.), *Kul'turnye sviazi Rossii i Pol'shi XI–XX vv. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.* (pp. 58–68). Moscow: URSS.
- Turilov, A. A. (2010). *Slavia Cyrillomethodiana: Istochnikovedenie istorii i kul'tury iuzhnykh slavian i Drevnei Rusi: Mezhslavianskie kul'turnye sviazi epokhi srednevekov'ia*. Moscow: Znak.
- Turilov, A. A. (2012). *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian: Etiudy i kharakteristiki*. Moscow: Znak.
- Uspenskii, B. A. (2004). *Istoriko-filologicheskie ocherki*. Moscow: Yazyki slavi-anskoj kul'tury.
- Verkholantsev, J. (2010). “Littera specialis ... a beato Jeronimo”: how did sts. Cyril and Methodius lose recognition as inventors of the Glagolitic letters to st. Jerome? *Ricerche slavistiche*, 54, 5–41.
- Verkholantsev, J. (2012). St. Jerome, Apostle to the Slavs, and the Roman Slavonic Rite. *Speculum*, 1(87), 37–61.
- Verkholantsev, J. (2013). St. Jerome as a Slavic apostle in Luxemburg Bohemia. *Viator*, 1(44), 251–286.
- Verkholantsev, J. (2014). *The Slavic letters of St. Jerome. The History of the Legend and Its Legacy, or, How the Translator of the Vulgate Became an Apostle of the Slavs*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.
- Verkholantsev, J. (2016). Croatian monasticism and Glagolitic tradition: Glagolitic letters at home and abroad. In I. A. Murzaku (Ed.), *Monasticism in Eastern Europe and the former Soviet Republics* (pp. 42–61). London; New York: Routledge.
- Verkholantseva, Yu. V. (2009). Cheshskie i khorvatskie glagoliashi-benediktintsy sredi pravoslavnykh Litvy i Pol'shi i latinskie teksty, zapisannye kirillitsej. In S. Temčinas, G. Miškinienė, M. Čistiakova, & N. Morozova (Eds.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštys-tės kalbos, kultūros ir raštinijos tradicijos* (pp. 81–95). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Verkholantseva, Yu. V. (2010). Kirillicheskaia zapis' latinskikh molitv i otryvka china messy iz rukopisi Sinodal'nogo sobraniia GIM № 558. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2(40), 74–90.

Vervilet, H. D. L. (1981). *Cyrillic and Oriental Typography in Rome at the End of the Sixteenth Century: An Inquiry into Later Work of Robert Granjon (1578–90)*. Berkeley: Poltroon Press.

Vialova, S. O. (2017). Karaman. In Aleksii II (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 31, p. 10). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Vrečko, E., & Krajnc-Vrečko, F. (Eds.). (2015). *Primož Trubar. Pisma*. Ljubljana: Pedagoški institut.

Žagar, M. (2009). Hrvatska pisma u srednjem vijeku. In A. Bičanić (Ed.), *Povijest hrvatskoga jezika. 1. knj.: srednji vijek* (pp. 107–220). Zagreb: Groatica.

Zernova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoi pečati, izdanne v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog*. Moscow: Gos. ordena Lenina b-ka SSSR im. V. I. Lenina.

Zernova, A. S., & Kameneva, T. N. (1968). *Svodnyi katalog russkoi knigi kirillovskoi pečati XVIII veka*. Moscow: Gos. ordena Lenina b-ka SSSR im. V. I. Lenina.

Zhivov, V. M. (2002). *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Ziffer, G. (1995). Le fonti greche del monacho Chrabar. *Byzantinoslavica*, 3(56), 561–570.

Ziffer, G. (2001). Ancora intorno alle fonti chrabriane. In Z. Vitich, T. Jovanovich, & I. Shpadijer (Eds.), *Slovensko sredn' novokovno nasledzhe. Zbornik posvechen profesoru Dzhordzhu Trifunovichu* (pp. 707–710). Belgrade: Chigoja shtampa.

Ziffer, G. (2017). Eshche raz po povodu istochnikov Khrabra. *Slavianovedenie*, 4, 9–11.

Received on March 17, 2025

И. Б. ИТКИН

Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ЛИНЕЙНАЯ ПОЗИЦИЯ И ПРОСОДИЧЕСКИЙ СТАТУС ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»*

В статье рассматривается ранее не привлекавший внимания вопрос о закономерностях расстановки форм обращения в древнерусском памятнике конца XII в. «Слово о полку Игореве». Показано, что если неоднословные обращения отчетливо тяготеют к вынесению в абсолютное начало предложения, то однословные, напротив, вообще не могут занимать начальную позицию и в подавляющем большинстве случаев располагаются в конце первой тактовой группы, т. е. подчиняются закону Ваккернагеля для фразовых энклитик. Это наблюдение позволяет несколько иначе, чем обычно делается сейчас, посмотреть на некоторые спорные и даже «темные» места «Слова...» — в частности, для отрезка *Кая раны дорога братіе...* вернуться к конъектуре Н. С. Тихонравова (*брат<a>* вместо *братіе*). Обсуждается также вопрос о просодическом статусе форм имперфекта глагола *быти*: имеющийся материал свидетельствует о том, что в языке «Слова...» и эти формы подчиняются закону Ваккернагеля. Таким образом, хотя в знаменитой начальной фразе «Слова...» обращение *братіе* стоит на шестом (!) месте от начала (*Не льпо ли ны бяшетъ, братіе...*), эта его позиция оказывается единственно возможной с учетом правил порядка слов, действующих в тексте памятника.

Ключевые слова: древнерусский язык, «Слово о полку Игореве», закон Ваккернагеля, формы обращения, энклитики.

Введение

Вопрос о просодическом статусе слов и словосочетаний, выступающих в функции обращения, в работах по древнерусскому языку, насколько нам известно, никогда не ставился¹. *Communis opinio* состоит здесь в том, что никакими специальными просодическими свойствами обращения не обла-

* Автор выражает искреннюю благодарность А. А. Пичхадзе и другому рецензенту журнала «Русский язык в научном освещении», пожелавшему сохранить анонимность, за ценные критические замечания, дополнения и уточнения.

¹ Подчеркнем, что речь идет о классе обращений в целом. О важных наблюдениях, касающихся эволюции отдельных частотных форм, см. ниже, раздел 4.

дали, ср. характерную цитату: «...обращение, **как известно**, не только в современном, но и в древнерусском языке свободно занимает практически любую линейную позицию» [Дымарский 2016: 156] (выделено нами. — *И. И.*).

Такого рода общая картина, однако, может складываться в результате взаимодействия множества частных правил. Например, формы 1-го и 2-го лица настоящего времени глагола *быти* (*есмь*, *еси* и т. д.) точно так же могли занимать любое место в предложении; между тем, как убедительно показал А. А. Зализняк, в определенных случаях эти формы представляли собой энклитики, полностью подчиняющиеся закону Ваккернагеля [Зализняк 2008а: 221–262]. Соответственно, допустимо предположение о том, что подобным образом дело могло обстоять и с формами обращения.

В настоящей работе рассматривается употребление обращений в одном древнерусском памятнике — «Слове о полку Игореве» (далее — «Слово...», СПИ). Такой выбор обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, при очень небольшом объеме (менее 2800 слов) «Слово...» благодаря своему содержанию и риторической структуре насыщено обращениями (в общей сложности более 40 примеров). Во-вторых, картина, представленная в «Слове...», отличается замечательной четкостью; наблюдаемые количественные соотношения исключают любые допущения о случайности и позволяют использовать «Слово...» как своего рода эталон при анализе на тот же предмет других древнерусских памятников.

Текст СПИ цитируется по книге [Зализняк 2008б: 461–475]; заливка и подчеркивания опущены. При каждой цитате указывается номер так называемого звена (в соответствии с нумерацией, введенной в [Jakobson 1948] и принятой рядом других исследователей; следует ей и А. А. Зализняк).

Ключевую роль для нашего анализа играет разделение всех обращений в СПИ на неоднословные (распространенные) и однословные (одиоичные). Рассмотрим эти две группы по отдельности.

1. Неоднословные обращения

Неоднословные обращения в тексте СПИ чаще всего стоят в начале предложения (что, конечно, вполне естественно для любого языка любой эпохи); в эту группу отнесены и случаи, когда такое обращение (бесспорно или с высокой вероятностью) представляет собой отдельное предложение²:

- (1) *Братіе и дружино!* 10
- (2) *О Бояне, соловію стараго времени!* 14
- (3) *О Руская земле!* 32
- (4) *О Руская земля!* 47

² Если допустить, что фраза *Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславици, не худа гнѣзда шестокрилци!* 140 вопреки морфологическому оформлению имен также представляет собой обращение, она попадает в эту же группу.

- (5) *Яръ туре Всеволодъ!* 53
- (6) *О моя сыновчя Игорю и Всеволоде!* 112
- (7) *Великый княже Всеволоде!* 123
- (8) *Галичкы Осмомысль Ярославe!* 130
- (9) *Ярославe и вси внуце Всеслави!* 149
- (10) *О вѣтръ, вѣтрило!* 173
- (11) *О Днепре Словутицю!* 178
- (12) *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* 182
- (13) *Княже Игорю!* 193
- (14) *О Донче!* 195

В пяти из шести надежных примеров неначальной позиции³ неоднословное обращение стоит после полноударного местоимения *ты* (примеры (18)–(19) совершенно однотипны, примеры (15)–(17) также устроены очень сходно):

- (15) *и тебѣ, Тьмотораканьскый блъванъ!* 29
- (16) *ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине!* 41
- (17) *отъ тебе, яръ туре Всеволоде!* 55
- (18) *Ты, буй Рюриче и Давыде!* 127
- (19) *А ты, буй Романе и Мстиславе!* 133

За рамками двух этих моделей остается единственный пример:

- (20) *Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче...* 17

Этот пример, в котором неоднословное обращение располагается, наоборот, в конце предложения перед прямой речью, стоит в тексте «Слова...» особняком: других сколько-нибудь похожих конструкций в памятнике нет.

2. Однословные обращения

Для однословных обращений ситуация оказывается совершенно иной. Случаев расположения однословных обращений в абсолютном начале предложения в тексте СПИ **нет вообще** — ни при каких интерпретациях различных «темных мест» (по крайней мере, из числа находящихся в рамках науки), ни при каком подходе к отнесению влево или вправо спорных в плане синтаксической подчиненности отрезков текста. Поскольку речь идет не менее чем о 20 вхождениях, можно с уверенностью утверждать, что в языке «Слова...» одиночные формы звательного падежа относятся к так называемым **постпозитивам** — единицам, не способным занимать первую позицию в предложении [Вексина 2008: 42]. С учетом близкого к зеркальному поведению неоднословных обращений этот факт уже сам по

³ Для фразы *Слава Игорю Святъславличъ, буй-туру Всеволодъ, Владиміру Игоревичу* 216 несравненно более естественным кажется восстанавливать цепочку дативов, а не вокативов — ср. непосредственно ниже *Княземъ слава а дружинъ* 218.

себе выглядит достаточно неожиданным. Однако верным оказывается и намного более сильное утверждение: в подавляющем большинстве случаев однословные обращения стоят в ваккернагелевской позиции, при наличии любых энклитик — после энклитик⁴. Таким образом, однословные обращения в СПИ представляют собой **синтаксические энклитики** — «единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающи^е всем комплексом соответствующих фонетических черт» [Зализняк 2008а: 9].

Всего в СПИ мы обнаружили 18 примеров, в которых такое поведение одиночных обращений проявляется в чистом виде:

- (21) *Боянь же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедгъй пуцаше 5*
- (22) *Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря 6*
- (23) *А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони 11*
- (24) *съ вами, Русици, хоцу главу свою приложити 13*
- (25) *скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы⁵ оба полы сего времени 14*
- (26) *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю 20⁶*

⁴ Поскольку после нена начального обращения в древнерусском языке возникает полуобязательный ритмико-синтаксический барьер [Зализняк 2008а: 61], такое уточнение на первый взгляд кажется близким к тривиальному. Однако чисто логически можно было бы вообразить себе и какое-то другое поведение энклитических форм обращения — например, они могли бы ставиться непосредственно после первого полноударного слова, требуя смещения энклитик вправо и/или их замены полноударными аналогами: *Донъ ти кличетъ + княже* → ***Донъ, княже, // тебъ кличетъ... ~ **Донъ, княже, // кличетъ ти...* вместо реально засвидетельствованного в тексте СПИ *Донъ ти, княже, кличетъ...* 138.

Анонимный рецензент сопроводил эту фразу следующим комментарием: «Почти то же самое утверждается в [Янко 2001: 76]». Смеем заверить читателя, что это не так (и не может быть так, поскольку эта монография посвящена современному русскому языку). Достаточно упомянуть, что Т. Е. Янко ничего не говорит о различиях между однословными и неоднословными обращениями, а наряду с примером *Подвинься, Зин* (заметим, непоказательным: он представляет собой стихотворную цитату, порядок слов в которой определяется размером и рифмой) на той же странице фигурирует пример *Вась, ты погляди, какая женщина!*

⁵ Иногда *славы* правят на *славію* — см. об этом, в частности, [Дмитриев 1952: 243]. Такое чтение дает привлекательный параллелизм: *скача, славію, по мыслену древу <...>, свивая, слав<ію>, оба полы сего времени*, — но, разумеется, предположение об ошибке делает его ненадежным. Позиция формы *славію* в обеих частях фразы при данном решении оказывается идентичной.

⁶ С ритмико-синтаксическим барьером перед *ты*, обязательным во фразах такой структуры и в современном русском языке. Этот пример можно трактовать и по-другому, объединяя его с примерами (18)–(19) или даже (15)–(19) в рамках правила «при наличии во фразе полноударной формы местоимения *ты* обращение ставится сразу после нее».

- (27) *Стѣдлай, брате, свои брѣзыи комони* 21
 (28) *Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала* 75
 (29) *А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастѣми* 84
 (30) *Уже, княже, туга умъ полонила* 101
 (31) *А чи диво ся, братіе, стару помолодити?* 117
 (32) *Вступита, господина, въ злата стремен<и> за обиду сего времени* 129
 (33) *Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощя за землю Рускую* 132
 (34) *Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду* 138
 (35) *Чему, господине, насильно вѣеши?* 173
 (36) *Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?* 176
 (37) *Възлелгы, господине, мою ладу къ мнѣ* 180
 (38) *Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои* 183

Подчеркнем, что такое поведение однословных обращений совершенно нетипично для древнерусских памятников в целом. Приведем некоторые фрагменты с начальными обращениями (без учета молитв и иных случаев адресации к высшим силам):

- берестяные грамоты (следует оговорить, что в берестяных грамотах начальными обращениями сравнительно редки):
 [Ѣ]ра[тъ сот]вори жь ми добро 829 (1160–1180);
 куре даи грѣвну і г · кунъ 1054 (1260–1280);
 ѡсподинѣ ѡ всѣмъ то^{мо} понаболисе 359 (1400–1410);
- летописи (примеров очень много):
 с̄ноу кланяю ти са · (Синод. НПЛ);
 бра(т)е аже того оубиете. оубиете мене переже. (Синод. НПЛ);
 кнже поѣди проче не хотимъ тебе. (Синод. НПЛ);
 игорю цѣлоуи кртъ (Киевская летопись);
 брате на томъ азъ. цѣлова(л) к нимъ хр(с)тъ. (Киевская летопись);
 ѡце поусти ма черниговоу. (Киевская летопись);
 сыноу сгрѣшихъ не давъ тобѣ Галича. (Галицкая летопись);
- прочие памятники:
 гѣрш. прійми мѣръ с чѣдо(м). (Хождение игумена Даниила);
 оудре ты блюдиса ѡ него. (Иосиф Флавий, «История Иудейской войны»);
 друже даи же сему мѣсто («Поучение ко всем крестьяном»).

3. Спорные случаи

Пять примеров, включенных в настоящий раздел, объединены лишь тем, что для каждого из них вопрос о позиции обращения по тем или иным причинам (в том числе потому, что само наличие обращения может яв-

ляться предметом дискуссии) не имеет однозначного ответа. Эти примеры рассматриваются не по порядку их появления в тексте «Слова...», а в соответствии с логикой изложения.

(39) *Камо туръ поскочяше...* 54

В интерпретации этой фразы конкурируют две гипотезы (см., в частности, [Timberlake 1999: 773]): *Камо туръ поскочяше...* ‘Куда тур поскакал...’ (где *поскочяше* — 3-е л. ед. ч. имперфекта) и восходящая к первому изданию *Камо, туръ, поскочяше...* ‘Куда ты, тур, поскакал...’ (где *поскочяше* — 2-е л. ед. ч. имперфекта). Основной аргумент в пользу второй трактовки — присутствие обращений к «яр-туру» Всеволоду в обрамляющих эту фразу звеньях 53 и 55 (см. выше). Основной аргумент против — форма им. ед. *туръ* вместо ожидаемого зв. ед. *туре*. Однако в СПИ так или иначе есть два примера употребления именительного падежа вместо звательного у слов, в прямом значении не обозначающих человека: *Тьмутараканьскый блъвань!* 29, *чръный воронъ, поганый Половчине!* 41, ср. [Зализняк 2008б: 242]. Тем самым, допущение третьего такого примера не ведет к «ухудшению» ныне известного текста памятника. Для нас существенно, что, если принять чтение *Камо, туръ, поскочяше...*, корпус ваккернагелевских употреблений одиночных обращений пополняется еще одним примером (а если принять чтение *Камо туръ поскочяше...*, в данном звене просто не усматривается обращения).

(40) *Нъ уже, княже Игорю, утръпъ солнцю свѣтъъ, а древо не бологомъ листвѣ срони* 136

В этой фразе предметом дискуссии является форма *Игорю*, которая может пониматься как дательный падеж, зависящий от сказуемых *утрпъпъ* и *срони*, или как часть неоднословного обращения *княже Игорю*. Первого понимания придерживаются, в частности, Р. О. Якобсон и О. В. Творогов, второго — в частности, Д. С. Лихачёв⁷ и, судя по используемой им пунктуации, А. А. Зализняк. Несмотря на то, что применительно к рассматриваемой нами проблеме трактовка формы *Игорю* как дат. ед. оказывается существенно более «выгодной» (одиночное обращение в ваккернагелевской позиции для СПИ — абсолютная норма, тогда как постановка в эту позицию распространенного обращения уникальна), нам она представляется неубедительной как из-за неясности того, к какому князю в таком случае адресуется повествователь, так и из-за странности получающегося смысла (‘Игорю дерево не по-доброму листья сбросило?’).

На наш взгляд, необычное расположение сочетания *княже Игорю* может объясняться сознательным параллелизмом с фразой *Уже, княже, туга*

⁷ При сравнении разных переводов «Слова...» мы пользовались превосходным электронным ресурсом, разработанным Б. В. Ореховым: <http://nevmenandr.net/slovo/> (см. также [Орехов 2009]).

умь полонила 101: обе предложения построены по схеме «Уже, князь, имеются такие-то свидетельства “худых времен”».

(41) *Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша!* 146

В этом примере одиночное обращение находится не в ваккернагелевской позиции, а правее. Поскольку данный пример единичен, его возникновение может объясняться той или иной случайностью — скажем, внесением какой-то правки или даже ошибкой переписчика. Однако более плодотворным кажется другой подход. Форма *княже* стоит не в произвольном месте предложения, а после начальной именной группы. Ситуация, когда фразовые энклитики располагаются не после первого фонетического слова, а после первой составляющей, широко распространена в языках мира, ср. [Вексина 2008: 51–52] (противопоставление «синтаксической второй позиции» и «фонологической второй позиции»), [Spencer, Luís 2012: 48] (противопоставление «2D placement (‘2D’ for ‘second (constituent) daughter’)» и «2W placement (‘2W’ for ‘second word’)»)⁸. 2W-стратегия и 2D-стратегия могут сосуществовать в рамках одного языка — как свободные варианты или в зависимости от каких-то дополнительных факторов (см. примеры в [Spencer, Luís 2012: 49–52]). Если речь идет о древнем языке, результаты конкуренции 2W- и 2D-стратегий могут быть различны для разных памятников: например, как установил А. А. Зализняк, на фоне общего преобладания в древнерусском языке 2W-стратегии «Житие Андрея Юродивого» (перевод с греческого, выполненный в XI — первой половине XII в.) обнаруживает явную тенденцию к 2D-стратегии [Зализняк 2008а: 80].

В лингвистическом жаргоне 2D-стратегия расстановки энклитик известна под названием «слабого Ваккернагеля». Действительно, переход от 2W-стратегии к 2D-стратегии — одно из нередких следствий ослабления действия закона Ваккернагеля в ходе эволюции некоторого языка⁹. По-видимому, именно этим объясняется рассматриваемый А. А. Зализняком пример (очень близкий к примеру (41) из СПИ) 2D placement связки *были* в составе формы плюсквамперфекта: *и прежние твои были у ростовских*

⁸ Разумеется, такая дихотомия упрощает реальное положение дел. Более подробную классификацию см. в работе [Циммерлинг 2012], не со всеми положениями которой мы, однако, можем согласиться.

⁹ Анонимный рецензент, найдя это утверждение неверным, предложил нам «попробовать объяснить 2D в таких языках, как пашто, осетинский, кавиненья и проч. как инновацию». Автор этих строк ни в коей мере не является специалистом ни по индо-иранским, ни тем более по пано-таканским языкам, однако должен выразить некоторое недоумение. Большинство лингвистов закон Ваккернагеля всегда понимался и понимается как описание правил расстановки энклитик в п а ш т о и н д о е в р о п е й с к о м языке. Коль скоро это так, трактовка 2D-стратегии в пашто и осетинском как инновации явствует из самого факта их принадлежности к индоевропейской языковой семье.

владык служили. Вопреки мнению самого А. А. Зализняка, этот поздний (из послания Ивана Грозного) пример кажется естественным объяснять не тем, что «энклитический статус плюсквамперфектных *быль*, *были*, возможно, все же установился не вполне прочно» [Зализняк 2008а: 40], а, напротив, постепенным расшатыванием системы ваккернагелевских энклитик в истории русского языка.

Поскольку ни один из примеров (21)–(38) (или, быть может, (21)–(40)) не содержит начальной двучленной именной группы, остается неизвестным, было ли в языке «Слова...» 2D placement одиночного обращения редким отклонением от 2W-стратегии, равноправным конкурирующим вариантом или даже нормой.

- (42) *Кая раны дорога братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова
отня злата стола и своя милья хоти, красныя Гльбовны, свычая
и обычая 56*

Начало звена 56 входит в число классических «темных мест» СПИ; ни одна из предлагавшихся интерпретаций не дает чтения, которое удовлетворило бы всех или хотя бы значительную часть специалистов. Несмотря на скептическое отношение к возможности прояснения таких «темных мест», выказывавшееся уже в XIX в.¹⁰, а ныне ставшее едва ли не общепринятым, именно для данного случая мы сочли целесообразным рассмотреть некоторые из конкурирующих версий. Дело в том, что закономерности расстановки обращений, обсуждаемые в настоящей работе, как кажется, позволяют оценить убедительность существующих решений иначе, чем это обычно делается сейчас (см. ниже, сн. 15).

а) *Кая раны, дорога братіе...* ‘Отомстил (?) за раны, дорогие братья...’ [Булаховский 1950/1983: 471–472]; *кая* — 3-е л. ед. ч. аориста).

<Д>*ая раны, дорога братіе...* ‘Пораздавал он удары, дорогие братья...’ [Jakobson 1948]; *дая* — 3-е л. ед. ч. аориста).

Л. А. Булаховский полагал, что «*дорога* абсолютно естественно связывается с *братіе* и поэтому поиски перевода должны быть ограничены только словами, остающимися по исключению этого бесспорного обращения» [Булаховский 1950/1983: 471]. Между тем «бесспорное обращение» *дорога братіе* как будто бы не находит себе аналога в других древнерусских сочинениях. Кроме того, требует объяснения краткая форма прилагательного (ср. *Великый княже Всеволоде!* 123, *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* 182). Наконец, как мы теперь знаем, в тексте СПИ нет других примеров такой позиции распространенного обращения. Таким образом, решение Л. А. Булаховского кажется маловероятным или по меньшей мере

¹⁰ Ср.: «Мы вообще не думаемъ, чтобы мѣста, справедливо заподозрѣнные критикой въ искаженіи, могли быть исправлены при теперешнихъ средствахъ: всякая поправка, какъ бы она ни была остроумна, будетъ только *въроятна* и не увеличитъ нашихъ свѣдѣній» [Миллер 1877: 3] (курсив в источнике. — *И. И.*).

неочевидным. Разумеется, те же соображения актуальны и для решения Р. О. Якобсона, которое, в сущности, отличается от решения Л. А. Булаховского только тем, что вдобавок предполагает необъяснимую описку в глагольной форме.

б) *Кая ран<a> дорога, братіе...* ‘Какая рана дорога, братья...’ ([Потебня 1878] и мн. др.).

Кая ра<ть> дорога, братіе... ‘Какая битва дорога, братья...’ (Ф. Е. Корш, цит. по [СССПИ, ст. рана]).

Если принять чтение *Кая ран<a> дорога, братіе...*, одиночное обращение оказывается в позиции, в которой оно нигде более в тексте СПИ не представлено; предположение о наличии ритмико-синтаксического барьера после *ран<a>* совершенно произвольно и неправдоподобно. Как и в предыдущем случае, вариант Ф. Е. Корша отличается от «основного» варианта лишь более существенной правкой фактически имеющегося текста.

в) *Кая ра<ть> ны дорога, братіе...* ‘Какая же битва нам столь дорога, братья...’ ([Николаев 2020: 553, 609] в развитие идеи Ф. Е. Корша).

Странным образом, предлагая эту новую конъектуру, такой авторитетный акцентолог, как С. Л. Николаев, не заметил, что форма *ны* оказывается в позиции, невозможной для энклитики. Примеров 2D placement «настоящих» энклитик (в отличие от примера (41) с одиночным обращением) в тексте СПИ нет (а примеры разрыва начальной именной группы энклитиками есть: ср. *Боянь бо вѣщій... 3, а мои ти куряни... 23, вежи ся Половецкіи подвизашася* 187). К этому мы можем добавить, что нет в СПИ и примеров дистантного расположения энклитики и одиночного обращения (а случаев их контактного расположения по меньшей мере 6 — см. выше (21), (22), (28), (29), (31), (34)). Этих двух соображений, как представляется, достаточно, чтобы чтение С. Л. Николаева было отведено¹¹.

Как видно, линейная позиция слова *братіе* оказывается аномальной при любых трактовках. Однако адресация к аудитории посреди пассажа, посвященного восхвалению доблестей князя Всеволода, выглядит как минимум необязательной и с содержательной точки зрения. Все это приводит к мысли, что как раз сама форма *братіе* может быть результатом ошибки, и, далее, к эмендации *Кая раны дорога брат<a>...* По свидетельству В. Ф. Миллера [1877: 204], именно такое чтение было сообщено ему (лично) Н. С. Тихонравовым. В. Ф. Миллер комментирует гипотезу Н. С. Тихонравова явно сочувственно: «Эта поправка дает еще болѣе удовлетворительный смысл: кая раны дорогаго брата, т. е. Игоря» [Там же]¹².

¹¹ На наш взгляд, решение С. Л. Николаева неубедительно и по другим причинам; в частности, чтение *Кая ра<ть> ны дорога, братіе, забывъ чти и живота...* предполагает присутствие в тексте конструкции типа *Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа*.

¹² Удостоверившись, что форма *братіе* никаким образом «не подставляется» в текст, и еще не будучи тогда знакомым с книгой В. Ф. Миллера, автор этих строк

Замена дважды встретившегося в СПИ *мила брата* на *дорога брат*<*a*> может объясняться стремлением избежать лексического повтора — ср. далее в том же предложении *своя милья хоти*¹³. Вопрос о грамматическом статусе (деепричастие? 2-е л. аориста? 3-е л. аориста?) и точном значении формы *кая* так или иначе остается открытым. Заметим лишь, что, если вслед за Л. А. Булаховским допустить для древнерусского *каяти* значение ‘мстить’, перевод ‘Ты мстил за раны дорогого брата...’ оказывается просто «неправдоподобно хорошим» как грамматически, так и по смыслу¹⁴. По нашему убеждению, полузабытая конъектура *дорога брат*<*a*> заслуживает того, чтобы быть полноценно возвращенной в научный оборот¹⁵.

(43)=(и1) *Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревъ, Игоря Святъславлича? 1*

Вопрос о закономерной ~ аномальной позиции формы *братіе* в первой фразе «Слова...» зависит от решения вопроса о статусе формы *бяшетъ*. В книге [Зализняк 2008а] формы имперфекта глагола *быти* не рассматриваются; более того, А. Тимберлейк в качестве «a prominent context» для них отмечает позицию в абсолютном начале предложения перед фразовыми энклитиками, как в примере из Лаврентьевской летописи: **БАХУТЬ БО БОРЦИ СТОЯЩЕ ГОРЪ** [Timberlake 1999: 777]. При этом буквально несколькими строчками раньше в той же работе, приведя два примера из «Слова...» (собственно звено 1 и звено 175 — см. ниже), в которых форма *бяшетъ* стоит **после** энклитик, американский исследователь в скобках замечает, что в этих примерах «the auxiliary itself may have been enclitic» [Ibid.]. А. Тимберлейк, однако, никак не поясняет свое предположение и не распространяет его на другие формы имперфекта от *быти* в «Слове...».

придумал конъектуру *брат*<*a*> самостоятельно. Разумеется, мы сообщаем об этом не для того, чтобы поставить под сомнение бесспорный научный приоритет Н. С. Тихонравова, а лишь потому, что решение, пришедшее в голову двум исследователям независимо, быть может, не должно отбрасываться как априори невероятное.

¹³ Как указала в своей рецензии А. А. Пичхадзе, «в оригинальных древнерусских текстах применительно к родственникам употребляется определение *мильи* или *любимьи* <...>. Древнерусские словари вообще не фиксируют полногласную форму *дорогъ* в значении ‘милый’». Мы не видим хорошего способа обойти эту трудность; отметим лишь, что косвенным свидетельством взаимозаменяемости прилагательных *милый* и *дорогой* в восточнославянском ареале могут служить пары имен типа *Милонгъ* ~ *Дорогонгъ*.

¹⁴ Правда, следует иметь в виду, что других примеров 2-го л. ед. ч. аориста от глаголов несовершенного вида в тексте «Слова...» как будто бы нет [Зализняк 2008б: 113].

¹⁵ Решение Н. С. Тихонравова отмечено в [СССПИ, ст. *рана*], но показательным образом отсутствует среди вариантов чтения соответствующего места, перечисляемых А. А. Зализняком [2008б: 464, сн. 8].

В недавней работе А. А. Пичхадзе показала, что в древнерусских летописях формы имперфекта от *быти*, выступающие в роли связки в составе книжного плюсквамперфекта, обнаруживают сильную, хотя и не реализующуюся абсолютно последовательно, тенденцию к энклитическому употреблению ([Пичхадзе 2020: 195–202], см. особенно таблицу на с. 200 и комментарий к ней). А. А. Пичхадзе допускает даже, что «энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта развилось еще в дописьменную эпоху» [Там же: 201].

В СПИ с учетом начальной фразы встретилось шесть форм имперфекта глагола *быти* (номера примеров с этими формами дополнительно снабжены индексом «и», чтобы не смешивать их с примерами (2)–(6) выше; примеру (43), содержащему и обращение, и форму имперфекта, присвоен двойной номер):

- (и2)–(и3) *Тии бо два храбрая Святъславлича Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди(ста), которую то **бѣше** уснилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевскый — грозою **бѣшетъ** притрепеталъ. Своими сильными плъкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую... 88-89*
- (и4) *Которо<ю> бо **бѣше** насиліе отъ земли Половецкыи 152¹⁶*
- (и5) *Немизъ кровави брезъ не бологомъ **бѣхуть** постѣяни... 158*
- (и6) *мало ли ти **бѣшетъ** гор<гъ> подъ облакы вѣяти... 175*

В примерах (и2), (и4), (и6) формы имперфекта стоят именно в той позиции, которая ожидается в соответствии с законом Ваккернагеля для энклитик высокого ранга.

Форма *грозою* в издании «Слова...» А. А. Зализняка не отмечена как синтаксически спорная [Зализняк 2008б: 467]. Строго говоря, это не вполне так — ср., в частности, перевод О. В. Творогова: «Ведь те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством зло пробудили, которое усыпил было отец их, — Святослав грозный великий киевский, — грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю Половецкую...». Однако значительное большинство исследователей относит форму *грозою* к *бѣшетъ притрепеталъ*, как это и сделано в книге А. А. Зализняка; при таком членении форма *бѣшетъ* в примере (и2) также находится в ваккернагелевской позиции.

В примере (и5) представлена многочленная (в данном случае — трехсловная) начальная группа *Немизъ кровави брезъ*. Как специально отмечает А. А. Зализняк, в предложениях с такими группами «препозиция энклитик, формально не запрещенная, реально уже почти не встречается» [Зализняк 2008а: 114–115]; иными словами, после многочленной начальной

¹⁶ «Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой!» (перевод О. В. Творогова). Почти так же выглядит эта фраза в переводах Д. С. Лихачева, Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина и других авторитетных филологов.

составляющей почти обязательно ставится ритмико-синтаксический барьер. Ср. пример из берестяной грамоты 657, структурно похожий на (и5): *а с(ва)тъе Варъварь тьлица // сторова ли?* [Там же]. С учетом барьера перед *не бологомь* и в этом примере форма *бяхуть* оказывается образцовой ваккернагелевской энклитикой: *Немизъ кровави брезъ // не бологомь бяхуть постъяни...*

Никаких препятствий для того, чтобы считать энклитикой форму *бяхеть* в самом примере (43)=(и1), также нет; вопрос состоял лишь в том, насколько такая ее трактовка соотносится с поведением форм имперфекта от *быти* в СПИ в целом. Признание энклитического характера формы *бяхеть* (как видно из примеров, даже не только в роли вспомогательного глагола), в свою очередь, свидетельствует о том, что форма *братіе* в этом примере занимает не просто правильную, а единственно возможную для нее позицию¹⁷.

Будучи знаменитым культурным символом, первая фраза «Слова о полку Игореве» оказывается и ценнейшим лингвистическим источником: она показывает, какое место в ранговой структуре занимали две группы новых энклитик — формы имперфекта глагола *быти* и одиночные формы звательного падежа.

4. Энклиза звательных форм: позднейшие примеры

В истории русского языка есть бесспорный случай трансформации обращения в полноценную энклитику — частица *су*, представленная, в частности, в «Житии...» протопопа Аввакума, происходит из *сударь* [Зализняк 2008а: 47] (изначальная форма вокатива — вероятно, **сударю*).

В сильно фрагментированной берестяной грамоте 15 (начало XV в.) встретился отрезок ... [м]а гнѣ юси пожа[л]овал...; по мнению А. А. Зализняка, «допустимо предположение, что *гнѣ* (которое могло читаться каким-то сокращенным образом) здесь <...> выступает в роли новой энклитики» [Там же: Примечание]¹⁸.

В связи с берестяной грамотой 962 (первая половина XV в.), в которой встретилось написание *ѡсто*, в [НГБ XII: 72] обсуждается возможный сценарий фонетической эволюции формы *осподо*.

¹⁷ Тем самым неверна эффектная реконструкция С. Л. Николаева: «Если убрать поэтическую инверсию, то предложение выглядит следующим образом: “Братіе, не ли ны бяхеть лѣпо начяти о пълку Игоревѣ старыми словесы трудныхъ повѣстїи”» [Николаев 2020: 521].

¹⁸ Приведем в качестве параллели замечательный пример из Национального корпуса русского языка, который цитирует по другому поводу А. А. Гиппиус: *После, господине, отца своего яз тот ухожай отца своего хожу полтретьятцать лет и до сех мест* (Докладной судный список 1509 г.) [Гиппиус, Сичинава 2021: 236].

Наконец, в статье [Сичинава 2015] рассмотрено употребление в качестве энклитик обращений *братец* и (менее надежно) *сударь* в комедиях А. С. Грибоедова.

Во всех этих случаях речь идет о частотных формах обращения, для каждой из которых движение в сторону энклизы могло быть сугубо индивидуальной особенностью. С. И. Переверзева (устное сообщение), однако, обратила наше внимание на то, что в строках Пушкина «*Как ты смеешь, мужик, спорить со мною, // Со мною, дворянкой столбовою?..*» («Сказка о рыбаке и рыбке») форма *мужик* метрически безударна. Этот факт заставляет задаться вопросом о том, не могла ли в стихах Грибоедова и Пушкина отразиться некая единая традиция безударного или слабуюдарного произношения обращений. Разумеется, для верификации столь сильной гипотезы требуется накопление новых данных.

Заключение

Проведенный анализ позволил с высокой степенью надежности выявить две новые группы форм, ранее не рассматривавшихся в тексте «Слова о полку Игореве» как энклитики, но ведущих себя в точном соответствии с законом Вакернагеля: формы имперфекта глагола *быти* и однословные обращения. Превращение в энклитики форм бытийного глагола вполне обычно: *бьше, бьшетъ, бяхуть* таким образом «присоединяются» к собственно связкам *есмь, еси* и т. д., а также к формам *быль, были* в составе плюсквамперфекта. Энклиза форм звательного падежа — несомненно, значительно более редкое явление, для убедительной интерпретации которого как с синтаксической, так и с чисто просодической точки зрения может оказаться недостаточным существующий теоретический аппарат. В связи со сделанными наблюдениями важной задачей представляется изучение других древнерусских памятников на предмет выявления в них систем, в той или иной степени сходных с системой, отразившейся в языке «Слова...».

С л о в а р и

СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. Л., 1965–1984 (электронный доступ: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/>; дата обращения: 17.03.2025).

Л и т е р а т у р а

Булаховский 1950/1983 — Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Л. А. Булаховский. Избранные труды: В 5 т. Т. 3. Славистика. Русский язык. Киев: Наукова думка, 1983. С. 441–480.

Вексина 2008 — М. В. В е к с и н а. Закон Вакернагеля. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. № 3. М., 2008. С. 35–67.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Г и п п и у с, Д. В. С и ч и н а в а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

Дмитриев 1952 — [Л. А. Д м и т р и е в]. Комментарии // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1952. (Б-ка поэта, Большая серия). С. 233–289.

Дымарский 2016 — М. Я. Д ы м а р с к и й. Обращение и теория барьеров // Вестник Новосибирского государственного педагогического ун-та. 2016. № 6. С. 150–163.

Зализняк 2008а — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Зализняк 2008б — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Миллер 1877 — В. Ф. М и л л е р. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877.

НГБ XII — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. 12. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Николаев 2020 — С. Л. Н и к о л а е в. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Орехов 2009 — Б. В. О р е х о в. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 462–473.

Пичхадзе 2020 — А. А. П и ч х а д з е. Перфект и книжный плюсквамперфект в древнерусском: место сентенциального отрицания и вспомогательного глагола // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 185–205.

Потебня 1878 — Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потебни. Воронеж, 1878.

Сичинава 2015 — Д. В. С и ч и н а в а. *Братец и сударь*: энклитические обращения в стихе Грибоедова // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 11. М.: Макс Пресс, 2015. С. 148–157.

Циммерлинг 2012 — А. В. Ц и м м е р л и н г. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.

Янко 2001 — Т. Е. Я н к о. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Jakobson 1948 — R. J a k o b s o n. *La Geste du Prince Igor*. New York, 1948.

Spencer, Luís 2012 — A. S p e n c e r, A. R. L u í s. *Clitics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Timberlake 1999 — A. T i m b e r l a k e. On the Imperfect Augment in «Slovo o Polku Igoreve» // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. И. Гиндин и др. М.: РГГУ, 1999. С. 771–786.

Статья получена 19.03.2025

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science
National Research University — Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

**LINEAR POSITION AND PROSODIC STATUS OF ADDRESSIVE FORMS
IN OLD RUSSIAN: DATA FROM *THE LAY OF THE HOST OF IGOR***

The article examines the previously unnoticed issue regarding the rules of arrangement of addressive forms in the Old Russian monument of the late 12th century *The Lay of the Host of Igor*. It is shown that while multi-word addresses clearly gravitate toward being placed at the absolute beginning of a sentence, single-word addresses, by contrast, cannot occupy the initial position at all and in the overwhelming majority of cases are located at the end of the first bar group, thus obeying Wackernagel's law for phrasal enclitics. This observation allows us to look at some controversial and even «dark» passages in *The Lay* in a slightly different way than it is usually done now – in particular, for the segment *Kaja rany doroga bratije* it seems reasonable to return to the conjecture of N. S. Tikhonravov (*brat<a>* instead of *bratije*). The issue of the prosodic status of the imperfect forms of the verb *byti* 'to be' is also discussed: the available material indicates that in the language of *The Lay* these forms are also subject to Wackernagel's law. Thus, although in the famous opening phrase of *The Lay* the address *bratije* is in the sixth (!) place from the beginning (*Ne lépo li ny b' ašet', bratije*), such a position is the only possible one, taking into account the rules of word order in the text of the monument.

Keywords: Old Russian language, *The Lay of the Host of Igor*, Wackernagel's law, addressive forms, enclitics

References

- Bulakhovskii, L. A. (1983). *Izbrannye trudy. Vol. 3: Slavistika. Russkii iazyk*. Kyiv: Naukova dumka.
- Dmitriev, L. A. (1952). Kommentarii. In D. S. Likhachev (Ed.), *Slovo o polku Igoreve* (pp. 233–289). Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Dymarskii, M. Ya. (2016). Obrashchenie i teoriia bar'erov. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6, 150–163.
- Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 178–259.
- Nikolaev, S. L. (2020). «*Slovo o polku Igoreve*»: rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Orehov, B. V. (2009). Parallel'nyi korpus perevodov «Slova o polku Igoreve»: itogi i perspektivy. In V. A. Plungian (Ed.), *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* (pp. 462–473). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pichkhadze, A. A. (2020). Perfekt i knizhnyi pluskvamperfekt v drevnerusskom: mesto sententsial'nogo otritsaniia i vspomogatel'nogo glagola. *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 185–205.
- Sichinava, D. V. (2015). *Bratets i sudar'*: enkliticheskie obrashcheniia v stikhe Griboedova. *Iazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia*, 11, 148–157.

Spencer, A., & Luís, A. R. (2012). *Clitics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Timberlake, A. (1999). On the Imperfect Augment in «Slovo o Polku Igoreve». In Kh. Baran, S. I. Gindin et al. (Eds.), *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia* (pp. 771–786). Moscow: RGGU.

Tsimmerling, A. V. (2012). Sistemy poriadka slov s klitikami v tipologicheskom aspekte. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–38.

Veksina, M. V. (2008). Zakon Vakernagelia. (Obzor). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 6. Iazykoznanie: Referativnyi zhurnal*, 3, 35–67.

Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* (Vol. 12). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008a). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A. (2008b). «Slovo o polku Igoreve»: *vzgliad lingvista* (3rd ed.). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Received on March 19, 2025

Д. В. РУДНЕВ

Институт лингвистических исследований РАН
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
rudnevd@mail.ru

М. Г. ШАРИХИНА

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
justmilya@yandex.ru

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ УСЛОВНЫХ СОЮЗОВ:
СОЮЗНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВОФОРМЫ *ПРИТЧЕЮ*
В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье анализируется употребление словоформы *притчею* в качестве условного союза в старорусском языке. Основным источником исследования послужил «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Выявленные в данном тексте случаи союзного употребления словоформы *притчею* сопоставлены, с одной стороны, с их немецким источником — вторым томом трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch», а с другой стороны, — со сходными конструкциями в иных русских письменных памятниках того же периода. На основе проведенного анализа сделаны выводы о хронологии союзного употребления *притчею* в старорусском языке, его стилистической характеристике и диалектной локализации. Хронологически употребление *притчею* в качестве условного союза ограничено коротким периодом, охватывающим конец XVI в. (первые случаи фиксации в письменных текстах) — середину XVII в. (выход из употребления). Расцвет употребления пришелся на 1600–1620-е гг. В стилистическом отношении аналог условного союза *притчею* характеризуется разговорно-просторечной окраской и фиксируется преимущественно в памятниках деловой письменности.

Ключевые слова: XVII в., военный устав, условный союз, аналог союза, разговорная речь.

Введение

Сложноподчиненное предложение представляет собой одно из ядерных средств выражения гипотаксисных отношений в языке. Изучение его истории позволяет понять, как происходило оформление подчинительных связей в языке, каковы истоки развития реляционной семантики союзных средств (их грамматизация). В связи с этим исследование формирования

системы подчинительных союзов сохраняет актуальность, несмотря на многочисленные работы по данной проблематике (например: [Лавров 1941; Назаретский 1960; Стеценко 1960; Черкасова 1973; Кузнецова 1977; 1983] и мн. др.).

В фокусе нашего исследовательского интереса находится система условных союзов в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (далее — «Устав»), переводном памятнике первой четверти XVII в. Основой «Устава» послужил выборочный перевод второго тома немецкого военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (1573). Рукопись текста, подготовленного по повелению царя Василия Шуйского переводчиками Посольского приказа Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминим [Русаковский 2018: 53], носила название «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях». В 1620 г. перевод был переработан и дополнен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским [Немировский 1997: 5–18]. Обнаруженный в 1775 г. текст рукописи был опубликован по распоряжению Г. А. Потемкина в 1777–1781 гг. русским писателем XVIII в. В. Г. Рубаном, который дал ей современное название.

Трактат Л. Фронспергера «Kriegsbuch», лежащий в основе «Устава», не имеет определенных жанровых характеристик, сочетая в себе черты военного трактата, учебного текста, инструкции, воспоминаний, поучения и пр.; он страдает повторами, нечеткостью логики изложения материала, местами излишней нарративностью и субъективным тоном. И тем не менее в целом это произведение можно классифицировать как научно-учебное сочинение с ярко выраженными признаками инструкции, прямым следствием чего является высокая частотность употребления императивных средств, выражающих побуждение адресата к совершению рекомендуемого действия (например, *ты-императив*, инфинитив, модальные операторы *довестись*, *подобать*, *надобно*, *надобе* и мн. др.) [Руднев 2024]. Инструктивный характер текста «Устава» проявляется и в описании многочисленных ситуаций и условий, порождающих необходимость рекомендуемых действий. Эта особенность делает памятник ценным источником изучения системы условных союзов в русском языке начала XVII в.

Система условных союзов в «Уставе»

Выражение условия в «Уставе» имело различные формы. Это могло происходить при помощи бессоюзных конструкций типа *А которые воинские люди напередъ перетъхали тѣмъ въ обозъ быти для бою противъ недруговъ и тѣ телъги во урядствѣ держать* (Устав, 1: 118). Однако обычно при выражении условных отношений использовались сложноподчиненные предложения, в которых придаточное условия вводилось союзами или их аналогами, такими как *аж(е)*, *аще*, *буде(т)*, *как*, *коли*, *только*, например:

А **коли** доведется съ стану подыматся и ему [окольникову] на передь посылати по дорогѣ добрыхъ конныхъ вѣстовщиковъ дозирати всѣхъ мостовъ и стежекъ (1: 61¹); ...**аже** похочешъ городъ тайно взяти, надобно всякое обстоятельство мѣста ширина и глубина рва и вышина стѣнь все смѣтити (1: 83); ...и **будеть** такая шанца не гораздо здѣлается и въ ней многимъ людѣмъ изтеря **будеть** (1: 124); ...а **только** онъ [выстрел] на мѣрѣ станеть, и ты при мѣти на воску, что у него есть, и памятью себѣ у того направленья (1: 215).

Союзы *аже* и *только* могли выступать в составе контаминированных союзных сочетаний *аж(е) будет, только будет*:

...да **только будеть** отъ игольныхъ концовъ учнуть въ тазу стукати, и въ томъ мѣстѣ подкопъ найдется (1: 136); Да **ажъ будеть** въ крупново пороху мѣсто возмется чистой и мѣлкой порохъ... и въ томъ пушкамъ насада бываетъ же (1: 198).

Наиболее частотными средствами выражения условия в «Уставе» выступают союз *буде(т)* и контаминированная конструкция *аж(е) буде(т)*, тогда как *коли* и *аще* встречаются крайне редко.

В большинстве случаев придаточное условия находится в препозиции относительно главной части; значительно реже наблюдается постпозиция, которая придает высказыванию присоединительный оттенок:

...а коннымъ самопальникомъ итить доведется за нарядомъ, **коли** нарядъ бываетъ раздѣленъ на двое (1: 78); Да доведется еже утра пушкарямъ своими фитилями на батозѣхъ у пушкарскія Головы или его Порутчику объявится и ожидати указу, **аже** буде онъ къ снаряду не приставлены (2: 47).

Если придаточное имеет препозитивный характер, то главная часть обычно содержит коррелятивный элемент — чаще всего это союз *и* (см. примеры выше). Гораздо реже связь между частями сложного предложения осуществляется при помощи союзов *а, ино* либо бессоюзного соединения. Например:

...а **будеть** его [ядро] дѣлати, но желѣзной размѣръ **ино** взять желѣзное ядро (1: 168); ...а **только** не такъ, **ино** труды вотще будутъ (2: 208); **Ажъ** **будеть** градъ приступомъ возмется, доведется всѣмъ людямъ волю дати гражданъ грабити (1: 131); Да случится **только** градъ взяти сильною рукою, или **буде** самъ здастся, доведется всегда большой снарядъ и колокола имѣти пушкарскому Головѣ (2: 52).

Выявленные особенности системы условных союзов в «Уставе» соответствуют характеру их употребления в этот период (что подтверждается трудами по историческому синтаксису русского языка, см., например, [Спринчак 1964: 76–85; Стеценко 1972: 225–241; Морозова 1979]. В стилистическом отношении данные союзы и их сочетания имеют ярко выраженный разговорный характер. Показательно в этой связи употребление в «Уставе» союза *коли* в условном значении (всего 26 случаев), который,

¹ Здесь и далее в скобках указываются номер части и номер страницы «Устава».

по замечанию ряда исследователей, используется в XVII в. «только в произведениях, близких живой разговорной речи» [Стеценко 1972: 232] (см. также [Морозова 1979: 245]). Примечательно полное отсутствие в тексте «Устава» иных условных союзов — *естьли, ежели, егда*. Отсутствие союза *ежели* может рассматриваться как атрибутирующая перевод языковая особенность, т. к., по мнению Б. В. Лаврова, этот союз не встречается в текстах, составленных в Посольском приказе [Лавров 1941: 88].

Поскольку союзы и их аналоги в языке «Устава» тесно связаны с разговорной речью, закономерно, что их синтаксическая роль нестрого дифференцирована (такое положение условных союзов сохранялось в русском языке на протяжении длительного периода, вплоть до XVIII в. [Стеценко 1972: 240]), а характер грамматических отношений (условные, временные или причинные) нередко определялся соотношением видо-временных форм сказуемых в главной и придаточной частях. Так, для условных конструкций стандартным становится выражение сказуемых главной и придаточной частей предложения с помощью глаголов будущего времени [Там же]. Употребление же других временных форм (прошедшего или настоящего) привносило дополнительные оттенки или изменяло характер выражаемых отношений [Морозова 1979: 253–256]. Союзам, используемым в «Уставе» для выражения условных отношений (в особенности союзам *как, коли, только*, широко распространенным в роли временных), была присуща диффузная, условно-временная семантика.

В условиях недостаточной дифференцированности роли союза большое значение для организации условных отношений имеют лексические «маркеры», в качестве которых может выступать, например, глагол *случится*, часто сопровождающий союзы, ср.: *...и какъ случится къ напуску, и пѣшіе люди рогутятся изъ наряду, въ тѣ поры доведется по недружнимъ полкомъ стрѣляти* (1: 78); *А только случится что, недружнимъ промысломъ у пушки или у пищали будетъ запаль завожденъ, и тебѣ доведется очистити тѣмъ обычаемъ* (2: 63). При наличии лексических «маркеров» условные союзы могут опускаться, например: *...а случится недружни полки разорвати, или съ мѣста здвигнути, и по мѣстамъ смотря, доведется за ними гоняти и ихъ топтати* (1: 75), — т. е. такие «маркеры» могут использоваться в «бессоюзном периоде на роли дополнительных усиливающих показателей и подчиненности, и ограничительно-условного характера ее» [Лавров 1941: 129].

Употребление словоформы «притчею» в качестве условного союза в «Уставе»

В научной литературе словоформа *притчею* не фиксируется в качестве союзного средства. В словарях отмечается ее наречное употребление в значении 'случайно, по несчастью': *А притчѣю де вор Ивашка Заруцкой*

и с астораканскими ворами придут к острошку и в острошке осадят и им будет помогати нам нелзѣ. Астрах. а., № 91. 1614 г. [СлРЯ XI–XVII, 20: 60]. Однако на материале примеров из «Устава» приведенный выше случай употребления этой словоформы может быть трактован и как аналог условного союза.

В ходе сплошной выборки нами было выявлено 44 примера употребления *притчею* в тексте «Устава» (27 в первом томе и 17 — во втором). В ходе дальнейшего анализа для определения соответствий в трактате Л. Фронспергера фрагменты с этой словоформой были сопоставлены с немецким оригиналом.

Употребление *притчею* в качестве условного союза демонстрирует как общие черты с другими условными союзами, так и отличительные особенности. Отметим вначале черты сходства.

Словоформа *притчею* могла употребляться в одном контексте с другими условными союзами, что указывает на их функциональную близость:

Притчею въ чемъ въ приступное время, **буде** скудость и недостатки въ людяхъ, въ лѣсницахъ, въ копьяхъ, въ рогатинахъ, въ заступѣхъ, въ лопатахъ, и въ просѣкахъ, или въ инномъ въ чемъ, что къ такому дѣлу годно бываетъ, и то бѣ все того же часу изготовлено было (1: 131);

...горит такой огонь таково страшно и грозно и темность являетъ, что ни кому не возможно тѣхъ увидѣти. **Притчею** кто по тому ядру ударить рукою, хотя ево отшибнуть прочь, и онъ себя самъ такую удою изымется. А **буде** похочешь опростатися отъ такія уды, и онъ тою мѣрою изъязвить руку свою и на долгое время такой не можетъ ни кому супротивно стояти, ни шкоды чинити увѣчьа ради (2: 149–150).

Подобно союзам *аже* и *только*, элемент *притчею* мог соединяться с условным союзом *буде(т)* (отмечено три случая):

...доведется преже именованнаго измѣнника, идучи напередъ вести бережно, чтобъ не ушоль, **будеть притчею** по улицамъ утаены въ землѣ тяжелые долгие, острые желѣза куда доведется съ людьми итить (1: 84–85); ...а **будеть притчею** брань какая случится межъ воинскаго воеводы и межъ пушкарскаго головы и помирити ихъ не возможно, и воинские люди думные въ томъ силу имѣють имъ приговорити на чомъ имъ быти (1: 114).

Встретился также случай сочетания *притчею только*:

...и **притчею только** они [сторожевые головы] наѣдутъ, что отѣзжая сторожа не такъ устроена, какъ во обычаяхъ ведется, и имъ того же часу то перемѣняти, переставити, что бѣ сторожа крѣпко была устроена (1: 72).

Кроме того, зафиксировано употребление трехкомпонентного сочетания *притчею будет только*:

...и **притчею будет только** на другой сторонѣ недруги учнуть можитися и сильны ставитися и какъ о мосту учнуть травитися и въ ту пору не доведется долго медлити (1: 117–118).

Подобно другим условным союзам, *притчею* встречается как в препозитивном придаточном: *Притчею въ чемъ въ приступное время, буде скудость и недостатки въ людяхъ, въ лѣсницахъ, въ копьяхъ ... или въ инномъ въ чемъ, что къ такому дѣлу годно бываетъ, и то бѣ все того же часу изготовлено было* (1: 131), — так и в постпозиции к главной части. В случае препозиции главная часть обычно содержит коррелят *и*: *Притчею недруги шанцами или инными промыслы учнутъ вылазити и помѣшку чинити, и ему бѣ отъ того оберегати* (1: 121); *Притчею кто по тому ядру ударить рукою, хотя ево отшибнуть прочь, и онъ себя такую удою изымется* (2: 150).

В употреблении словоформы *притчею* заметна тенденция к закреплению в начале препозитивного придаточного предложения. При постпозитивном придаточном точное установление позиции наречия-союза *притчею* затруднено нерегулярной пунктуацией в печатном издании XVIII в. Не воспринимая *притчею* в качестве союза в связи с утратой у него к этому времени союзной функции, издатели часто отделяют его запятой от последующего придаточного (мы сохраняем пунктуацию печатного текста в наших примерах), ср.:

...а для того надобно пушкарямъ, всякому у своей пищали или у пушки быти и радѣнье имѣти **притчею**, какіе недружные люди за обозомъ объявятся (1: 54); ...и тому трубку въ мѣсто сѣдланья трубити къ сторожѣ **притчею**, не дружи вѣстовщики блиско города прилучатся, и того выѣзду не проразумѣли (1: 81).

Этот факт свидетельствует о том, что издатели текста не были знакомы с союзным употреблением *притчею* и воспринимали его как наречие; на то, что речь идет именно о союзной функции, указывает позиция *притчею* на границе двух предикативных единиц.

Однако можно отметить и некоторые отличия *притчею* от других условных союзов. Анализ его использования в «Уставе» обнаруживает в его семантике два важных смысловых компонента: 1) случайность, неконтролируемость каузирующей ситуации; 2) ее отрицательный характер. Например: ...а для того надобно пушкарямъ, всякому у своей пищали или у пушки быти и радѣнье имѣти **притчею** какіе недружные люди за обозомъ объявятся (1: 54). Ср. также: **притчею** недруги учнутъ находити (1: 51), **притчею** въ томъ какіе недостатки явятся (1: 63), **при<т>чею** недруги въ близи объявятся (1: 66), **притчею** въ томъ какіе недостатки явятся (1: 116) и т. д. Возможно, этим обстоятельством объясняется довольно частое применение *притчею* в составе постпозитивного придаточного (по сравнению с другими условными союзами): из 44 случаев 16 относятся к постпозиции.

Такая семантика союза, вероятно, обусловлена лексическим значением существительного *притча*, которое является мотивирующим по отношению к наречному употреблению *притчею*. Исторические словари фиксируют у этого слова значения, содержащие семы случайности, внезапности, а также отрицательную коннотацию: 1) ‘непредвиденный случай, случай-

ность'; 2) 'неприятное событие, происшествие, несчастье, беда, неудача' [Сл.Срез., 2: 1483; СлДРЯ XI–XIV, 8: 611; СлРЯ XI–XVII, 20: 60; САР, 5: 455]. Слово *притча*, в том числе в указанных значениях, употреблялось в говорах русского языка. Оно фиксируется в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля» [Даль, 3: 413], «Словаре областного архангельского наречия» [СОАН: 140], «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 32: 33], «Словаре пермских говоров» [СПГ, 2: 220]. Таким образом, есть все основания полагать, что источником появления союзного аналога *притчею* послужила разговорная речь.

Интересный материал дает сопоставление текста русского перевода и немецкого источника. В ряде случаев *притчею* однозначно выступает как условный союз, соответствуя в немецком тексте союзу *ob* 'ли, или, аще' [Аделунг, 2: 156]:

...да передо всѣми доведется вести четыре волконей (фалконеты) и **при<т>чею** недруги въ близи обявляться <если внезапно враги появятся вблизи — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.>, что бѣ тѣ волконей совсемъ были готовы къ стрѣльбѣ и къ бою (1: 66).

...доведется преже именованнаго измѣнника, идучи напередъ вести бережно, чтобъ не ушоль, **будеть притчею** по улицамъ утаены въ землѣ тяжелые долги, острые желѣза <на тот случай, если на дорогах будут спрятаны тяжелые длинные острые орудия — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.> куда доведется съ людьми итить (1: 84–85).

В других случаях *притчею* соотносится с немецким *wo* в значении 'ежели' [Аделунг, 2: 980].

А Воеводѣ подобаетъ въ такомъ градѣ и въ осадѣ, въ то время полкъ людей конныхъ и пѣшихъ вмѣстѣ держати; для того, **притчею** ему къ которому мѣсту люди по надобятся <на тот случай, если ему внезапно для чего-либо понадобятся люди — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.>, что бѣ онѣ ежечасъ готовы были (1: 138).

...jedoch so werden vier Falckenetle vor allem forne her gefürt/ **ob** sich etwan der Feindt sehen oder vernemmen ließ <если будет замечен или услышан враг — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.>/ daß sie sampt ihrer zugehör/ bey der Handt zugebrauchen wehren (Fronsperger: 80r).

...so soll man den gemeldten Verrächter im ziehen/ für allesvoran sicherlich führen lassen/ daß er nicht entweiche/ **ob** grosse schwere/ lange/ spitzige Eysen in der Erden stechen <если в земле окажутся тяжелые длинные заостренные орудия — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.>/ in der Gasseen eingeschlagen weren/ da sie passieren müssen (Fronsperger: 95v).

Der Oberst in der Statt soll vor allen dingen die Hauffen zu Rossz vnnd Fuß/ inn solcher Ordnung haben/ auff daß/ **wo** er der bedarff <если у него появится в этом необходимость — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.>/ daß er sie an der Handt hab (Fronsperger: 97r).

Ср. также: **Притчею** ихъ [туры и тарасы] доведется на каменистомъ мѣстѣ поставити, а земля доведется изъ далече возити и носити (2: 43) — *wo die auff Felsen oder harten Grundt gesetzt werden/ man muß die Erdt darein tragen und führen* (Fronsperger: 44r). Кроме того, встретилось употребление *притчею* на месте *wann* ‘когда, егда, аще, ежели, буде, естли, коли’ [Аделунг, 2: 904]: ...и **притчею** во время приступу недруги учнутъ осиливати (1: 128–129) — ...**dann wann** der Feindt vberhandt nemen würde (Fronsperger: 185v).

Притчею использовалось при переводе устаревшего условного союза *so*, который начал выходить из употребления в немецком языке в начале Нового времени (см. [Филичева 2003: 194]):

...а такой сполохъ и урядъ къ тому надобень, и то добро чтобъ мочно видити и смѣтити **притчею** въ томъ, какіе недостатки явятся <если **внезапно** в нем обнаружатся какие-либо недостатки — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.> (1: 63).

Solcher lärmen oder ordnung ist auch fürnemlichen darumb gut/ daß man sehen kan vnd mag/ was für mängel/ **so** es darzu käme <каковы недостатки, если бы они обнаружались — перевод наш. — Д. Р., М. Ш.> (Fronsperger: 79r).

Ср. также перевод немецкого союза *so* в одном фрагменте при помощи *притчею* и условного союза *будет*:

...а **будеть** и сроку дается много, и у нихъ люди отъ часу будутъ тверже и **притчею** въ приступъ отъ перьваго приступу отъ бою и въ город будутъ люди крѣпчае, а приступные люди всѣ стануть слабѣти и безильнѣе и въ передь будутъ не подвижны и неохотны къ приступу (1: 115).

...**so** man jn daß also dieweil left/ wirt ein Volck je lenger je herter/ **so** man dann stürmpt/ vnd den ersten Sturm verleurt/ werden die in der Mauren starck/ vnd die herausen schwach/ vnd vnwillig mehr zu Stürmen (Fronsperger: 51r).

Условная семантика *притчею* хорошо видна при переводе сочетания *im fall so* ‘в случае если’:

...для того **притчею** великого ради дождя и многого ненастья порохъ и фитили позамокнуть или отсырѣють, и за тѣмъ снаряду промысль станеть (2: 26).

...**im fall so** langwirig naß regen/ oder ander vngewitter/ dardurch das Puluer/ Lundtē/ Schwam/ Zindtstrick/ feucht vnd naß/ daß solchs nit mehr zu gebrauchen (Fronsperger: 10v).

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что в языковом сознании переводчиков *притчею* выступало как средство союзной связи, аналог союза, а не полнозначное слово. Оговоримся, что в нашу задачу не входил подробный сопоставительный анализ семантики немецких союзных средств и русского *притчею*, т. к. он потребовал бы привлечения

всего корпуса русских условных союзов в тексте «Устава» и их соответствий в трактате Л. Фронспергера.

Отметим, впрочем, случай, где *притчею* употреблено в переводе в значении ‘пример, образец’ либо ‘доказательство, довод’ [СлРЯ XI–XVII, 20: 60]:

<p>Да бывает то часто, что селитра послѣ варенія не объявится и не дастся видѣти и не садеть, и то есть притчею, что добръ въ ней воды много есть, или укусуу (2: 203).</p>	<p>Item/ es kompt offft vnd dick/ daß der Salpeter nach dem sieden sich nit erzeigt oder sehen läst/ noch gestehen wil/ so ist der mangel/ daß zu viel Wasser oder Essig darbey ist (Fronsperger: 219r).</p>
--	---

В немецком тексте ему соответствует *Mangel* ‘порок, погрешность’ [Аделунг, 2: 14].

Употребление словоформы «притчею» в других текстах: сравнительный анализ

Рассмотренные примеры употребления аналога союза *притчею* в «Уставе» ставят вопрос о том, насколько типичным оно было в эту эпоху.

В качестве сравнительного материала обратимся прежде всего к другому военно-учебному тексту XVII в. — «Учению и хитрости ратного строения пехотных людей» (далее — «Учение»), переводу военного трактата И. Я. фон Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuß». Первоначально изданный на немецком в 1615 г., текст был переведен на нидерландский язык в 1617 г., и именно с нидерландского издания был выполнен русский перевод [Stang 1952: 7], опубликованный в Москве в 1647 г. Полное исследование языка «Учения» отсутствует: в фундаментальной работе К. Станга охвачены фонетика, морфология и частично синтаксис; лексика «Учения» широко изучена П. П. Епифановым и Р. И. Сидоренко [Епифанов 1954; Сидоренко 1958; 1960].

Для языка обоих уставов характерны общие стилистические черты в выражении условных отношений, восходящие к разговорной речи. Вместе с тем в тексте «Учения» используется весьма ограниченный (в сравнении с «Уставом») репертуар синтаксических средств. Основным средством выражения условия выступает союз *будеть* (форма *буде* отсутствует), часто употребляемый после союза *а* (редко *и*), например: **А *будеть* у тебя шишакъ, или шапка желѣзная на главѣ, и ты ея не снимай, потому что то несалдатски, и забывай фетиля настороже** (Учение: 88); **И *будеть* ты с фетилемъ готовъ, и ты закрой полку, и ступи лѣвою ногою до правыя ноги** (Учение: 89). Другие союзы и их аналоги используются спорадически (*толко, коли*) либо в единичных случаях (*аже (ажь, ажъ), аще, естли*).

Отсутствие союза *буде* (без форманта *-ть*), который, по утверждению исследователей, пришел из разговорного языка в начале XVII в. [Лавров 1941: 49; Коротяева 1964: 148–150] (т. е. мог считаться разговорным и в се-

редине XVII в.) при доминировании союза *будет*, который к началу XVIII в. утверждается в деловом языке в качестве одного из главных способов выражения условных подчинительных отношений [Лавров 1941: 49–50; Морозова 1979: 244], может свидетельствовать о том, что язык «Учения» был лишен ярко выраженных разговорных элементов, а его составители стремились использовать нейтральные языковые средства, характерные для делового языка середины XVII в.

Придаточное предложение преимущественно занимает препозицию по отношению к главному. Среди коррелятов преобладает союз *и*, тогда как *ино* отмечен лишь дважды.

Важную роль при выражении условия в «Учении» играют лексические средства. Так, союз *будетъ* нередко сопровождается глаголами *похотети* и *лучитися*, например:

А будетъ ты **похочешъ** стань длиннѣе и шире, и ты вели имъ всѣ промежки шахи, и по два, или по четыре (Учение: 230); **И будетъ** **лучитися** имъ под копія уходить, и тебѣ надобно ихъ беречь, что бы ихъ не отбили, или не отшибли, и на отходѣ бы разстроения и смуты бы и смѣшенія не было (Учение: 167).

О важности лексических средств в синтаксической организации условных отношений может свидетельствовать следующий случай употребления глагола *похотети* без подчинительного союза:

И похочешъ чтобы тебѣ спереди, и съ сторонъ позади, инако какъ лучитися боронитися, и ты примѣчай сіе когда тебѣ съ стороны боронитися и ты здвой у мушкѣтеровъ своихъ шеренги, и вели имъ направо поворотитися, и такъ у тебя шеренги рядами стануть (Учение: 214).

Несмотря на сходство способов выражения условных отношений в обоих уставах, следует отметить полное отсутствие *притчею* в качестве условного союза в «Учении». Это явление может быть объяснено несколькими причинами: 1) выходом слова из активного употребления к середине XVII в.; 2) его стилистической маркированностью (например, разговорно-просторечный характер, неуместный в печатном тексте; в связи с этим получает объяснение ограниченное употребление в нем союзов *ажe* и *только*); наконец 3) его диалектной прикрепленностью (территориальной локализацией).

Чтобы лучше понять особенности употребления *притчею*, обратимся к другим памятникам письменности, в которых встречается эта словоформа. Анализ текстов, содержащих *притчею*, выявляет их связь с деловой речью, которая, в свою очередь, тесно взаимодействовала с разговорной речью. Например:

...а **притчею** въ Муромѣ которая смута учинится (ино вѣдь отъ Мурома къ Володимерю недалече), и тебѣ бы, господине, одноконечно Литовскихъ людей прислати въ Муромъ тотчасъ (1609 г.) (АИ, 2: 160–161); А лошадей бы государь пожаловаль передь прежнимъ, что написано шездесять лоша-

дей, убавливати не велѣть, потому что путь дальней, **притчею** не станеть запасовъ, и онъ поневоле учнетъ и лошади ѣсти, чтобъ ему для ихъ государьскихъ великихъ дѣлъ итти спѣшно не голодну (1613–1615 гг.) (ПДТС, 2: 244–245); ...а толко быть розмѣнѣ, и такъ будетъ мѣшкотно: а **притчею** про то свѣдають Черкасы, и отъ нихъ бы въ полѣ надъ нашею казною и надъ послы какого погрому не учинилось, чтобъ казна отпустить вдругъ не славно, не по лѣтошнему, чтобъ про то недругъ не свѣдалъ (1619 г.) (ПРГ: 26).

Деловые памятники фиксируют употребление *притчею* с 1590-х гг.:

...а со мною по шахова величества приказу Фергаты ханъ приказалъ тайное великое дѣло словомъ, а въ грамотахъ не писалъ, потому что морской путь жестокъ, **притчею** куды вѣтромъ замчить, и то бѣ дѣло ни кто не свѣдалъ (1594–1596 гг.) (ПДТС, 1: 295); А закопать грамоты на дворѣ, — велеть безъ насъ дворъ весь взрыти и **притчею** грамоты и наказы найдуть, намъ же отъ казни не минути (1597–1599 гг.) (ПДТС, 1: 445).

Основной массив примеров употребления словоформы *притчею* в качестве условного союза (около двух десятков случаев) приходится на 1600–1620-е гг. (см. примеры выше), т. е. на время создания «Устава». В 1630–1640-е гг. частотность ее употребления резко снижается и приобретает единичный характер, например:

...и **притчею** въ которомъ мѣстѣ въ приходъ воинскихъ людей безъ людей на засѣкахъ какія порухи учинятся, и намъ бы въ томъ отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть (1638 г.) (АМГ, 2: 60).

Последний встретившийся случай употребления *притчею* относится к 1660 г.:

И я, безъ твоего указу, биться съ ними, черкасы, не смѣю, — **притчею** стануть подъ городъ подступать, — потому что мнѣ твоихъ опасныхъ грамотъ не присылывано никакихъ въ Каменной (1660 г.) (АМГ, 3: 215).

Особенности использования *притчею* в деловых памятниках ничем не отличаются от тех особенностей, которые у него выявлены на материале текста «Устава»: словоформа вводит отрицательную ситуацию, каузирующую событие главной части; при употреблении в препозиции к главной части (подавляющее число случаев) последняя обычно содержит коррелят *и*. Отметим также употребление *притчею* в одном контексте с другими условными союзами:

...а воръ Ивашко Заруцкой и съ ворами идетъ подъ Самарской, а **притчею** де воръ Ивашко Заруцкой и съ Астороханскими ворами придуть къ острожку и въ острожкѣ осадять, и имъ будетъ помогати намъ нелзѣ; а **будеть** воръ Ивашко Заруцкой и Астороханскіе люди ихъ въ Самарскомъ осадять и выморять голодомъ, и намъ будетъ помогати имъ нелзѣ (1614 г.) (АИ, 3: 423); А **будеть** какими мѣрами встрѣтятца съ ними на степи бухарскіе и юргенчскіе люди, и **притчею**, взявъ ихъ, отведуть сильно въ Бухары или въ Юргенчъ, и о той статьѣ у Михайла и у Олексы въ наказѣ написано, какъ ему говорить (1613–1615 гг.) (ПДТС, 2: 176); ...а **толко** быть розмѣнѣ,

и такъ будетъ мѣшкотно: а **притчею** про то свѣдаютъ Черкасы, и отъ нихъ бы въ полѣ надъ нашею казною и надъ послы какого погрому не учинилось, чтобъ казна отпустить вдругъ не славно, не по лѣтошнему, чтобъ про то недругъ не свѣдалъ (1619 г.) (ПРГ: 26).

Кроме того, подобно тексту «Устава», в деловых памятниках *притчею* контаминируется с другими условными союзами:

И **только** де **притчею** грѣхъ учинится, турки Литовскую землю сломятъ, и Московскому государству будетъ также не удержаться, и того де онъ чаеть, что и Московскіе люди турскаго блюдутся (1621 г.) (АМГ, 1: 165); ...и **будеть притчею** вскорѣ учинится приходъ крымскому царю или царевичамъ или большимъ воинскимъ людемъ къ засѣкамъ, и намъ тѣхъ засѣкъ до Оки рѣки и за Оку рѣку на 36 верстахъ безъ пѣшихъ людей уберечь некъмъ (1638 г.) (АМГ, 2: 60).

Итак, можно выделить следующие признаки, характеризующие словоформу *притчею* в качестве союза (подробнее о признаках процесса конъюнктивации неместоименных слов в истории русского языка см. [Черкасова 1973: 206–208]):

1. Признак неизменяемости, реализуемый при ее употреблении в функции наречия до формирования союзной функции.

2. «Утрата автосинтаксичности, т. е. способности выполнять в предложении самостоятельную синтаксическую роль» [Там же: 207], на что указывает соединение слова *притчею* с союзом *будеть* и союзом-наречием *только*.

3. Регулярность употребления в союзной функции в памятниках XVII в.

4. Закрепление позиции союза в абсолютном начале придаточного предложения.

В то же время при употреблении наречия-союза *притчею* нарушается один из важных признаков перехода слова в союз — семантическое обособление и утрата семантической соотнесенности формы творительного падежа *притчею* с другими формами слова *притча*. Об этом свидетельствует семантическая ограниченность контекстов, в которых используется словоформа *притчею*. Сохранение связи слова *притчею* с его лексическим значением мешало развитию общей семантики гипотетичности, необходимой для формирования условных союзов (см. [Там же: 29, 206]). В результате *притчею* занимает промежуточное положение, а конструкции с его участием не могут быть однозначно охарактеризованы как союзные или бессоюзные: союзный аналог скорее остается компонентом условной бессоюзной конструкции, модифицируя ее семантику случайности, неконтролируемости и отрицательной характеристики каузирующей ситуации.

Анализ памятников письменности позволяет констатировать, во-первых, стилистическую маркированность *притчею* в качестве условного союза (разговорно-просторечная окраска, связь с деловой письменностью) и, во-вторых, резкое сокращение его употребления к середине XVII в. Дальней-

шие исследования могут уточнить эту характеристику употребления *притчею* в русском языке.

Выскажем предположение, что *притчею* являлся локализмом — скорее всего, он сформировался в южнорусской среде. На это указывает то, что он встречался преимущественно в переписке с воеводами, которые управляли землями к югу от Москвы; последние примеры употребления этой словоформы также связаны с этой территорией. Если данная гипотеза верна, то всплеск употребления *притчею* в памятниках 1600–1620-х гг. следует напрямую связать с событиями Смутного времени и притоком носителей южнорусских говоров в Москву.

Отсутствие *притчею* в «Учении» может быть обусловлено всеми перечисленными факторами: прежде всего выходом словоформы из активного употребления, но также ее функционально-стилистической окраской. Важно отметить, что, в отличие от рукописного «Устава», «Учение» — это печатное издание, и, возможно, в ходе предпечатной подготовки текста *притчею* (если оно было использовано переводчиками) могло быть заменено на более нейтральные речевые элементы.

Выводы

1. В «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», военно-научном трактате, составленном на основе немецкого оригинала в первой четверти XVII в., обнаруживается союзное употребление словоформы *притчею* (всего 44 случая), что подтверждается материалами деловой письменности 1590–1660-х гг.

2. Система выражения условных синтаксических отношений в «Уставе» в целом соответствует тенденциям, характерным для памятников первой половины XVII в., где при преобладании нейтральных языковых средств используются элементы разговорного языка. Синтаксические явления, характерные для книжного языка (например, союзы *ежели, егда*), в памятнике отсутствуют.

3. Слово *притчею*, известное в научной литературе в наречном употреблении, образовано от многозначного существительного *притча*, которое широко используется в русских говорах и сохраняет в них круг релевантных для союзного употребления значений. Следовательно, источником употребления словоформы *притчею*, скорее всего, является разговорный язык.

4. Союзное употребление словоформы *притчею* в научной литературе впервые становится предметом специального анализа. Его характеризуют следующие особенности: неизменяемость, утрата способности выполнять в предложении самостоятельную синтаксическую роль, регулярность употребления в качестве союзного средства и закрепление позиции в абсолютном начале придаточного предложения. Незавершенность процесса конъюнктивации словоформы выражается в сохранении ее семантической

связи с существительным *притча*. Союзное употребление *притчею* выразительно подтверждается параллельными чтениями немецкого оригинала, в котором обнаруживаются такие соответствия союзному аналогу *притчею*, как *ob, wo, wann, im fall so, so*.

5. На основании жанровой отнесенности памятников письменности, в которых встретился союзный аналог *притчею*, можно утверждать его стилистическую маркированность (разговорно-просторечная окраска, связь с деловой письменностью). Хронологическая характеристика союзного аналога *притчею* может быть представлена следующим образом: его возникновение можно отнести к концу XVI в., активизацию — к 1600–1620 гг., выход из употребления — к середине XVII в.

6. Ограниченность материала не позволяет всесторонне описать особенности формирования и развития союзной функции у словоформы *притчею*. В связи с южнорусской территориальной отнесенностью большинства деловых текстов, в которых фиксируется словоформа *притчею*, а также со временем ее активизации (1600–1620-е гг.) появление этого аналога условного союза в русском языке можно связать с событиями Смутного времени и притоком носителей южнорусских говоров в Москву.

С л о в а р и

Аделунг — Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматическо-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом ученых людей: В 2 ч. СПб., 1798.

Даль, 3 — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Ч. 3. М., 1865.

САР, 5 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 5. СПб., 1822.

СлДРЯ XI–XIV, 8 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 8. М., 2008.

СлРЯ XI–XVII, 20 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995.

Сл.Срез., 2 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902.

СОАН — Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

СПГ, 2 — Словарь пермских говоров. Вып. 2. Пермь, 2002.

СРНГ, 32 — Словарь русских народных говоров. Вып. 32. СПб., 1998.

И с т о ч н и к и

АИ — Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 12 т. СПб., 1841–1842.

АМГ — Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Под ред. Н. А. Попова, члена-корреспондента Академии: В 3 т. СПб., 1890–1901.

ПДТС — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского: В 3 т. СПб., 1890–1898.

ПРГ — Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1526–1658. М., 1848.

Устав — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым... Ч. 1–2. СПб., 1777–1781.

Учение — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

Fronspurger — L. Fronspurger. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaejern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main, 1573.

Литература

Епифанов 1954 — П. П. Епифанов. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории русской армии XVII в.) // Ученые записки МГУ. Кафедра истории СССР. 1954. Вып. 167. С. 77–98.

Коротаева 1964 — Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в. М.; Л.: Наука, 1964.

Кузнецова 1977 — Р. Д. Кузнецова. Русские подчинительные союзы местоименного происхождения. Калинин: КГУ, 1977.

Кузнецова 1983 — Р. Д. Кузнецова. Исторические изменения в сложноподчиненном предложении. Калинин: КГУ, 1983.

Лавров 1941 — Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941.

Морозова 1979 — С. Е. Морозова. Сложноподчиненные предложения условия // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис: В 2 кн. Кн. 2: Сложное предложение. М.: Наука, 1979. С. 233–261.

Назаретский 1960 — В. В. Назаретский. К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке. Енисейск: [б. и.], 1960.

Немировский 1997 — Е. Л. Немировский. Анисим Михайлов Радишевский, ок. 1560 — ок. 1631. М.: Наука, 1997.

Руднев 2024 — Д. В. Руднев. Императивные конструкции в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2024. № 87. С. 91–109.

Русаковский 2018 — О. В. Русаковский. «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. Т. 73. № 3. С. 53–63.

Сидоренко 1958 — Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» // Наук. зап. Київ. пед. ін-ту. 1958. Т. XXIX. С. 49–65.

Сидоренко 1960 — Р. И. Сидоренко. Военная лексика памятника XVII века «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1960.

Спринчак 1964 — Я. А. С п р и н ч а к. Очерк русского исторического синтаксиса. Ч. 2: Сложное предложение. Киев: Радянська школа, 1964.

Стеценко 1960 — А. Н. С т е ц е н к о. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV–XVI вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960.

Стеценко 1972 — А. Н. С т е ц е н к о. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Филичева 2003 — Н. И. Ф и л и ч е в а. История немецкого языка. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов. М.: Academia, 2003.

Черкасова 1973 — Е. Т. Ч е р к а с о в а. Русские союзы неместоименного происхождения. М.: Наука, 1973.

Stang 1952 — Ch. S. S t a n g. La langue du livre “Uchenie i hitrost’ ratnago stroeniya p’hotnyh lyudej”. Oslo, 1952.

Статья получена 10.01.2025

Dmitry V. Rudnev

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
The Herzen State Pedagogical University of Russia
(St Petersburg, Russia)
rudnevd@mail.ru

Milyausha G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St Petersburg, Russia)
justmilya@yandex.ru

**FROM THE HISTORY OF RUSSIAN CONDITIONAL CONJUNCTIONS:
CONJUNCTIONAL USE OF THE WORD FORM *PRITCHEYU*
IN THE MIDDLE RUSSIAN LANGUAGE**

The article examines the use of the word form *pritcheyu* as a conditional conjunction in the Middle Russian language. The main source of the material was the *Charter of martial, cannon and other matters related to military science*. The cases of the conjunctional use of the word form *pritcheyu* in this text are compared, on the one hand, with its German source — the second volume of L. Fronsperger's treatise *Kriegsbuch*, and on the other hand, with cases of similar use of *pritcheyu* in other Russian written monuments of the same period. Conclusions are made about the chronology of the conjunctional use of *pritcheyu* in the Middle Russian language, its stylistic characteristics and dialectal localization. Chronologically, the use of *pritcheyu* as a conditional conjunction is limited to a short period from late 16th century (its first recorded occurrence in written texts) through mid-17th century (its decline). Its heyday occurred between the 1600s and 1620s. Stylistically, the analogue of conditional conjunction *pritcheyu* is characterized by a colloquial tone and is found primarily in business writings.

Keywords: 17th century, military regulations, conditional conjunction, analogue of conjunction, colloquial speech.

References

- Cherkasova, E. T. (1973). *Russkie soiuzy nemestoimennogo proiskhozhdeniia*. Moscow: Nauka.
- Epifanov, P. P. (1954). «Uchenie i khitrost' ratnogo stroeniia pekhotnykh liudei» (iz istorii russkoi armii XVII v.). *Uchenye zapiski MGU. Kafedra istorii SSSR*, 167, 77–98.
- Filicheva, N. I. (2003). *Istoriia nemetskogo iazyka*. Moscow: Academia.
- Korotaeva, E. I. (1964). *Soiuznoe podchinenie v russkom literaturnom iazyke XVII v.* Moscow; Leningrad: Nauka.
- Kuznetsova, R. D. (1977). *Russkie podchinitel'nye soiuzy mestoimennogo proiskhozhdeniia*. Kalinin: KGU.
- Kuznetsova, R. D. (1983). *Istoricheskie izmeneniia v slozhnopodchinennom predlozhenii*. Kalinin: KGU.
- Morozova, S. E. (1979). Slozhnopodchinennye predlozheniia usloviia. In V. I. Borkovskii (Ed.), *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Sintaksis. Vol. 2: Slozhnoe predlozhenie* (pp. 233–261). Moscow: Nauka.
- Nazaretskii, V. V. (1960). *K istorii slozhnopodchinennogo predlozheniia v drevnerusskom iazyke*. Eniseisk: [s.n.].
- Nemirovskii, E. L. (1997). *Anisim Mikhailov Radishevskii, ok. 1560 — ok. 1631*. Moscow: Nauka.
- Rudnev, D. V. (2024). Imperativnye konstruksii v «Ustave ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasaiushchikhsia do voinskoj nauki». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 87, 91–109.
- Rusakovskii, O. V. (2018). «Voinskie knigi» 1607/1620 gg. i ikh nemetskii original. Popytka sopostavleniia. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 3(73), 53–63.
- Sidorenko, R. I. (1958). Iz nabliudeniia nad leksikoi pamiatnika XVII v. «Uchenie i khitrost' ratnogo stroeniia pekhotnykh liudei». *Naukovi zapysky Kiyivs'kogo pedagogichnogo institutu*, 29, 49–65.
- Sidorenko, R. I. (1960). *Voennaia leksika pamiatnika XVII veka «Uchenie i khitrost' ratnogo stroeniia pekhotnykh liudei»* (Doctoral dissertation summary). Lviv, 1960.
- Sprinchak, Ya. A. (1964). *Ocherk russkogo istoricheskogo sintaksisa. Ch. 2: Slozhnoe predlozhenie*. Kyiv: Radian'ska shkola.
- Stang, Ch. S. (1952). *La langue du livre “Uchenie i hitrost' ratnogo stroeniya pekhotnykh lyudej”*. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad.
- Stetsenko, A. N. (1960). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v russkom iazyke XIV–XVI vv.* Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta.
- Stetsenko, A. N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.

Received on January 10, 2025

Е. В. УРЫСОН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
uryson@gmail.com

НЕДЕЛЮ НАЗАД: К СИСТЕМНОМУ ОПИСАНИЮ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ КОНСТРУКЦИИ

Объект работы — словосочетание *неделю (тому) назад*. Цель работы — ответить на два вопроса: а) к какой части речи относится слово *назад* в этой конструкции; б) какова функция факультативного компонента конструкции — местоимения в форме дательного падежа *тому*. Предлагается гипотеза, по которой рассматриваемое сочетание является результатом изменения исходной конструкции — предложения типа *(Граф умер.) Тому (уже) неделя*. Это изменение логически представляется как цепочка последовательных трансформаций исходной конструкции. Продемонстрировано, что как исходный случай, так и рассматриваемое сочетание являются синтаксическими фразами. Предложены синтаксический и семантический анализ обеих фразем. Показано, что в исходном случае *тому* — это анафорическое местоимение, отсылающее к обычно предположенной ситуации. Последовательные логические преобразования исходной фраземы в анализируемую таковы: сначала исходная структура меняет свой синтаксис, затем в нее вводится компонент *назад*, в результате компонент *тому* теряет анафорическую функцию и становится избыточным, а потому может опускаться. Обсуждаются синтаксические свойства предлога/послелога как части речи. Продемонстрировано, что *назад* в составе данной фраземы не обладает свойствами предлога/послелога, а потому это слово естественно отнести к наречиям. Аргументируется, что Грамматика Конструкций не предоставляет исследователю аппарата, позволяющего системно описать данные (и другие) фраземы. Соответствующими возможностями располагает модель «СМЫСЛ — ТЕКСТ» И. Мельчука.

Ключевые слова: наречие, предлог, послелог, анафора, фразема, синтаксис зависимостей, семантика, Грамматика Конструкций.

Введение

Объект настоящей работы — конструкция¹ вида *неделю назад, три года (тому) назад*, ср. *Они расписались неделю назад; Это было много лет тому назад*. Цель работы — ответить на два вопроса: а) к какой части речи отно-

¹ Слово «конструкция» мы употребляем здесь в традиционном понимании: это последовательность синтаксически связанных слов.

сится лексема² *назад* в этой конструкции; б) какова функция факультативного компонента конструкции — местоимения в форме дательного падежа *тому*.

Первый вопрос уже обсуждался в литературе: *назад* в этом контексте («временное *назад*») в работе [Крылов, Муравенко 2007] остроумно предлагается считать послелогом — и тем самым в русском языке постулируется наличие экзотического для индоевропейских языков класса единиц. Заметим, что в академической грамматике [Грамматика-80] подобные контексты вообще не рассматриваются. В толковых словарях «временное *назад*», как и *назад* в пространственном значении, отнесено к классу наречий. Мы приведем аргументы в пользу того, что трактовка «временного *назад*» как послелога неудовлетворительна с теоретической точки зрения, и продемонстрируем, что данную единицу естественнее всего относить к наречиям.

Второй вопрос, насколько нам известно, в литературе не ставился. Между тем неясно даже, какова «словарная форма» *тому* в этой конструкции: ею может быть как прилагательное (в том числе и субстантивированное) *тот*, ср. *Тот человек, о котором я сейчас говорю, ...; Тому, кого она ждала, ...*, так и существительное *то*, ср. *Вспомнил даже то, что давно забыл*. Непонятно также, указывает ли *тому* в контексте данной конструкции на какой-либо antecedent или референт.

Для того чтобы адекватно описать выбранную конструкцию, мы представим ее как результат преобразования некоторой исходной, теперь уходящей конструкции, вполне прозрачной синтаксически и семантически. Возможно, что такое преобразование действительно имело место в истории языка. Однако настоящая работа ограничивается описанием логики этой трансформации. Анализ исторических и диалектных данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предлагаемую гипотезу, представляет собой тему отдельного исследования.

2. Структура конструкции *неделю (тому) назад*

Выбранная конструкция представлена в русском языке целым рядом вариантов.

Под вариантами конструкции мы будем понимать такие сочетания, в которые входят лексемы (компоненты) из одного ограниченного набора, причем эти компоненты одинаково связаны друг с другом синтаксически. Варианты конструкции могут различаться, например, наличием/отсутствием компонента из данного набора, формой какого-либо компонента или порядком компонентов.

² В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в его конкретном значении. Многозначное слово представляется тогда как набор лексем. В этом понимании лексема вполне аналогична лексико-семантическому варианту (ЛСВ) А. И. Смирницкого.

2.0. Варианты конструкции неделю назад

Начиная со второй половины XX в. анализируемая конструкция представлена двумя основными вариантами, различающимися наличием/отсутствием слова *тому*, ср. *неделю назад* — *неделю тому назад*. Ср.:

- (I) НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ,...> НАЗАД.
 (1) *Это было неделю назад.*
 (2) *Жена ушла от него семь лет назад, уехала в Милан, и больше они не виделись* (Ю. Буйда).
 (3) *Еще месяц назад этот аргумент мог быть признан убедительным* (В. Войнович).
 (II) НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ,...> ТОМУ НАЗАД.
 (4) *Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на обшчий балкон* (М. Булгаков).
 (5) *Двадцать пять лет тому назад они с матерью уезжали из Мисхора* (Д. Быков).

Однако в языке XIX — начала XX в. выбранная конструкция имела еще ряд вариантов, в каждом из которых есть слово *тому* и которые различаются порядком компонентов:

- (III) НАЗАД ТОМУ НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ,...>.
 (6) *Это было назад тому семь лет, в очень погожее утро весной* (Н. С. Лесков).
 (7) *Третья сестра тоже вышла замуж и жила довольно сносно, но назад тому три года умерла от родов* (Ф. М. Решетников).
 (8) *Родька, долговязый, хмурый мальй из Ульяновки, пошел назад тому два года во двор ко вдовому брату Якова, Федоту* (И. Бунин).
 (9) *Назад тому шесть лет новгородцы так озлобились на псковичей, что просили великого князя послать своего воеводу для усмирения псковичей, не хотевших признавать прав новгородского владыки* (Н. И. Костомаров).
 (IV) ТОМУ НАЗАД НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ,...>.
 (10) *Тому назад неделю фельдмаршал слышал, проезжая по улицам, чье-то восклицание за каким-то забором* (Е. А. Салиас).
 (11) *Наблюдается разочарование человека в достижении высоких идеалов, каковыми увлекались тому назад три года* (М. Осоргин).
 (12) *Тому назад семь лет, покойный Виталин командовал полком, который стоял в Белостоке* (И. И. Лажечников).
 (13) *А во флигеле покойник, / Прям и сед, лежит на лавке, / Как тому назад три года...* (А. Ахматова).
 (V) НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ,...> НАЗАД ТОМУ.
 (14) *Правда, три года назад тому виделись* (Савватий (Д. И. Потапенко)).

- (15) *Еще неделю назад тому, бродя по этому базару, Степан Андреевич воображал себя на Сорочинской ярмарке и думал: «Вот прошло сто лет»* (С. Заяицкий).
- (16) *Лет двенадцать назад тому он был влюблен в мою мать* (М. Горький).
- (VI) *ТОМУ НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ, ...> НАЗАД.*
- (17) *Тому два года назад, — начал старец, — у нас умер богатый хозяин* (М. Успенский).
- (18) *Мы видели тому два года назад, <что> даже обыск советских учреждений в Пекине и удаление полпреда из Китая не вызвали вооруженного выступления СССР* (А. Кутепов).

Логически возможен еще один — седьмой — вариант рассматриваемой конструкции:

(VII) *НАЗАД НЕДЕЛЮ <МЕСЯЦ, ...> ТОМУ.*

Он, однако, в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) не представлен.

Перейдем к семантическому анализу конструкции.

2.1. Исходная точка анализа и логика изменения начальной конструкции

Прежде всего найдем контексты, максимально аналогичные рассматриваемым, но при этом вполне прозрачные семантически:

- (19) *Графа похоронили. Тому уже неделя.*
- (20) *Жена Мартына Матвеевича [Тереховского] приехала в Петербург, уже другая тому неделя* (А. М. Шумлянский).
- (21) *Здесь когда-то — тому три года! — стояли станом оголтелые матросские орды, грянувшие брать власть* (И. Шмелев).

Нас будут интересовать предложения типа *Тому (уже) неделя <три года>*, входящие в состав этих примеров. Анафорическое местоимение *тому* отсылает здесь к некоторой ситуации, имевшей место в прошлом и обычно описанной в предтексте: ‘графа похоронили’ в (19), ‘жена Мартына Матвеевича приехала в Петербург’ в (20), ‘здесь когда-то стояли станом оголтелые матросские орды’ в (21). Эта ситуация необязательно предупомянута — она может обозначаться придаточным к предложению типа *Тому (уже) неделя*, ср.:

- (22) *Сердце ее принадлежит мне давно — тому шесть лет, как она сказала мне о том* (Н. А. Полевой).

В подобных случаях естественно интерпретировать слово *тому* как форму анафорического местоимения *то*. Действительно, местоимение *то* нормально отсылает к другой ситуации, подразумеваемой или упоминающейся в данном тексте (хотя в современном языке такие примеры стили-

стически отмечены). Ср.: *То не ветер ветку клонит, / Не дубравушка шумит, / То мое сердечко стонет* (С. Стромиллов); *То было раннею весной, / В тени берез то было* (А. К. Толстой). Правда, *то* в этих примерах имеет форму именительного падежа, а в (19)–(22) — форму дательного. Ниже будет продемонстрировано, что дательный падеж в наших случаях закономерен.

Для описания семантики предложения типа *Тому (уже) неделя* удобно постулировать в его семантической структуре трехместный предикат ‘отдаленность ситуации в прошлом от точки отсчета’ или — более точно —

- (23) ‘величина X отрезка времени между точкой отсчета Z и ситуацией Y , имевшей место до Z ’.

В приведенных примерах точка отсчета Z не выражена — она подразумевается: в большинстве случаев это момент речи, но, возможно, это время другой ситуации, ср. (9). Ситуация Y обозначается анафорическим местоимением в форме дательного падежа — *тому*. Величина X интервала выражается существительным в форме именительного падежа (ср. *Тому уже неделя*) или группой, обычно состоящей из существительного, обозначающего временной интервал (ср. *день, неделя, месяц, год* и т. п.), и определяющего его количественного числительного (ср. *три дня, два месяца, семь лет*). Будем называть группу, состоящую из существительного и такого числительного, количественной³. Количественной группе приписывается тот же падеж, что и существительному, которое может заменить количественную группу в данной синтаксической позиции, — т. е. в случае типа *Тому уже семь лет* количественной группе *семь лет* по аналогии с существительным в случае *Тому уже неделя* приписывается именительный падеж (о падеже количественной группы см. [Мельчук 1985]).

Предикат (23) в случаях типа *Тому (уже) неделя* выражается не отдельным словом, а всей структурой предложения. Тем самым данная структура является синтаксической фраземой по [Иорданская, Мельчук 2007: 298]. В самом общем виде эту фразему можно представить так⁴:

- (24) $TO_{\text{ДАТ}} + Q_{\text{ИМ}}$,
где Q — количественная группа.

Числительное *один* во фраземе (24) обычно опускается, ср. *Тому уже неделя*; *Тому год* при некоторой неестественности *Тому уже одна неделя*; *Тому один год*. Бывают и более сложные случаи, ср. *Тому уже полвека*; *Тому уже десяток лет* и т. п. Для простоты мы сейчас от них отвлекаемся.

³ Синтаксическая структура количественной группы подробно описана И. А. Мельчуком [1985].

⁴ Здесь и далее падеж обозначается общепринятым сокращением в виде нижнего индекса к имени лексемы, к обозначению группы или к общепринятому обозначению части речи.

Значение данной синтаксической фраземы очень близко значению существительного *возраст*, представленного в контекстах типа: а) *Укажите возраст ребенка; Возраст княжны его не интересовал* и б) спец. *Каков возраст этих отложений?* Слово *возраст* в этих контекстах мы упрощенно толкуем так:

- (25) *Возраст Y-a* ‘величина X отрезка времени, отделяющего момент начала существования живого существа или другого материального объекта Y от точки отсчета Z’ [точкой отсчета может быть момент речи или описываемый момент]⁵.

Тем самым и слово *возраст*, и выбранная фразема указывают на отрезок времени между двумя точками: ситуацией Y или началом существования объекта Y и точкой отсчета.

Есть еще одна синтаксическая фразема, прямо указывающая на возраст и очень близкая рассматриваемой, ср.:

- (26) *Младенцу была уже неделя; Ей было тогда тридцать лет.*
 (27) *Этим отложениям миллионы лет.*

В значении этой фраземы удобно постулировать предложенный выше для описания слова *возраст* предикат (25). В самом общем виде фразему из (26)–(27) можно представить так:

- (28) СУЩ_{дат} + Q_{им}.

Мы видим, что в близких по смыслу случаях (24), (25) и (28), где речь идет о величине интервала, на протяжении которого существует объект, обозначение этого объекта маркируется дательным падежом. Тем самым падеж слова *тому* в нашей фраземе (24) вполне закономерен.

Важное различие между (24), с одной стороны, и (25) и (28) — с другой, состоит в семантическом ограничении на актанта Y, маркируемый дательным падежом: слово *возраст* в (25) и фразема (28) предполагают живое существо или материальный объект вообще, а наша фразема (24) указывает на ситуацию. При этом в (24) актанта Y всегда выражается анафорическим местоимением *то* (в форме дательного падежа), а в (28), как и в (25), — существительным или заменяющим его местоимением.

Синтаксическая фразема (как и любая фразема, ср. *бить баклуши, задать вопрос* и т. п.) имеет синтаксическую структуру. Ее требуется описать.

Выделенные синтаксические фраземы (24) и (28) обе формируют отдельное предложение. Подлежащее такого предложения — существительное в форме именительного падежа (ср. *неделя*) или количественная группа (ср. *три года*) с той же падежной информацией.

⁵ Возможно, при более точном описании семантики слова *возраст* окажется удобным усматривать здесь две лексемы: *возраст 1*, ср. *возраст Клавьи*, и *возраст 2*, ср. *возраст геологических отложений*. Для наших целей это несущественно.

Сказуемым во фраземе (28), ср. (26)–(27), является связочный глагол *быть*, и ему подчиняется существительное в дательном падеже (обозначение актанта Y, т. е. субъекта), ср. *младенцу* ← *была (неделя)*, *ей* ← *было (тридцать лет)*. Глагол может быть опущен, ср. *Ей тридцать лет*; *Этим отложениям миллионы лет*. В этом случае принято постулировать в предложении «нулевую связку» (символ $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$), ср. *Ей* ← $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$. Естественно считать, что слово *тому* в предложении типа *Тому уже неделя* так же подчиняется нулевой связке $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$. При этом, по-видимому, в нашей синтаксической фраземе, в отличие от (28), возможна только нулевая связка. Таким образом, синтаксическая фразема (24) имеет структуру:

(29) $\text{ТО}_{\text{ДАТ}} \leftarrow \emptyset_{\text{БЫТЬ}} \rightarrow \text{Q}_{\text{ИМ}}$.

Теперь перейдем к конструкции типа *неделю (тому) назад* — со словом *назад* — и попытаемся описать ее как результат трансформации исходного предложения типа *Тому (уже) неделя*. Подчеркнем, что речь идет о логическом соотношении более простого случая типа *Тому уже неделя* с менее прозрачным случаем, о логике перехода от простого случая к внешне похожему сложному. Реальная история конструкции *неделю (тому) назад* не является объектом данной работы.

Шаги трансформации

1. Первый шаг трансформации состоит в том, что структура типа *Тому (уже) неделя*, сохраняя свою синтаксическую организацию, начинает употребляться не как отдельное предложение, а как член предложения (обстоятельство времени). Ср.:

- (30) *А о судьбе этих восьмидесяти человек, которых он вывел тому десять лет из Персии, он старался ничего не узнавать* (Ю. Тынянов).
- (31) *Право, русское сердце может порадоваться, как везде Извольский умеет быстро приобрести выдающееся положение; тому два года я видел это в Риме, теперь здесь* (Великий князь Николай Михайлович).

По нашей интерпретации, новая структура содержит существительное в именительном падеже (ср. *(тому) неделя*) или количественную конструкцию, которой приписана та же падежная информация (ср. *(тому) десять лет*, *(тому) два года*), и по логике вещей — нулевую связку, которой подчиняется указание на величину интервала времени. Нулевой связке подчиняется и слово *тому*: естественно считать, что эта синтаксическая связь наследуется конструкцией от исходной синтаксической фраземы, ср. (29).

Сохраняет ли *тому* в этих случаях анафорическую функцию? В (30) ничто не мешает считать, что *тому* отсылает к уже описанной (или, возможно, описываемой) ситуации ‘вывел восемьдесят человек’. Но в (31) такая анафора уже под вопросом: ситуация, к которой по логике вещей

отсылает слово *тому* ('я видел это в Риме'), вводится после отсылочного слова. Ниже мы рассмотрим данный вопрос подробнее.

Сейчас отметим другое: в (30)–(31) группа *тому* + Q_{ИМ} имеет ту же синтаксическую структуру, что и предложение типа (19)–(22), но при этом структуры (30)–(31) не обладают присущей предложению коммуникативной организацией: членением на тему и рему, ср. *Тому / (уже) неделя*. Это вынуждает считать данное обстоятельство времени особым конструктом: сохраняя синтаксическую структуру предложения со связкой Ø_{БЫТЬ}, данный конструктор не обладает тема-рематическим членением («предикативностью»).

Итак, первый шаг трансформации — утрата структурой типа *Тому (уже) неделя* коммуникативной организации, присущей предложению, и употребление этой новой, трансформированной структуры в качестве члена предложения.

2. Следующий шаг трансформации состоит в том, что в структуру типа *тому неделя <три года>* вводится лексема *назад* — мы получаем исследуемую конструкцию. Ср.:

- (32) *Жена ходила к обедне и служила молебн завтрашнему дню усекновения честных главы Иоанна Предтечи: ибо в этот день, тому два года назад, убил меня в Москве паралич* (Д. И. Фонвизин).
 (33) *Тому два года назад, — начал старец, — у нас умер богатый хозяин* (М. Успенский).

Какую семантику вносит в эту структуру лексема *назад*?

Прежде всего заметим, что полисемия слова *назад* вполне укладывается в обычные семантические переходы, свойственные языкам мира: время описывается с помощью метафоры пространства. В данном случае прошлое осмысливается как то, что находится сзади: «временное *назад*» указывает на то, что ситуация имела место в прошлом относительно точки отсчета. Но на это указывает и группа типа *тому неделя <три года>* — «временное *назад*» просто дублирует эту семантику. Почему же эта лексема завоевала выбранную конструкцию, оттеснив на периферию случаи типа *тому неделя <три года>*?

В конструкции типа *тому (уже) неделя <три года>* смысл 'в прошлом' не выражается отдельным словом: это смысл всей данной синтаксической структуры (с ее лексическим наполнением), т. е. смысл синтаксической фраземы. В результате второго шага трансформации — введения в конструкцию лексемы *назад* — тот же смысл оказывается выраженным лексически. Естественно предположить, что семантика (или информация), выраженная лексикой, воспринимается лучше. Это и является причиной внедрения лексемы *назад* в описываемую синтаксическую фразу.

3. На третьем шаге трансформации меняется падеж количественной группы: теперь, в контексте лексемы *назад*, эта группа оформляется не

именительным падежом, а винительным. В НКРЯ (основной корпус) находим единственный безусловный пример с именительным падежом в таком контексте, ср.:

- (34) *Неделя тому назад у меня сгорело все: овес, сено, пшеница, рожь, и я теперь отправил к окружным помещикам купить для себя всего этого, если продадут* (Н. А. Дурова).

(Заметим, что для большинства групп, указывающих на промежуток времени в выбранной конструкции, формы именительного и винительного совпадают. Ср. *год* <два года, десять лет> назад.)

В результате этих трех шагов трансформации предложение типа *Тому (уже) неделя* преобразуется в конструкцию типа *неделю тому назад*.

Смену падежа количественной группы можно представить как результат конверсного преобразования конструкции, т. е. изменение ранга ее актантов⁶. Вернемся к предикату (23):

- (23) 'величина X отрезка времени между точкой отсчета Z и ситуацией Y , имевшей место до Z '.

Семантический актант X этого предиката выражается существительным (количественной группой) в привилегированном именительном падеже, следовательно, этому актанту приписывается первый ранг. Семантический актант Z не выражается, поэтому ему естественно приписать последний — в данном случае третий ранг. Актанту Y тогда присваивается второй ранг:

- (35) 'величина $X = 1$ отрезка времени между точкой отсчета $Z = 3$ и ситуацией $Y = 2$, имевшей место до Z '.

В результате третьего шага трансформации ранги актантов меняются: актант X кодируется не привилегированным именительным падежом, а винительным, поэтому ему естественно приписать второй ранг. Ранг актанта Y (описываемая ситуация) повышается и становится первым. У актанта Z (точка отсчета) остается третий ранг. Ср.:

- (36) 'величина $X = 2$ отрезка времени между точкой отсчета $Z = 3$ и ситуацией $Y = 1$, имевшей место до Z '.

Данное конверсное преобразование (мена диатезы) не меняет значения исходной фраземы. Оно по-прежнему не композиционально, т. е. не складывается аддитивно из семантики компонентов конструкции. Тем самым

⁶ Классические примеры конверсивов, на которых обычно демонстрируется изменение ранга актантов предиката, — это формы действительного и страдательного залога (ср. *Эти рабочие строят дом уже три года — Дом строится этими рабочими уже три года*) и лексемы типа *выиграть — проиграть, купить — продать* [Апресян 1974; Мельчук 1974]. Конверсное преобразование как мена диатезы подробно описывается Е. В. Падучевой [2004].

тому назад — это тоже фразема. Однако по своей семантической организации она принципиально отличается как от фраземы (29), ср. (*Граф умер.*) *Тому уже неделя*, так и от результата первого шага ее трансформации, ср. *Тому три года его сын уехал в город*.

Действительно, в случае типа (*Граф умер.*) *Тому уже неделя* ситуация *У* обозначается отдельным предложением, обычно в предтексте, и местоимение *тому* отсылает к этому предложению. Хотя в результате уже первого шага трансформации анафорическая функция *тому* начинает размываться (в контекстах типа *Тому три года его сын уехал в город* анафора как минимум неочевидна), *тому* здесь — по-прежнему обязательный компонент синтаксической фраземы, без которого она невозможна: смысл (23) в синтаксической фраземе (29) выражается прежде всего синтаксической структурой фраземы.

В новой фраземе *тому назад* имеется особая лексема *назад* с ясной временной семантикой, а значит, смысл (23) выражается здесь не столько синтаксической структурой, сколько данной лексемой. Вследствие этого компонент *тому* становится лишним: его анафорическая функция непонятна, а сама синтаксическая структура, выражавшая смысл (23), теперь не нужна.

ЗАМЕЧАНИЕ. Теоретически в результате третьего шага трансформации анафорическое местоимение *тому* или ни к чему не отсылает, т. е. становится совершенно пустым словом, или же отсылает не к ситуации *У*, а к какому-то другому актанту предиката (36). Хотя у этого предиката три актанта, здесь есть всего одна возможность: *тому* указывает на актанта *Z* (точку отсчета), т. е. на момент речи. Тогда *тому назад три года* — это ‘за три года до точки отсчета — момента речи’. Некоторые примеры подтверждают такую возможность, ср. (11), (13) и (31):

- (11) *Наблюдается разочарование человека в достижении высоких идеалов, каковыми увлекались тому назад три года* (М. Осоргин).
- (13) *А во флигеле покойник, / Прямо и сидит, лежит на лавке, / Как тому назад три года...* (А. Ахматова).
- (31) *Право, русское сердце может порадоваться, как везде Извольский умеет быстро приобрести выдающееся положение; тому два года я видел это в Риме, теперь здесь* (Великий князь Николай Михайлович).

Обратим внимание на то, что при такой интерпретации употребление местоимения *то* (в форме *тому*) не вполне закономерно. Дело в том, что местоимение *то*, как и *тот*, в обычном случае указывает на объект, отдаленный от говорящего, противопоставляя этот объект другому, близкому, входящему в «пространственную сферу» говорящего, причем на такой близкий объект обычно указывает местоимение *это* (*этот*). Казалось бы, именно местоимение *это* и должно отсылать к моменту речи как точке отсчета, но в данном случае к моменту речи отсылает местоимение *то* (*тот*) —

вопреки своей обычной семантике. Можно считать, что *то* в этих контекстах имеет модифицированную семантику.

Существенно, что при таком анализе указание на точку отсчета избыточно: в рассматриваемой конструкции она всегда подразумевается. Тем самым и при этом разборе *тому* оказывается ненужным, избыточным словом.

4. Итак, после третьего шага трансформации *тому* может опускаться без ущерба для смысла высказывания. Вариант (I) нашей конструкции, ср. *неделю <три месяца, ...> назад*, можно представить как преобразование варианта (II), состоящее в удалении из конструкции компонента *тому*. Ср. (II) *неделю тому назад* → (I) *неделю ~~тому~~ назад*.

Но почему *назад* в современном языке располагается только в постпозиции к указанию на временной интервал? Ср. *неделю <три месяца> назад*, но не **назад неделю <три месяца>*. Действительно, среди представленных выше вариантов конструкции есть и такие, где *назад* располагается в препозиции к количественной группе. Ср. (III) *назад тому неделю* и (IV) *тому назад неделю*. Однако удаление *тому* из этих вариантов даст безусловно аграмматичный для современного языка результат; ср. (III) *назад тому ~~неделю~~* → **назад ~~тому~~ ~~неделю~~*; (IV) *тому назад ~~неделю~~* → **~~тому~~ ~~назад~~ ~~неделю~~*. Этот факт требуется объяснить.

По нашим самым грубым оценкам, основная масса примеров исследуемой фраземы с *назад* в основном корпусе НКРЯ представлена вариантом (II) *неделю тому назад* — с постпозицией *назад* относительно количественной группы. Частотность варианта (III) *назад тому четыре года* — с препозицией *назад* — на два порядка меньше. Другие варианты с препозицией *назад* — (IV) *назад тому неделю* и (VI) *тому неделю назад* — представлены единичными примерами. Тем самым правило удаления *тому* из состава конструкции выработывалось на самом частотном варианте (II)⁷. Соответственно, в языке распространился случай типа *неделю назад*, и, наоборот, вариант типа **назад неделю* оказался недопустимым, а значит, выработался запрет на такую позицию лексемы *назад*.

Предложенная гипотеза о причинах невозможности препозиции слова *назад* к указанию на временной интервал (ср. **назад неделю*), вообще говоря, относится к описанию возможных реальных процессов в языке, а не просто к объяснению логики предполагаемого преобразования. Для проверки этой гипотезы необходимо исследование большого корпуса памятников, а также диалектного материала, причем с максимально точной статистикой разных случаев. Такому исследованию мы надеемся посвятить отдельную работу.

⁷ Вариант (V), ср. *неделю назад тому*, в рассматриваемом отношении не отличается от (II). Впрочем, вариант (V) представлен в основном корпусе НКРЯ единичными примерами.

2.2. Синтаксис конструкции

Лексема «временное *назад*» имеет семантический актанта X — указание на величину отрезка времени между точкой отсчета и ситуацией, имевшей место до нее. Очевидно, что *назад* наследовало этот актанта от исходной синтаксической фраземы (29), в которую она вошла на втором шаге трансформации. Если оставаться в рамках теории синтаксических зависимостей, то естественно считать, что лексема *назад* подчиняет себе выражение своего семантического актанта: *неделю* ← *назад*. В этом отношении лексема *назад* подобна большинству управляющих предикатов. Данная лексема не употребляется без этого зависимого, невозможно **Это произошло назад*. Обязательность выражения актанта тоже не является уникальной чертой лексемы *назад*: так обстоит дело с выражением того или иного актанта достаточно большого количества предикатов [Апресян 1974].

Итак, «временное *назад*» управляет формой винительного падежа, без которой не употребляется. Кроме того, данная лексема не допускает дистантного расположения управляемой группы: в нейтральной речи невозможно **Два года приехал назад*. Обязательность зависимой, причем контактно расположенной падежной формы, сближает лексему *назад* с предлогами.

Однако в отличие от предлога, «временное *назад*» в современном языке нормально употребляется только в постпозиции к зависимой группе. Нормально *Он приехал год назад*, но недопустимо **Он приехал назад год*. Поэтому в работе [Крылов, Муравенко 2007] «временное *назад*» квалифицируется как послелог. С теоретической точки зрения предлог и послелог различаются только позицией относительно управляемой группы, остальные их свойства тождественны. Покажем, что в одном принципиальном отношении данная лексема *назад* кардинально отличается от предлогов и, следовательно, от послелогов.

Синтаксически свойства предлога как части речи описаны в [Урысон 2023а; 2023б], поэтому сейчас мы остановимся лишь на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к нашей проблеме. Две важнейшие для нас синтаксические черты предлога таковы:

(А) Предлог/послелог имеет две синтаксические валентности — пассивную (по этой валентности он синтаксически подчиняется другому предикату, ср. *ехать* → *в Москву*, *поездка* → *в Москву*, *полный* → *до краев*) и активную, по которой он управляет зависимым от него словом, ср. *в* → *Москве*, *на* → *свете*.

(Б) Предлог/послелог не может иметь никаких других синтаксических зависимых, кроме этого единственного управляемого им синтаксического актанта.

«Временное *назад*» безусловно обладает свойством (А). Оно имеет активную валентность, по которой подчиняет себе существительное в винительном падеже или количественную группу с той же падежной информа-

цией, ср. *назад* → *неделю*, *назад* → (*три года*). Реализация этой валентности для лексемы *назад* обязательна — как и для предлога/послелога (от известных исключений типа — *Вам кофе с сахаром или без?* — *Лучше без* мы сейчас отвлекаемся). При этом лексема *назад* имеет и пассивную валентность — она подчиняется предикату, указывая на время ситуации, обозначаемой данным предикатом, ср. *произойти* → *назад* → *неделю*. Аналогия нашего *назад* с предлогом очевидна, ср. *прыгнуть* → *в* → *озеро*. Правда, *назад* располагается в постпозиции к управляемому слову, ср. (с сохранением порядка слов):

произойти неделю ← *назад*.

Тем самым *назад* как будто естественно признать послелогом.

Но обладает ли «временное *назад*» свойством (Б) предлогов/послелогов? Ответ на этот вопрос не столь очевиден. Дело в том, что в конструкции типа *неделю* <*три года*> *назад* есть факультативный компонент *тому*, ср. *неделю* *тому* *назад*. Этот компонент может опускаться, и синтаксическая правильность конструкции при этом не нарушается — отсюда ясно, что он сам не подчиняет себе никакое слово [Холодович 1979]. Очевидно, что — в рамках синтаксиса зависимостей — *тому* подчиняется одному из компонентов конструкции: или лексеме *назад*, или существительному (группе) в форме винительного падежа, ср. *неделю* → *тому* (*назад*) или *назад* → *тому*.

На первый взгляд, перед нами достаточно распространенная ситуация неединственности лингвистического описания. Но, как известно, в подобных случаях одно из описаний оказывается предпочтительнее — оно экономнее, учитывает аналогичные случаи, лучше согласовано с представлением об изменении описываемой единицы в истории и т. п. Попытаемся выбрать оптимальный вариант из двух имеющихся.

Обратим внимание на то, что в сочетаниях типа *месяц* *тому* *назад*, *семь лет* *тому* *назад* слово *тому* просодически примыкает к слову *назад*. Этот факт естественно интерпретировать синтаксически: *тому* и *назад* образуют словосочетание⁸. Следовательно, *тому* подчиняется лексеме *назад*, но не указанию на временной интервал.

Тем самым *назад* может синтаксически подчинять себе два зависимых и, значит, не обладает свойством (Б) предлога/послелога. Поэтому в соответствии со словарной традицией данную лексему *назад* естественно отнести к наречиям.

Предложенная интерпретация синтаксической структуры фраземы *тому* *назад* и, как следствие, лексемы «временное *назад*» экономна и системна, поскольку не требует введения в грамматику исключений или новых понятий, необходимых лишь для описания данного случая.

⁸ Ср. критерий просодической соотнесенности [Мельчук 1985: 348] или фонетической слитности: «Две словоформы синтаксически связаны, если они образуют единый фонетический комплекс» [Тестелец 2001: 77–78].

Рассмотрим в связи с этим варианты синтаксического анализа исследуемой фраземы, предложенные анонимными рецензентами.

По мнению одного из рецензентов, наш анализ «вызывает интуитивные возражения. Трудно представить себе синтагму *произойти назад*, от которой зависела бы словоформа *неделю*». Исходя из представления об интуитивности описания, рецензент считает, что «конструкцию (*тому*) *назад* <...> естественнее и экономнее рассматривать как единый узел синтаксического дерева». Но с этой точки зрения антиинтуитивным должно быть и представление предлога как отдельного синтаксического узла, ср. *ехать* → *в* → *Москву*: в русском языке нет синтагмы *ехать* → *в*. Именно поэтому в традиционной (академической и школьной) грамматике предлог не выделяется из предложно-падежного сочетания: все такое сочетание интерпретируется как единый член предложения. Современный синтаксис отказался от этого подхода: внутри предложно-падежной группы выделяются два синтаксических узла, и считается, что предлог управляет существительным. Правда, рецензент аргументирует свой подход еще и тем, что, *тому назад* — это синтаксическая фразема. Мы, однако, придерживаемся определения синтаксической фраземы [Иорданская, Мельчук 2007: 298], согласно которому «синтаксическая фразема представляет собой поверхностно-синтаксическое дерево». (Заметим, что это определение максимально соответствует традиционному взгляду на фраземы.) Следовательно, каждая словоформа в составе *тому назад* подчиняется какому-то синтаксическому узлу, и вся фразема единым узлом не является. Для того чтобы считать синтаксическую фразему *тому назад* единым синтаксическим узлом, требуется пересмотреть основные положения современного синтаксиса — в частности, отказаться от одного из главных грамматических требований к синтаксической структуре конструкции (словосочетания): наличия синтаксической зависимости между компонентами.

Кроме того, в рамках предложенного рецензентом подхода потребуется как-то описать тот факт, что в составе этого «единого узла» один из компонентов может быть опущен. Для этого придется либо ввести особое правило, описывающее элидацию *тому* (что, безусловно, усложнит описание), либо ввести в словарь отдельную единицу *тому назад*, полностью синонимичную «временному *назад*», что не раскроет глубинных системных связей между ними. Таким образом, интерпретация, предлагаемая рецензентом, требует достаточно глубокой ревизии некоторых основных грамматических понятий, а также увеличения словаря либо введения в грамматику мелкого дополнительного правила.

Другой рецензент тоже предлагает не устанавливать синтаксических связей внутри фраземы *тому назад*, а считать ее «сложным предлогом». При этом рецензент справедливо отмечает, что в русском языке имеются предлоги, состоящие из двух или более слов: это составные предлоги, ср. *несмотря на (дождь)*, и предлоги-сращения, ср. *из-за*, *из-под*, *по-над* (которые в некоторых пособиях называются сложными). Однако ни одна

из частей составного предложения не является факультативной и не может быть опущена. Что касается предлогов-сращений, то формально одна часть такого предложения может быть опущена, но результатом будет предложение с иной семантикой. Иначе обстоит дело с фраземой *тому назад*: в ней компонент *тому* факультативен и может опускаться без ущерба для смысла. В русском языке подобных предлогов нет. Факультативны и опустимы компоненты некоторых союзов, ср. *если ...*, *то*, но это другая часть речи со своими особыми свойствами. Следовательно, предложенный рецензентом подход требует пересмотра определения предложения ради описания конкретной фраземы: придется приписать неоднословным предложениям новое свойство — возможность опущения одной из частей, причем этим свойством будет обладать один — уникальный — предлог. Неэкономность и несистемность такого подхода очевидны.

3. Вместо заключения⁹

Мы попытались описать современное сочетание лексических единиц (*неделю*) *тому назад* как результат преобразования логически исходного предложения типа *Тому (уже) неделя*. Оба случая представляют собой фраземы по определению [Иорданская, Мельчук 2007: 298]. Поскольку значение данных фразем не композиционно, то они являются конструкциями — в том смысле, как этот термин используется в относительно новом направлении, называемом Грамматика Конструкций. Мы, однако, интерпретировали наш материал не в русле этого популярного направления, а в рамках подхода, принятого в Московской семантической школе и базирующегося на модели «СМЫСЛ — ТЕКСТ» И. А. Мельчука. Обоснуем этот выбор.

Первоначальный пафос направления, называемого Грамматикой Конструкций (его основоположником считается Ч. Филлмор [Рахилина, Тестелец 2016]), заключался в привлечении внимания исследователей к некомпозиционным словосочетаниям и выражениям — причем в эпоху господства трансформационной грамматики, в целом игнорировавшей подобные случаи. Краткая история Грамматики Конструкций изложена в работе [Рахилина, Кузнецова 2010], где, с одной стороны, демонстрируются новые идеи и тонкие наблюдения, сделанные в рамках этого направления и не поддающиеся хорошей экспликации в рамках трансформационной грамма-

⁹ Этот раздел представляет собой ответ на следующее замечание рецензента: «Главным недостатком статьи кажется то, что она не ставит феномен, который в ней исследуется, в какой-либо контекст, кроме исследований русского языка. <...> Статья не учитывает другие, кроме модели СМЫСЛ — ТЕКСТ, подходы к изучению выражений, семантика и/или синтаксис которых не является полностью композиционными. Здесь в первую очередь продуктивно обратиться к Грамматике Конструкций (СхГ)».

тики, а с другой стороны — констатируется отсутствие у нового направления единой строгой теории с четкими дефинициями. Это объяснимо: трансформационная грамматика не могла предоставить свой аппарат для нового направления, поскольку в фокусе ее внимания — универсальные синтаксические структуры, а их удобно изучать на языковом материале с аддитивной семантикой.

В результате «грамматика конструкций (СхG) представляет собой сегодня конгломерат различных подходов и концепций, а не единую теорию» [Добровольский 2016: 7]. По этой причине описание конкретного материала в рамках СхG, как правило, демонстрирует исследовательские идеи и в меньшей степени — системность языка, проявляющуюся на всех его уровнях и во всех его единицах, даже с непрозрачной семантикой.

Синтаксические фраземы — тот материал, для системного описания которого требуется четкая теория, исходящая из постулата об особом семантическом уровне представления высказывания (или языковой единицы) и о последовательном преобразовании семантического представления в реальное высказывание. При этом такая теория должна обладать достаточно большой объяснительной силой: в противном случае может оказаться, что каждая фразама будет описана с помощью новых понятий, не связанных (по крайней мере, в явном виде) с введенными ранее. Необходимая строгая теория языка, а в ее рамках — теория фразем, разработана И. А. Мельчуком и называется модель «СМЫСЛ — ТЕКСТ». Из многочисленных публикаций, посвященных этой модели, упомянем [Мельчук 1974; Иорданская, Мельчук 2007], в последней работе можно найти основную библиографию работ по данной теории. Достоинство модели состоит в согласованном описании всех уровней языка — от семантического до фонетического, что является предпосылкой для интегрального описания языка, в котором грамматика и словарь полностью согласованы друг с другом [Апресян 2009]. Модель «СМЫСЛ — ТЕКСТ» предоставляет исследователю хорошо разработанный аппарат, с помощью которого можно системно описать самые разные факты языка, включая фраземы. Грамматика Конструкций подобным научным аппаратом не обладает.

Заметим, что в рамках модели «СМЫСЛ — ТЕКСТ» давно описано достаточно много языковых выражений (из разных языков) с совершенно неочевидной синтаксической и семантической структурой [Жолковский, Мельчук 1967; Иорданская, Мельчук 2007; Иомдин 2006; 2008; 2013; Урысон 2020].

Еще раз подчеркнем, что настоящая работа не ставила своей целью описание реальной истории появления в языке конструкции *тому назад*. Мы ограничились описанием логики ее возникновения как результата преобразования некоторой исходной конструкции, более прозрачной семантически. Реальной истории *тому назад* автор надеется посвятить отдельную работу. В ней будет уместно обсудить вопросы теории грамматикализации и диахронической грамматики конструкций [Gildea, Barðdal 2023].

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
- Апресян 2009 — Ю. Д. А п р е с я н. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Добровольский 2016 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Жолковский, Мельчук 1967 — А. К. Ж о л к о в с к и й, И. А. М е л ь ч у к. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Т. 19. М.: Физматгиз, 1967. С. 177–238.
- Иомдин 2006 — Л. Л. И о м д и н. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Иомдин 2008 — Л. Л. И о м д и н. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2008». Бекасово, 4–8 июня 2008 г. Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 178–184.
- Иомдин 2013 — Л. Л. И о м д и н. Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2013». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309–322.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. И о р д а н с к а я, И. А. М е л ь ч у к. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007.
- Крылов, Муравенко 2007 — С. А. К р ы л о в, Е. В. М у р а в е н к о. Послелогои в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007. С. 278–279.
- Мельчук 1974 — И. А. М е л ь ч у к. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст. М.: Наука, 1974 [переиздано: М.: Языки славянских культур, 1999].
- Мельчук 1985 — И. А. М е л ь ч у к. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 16. Wien, 1985.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Е. В. Р а х и л и н а, Ю. Л. К у з н е ц о в а. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Рахилина, Тестелец 2016 — Е. В. Р а х и л и н а, Я. Г. Т е с т е л е ц. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 7–21.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Урысон 2020 — Е. В. У р ы с о н. Об одном типе русских предложений тождества (*платье и платье, ничего особенного*) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3 (25). М., 2020. С. 104–114.
- Урысон 2023а — Е. В. У р ы с о н. К уточнению границ класса производных предлогов: грамматика и семантика единиц *исключая (присутствующих), включая*

(присутствующих), считая (женщин и детей) // Вопросы языкознания. 2023. № 3. С. 7–26.

Урысон 2023б — Е. В. Урысон. К определению предлога и уточнению списка русских производных предлогов // Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и ее приложениям ДИАЛОГ'2023. М., 2023. С. 517–524.

Холодович 1979 — А. А. Холодович. К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 293–298.

Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar. A natural evolution of the paradigm // Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation “Foundations of Language”. Vol. 47. Issue 4. Sept. 2023. P. 743–788.

Статья получена 10.04.2025

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
uryson@gmail.com

**SYNTAX AND SEMANTICS OF THE RUSSIAN CONSTRUCTION
NEDELIU NAZAD ‘A WEEK AGO’ (LIT. ‘A WEEK BACK’):
AN ATTEMPT OF SYSTEMIC DESCRIPTION**

The object of the paper is the Russian word combination *nedeliu (tomu) nazad* ‘a week ago’, lit. ‘a week back (to this)’. The goal of the paper is to answer two questions: a) what part of speech does the word *nazad* in this collocation belong to; b) what is the function of the pronoun *tomu* (dative case) in the word combination under discussion.

I suggest that the word combination *nedeliu / god / desiat' let (tomu) nazad* ‘a week / a year / ten years ago’, lit. ‘a week / a year / ten years back (to this)’ is the result of a change of an original pattern, a sentence of the type (*Graf umer.*) *Tomu uzhe nedelia* ‘(The prince died.) It happened a week ago’, lit. ‘(The prince died.) It is already a week back to this’. I argue that both the original pattern and the word combination under discussion are syntactic phrasemes (as defined by Iordanskaya and Mel'čuk). I propose syntactic and semantic representations of both phrasemes in terms of the MEANING–TEXT model of I. Mel'čuk. I argue that *tomu* in the original pattern is the dative case form of the anaphoric pronoun *to* which refers to a situation previously mentioned or implied by the speaker (cf. *To bylo ranneju vesnoj* ‘It was in early spring’).

Logically speaking, in the course of its transformation into the phrase under analysis, the original pattern underwent the following changes: i) first, the original pattern partly changed its syntax and became a word combination (a collocation); ii) then the word *nazad* lit. ‘back’ was introduced into it (cf. semantic shift ‘space’ – ‘time’ in many languages); iii) as a result *tomu* has lost its anaphorical function and became redundant, so it can be omitted.

I discuss syntactic features of prepositions and postpositions as parts of speech, and argue that *nazad* in the phrase *nedeliu (tomu) nazad* has formal properties of an adverb rather than of a postposition.

I argue that the MEANING–TEXT model of I. Mel'čuk has a great deal more opportunities for representing word combinations with non-additive semantics than Construction Grammar.

Keywords: adverb, preposition, postposition, anaphora, phraseme, dependency syntax, semantics, Construction Grammar.

References

- Apresian, Yu. D. (1974). *Leksicheskaia semantika*. Moscow: Nauka.
- Apresian, Yu. D. (2009). *Issledovaniia po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Dobrovolskii, D. O. (2016). Grammatika konstruktssii i frazeologii. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 7–21.
- Gildea, S., & Barðdal, J. (2023). From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar. A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language"*, 4(47), 743–788.
- Iomdin, L. L. (2006). Mnogoznachnye sintaksicheskie frazemy: mezhdru leksikoi i sintaksisom. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»* (pp. 202–206). Moscow: RGGU.
- Iomdin, L. L. (2008). V glubinakh mikrosintaksisa: odin leksicheskii klass sintaksicheskikh frazem. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008» (Bekasovo, 4–8 iunija 2008 g.)* (Vol. 7(14), pp. 178–184). Moscow: RGGU.
- Iomdin, L. L. (2013). *Chitat' ne chital, no...: ob odnoi russkoi konstruktssii s povtoraiushchimisia slovesnymi elementami*. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2013»* (Vol. 12(19), Pt. 1, pp. 309–322). Moscow: Izd-vo RGGU.
- Iordanskaia, L. N., & Mel'čuk, I. A. (2007). *Smysl i sochetaemost' v slovare*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Kholodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoi teorii*. Leningrad: Nauka.
- Krylov, S. A., & Muravenko, E. V. (2007). Poslelogi v russkom iazyke. In *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka* (pp. 278–279). Moscow: Izd-vo MGU.
- Mel'čuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei Smysl ↔ Tekst*. Moscow: Nauka.
- Mel'čuk, I. A. (1985). *Poverkhnostnyi sintaksis russkikh chislovykh vyrazhenii*. Wien: Institut für Slawistik der Universität Wien.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Rakhilina, E. V., & Kuznetsova, Yu. L. (2010). Grammatika Konstruktssii: teorii, storonniki, blizkie idei. In E. V. Rakhilina (Ed.), *Lingvistika konstruktssii* (pp. 18–79). Moscow: Azbukovnik.
- Rakhilina, E. V., & Testeleets, Ya. G. (2016). Nauchnoe nasledie Ch. Fillmora i sovremennaia teoriiia iazyka. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 7–21.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Testeleets, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: RGGU.
- Uryson, E. V. (2020). Ob odnom tipe russkikh predlozhenii tozhdestva (*plat'e i plat'e, nichego osobennogo*). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 3(25), 104–114.
- Uryson, E. V. (2023a). K utocnieniu granits klassa proizvodnykh predlogov: grammatika i semantika edinits *iskliuchaia (prisutstvuiushchikh)*, *vkliuchaia (prisutstvuiushchikh)*, *schitaia (zhenshchin i detei)*. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 7–26.
- Uryson, E. V. (2023b). K opredeleniiu predloga i utocnieniu spiska russkikh proizvodnykh predlogov. In V. P. Selegei (Ed.), *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii po*

komp'iuternoï lingvistike i ee prilozheniiam DIALOG-2023 (pp. 517–524). Moscow: RGGU.

Zholkovskii, A. K., & Mel'chuk, I. A. (1967). O semanticheskom sinteze. *Problemy kibernetiki*, 19, 177–238.

Received on April 10, 2025

Е. В. МАРИНОВА

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)
marinova@list.ru

СИНТАГМАТИКА СЛОВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СДВИГА И ЦЕННОСТИ ПОНЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ИНФОРМАЦИОННЫЙ*)

В качестве объекта анализа избирается слово *информационный*, связанное, как и его производящее, с ключевым понятием в аксиосфере цифрового общества — «информацией». На основе наблюдений за сочетаемостью прилагательного по Национальному корпусу русского языка делаются выводы о качественно-количественных изменениях в синтагматике данного слова и его чрезвычайной комбинаторной активности. В статье выделяются и описываются основные метафорические модели, используемые в медийной речи, с учётом их динамики и частотности. Расширение круга сочетаемости прилагательного *информационный*, его высокая частотность и наличие нескольких сокращённых вариантов (*инфо-*, *информ-*) свидетельствуют об актуализации информации в современной ценностной картине мира.

Ключевые слова: синтагматика, аксиологема, метафорические модели, информация, языковая картина мира, цифровое общество.

1. Введение

Русская лингвоаксиология, зарождение которой относят к середине 80-х гг. XX в., за прошедшие десятилетия выработала ряд перспективных методологических подходов и исследовательских методик для изучения «языка ценностей». В этой области был накоплен значительный опыт обнаружения, фиксации и описания отражённых в языке ценностных представлений общества. Перечислим некоторые из основных методик и подходов:

- изучение «культурной разработанности словаря» (А. Вежбицкая) и лингвоспецифичной семантики для выявления значимых в системе ценностей понятий (концептов);
- исследование ценностных (культурных, или национально-культурных) концептов русского мира, их инвентаризация; формирование лингвистической модели изучения концепта (Ю. С. Степанов, О. А. Корнилов, А. Д. Шмелёв, Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, В. И. Карасик, Т. Б. Радбиль и др.);

- выявление и описание национально-культурной коннотации слова, отражающей ценностные представления и оценку референта (Н. Д. Аругюнова, В. Н. Телия, В. А. Маслова и др.);
- когнитивно-дискурсивный анализ «наведённой оценочности» лексической единицы (Т. Б. Радбиль);
- описание ценностной составляющей в семантике грамматических средств языка (К. С. Сигал, М. С. Милованова и др.).

В этом же ряду — изучение словесной синтагматики, нарушающей общепринятую (Е. Л. Березович, Е. Я. Шмелёва, А. Д. Шмелёв и др.). Настоящее исследование продолжает наблюдения, выполненные нами на материале ценностных эпитетов (термин М. М. Бахтина) и посвящённые изменению их словесного окружения в современном дискурсе [Маринова 2017]. Анализ материала показал, что новая в истории русского языка сочетаемость, например «здоровый, правильный, разумный, полезный + обозначения пороков» (*здоровая наглость*), «нездоровый, неправильный, неразумный + обозначения добродетелей» (*нездоровая доброта*), относится к **языковым новациям**, свидетельствующим об изменениях в духовной сфере социума, а именно о смещении оценки (с минуса на плюс и наоборот) и размытости этических ориентиров. По мнению А. Д. Шмелёва, подобные новации и есть **подлинные изменения языка** [Шмелёв 2012: 73]. Частотность приведённых выше сочетаний, разнообразие определяемых ценностными эпитетами существительных, относящихся к обозначениям нравственных категорий и их антиподам, позволило говорить о таком явлении в языке ценностей, как **актуальная сочетаемость слова**. Наряду с *ключевыми словами текущего момента* (Т. В. Шмелёва, Е. А. Земская), *модными словами* (В. И. Новиков, О. П. Ермакова), *актуальными неологизмами* (Л. П. Крысин), актуальная сочетаемость слова служит маркером значимых экстралингвистических изменений в аксиосфере.

Атрибутивные сочетания *Adj + N* рассматриваются и в данной статье, но в качестве определения в них выступает лишь одно слово — *информационный*. Это прилагательное, на первый взгляд, не относится к ценностной, или аксиологической, лексике, как слова *здоровый, разумный, правильный* и под. *Информационный* — нейтральное слово, имеющее значение ‘содержащий, создающий, перерабатывающий, распространяющий информацию; свойственный ей’ [БТС: 397]. Однако прилагательное связано, как и его производящее, с ключевым понятием цифровой культуры — «информацией».

Цель исследования — показать на примере качественных и количественных изменений в сочетаемости слова *информационный* в период с середины 80-х гг. XX в. до настоящего времени значимость для современного массового сознания понятия «информация», имеющего в постиндустриальном обществе (информационном, цифровом) характер ценностной доминанты. Методика исследования включает семантический и дискурсивный анализ, анализ метафорических моделей (М-моделей), выполненные в

рамках концепции когнитивной обусловленности языковых процессов (Дж. Лакофф, А. Н. Баранов). Атрибутивные сочетания (всего свыше 1500) извлечены из основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

2. Информация: ключевое понятие и слово аксиосферы цифрового общества

2.1. В первой четверти XXI в. развитие социума как никогда ранее определяется научно-техническим прогрессом. Модель цифрового общества (Digital Society), реализуемая в развитых странах мира на основе так называемой цифровой трансформации жизни, предполагает внедрение высоких технологий во все сферы деятельности как государства, так и человека. В цифровую эпоху, сменившую «аналоговую», формируется особый социотехнический феномен (или даже биосоциотехнический, как отмечается в [Кутырев 2022]) — бытие, опосредованное цифровыми технологиями и зависящее от него¹.

Важно подчеркнуть, что исторически новая модель общества (её ещё называют «Общество 5.0», «Суперинтеллектуальный социум» [Киселёва, Семёнова 2023]) является следующим этапом развития и «апгрейда» **информационного общества** [Castells 1996; 2002]. По мнению американского социолога Э. Тоффлера, информационное общество формируется в постиндустриальную эпоху — «третью волну» человеческой цивилизации, кардинальным образом сменившую предшествующую эпоху, включая её главную ценность — производство [Тоффлер 2010]. В постиндустриальную эпоху, начиная с развития кибернетики, информатики, программирования, IT в целом, новой ценностной категорией мыслится **информация** (отсюда другое название постиндустриального общества в некоторых концепциях — *информационное общество* [Скородумова 2009]). Теоретиками цифровой философии и цифровой физики информация рассматривается как третий (после вещества и энергии) компонент бытия [Fredkin 2003] и даже «материал, из которого сделана Вселенная» [Glattfelder 2019].

Информация становится двигателем прогресса, а в новой, виртуальной реальности именно она определяет и организует деятельность пользователей, объединяет их в Сети. Неслучайно ключевые идеи интернет-пространства, его основные понятийные области, чаще всего «притягивающие» процесс создания и освоения новых номинаций, связаны с информацией: её качествами, такими как достоверность, новизна, актуальность, и их

¹ Базовыми характеристиками цифрового общества зарубежные и отечественные социологи считают сетевизацию, датификацию, алгоритмизацию и платформизацию, т. е. основные информационно-коммуникационные технологии [Selwyn 2019; Добринская 2021].

оценкой; поиском, созданием, передачей и хранением информации; техническими возможностями, обеспечивающими работу с ней [Маринова 2022: 11–41]².

Особо следует подчеркнуть, что в контексте «всеобщей цифровизации» и цифрового преобразования жизни понятие «информация» дополняется новым важным смыслом. Специфика этого «третьего компонента бытия» в цифровую эпоху — **облигаторность электронного носителя**. Информация осмысливается как **данные, существующие в цифровом формате**, в том числе в интернет-пространстве, тогда как ранее, в доцифровую эпоху, в содержание понятия «информация» указание на характер её материального носителя не входило (см., например, [Кашперский 1998: 359]). «По умолчанию» таким носителем мыслилось, кроме письменных/устных текстов, сознание («место бытования» знаний человека). В настоящее время информация (читай: данные) предполагает прежде всего электронный носитель, что, кстати говоря, находит отражение в словарях «общего пользования» (см. одно из значений слова *информация* в [БУС: 391]: «совокупность сведений как объект хранения, переработки и передачи с помощью соответствующих (т. е. электронных. — Е. М.) систем»).

Представляется, что в современную эпоху именно электронная форма бытования информации осознаётся как ценность.

2.2. Показателен состав номинативных средств, семантика которых связана с **новым ценностным ориентиром** цифровой модели общества. В первую очередь к этому понятию отсылают ключевые термины цифровой эпохи — *информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, информатизация* ‘внедрение вычислительной техники в различные сферы деятельности общества и человека’ [БТС: 397], да и само название научной области, разрабатывающей с помощью компьютерных программ и техники информационные технологии, — *информатика* — также ориентирует на базовое понятие современной техносферы. Кроме того, за последние десятилетия чрезвычайно актуализируется употребление слова *информация* (см. рис. 1). Так, согласно данным НКРЯ, за 1991–2000 гг. (период широкого распространения компьютеров в нашей стране)

² Информация стала новым предметом изображения в современной прозе — информация как основной объект деятельности героев, «живущих» в Сети, а иногда и как активный субъект по отношению к персонажу (*ссылка вела меня; ссылка сбросила нас*), как, например, в романе А. Иванова «Комьюнити» [Маринова 2023]. Художественное изображение создаваемой и бытующей в Сети информации становится неотъемлемой чертой образной системы произведений о современности: *выскочила ссылка, вал комментов* — у Р. Сенчина; *капнула SMS, гармошка постов* — у А. Иванова; *длинная цепь файлов* — у Д. Глуховского (признан в РФ иностранным агентом); *длинные хвосты тредов* — у А. Житинского; *письмо болталось на экране* — у А. Матвеева; *текстовые потоки почты* — у А. Андреева и многие другие словесные образы свидетельствуют об этом.

его средняя частотность употребления в текстах центральных СМИ (газетный подкорпус НКРЯ) составляет 3294 вхождения. Однако за ближайшее к нам десятилетие (2011–2021) — период внедрения цифровых технологий во все сферы жизни — этот показатель возрос до более чем 27 000. Увеличение частотности слова в медийной сфере почти в 7 раз — несомненно, показатель актуальности понятия, которое им выражается.

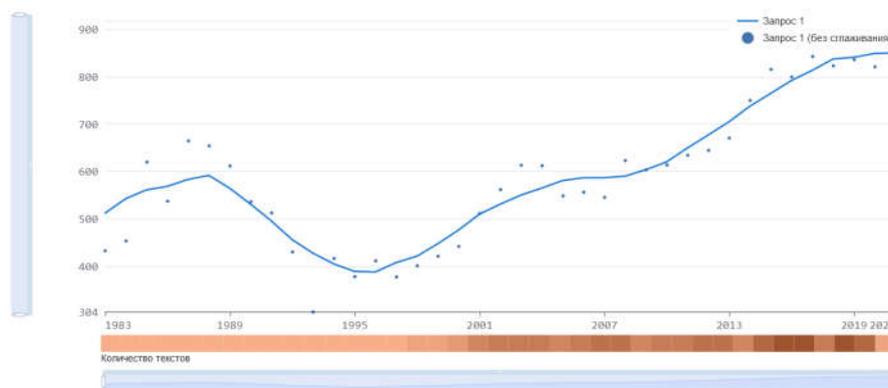

Рис. 1. График роста частотности слова *информация* [НКРЯ]

На востребованность актуального слова *информация* отреагировала и некодифицированная речь. В неинституциональном общении, например в неформальной переписке, часто используются сокращения *инфо* или ещё более непринуждённое — *инфа́* (усечение от <инф>ормация + окончание -а). Задолго до появления соцсетей и новых медиа сокращение *инфо* (ср. англ. *info*) функционировало в официальном дискурсе как строевой компонент в нейминге 90-х гг. XX в. (см. названия СМИ и агентств: *СПИД-инфо*, *Благовест-инфо*, *Социум ИНФО* и т. п.), что также по-своему свидетельствовало о возрастающем интересе к информации как объекту производства, бизнеса, коммерции.

Выше мы отмечали своеобразие в понимании информации в цифровую эпоху (облигаторность электронного носителя). В языке высоких технологий это выражается в значимости для дискурса (не только научного и медийного, но и повседневного) существительного *данные*, что объясняется смещением фокуса ценностных предпочтений общества с такого формата хранения информации, как **знания** («носитель» — сознание человека, мозг), на **данные** (носитель — электронный). Частотными становятся терминологические номинации с этим существительным: *большие данные*, *персональные данные*, *личные данные*, *биометрические данные*, *метаданные*, *геоданные* и др. Востребован и англицизм *дата-*: он восполняет лауну, связанную с невозможностью образовать от существительного *данные* прилагательное. Как видим, потребность в такой языковой единице есть:

дата-аналитика, дата-брокер, дата-держатели, дата-журнализм, дата-неравенство, дата-технологии, дата-хабы, дата-центр и т. п.

Особенно актуальны — в свете острейших вопросов цифровой безопасности личности, общества (сегментов его инфраструктуры) и, наконец, государства — номинации *доступ к данным, открытые данные, утечка (кража) данных*. На наш взгляд, восприятие современным человеком данных как некоей вещи, которой можно лишиться, которую можно продать или украсть (поставив под угрозу личные сведения каждого из нас), способствует формированию представления о данных как о ценности.

Аксиологическую переориентацию общества отражает и динамика сочетаемости прилагательного *информационный*.

3. Информационный: количественные и качественные изменения в сочетаемости прилагательного

3.1. Прежде всего отметим рост частотности слова (см. рис. 2), что согласуется с увеличением этого же показателя у слова *информация* и подтверждает вывод об актуальности понятия.

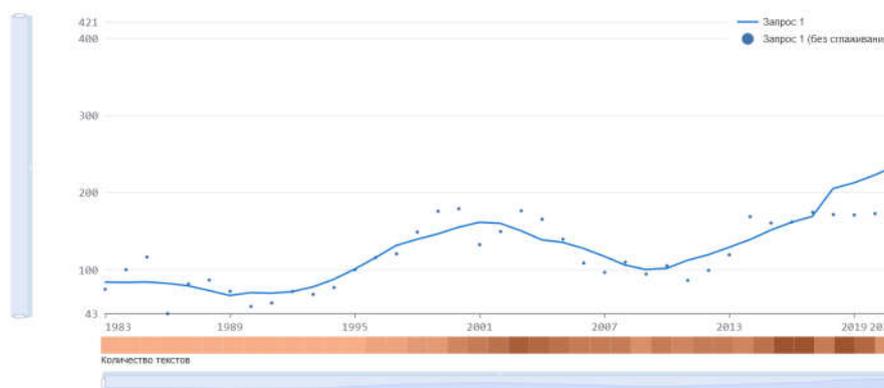

Рис. 2. График роста частотности слова *информационный* [НКРЯ]

Следует добавить, что при построении графика частотности программа НКРЯ, естественно, не учитывала усечённые варианты прилагательного *информационный* — *инфо-* и *информ-* (например, *инфобизнес, инфовойна, инфоповод, инфопоток; информпортал, информсайт, информагентство* и т. д.), которые активно используются в языке СМИ наряду с полной формой. При наличии такой возможности данные о частотности слова были бы более полные. Сам факт параллельного использования в процессах номинации сразу трёх эквивалентных атрибутивных элементов служит ещё одним доказательством того, что информация действительно стано-

вится для языкового сознания общества тем референтом, который требует для своего обозначения новых номинативных средств. Однако общая картина наглядна и без учёта сокращённых вариантов.

Если же обратиться непосредственно к текстовым примерам корпуса, включающим прилагательное, можно обнаружить ещё одну причину увеличения частоты его использования — расширение круга его сочетаемости. Приведём некоторые количественные данные.

В ходе исследования подсчитывалось число существительных (по газетному подкорпусу НКРЯ), с которыми сочетается это прилагательное. Первый временной срез — с 1985³ по 1995 г. — выявил 177 лексем. Затем для сопоставления было выбрано следующее десятилетие: 1996–2006-е гг. Оказалось, что количество новых слов, расширивших сочетаемость слова *информационный*, выросло почти в 4,3 раза, достигнув 952 лексем, причём 775 из них составили новый круг сочетаемости прилагательного. Дальнейшие подсчёты показали устойчивый ежегодный «прирост» новых слов, определяемых прилагательным, — от 8 до 23 единиц. В целом с 1985 по 2021 г. количество слов, расширивших сочетаемость прилагательного, увеличилось в 8,5 раза. В итоге в фокусе нашего внимания оказались 1514 существительных.

3.2. Изменения в комбинаторике исследуемого слова имеют не только количественный, но и **качественный** характер.

В период 1985–1995 гг. *информационный* чаще всего использовалось либо в сочетании с обозначениями структур, занимающихся распространением информации среди широких масс населения или целевой аудитории (*агентство, бюро, ведомство, компания, отдел, подразделение, служба, центр* и др.), либо с названиями СМИ и их жанров (*вестник, выпуск, газета, еженедельник, издание, листок, обзор, телепрограмма, передача* и др.), причём нередко — как антоним к *развлекательный*: *информационная программа — развлекательная программа*. О новых технологических веяниях в этот период свидетельствуют терминологические сочетания, зафиксированные в словарях: «*И-ая сеть* (коммуникационная сеть, в которой информация выступает в качестве продукта создания, хранения и использования). *И. язык* (искусственный язык, используемый в различных системах обработки информации). *И-ое общество* (концепция о новой стадии развития общества, в которой ведущая роль отводится сфере услуг, науке, образованию, а основным объектом деятельности является торговля информацией). *И. технологии* (совокупность приёмов и средств, используемых при сборе, хранении, обработке и распространении информации)» [БТС: 397].

В последующие десятилетия слово вовлекается в другие синтагматические связи и используется в сочетании с лексикой, не имеющей прямого отношения к структурам и видам продукции СМИ, например — в сочетании

³ За точку отсчёта мы взяли первое десятилетие с начала перестройки в СССР.

со словами **экономической сферы и бизнеса**, такими как *дилер(ство), индустрия, капитал, конъюнктура, маркетинг, монополия, отрасль, продукт, продукция, производство, рынок, спонсор(ство), стоимость, экономика*, в том числе с наименованиями лица: *магнат, олигарх, логист*. Появляется выражение *информационный бизнес* (вариант *инфобизнес*), а также *И-ые услуги* <товар, потребности, обеспечение, обслуживание, ширпотреб>, вполне отвечающие духу общества потребления. Вот несколько иллюстраций⁴:

- (1) Однако в отличие от производства **информационного ширпотреба** производство научной информации обладает еще двумя свойствами, делающими его особенно уязвимым в рыночных условиях (А. Малыгин. Рыночная наука — это отсутствие науки // Независимая газета (приложение «НГ-Наука»). 07.10.1998);
- (2) **Информационный магнат** вселенского масштаба Руперт Мэрдок смириться с этим не мог (Телевидение без цензуры // Известия. 05.09.2001);
- (3) ...самый опасный «**информационный олигарх**» — это сама власть (Нужна ли стране подручная пресса? // Аргументы и факты. 07.05.2003).

Информация ассоциируется с тем, что приносит прибыль и власть. Об этом свидетельствуют такие номинации, как *И. авторитаризм* <диктат, власть, всевластие, (все)могущество, гегемония, господство, мощь> и под. Неслучайно ещё более широкий круг лексем, с которыми сочетается *информационный*, относится к лексике **политической сферы**. В текстах СМИ, по данным НКРЯ, встречаются *И-ая безопасность* <глобализация, законопослушность, изоляция, лобби, лояльность, мораторий, нейтралитет, (не)равенство, паритет/диспаритет, превосходство, первенство, расхождение, разобщённость, революция, реформа, самоопределение, свобода, содружество, союз (альянс, тандем), суверенитет, эмбарго>. И это далеко не полный перечень.

В медийном дискурсе прилагательное всё чаще используется в создании политических метафор. Остановимся на этом подробнее.

4. Основные метафорические модели с участием прилагательного *информационный*

4.1. Самая частотная и регулярно (ежегодно, судя по корпусу) пополняемая новыми лексемами метафора — **метафора войны**, без которой, как известно, не обходится ни один политический дискурс [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2001; Flusberg et al. 2018]. Прецедентом здесь, очевидно, послужил устойчивый оборот *информационная война* ‘использование средств

⁴ Текстовые иллюстрации приводятся из [НКРЯ], за исключением примера (15).

массовой информации в идеологической борьбе за общественное мнение между политическими противниками' [БУС: 127], который спровоцировал эффект семантического вовлечения (термин Ю. С. Сорокина). В результате *информационный* сочетается со словами *агрессия, амбразура, армия, (контр)атака, битва, блицкриг, (полу)блокада, бой(ня), бомба, бомбардировка, борьба, граната, война, вооружение, вторжение, деокупация, десант, диверсия, завоевание, залп, контрнаступление, нападение, натиск, оборона, обстрел, отпор, перемирие, перехват, пехота, плен, подавление, разведка, снаряд, террор, уничтожение, фронт* и др., включая наименования лица: *солдат, генерал, боевик*. См.:

- (4) «Бомбардировка госпиталей» в Сирии: Турция сделала **информационный залп** по России (заголовок) (Vesti.ru. 16.02.2016);
- (5) «Третья сила» в России — <...> это всегда власть аппаратуры, инструментов, «серых шинелей». Вектор мятежа **информационной пехоты** нацелен на усугубление раскола, переходящего в масштабный пошаговый обвал всей так называемой «олигархической» системы властвования (Глеб Павловский. Война элит чужими руками // Независимая газета. 05.12.1997);
- (6) Верховный главнокомандующий движением длани кинул медийные войска на **информационную амбразуру**, которую и телом не прикрыть, и дымом не завесить... (Клавиша «домой» на клавиатуре власти // Ведомости. 28.02.2019).

Информация сквозь призму военной метафоры мыслится как агрессивная сила, средство в руках «врага» (оппонента); как орудие насилия, подавления свободы (*И. гнёт <дискриминация, гетто, концлагерь>* и под.). С другой стороны, информация может восприниматься как желаемая цель в этой «войне» — *И-ое. преимущество <превосходство, опережение, присутствие>*.

- (7) В результате возрастает скорость доведения команд, принятия решений, реализуется **информационное превосходство**, которое позволяет добиться преимущества на поле боя (Российские десантники получили системы управления с видеоконференцией // РИА Новости. 22.09.2015);
- (8) — Прежде всего, мы должны исходить из того, что такие компании олицетворяют американское **информационное присутствие** в мире (Россия намерена штрафовать Google и Facebook за цензуру // Парламентская газета. 19.11.2020).

4.2. Негативный образ информации как некоей враждебной человеку или обществу силы передают метафоры природы, природных стихий: *И-ая буря <болото, ветерок, вихрь, водоворот, вулкан, лавина, обвал, омут, потоп, стихия, туман, ущелье, цунами, шквал, шторм>*.

- (9) Ну что, спрашивается, изумительного могло натворить это Теткино, чтобы в нескольких километрах от российско-украинской границы, в тихой, насквозь депрессивной губернии вдруг взорвался **информационный вулкан**... (В. Ворсобин. Сельские политстрасти: Главную единоросскую села уволили из-за мужа-коммуниста // Комсомольская правда. 04.02.2011);
- (10) ...происходит настоящая **информационная буря** и в СМИ загадочным образом появляется аудиозапись переговоров (Д. Евстифеев, М. Выставкина. Мэра Ярославля Урлашова сдали все подчиненные // Известия. 04.07.2013);
- (11) Пугает не только вирус, а **информационная лавина**, от которой не скрыться (Коронавирус: как не поддаться панике // Парламентская газета. 25.03.2020).

Устойчивым стало сочетание *информационный поток* (варианты *инфопоток*, *информпоток*), которое в некоторых областях профессиональной деятельности (логистика, юриспруденция, теория коммуникации, электросвязи и др.) используется как термин⁵. В языке СМИ оно встречается и не в строго терминологическом значении, а чаще всего как устоявшийся оборот, обозначающий непрерывное поступление новостей на каналы связи. Прозрачность семантики оборота объясняется «стёртым» характером метафоры: *поток* — это узуальная метафора, зафиксированная в словарях [БУС: 870]; ср. *поток писем*, *поток телефонных звонков*, *финансовые потоки*, *потоки данных*, *новостной поток* и под. Метафора тематически связана с ещё одной узуальной метафорой — *пространство* (*информационное*, *виртуальное*, *цифровое*, *интернет-пространство*, *сетевое* и др.). С точки зрения синтактики обе метафоры образуют единый образ⁶; контексты, в которых использованы и та и другая, далеко не единичны. Например:

- (12) В условиях ускорившейся информатизации государство должно в принципе работать по-другому — по образцу больших облачных платформ, соединяющих разнообразные проекты, процессы, сервисы, **информационные потоки** и базы данных в едином цифровом **пространстве** («Системные ограничения все сильнее дают о себе знать» // Коммерсант. 14.12.2020).

С помощью метафоры природных стихий может передаваться также идея чрезмерного (см. примеры (11), (13)) или, напротив, недостаточного **объёма** информации (см. (14)). Ср.:

- (13) Мы все живем в огромном **информационном океане** — новости, комментарии, разговоры с друзьями, наблюдения на улице и дома

⁵ См. «Словари и энциклопедии на Академике»: <https://dic.academic.ru>.

⁶ Это, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, совместимые метафоры [Лакофф, Джонсон 2008: 18].

— все эти события прокачиваются через мозг, иногда запоминаясь, а чаще — нет (Независимая газета. 27.07.1996);

- (14) Но кто, в каких у.е. измерил степень «нагнетания катастрофического сознания» именно на уроках ОБЖ? Можно ли сравнить этот **информационный ручеек** с потоками из других источников? (Опасны ли учебники по безопасности // Аргументы и факты. 05.10.2002).

4.3. Распространённой в политическом дискурсе является также **метафора болезни**; выражение *информационная болезнь* задаёт такой ряд, как *И-ая патология* <(корона)вирус, инфекция, зараза, эпидемия, лихорадка, паралич, стресс, травма, гнойник>. Эта же М-модель лежит в основе неологизма *инфодемия* (инфо- + <пан>демия), объявленном в 2020 г. *словом года*. Медийный дискурс текущего (2025-го) года пополнил ряд морбиальных метафор, см., например:

- (15) Со времён пандемии и позднее, во время аэропортовых беспорядков, наше общество регулярно подвергалось **информационным конвульсиям** то ввиду откровенной лжи, то ввиду манипуляции теми или иными фактами (Лента новостей Дагестана (dagestan-news.net). 18.03.2025 [АСМИ]).

В условиях всеобщего информационного бума устойчиво используются метафоры, созданные на основе сравнения происходящих процессов информационной «обработки» общества с психическим расстройством: *И. невроз* <психоз, истерика, паника, бред, раздражитель> и др.

- (16) Москвичи как никто другой подвержены новому для нашего времени явлению — **информационный невроз**. Они имеют доступ к большему числу альтернативных источников информации, чем жители остальной России (Н. Егоршева. Синдром Фроси Бурлаковой // Труд-7. 17.04.2002);
- (17) В проекте разработанного Федуловым обращения говорится, что КПРФ «рвется к государственно-политической власти на всех ее уровнях, путем агитации и пропаганды с использованием **информационного психоза** возбуждает социальную и национальную рознь» (Дума рассмотрит вопрос о запрете КПРФ. Vesti.ru. 04.04.2002);
- (18) Все меньше остается места для пресловутой, столь ценимой многими, *grivasy*. Сегодня, приходя в какую-либо кредитную организацию, уже не удивляешься, что примерно одна треть истории вашей жизни записана в мощных информационных системах банка, а оставшиеся две трети банкиры все равно узнают с помощью массы уточняющих вопросов... **Информационный эксгибиционизм** зачастую оборачивается неприятными последствиями и для бизнеса (Н. Горова. Дефицит тайны // Коммерсант. 31.08.2010);

- (19) Возможно, русскому кинематографу (и всем, кто с ним связан) было бы полезно в воспитательных целях, если бы в этом году достойную картину, представляющую нашу страну в Венеции, оставили без призов. Чтобы не повторялась **информационная истерика** двухлетней давности и чтобы из иррационального успеха одного-единственного фильма неповадно было выводить теорему о триумфе российского кино (Друзья познаются в отставке // Ведомости. 09.09.2005).

Тематически близки к метафоре болезни некоторые другие М-модели, например **метафора наркотика**: *И-ая игла* (подсесть на информационную иглу — о постоянной тяге смотреть новости); *И. наркотик* (о чрезмерном увлечении ТВ-программами); *И-ая ломка* (о невозможности получать информацию из Сети). Информация, а точнее, всё, что с ней связано: владение ею, распространение, создание, продвижение и под., — осмысливается как заболевание, болезненное состояние и в то же время как средство против болезни. Так появляются *И-ая прививка*, *И-ая инъекция*, *И-ая профилактика*, *И-ая гигиена*, *И. иммунитет* (**метафора медицины**). Например:

- (20) С 18:00 до 20:00 в гайд-парке пройдет так называемый «антимайдан». Как заявили организаторы мероприятия, его цель — «своеобразная **информационная прививка** для общества» (Lenta.ru. 23.09.2014).

Следует обратить внимание, что некоторые метафоры болезни объединяет один и тот же образ «ИНФОРМАЦИЯ КАК ПИЦЦА», причём некачественная, в отношении которой должны быть *И-ая диета*, *И. детокс* (детоксикация), иначе ожидаемы *И-ое отравление* (ср. *И. яд*, *И-ая отравка*), *И. запор* или *И. понос* (ср. разг. *словесный понос*), а при переизбытке — *И-ое ожирение*.

- (21) Деревушка Медведково... Очень отдаленные уголки России, но там на удивление хорошая мобильная сеть — я спокойно смотрел видосы на YouTube. В итоге **информационного детокса** толком не получилось (Беседовал Степан Костецкий. «Напоминает снимки из Чернобыля» // Lenta.ru. 22.10.2019);
- (22) Эта новость вызвала горячее обсуждение среди французских читателей. «Одно можно сказать наверняка: мы жертвы **информационного отравления**», — высказался matuleblancian (РИА Новости. 23.09.2012);
- (23) ...как умело и артистично Доренко устраивает провокации. После особенно лихой передачи Доренко Юрий Михайлович традиционно обратился в суд, возможно, он в сорок первый раз выиграет, но... **информационный яд** уже действует, рейтинг если не убит, то явно ранен (Ю. Любашевский. Надо ли самому сражаться с киллером? // Независимая газета. 06.11.1999).

Резкая негативная оценка информации (её качества, невозможности получения и т. п.) выражается порой в словесных образах с семантикой телесного низа, выходящих, как нам представляется, за пределы публицистической речевой нормы. Например:

- (24) Не только граждане, но и сами чиновники страдают от **информационных заповров**. О том, как сложно бывает порой получить информацию от своих коллег, рассказала начальник управления информационных технологий МАП РФ Ирина Задирако (Главные новости // Коммерсант. 15.02.2002);
- (25) Хотя мы обычно не сидим у телевизора, не читаем газет, не интересуемся новостями: стараемся оградить себя и детей от **информационного поноса** (Г. Настенко. Мария Кириленко-Лопатова: «Сыновья счастливы, что у них появилась сестренка» // Труд-7. 11.02.2010).

Ассоциацию получения/усвоения информации с пищеварением отражают и **физиологические метафоры**:

- (26) ...современный цивилизованный человек не станет, например, тащить домой подобранный на улице кусок хлеба, а тем более мяса, неизвестно кем и чем обработанный. Но при этом готов питаться непроверенной и тенденциозно обработанной информацией, просто потому что это модно и легкодоступно. А между тем достоверно известно, что **информационный метаболизм** оказывает на здоровье человека не меньшее влияние, чем обычное пищеварение («Может, лучше про реактор» // Известия. 16.12.2015);
- (27) В среднем в Сети ежедневно появляется полтора миллиона новых страниц — около 20 в секунду. **Информационная перистальтика** Сети беспрецедентна! (А. Ваганов. Краткая феноменология Сети // Независимая газета (приложение «НГ-Наука»). 15.12.1999).

4.4. Представление «ИНФОРМАЦИЯ КАК ПИЩА» и метафоры, его реализующие, концептуально связаны с метафорическими номинациями «**ресурсной**» семантики. Здесь так же, как и в случае с метафорой войны, есть устойчивое выражение, являющееся названием метафоры, — *информационный ресурс*.

Информация в нашем сознании может мыслиться как подобие природного (невозобновляемого) ресурса, источника, который надо постоянно потреблять (поглощать) для поддержания жизнедеятельности или добывать и перерабатывать. Отсюда такие метафоры, как *И. <запас, кислород, месторождение, руда, топливо, масса, накачка, прокачка, колодец, труба, фонтан, иллюз>*. Ср. также эту идею в метафоре медицины *И. донор* (30):

- (28) Интернет-СМИ за своего пользователя круглосуточно мониторит тысячи источников, и из этой **информационной «руды»** создает

- удобочитаемый, комфортно организованный продукт (Известия. 10.10.2001);
- (29) Лечебные процедуры в центрах дианетики оставляли после себя миллионы человеческих тайн, осевших в архивах. И пользоваться этими архивами не мог никто. Кроме самых важных офицеров Церкви саентологии. В их руках оказалось целое **информационное месторождение** (С. Сергеев. Миллион долларов за двухкопечную тетрадь // Независимая газета (приложение «НГ-Религии-Дайджест». 01.12.1999);
- (30) Корень проблемы президент АРБ Гарегин Тосунян узрел в том, что потенциальный крупнейший **информационный донор** — Сбербанк — не принимает участия в этой работе (Банки Петербурга: Розничные сети подрастут // Ведомости. 05.06.2003).

Ресурсная метафора, как показывает наш материал, менее всего расположена к отрицательной оценочности, тогда как рассмотренные выше метафоры, в особенности милитарная и морбиальная, содержат преимущественно негативную оценку, что во многом объясняется таким же негативным характером источников этих метафор (война, болезнь, стихия), а также публицистической традицией использовать их исключительно с тревожной коннотацией. Вот несколько примеров использования ресурсной метафоры с нейтральной (31)–(32) и положительной (33) оценочностью.

- (31) Книги формируют наше восприятие, с их помощью мы пополняем **информационный запас**, они расширяют наши представления, оттачивают вкус, возбуждают чувство юмора (Двенадцать книг, которые изменили мир // Известия. 23.03.2006);
- (32) Г-н Полесский признался, что с удовольствием пользуется собственным приложением. По его словам, гораздо интереснее самостоятельно работать с информацией, а не просто ходить за гидом. «Сегодня есть спрос на определенные данные и услуги, которые нужно выводить из общей **информационной массы** в отдельные нишевые предложения...» (Е. Красников. Экскурсия по Москве за доллар // РБК Дейли. 19.08.2013);
- (33) Мультимедийные программы позволяют сутками «бродить» по Русскому музею и удовлетворять любопытство едва ли не по любому поводу. Владимир Гусев: «Мы создали бездонный **информационный колодец**. Все-таки коллекция нашего музея — это самая большая в мире коллекция русского искусства (Д. Смолев. Самый Русский музей // Известия. 24.04.2007).

Попутно отметим, что **образ потребления/поглощения информации** представлен в метафорических номинациях по-разному в разные периоды. Здесь можно проследить такую особенность: в 1990-е и начало 2000-х гг. в СМИ использовались метафоры, эксплицирующие идею недостаточного

количества информации: *И. голод* <голодуха, жажда, бескормица, безрыбье, дефицит>. С развитием ИТ и распространением Интернета, Web-технологий, соцсетей, платформ и т. п. полюс метафор сместился — с идеи нехватки информации к её избытку: *И-ые излишества* <обилие, перенасыщенность, пресыщенность, наводнение, навал>, вплоть до: *И-ая свалка* <помойка, сор, мусор, шлак, хлам>.

4.5. Ещё одна особенность в изменении сочетаемости прилагательного *информационный* — расширение состава определяемых им существительных с семантикой пищи (**гастрономическая метафора**). Ранее (в нашем материале — с 1985 по приблизительно 1996 г.) встречалось только: *И. голод, И-ая диета*. Затем состав слов для этой метафоры постепенно увеличивается: *И. коктейль* <винегрет, рацион, пирог, пирожок, фастфуд, Макдоналдс, жвачка, каша, соус, колбаса, конфетка>.

- (34) «“Врачи без границ” сообщают, что их полевой госпиталь был разрушен в ходе российского авиаудара», — выпекает «горячий» **информационный пирожок** ABC (Vesti.ru. 16.02.2016);
- (35) К **информационному пирогу** АНБ допускаются избранные — в первую очередь, конечно, англосаксы, но и немецкая БНД, судя по недавней публикации в «Шпигеле», получила свою долю (К. Бенедиктов. Игра с открытыми картами // Известия. 13.08.2013);
- (36) Человек не знает, что он хочет, но желает идти в ногу со временем и иметь собственную страничку в Интернете... Людям важно самовыразиться, это хороший психологический эффект самореализации, но делать подобное творчество частью своего ежедневного **информационного рациона** совершенно не нужно (Артемий Лебедев за кактусы не прячется // Аргументы и факты. 30.01.2001).

В этих метафорах реализуется идея информации как жизненной необходимости, сопоставимой с потребностью в приготовлении и принятии пищи. Кроме того, так может подчёркиваться невысокое качество «информационной пищи» (*И-ая жвачка, И. фастфуд*).

4.6. Широкая сочетаемость слова *информационный* наглядно иллюстрирует то положение, которое занимает информация в современном обществе: это его движущая сила, ценность, за которую борются, которой хотят обладать, ради которой готовы пойти на преступление. Неслучайно **криминальная лексика** на протяжении всех трёх последних десятилетий используется в сочетании с прилагательным *информационный*: *И-ая преступность* <бандитизм, воровство, жульничество, киллерство, криминал, мародерство, мафия, мошенничество, накат, пиратство, подлог, покушение, разбой, разборка, рэкет, слив, теракт, убийство, шулерство, экстремизм> — всего ок. 70 единиц.

- (37) А буквально в декабре состоялось очередное **«информационное покушение»** на Толстых: в медиа и соцсетях массово раскрывалась информация об успешном подрыве его машины по дороге из ресторана (Н. Подгорный (Киев). Железный Гиви // Lenta.ru. 08.02.2017);
- (38) Что такое «600 секунд»? Это откровенный **информационный разбой**. Чем криминальнее был способ добычи информации, тем она была дороже (К. Мигулина. На первом месте у меня лошади и дети // Труд-7. 04.08.2008);
- (39) Говоря о нынешнем **информационном мародерстве**, нельзя не отметить, что оно началось не сегодня и даже не вчера. Мы сегодня пожинаем плоды действий тех политиков и медиамагнатов, которые впервые в 1996-м создали налаженную машину **информационного террора** и беспредела, развратили журналистов и превратили их в политическую дубину в руках своих хозяев (А. Мигранян. Сергей Доренко как зеркало современной политики // Независимая газета. 07.10.1999);
- (40) Противник **информационного киллерства** (заголовок). <...> Когда люди используют эфир, чтобы уничтожить своих противников, — это чисто большевистские методы. Если вы добиваетесь **информационного убийства**, то вы строите программу одним образом. Если вы ведете какую-то интригу, тогда другим (Независимая газета (приложение «Коллекция НГ»). 13.03.1999).

Криминальная метафора, как пишет А. П. Чудинов, — одна из доминантных моделей политической речи. Она «пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления “своих” и “чужих”» [Чудинов 2001: 103] и в этом отношении предельно близка к военной метафоре. Семантическое сходство этих М-моделей проявляется и в том, что в сочетании с военной и криминальной лексикой прилагательное *информационный* обнаруживает общее значение ‘**вызванный использованием информации, осуществляемый с помощью информации**’, не фиксируемое пока словарями. В составе метафор других моделей прилагательное, как правило, используется в словарном значении.

4.7. Общее количественное соотношение рассмотренных М-моделей выглядит так:

- 43,6 % — метафора войны;
- 13 % — метафора болезни и связанные с ней метафоры наркотика, медицины и физиологическая метафора;
- 10,9 % — метафоры природы;
- 10,9 % — криминальная метафора;
- 9 % — ресурсная метафора;
- 6 % — гастрономическая метафора.

Оставшиеся 6,6 % составляют менее частотные М-модели: метафора спорта (*И. бокс* <серфинг, состязание, марафон, эстафета, допинг, гонка, фора, олимп, подача, прессинг, тандем>); метафора театра (*И. театр* <сцена, авансцена, антураж, мишура, арена, шоу, фарс, интрига, роль, трюк, самодеятельность>); музыкальная метафора (*И. ритм* <прелюдия, аранжировка, какофония>); религиозная метафора (*И. рай* <ад, Бог, бессмертие>); метафора игры (*И. проигрыш* <игра, шарада, азарт, пазл, козырь>); метафора сверхъестественного существа (*И. монстр* <гомукул, химера>); техноморфная метафора (*И. машина* <робот, молот, наковальня, пылесос, инструменты>) и др.

5. Заключение

Итак, наблюдения за функционированием прилагательного *информационный* в текстах, представленных в НКРЯ, позволяют судить о качественно-количественных изменениях в синтагматике данного слова и его чрезвычайной комбинаторной активности.

Исследование показало:

- рост частотности слова от десятилетия к десятилетию;
- увеличение количественного состава существительных, определяемых этим прилагательным;
- качественное изменение состава этих существительных за счёт лексикой из разных предметных областей;
- активность сокращённых вариантов прилагательного (*инфо-, информ-*), ведущая к росту вариантов составных номинаций по типу *информационный бизнес — инфобизнес*;
- формирование пласта устойчивых сочетаний и фразеологизмов с использованием этого слова: *И-ое общество, И. язык, И-ые технологии, И-ая сеть, И-ая война, И-ые ресурсы, И. поток* и др.;
- формирование нового значения — ‘вызванный использованием информации, осуществляемый с помощью информации’, обусловленного новыми сочетаемостными связями.

Особого внимания заслуживает динамическое явление постепенного включения прилагательного во все основные М-модели политического дискурса. Здесь заметен механизм концептуализации актуального понятия («информация») посредством универсальных метафор (войны, болезни, источника, стихии, пищи и др.). **Мишенями метафорических номинаций** оказываются объём информации (*И-ая лавина, И-ое месторождение, И. ручеёк*), её качества (*И. фастфуд, И-ая отравка, И-ая шелуха*), назначение (*И-ое оружие, И-ая разведка, И. прессинг, И. допинг*), способ подачи и распространения (*И-ая атака, И-ая воронка, И. вирус, И-ая матрица, И. фильтр*), а также реакция «потребителя» (*И-ая агрессия, И-ая вакханалия, И-ое шоу, И. фарс, И. шум, И. шумок* и др.).

Итак, прилагательное *информационный*, сохранив прежнюю сочетаемость с названиями разновидностей СМИ, их структурных подразделений, жанров и под., значительно обновило свою синтагматику. Расширение круга сочетаемости слова и рост частотности неслучайны и объясняются экстралингвистическими факторами — актуализацией в ценностной картине мира информации, что естественным образом вписывается в концепцию информационного общества. Отчётливо обозначились новые синтагматические парадигмы, куда вовлекается слово (политика, бизнес, криминал), что связано с изменениями в аксиосфере современной цивилизации.

За последние четыре десятилетия вследствие аксиологического сдвига произошёл и семантический сдвиг в значении слова *информационный*. В XX в. оно мотивировалось скорее понятием *информирование* ‘обеспечение информацией’ (*И. служба, центр, передача*) — отсюда нейтральный характер значения прилагательного. В современном употреблении на первый план выходит **содержательная сторона информации** (её качество и потенциал воздействия): прилагательное уже непосредственно соотносится с информацией, которая в процессе её создания, переработки/обработки, распространения, т. е. в процессе информирования, осознаётся как самоценная сущность, *фундаментальный*, как пишут философы, *фактор бытия* [Кашперский 1998: 360]. Актуализируется оценочное, как к любой ценности, отношение к этому феномену, что отражается в использовании слова *информационный* не только в нейтральных, но и экспрессивно-окрашенных синтагмах. В современной речи оно выступает как одно из главных средств выражения представлений языкового коллектива о ценностных доминантах и выполняет роль **аксиологемы**, выдвигая референт на передний край жизненно необходимых, базовых потребностей человека в современном обществе.

Источники и словари

АСМИ — Сервис «Архив СМИ» электронной медиабазы «Интегрум» (<https://search.integrum.ru>).

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

БУС — В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. Большой универсальный словарь русского языка. М., 2017.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Литература

Баранов, Караулов 1994 — А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994.

Добринская 2021 — Д. Е. Добринская. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129.

Кашперский 1998 — В. И. Кашперский. Информация // Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. Лондон; Минск: Панпринт, 1998. С. 359–362.

Киселёва, Семёнова 2023 — Л. С. Киселёва, А. А. Семёнова. Цифровое общество. Словарь-справочник М.: Проспект, 2023.

Кутырёв 2022 — В. А. Кутырёв. Человек технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетей, 2022.

Лакофф, Джонсон 2008 — Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём / Под ред. А. Н. Баранова. М.: URSS, 2008.

Маринова 2017 — Е. В. Маринова. Ценностные эпитеты в системе этических представлений современных пользователей Интернета // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи / Гл. ред. А. М. Молдован. М., 2017. С. 281–294.

Маринова 2022 — Е. В. Маринова. Язык Рунета: в Сети и за её пределами. М.: ЛЕНАНД, 2022.

Маринова 2023 — Е. В. Маринова. Информация в цифровой среде как источник словесных образов в современной прозе // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2022): Сборник научных трудов. СПб.: СПбГУПТД, 2023. С. 136–140.

Скородумова 2009 — О. Б. Скородумова. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/>

Тоффлер 2010 — Э. Тоффлер. Третья волна. М.: АСТ, 2010.

Чудинов 2001 — А. П. Чудинов. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Шмелёв 2012 — А. Д. Шмелёв. Падение речевой культуры или изменение нормы? // Вопросы культуры речи XI / Под. ред. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 69–76.

Castells 1996 — M. Castells. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Vol. I. Malden, Oxford, UK: Blackwell, 1996.

Castells 2002 — M. Castells. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford University Press, 2002.

Flusberg et al. 2018 — S. J. Flusberg, T. Matlock, P. H. Thibodeau. War metaphors in public discourse // Metaphor and Symbol. 2018. Issue 33 (1). P. 1–18.

Fredkin 2003 — E. Fredkin. An Introduction to Digital Philosophy // International Journal of Theoretical Physics. 2003. № 42. P. 189–247.

Glattfelder 2019 — J. B. Glattfelder. A Universe Built of Information // J. B. Glattfelder. Information–Consciousness–Reality. The Frontiers Collection. New York: Springer, 2019.

Selwyn 2019 — N. Selwyn. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press Publ., 2019.

Статья получена 21.01.2025

Elena V. Marinova
Linguistics University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)
marinova@list.ru

**THE SYNTAGMATICS OF A WORD AS AN INDICATOR
OF AN AXIOLOGICAL SHIFT AND THE VALUE OF A CONCEPT
(USING THE ADJECTIVE *INFORMATSIONNYJ* AS AN EXAMPLE)**

The word *informatisionnyj* is chosen as the object of analysis, which is associated, like the underlying word, with the key concept in the axiosphere of the digital society – "information". Based on observations of the compatibility of the adjective in the National Corpus of the Russian Language, conclusions are drawn about qualitative and quantitative changes in the syntagmatics of this word and its extreme combinatorial activity. The main metaphorical models that involve a word in media speech are highlighted and described, taking into account dynamics and frequency. The expansion of the range of combinability of the adjective *informatisionnyj*, its high frequency, the presence of several abbreviated variants (*info-*, *inform-*) indicate rise of the status of information in modern public discourse.

Keywords: syntagmatics, axiologeme, metaphorical models, information, linguistic world image, digital society.

References

- Baranov, A. N., & Karaulov, Yu. N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metafor*. Moscow: In-t russkogo iazyka RAN.
- Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture* (Vol. 1). Malden, Oxford, UK: Blackwell.
- Castells, M. (2002). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford University Press.
- Chudinov, A. P. (2001). *Rossii v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Dobrinskaia, D. E. (2021). Chto takoe tsifrovoe obshchestvo? *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2(12), 112–129.
- Flusberg, S. J., Matlock, T., & Thibodeau, P. H. (2018). War metaphors in public discourse. *Metaphor and Symbol*, 1(33), 1–18.
- Fredkin, E. (2003). An Introduction to Digital Philosophy. *International Journal of Theoretical Physics*, 42, 189–247.
- Glattfelder, J. B. (2019). *Information – Consciousness – Reality. The Frontiers Collection*. New York: Springer.
- Kashperskii, V. I. (1998). Informatiia. In V. E. Kemerov (Ed.), *Sovremennyi filosofskii slovar'* (pp. 359–362). London; Minsk: Panprint.
- Kiseleva, L. S., & Semenova, A. A. (2023). *Tsifrovoe obshchestvo. Slovar'-spravochnik*. Moscow: Prospekt.
- Kutyrev, V. A. (2022). *Chelovek tekhnologii, tsivilizatsiia fal'shizma*. St Petersburg: Aleteiia.

- Lakoff, J., & Johnson, M. (2008). *Metaforы, kotorymi my zhivem*. Moscow: URSS.
- Marinova, E. V. (2017). Tsennostnye epitety v sisteme eticheskikh predstavlenii sovremennykh pol'zovatelei Interneta. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova, 13: Kul'tura russkoi rechi*, 281–294.
- Marinova, E. V. (2022). *Iazyk Runeta: v Seti i za ee predelami*. Moscow: LENAND.
- Marinova, E. V. (2023). Informatsiia v tsifrovoi srede kak istochnik slovesnykh obrazov v sovremennoi proze. In N. V. Averina et al. (Eds.), *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia — 2022)* (pp. 136–140). St Petersburg: SPbGUPTD.
- Selwyn, N. (2019). *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press Publ.
- Shmelev, A. D. (2012). Padenie rechevoi kul'tury ili izmenenie normy? In A. D. Shmelev (Ed.), *Voprosy kul'tury rechi XI* (pp. 69–76). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Skorodumova, O. B. (2009). Otechestvennye podkhody k interpretatsii informatsionnogo obshchestva: postindustrialistskaia, sinergeticheskaja i postmodernistskaia paradigmy. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie», 4*. Retrieved from <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/>
- Toffler, E. (2010). *Tret'ia volna*. Moscow: AST.

Received on January 21, 2025

З. Ю. ПЕТРОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
zoyp@mail.ru

Н. А. ФАТЕЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
nafata@rambler.ru

**«МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВВ.»
КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ**

В работе представлена методика лексикографического описания персонифицирующих компаративных тропов в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.». Расположение языкового материала в словаре осуществляется согласно идеографической семантической классификации образов и предметов сравнения описываемых тропов; учитывается и хронологический принцип представления материала. Такая методика позволяет показать образную картину мира русской художественной литературы в ее развитии. Изложенные принципы иллюстрируются фрагментом шестого выпуска словаря, а именно описанием семантического класса предметов сравнения «Времена года». Выделены семантические классы образов сравнения, характеризующие ЗИМУ, ВЕСНУ, ЛЕТО и ОСЕНЬ. Проводится сопоставление их образных характеристик в синхронии и диахронии, обнаруживается тенденция к появлению в рядах образов стилистически сниженных лексем начиная со второй половины XX в.

Ключевые слова: метафора, сравнение, олицетворение, образная картина мира русской литературы, времена года.

В настоящей работе рассматривается шестой выпуск «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» [Петрова, Фатеева 2021]. В нем представлен первый опыт лексикографического описания компаративных тропов (метафор и сравнений), образы сравнения которых принадлежат к семантической категории «Человек», или, иными словами, олицетворяющих метафор и сравнений. Под олицетворением, или персонификацией¹, мы понимаем приписывание в контексте художествен-

¹ Как и в работе Я. И. Гина [2017: 14], термины «олицетворение» и «персонификация» используются нами как синонимы.

ного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств (более подробно о разных определениях термина «олицетворение» в научной литературе см. [Петрова, Фатеева 2019: 35–36]).

В качестве предметов сравнения в этом выпуске выступают элементы семантических классов «Экзистенциальные категории»: ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА; «Время»: ВРЕМЯ; НОЧЬ, ДЕНЬ, УТРО, ВЕЧЕР и т. д., «Названия времен года»: ЗИМА, ВЕСНА, ЛЕТО, ОСЕНЬ; месяцев. С момента выхода первого выпуска в 2000 г. основой словаря является принцип системно-семантического описания компаративных конструкций в сочетании с хронологическим расположением материала. Составители словаря поставили задачу целостного описания системы метафор и сравнений русской литературы в ее развитии, исходя из предположения о том, что и предметы сравнения, и их образные соответствия группируются в семантические поля, которые образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Эта классификация была разработана на основе анализа языкового материала с учетом уже существующих подобных классификаций; в настоящее время составители словаря активно пользуются классификацией лексики, представленной в «Русском семантическом словаре» [Шведова 1998–2007]. Источниковой базой словаря послужили поэтические и прозаические произведения русских авторов XIX–XXI вв. Составителями словаря активно используется Национальный корпус русского языка [НКРЯ — электронный ресурс].

В результате анализа персонифицирующих конструкций с описываемыми в шестом выпуске словаря предметами сравнения были выявлены следующие основные группы олицетворяющих языковых единиц, в соответствии с которыми группируется материал в словарных статьях: «Обозначения людей», «Движение», «Положение в пространстве», «Борьба, спор», «Родство, дружба/вражда», «Жизненный цикл» (в том числе «Возраст»), «Восприятие», «Внешний вид», «Части тела», «Речь, другие звуки», «Характер», «Эмоции, эмоциональные действия», «Социальный план» и др. Описание каждого предмета сравнения в словаре с полным перечислением всех классов олицетворяющих слов дает возможность получить обобщенные персонифицированные образы этих предметов сравнения, а также проследить эволюцию классов тропов в истории языка художественной литературы. Такие описания отдельных предметов сравнения компаративных конструкций в русской поэзии XVIII–XXI вв. (СМЕРТЬ и СУДЬБА) на основе рассматриваемого словаря представлены в работах [Петрова, Фатеева 2019; 2024].

Помимо семантической классификации метафорических и сравнительных конструкций, в словаре проводится и их формально-синтаксическая классификация, специально выделены следующие основные типы конструкций: метафоры (включающие метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления) и сравне-

ния (сравнения без основания сравнения; сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом, прилагательным). Глагольные и адъективные лексические единицы, выступающие в функции персонификаторов, считаются метафорами по умолчанию.

Единообразия структуры описания при конкретном лексическом наполнении каждого класса дает возможность сопоставлять близкие по смыслу предметы сравнения, выявлять общее и различное в их персонифицирующих характеристиках. Продемонстрируем это на примере словарных статей подраздела «Времена года»: ЗИМА, ВЕСНА, ЛЕТО и ОСЕНЬ. Проблема олицетворения времен года на разном языковом материале затрагивалась в работах различных исследователей. Истоки олицетворения как художественного приема лежат в мифологии и фольклоре. А. Афанасьев отмечает: «В последовательных превращениях природы, в характеристических признаках и свойствах различных времен года древние племена усматривали не проявление естественных законов, а действие одушевленных сил — благотворных и враждебных, их вечную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашим предкам не отвлеченными понятиями, но живыми воплощениями стихийных богов и богинь, которые поочередно нисходят с небесных высот на землю и устрояют на ней свое владычество. По указанию старинных пасхалий, “Весна наречется, яко дѣва украшена красотой и добротою, сияюще чудно и преславнѣ, яко дивится всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка всѣмъ... Лѣто же нарицается мужъ тихъ, богатъ и красенъ <...> Осень подобна женѣ уже старѣ и богатѣ и многочаднѣ <...> Зима же подобна женѣ — мачихѣ злой и нестройной и нежалостливой, ярѣ и немилостивѣ, егда милуетъ, но и тогда казнить; егда добра, но и тогда знобить, подобно трясавицѣ, и гладом морить, и мучить грѣхъ ради нашихъ”» [Афанасьев 1994: 675–676]. Древние представления о персонифицированных временах года отразились во многих литературных контекстах. Персонификация времен года в фольклоре — народных приметах, загадках — исследуется современными учеными, например, в работах [Закиров 2011; Шестеркина 2021] и др. Изучается олицетворение времен года (часто среди других образных парадигм, характеризующих времена года) в русской литературе разных направлений и периодов [Душечкина 2010; Усманова 2014; Хайрутдинова 2014; Чернявская 2014; Шохина 2017; Евсеева 2018 и др.], в идиостилиях отдельных авторов [Горяинова 2013; Бурмакова 2017; Коковина, Жилина 2021; Ладохина 2021 и др.]. Ряд работ посвящен сравнительному анализу персонификации времен года в разных языках [Сунь Мэйцзы 2016; Чеснокова 2019; Шестеркина 2021]. Несмотря на несомненный интерес исследователей к олицетворению времен года в художественном тексте, нельзя сказать, что эта проблема получила полное разрешение. Анализ всех семантических классов образов сравнения, характеризующих обозначения времен года в языке русской художественной литературы XIX–XXI вв. на обширном языковом материале с выявлением

их общности и различий, а также динамических процессов в этих классах на сегодняшний день отсутствует. В нашей работе ставится цель целостного многоаспектного сравнительного описания персонификации времен года на основе «Материалов к словарю...».

Охарактеризуем кратко указанные выше основные семантические классы персонификаторов с распределением их по предметам сравнения. Субстантивные образные элементы класса «Обозначения людей» подразделяются на следующие подклассы.

— «Обозначения людей по возрасту и полу»: ЗИМА традиционно характеризуется словами с семантикой 'женский пол', обоих возрастных полюсов: с одной стороны, *старуха, старушка, старая дева*: «и жаль зимы *старухи*, И, проводив ее блинами и вином, Поминки ей творим мороженым и льдом» (А. Пушкин 1833), «*Старушка* зима уже давно таскалась вдоль российских низменностей: шамкала и грозилась» (А. Белый 1901), «Давно лежит зима в измявшихся подушках, / *старушка* бедная водянкою больна» (С. Петров 1959), с другой — *молодка, барышня, девица*: «Здравствуй, русская *молодка*, Раскрасавица-душа, Белоснежная лебедка, Здравствуй, матушка-зима» (П. Вяземский 1853), «А шляхом, как *барышня* с бала, Фуфыря густой кринолин, Уходит Зима» (В. Нарбут 1909).

ВЕСНУ преимущественно характеризуют обозначения с семантикой женскости, исключительно относящиеся к началу жизненного цикла: *дева, девушка, девица, девочка, школьница*: «Но мне не верится: когда ж она Пришла сюда, игривая весна, Как *дева* пышная в наряде брачном?» (А. Майков 1843), «Сначала робко, а потом смелее, Подняв рукою платье до колен И розовые ноги обнажив, Вприпрыжку, брызгая водой из луж, Уже спешит к нам *девушка-Весна*» (Э. Багрицкий 1916), «Возьмем хотя бы раннюю весну. У нее, у этой зябнувшей от последних заморозков *девочки-весны*, есть в котомке много хороших слов» (К. Паустовский 1955), «Дни, когда на смену дряхлой зиме является молодая, свежая, как пятнадцатилетняя *школьница*, опьяняющая весна» (Р. Сенчин 2000), во второй половине XX в. фиксируется просторечное *девка*: «И пришла весна — добрая и бестолковая, как незрелая *девка*» (В. Шукшин 1960–1971). Отмечается также и резко контрастное по отношению ко всем остальным элементам этого подкласса слово с разговорной семантикой, обозначающее лицо мужского пола — *детина*: «И усмехнулся он невинно, Что это — не его вина, — Большой веснушчатый *детина*, Так называемый — Весна» (Л. Мартынов 1961).

Образные обозначения ЛЕТА — *мальчик, малютка* — не имеют семантического признака женскости: «Так в полдень бывает, лишь в горы Поднимется лето, как *мальчик* Со взором усталым и жгучим, И с нами беседу заводит, Мы речь его видим, но знойно Дыханье *малютки*» (Эллис 1914). Лето на границе с осенью представляется как *человек пенсионного возраста*: «На улице угасающее лето никак не хотело выглядеть осенью, будто *человек пенсионного возраста*, не желающий уходить на “заслуженный отдых” и из последних сил молодящийся» (А. Алексин 1979).

ОСЕНЬ, как и зиму, характеризуют обозначения лиц преимущественно женского пола, обоих возрастных полюсов: *баба, старуха, дева*: «Приходи, *старуха*, в старой желтой кофте!» (И. Северянин. Предчувствие осени, 1914), «*Дева* осень вышла из рая. Небо синее до самого края» (Б. Поплавский 1927–1930).

— Обозначения, связанные с отношениями родства, дружбы, любви. Наиболее многочисленны и разнообразны они у ЗИМЫ: *кума, мать, матушка, мачеха, бабушка, свекровь; друг, союзник, зазнобушка* (мороза): «Приди к нам, *матушка* зима, И приведи с собой морозы!» (А. Востоков 1808), «Разослала тучи снежные *Мать*-зима во все концы» (В. Катаев 1915), «Маленьким воришкам — *мачеха* зима, Крупных не пугает и сама тюрьма» (Д. Минаев 1878), «*Бабушка* наша, старушка Зима, — Видно, сердиться устала сама!» (К. Случевский 1860–1878), «То суровая, как *свекровь*, то плаксивая, как старая дева, <...> зима надоедает очень быстро» (А. Чехов 1882), «Кует он [мороз] дивные изделия Зиме, *зазнобушке* своей» (П. Вяземский 1861). ВЕСНА тоже характеризуется многочисленными наименованиями родства и любовных отношений: *дщерь* (Феба), *мать, матка, сестра, сестрица, сиротинка, невеста, невестка, вдова, любовница, дружок*. Этот набор частично совпадает с подобным набором у ЗИМЫ, но больше разнится, не содержит обозначений лиц старшего возраста (*бабушка*) и обозначений, содержащих негативную оценку (*мачеха, свекровь*), а включает, наоборот, обозначения молодых женщин: «В стороне далекой от родного края Девушкой-*невестой* снится мне Весна» (И. Бунин 1893), ласковые обозначения: «Приди ж, *дружок*-весна, скорей Из-за лазоревых морей» (С. Черный 1926). У ОСЕНИ выделяется образное обозначение *вдова* (*вдовица*): «И осень тихую *вдовой* Вступает в пестрый терем свой» (И. Бунин 1900), «А осень, скорбная и пьяная *вдовица*, подкованным тяжелым сапогом мне по-мужицки хочет в грудь вдавиться, и затоптать, и след прихлопнуть батоном» (С. Петров 1941), которое мотивировано грустным настроением (осень — *печальная, грустит, хандрит, горюет*...: «Все возвещает осень *печальну*: Хмурясь нисходит мрачный Сентябрь» (А. Беницкий 1805), «Так *грустит печальная* осень: осыпается мертвый лист» (В. Ропшин 1909)) и плачем: «*Плачет* осень за окном, *Слезы* лязгают о стекла...» (Э. Багрицкий 1930). Кроме того, осень характеризуется и обозначениями родства, не имеющими печальных ассоциаций, — *жена, матушка, подруга*: «Ты опять со мной, *подруга* осень» (И. Анненский 1909). Термины родства в качестве персонификаторов ЛЕТА единичны. В отличие от зимы, весны и осени лето характеризуется обозначениями и женского, и мужского рода: *мать* (*Солнца*): «Я — Лето, *Солнца мать*, Когда-то ночи тьму Рассеяв, родила я в небесах Дажбога» (А. Кондратьев 1910–1936), *сын*: «О лете — *сынке*-голодранце Тоскует лесной старичок» (Н. Клюев 1914).

— Обозначения людей по профессии, роду занятий. Здесь выделяется подгруппа обозначений, связанная с магией, наиболее многочисленны и разнообразны они у весны: ВЕСНА — *волшебница* (редко *волшебник*), *ча-*

родейка, колдунья, кудесница: «Весна, как *волишебник* нежданный, Пронесется в лучах, и растопит снега и угонит» (А. Майков 1859), «Весна-*волишебница!* — восклицал я мысленно, — ты вливаешь жизнь в одряхлевшие сердца!» (М. Салтыков-Щедрин 1881–1882), «Сегодня в ночь весна-*колдунья* На молодое новолунье Снега последние смела, Сережки ивы расстрепала И окаймлять цветами стала Озер сквозные зеркала» (К. Фофанов 1896), «Как чудеса твои прекрасны, *Кудесница* любви, весна!» (М. Кузмин 1916). Слова с этой семантикой характеризуют и другие времена года, кроме лета: ЗИМА — *чародейка, колдун, колдунья*: «Борей на Осень хмурит брови И Зиму с севера зовет: Идет седая *чародейка*, Косматым машет рукавом» (Г. Державин 1788), «Боролся я с Зимой, *колдуньей* бледнолицой, И сшиб ее рога» (А. Кондратьев 1910–1936); ОСЕНЬ — *колдунья*: «Осень, рыжая *колдунья*, Подкралась, подсторожила <...>» (В. Егоров 1971).

Еще одна подгруппа слов в группе обозначений профессий, которые повторяются в сочетании с названиями разных времен года, — *художник, художница, рисовальщик*. Слова этой подгруппы характеризуют и весну, и осень: «Здесь весна, как *художник* уж славный, работает тихо, От цветов до других по неделе проходит и боле» (А. Майков 1859), «Сама красавица, всегда нарядная, *художница-осень* любит всех наряжать и на пути своем убирать все своей пышной, прощальной, задумчивой прелестью» (В. Новицкая 1912), «Торопливый *рисовальщик* — осень, Ты опять тоской меня обдашь, Вот он — нелюдим и грандиозен, — Твой речной, твой ветреный пейзаж» (И. Елагин 1953–1963). Другие обозначения лиц по роду занятий, выступающие в конструкциях олицетворения времен года, индивидуальны, их набор расширяется в XX в.

Выделяются также небольшие подгруппы обозначений лиц, многие элементы которых характеризуют все времена года. К ним относятся наименования, связанные с властными функциями и принадлежностью к привилегированным слоям общества: *царица, царевна, королева, госпожа, владычица; барыня, боярыня*: «Хороша весна-*царица*, В плащ цветной одета!» (И. Суриков 1874), «*Царица* ледяная, Зима буранная» (А. Н. Толстой 1909), «за прялкой золотую *Царица* Лето спит» (А. Кондратьев 1910–1936), «Как остановишь *госпожу* Осень, ежели в один прекрасный день она просто приходит?» (Е. Хаецкая 1997). Эти наименования коррелируют с предикатами власти *царить, царствовать, воцариться, взойти на трон, господствовать, властвовать, захватить власть* и др., которые констатируют власть определенного времени года над природой: «Там лето пламенное купно С прелестной *царствует* весной» (М. Загорский 1920), «Теперь, когда у нас природный старый друг Морозов и снегов и голосистых вьюг, *Господствует* зима» (Н. Языков 1839), «Осень пришла врасплох и *завладела* землей — садами и реками, лесами и воздухом, полями и птицами» (К. Паустовский 1936), «Однако зима в том году торопилась *захватить* власть, и скоро даже мороженые листья сделались недосыгаемыми» (М. Аромштам 2010).

Все времена года, кроме лета, характеризует и обозначение по внешности — *красавица*, которое чаще всего относится к весне: «Уж *красавицы* Весны Колесница золотая Мчится с горней вышины!» (А. Майков 1880), «Весна, / как *спящая красавица*, / хоть спит, а поцелуя ждет» (Н. Ушаков 1945), реже — к другим временам года: «Зима, как неприступная, холодная *красавица*, выдерживает свой характер вплоть до узаконенной поры тепла» (И. Гончаров 1859), «Кокетничает осень с нами: *Красавица* на западе своим Последней ласкою, последними дарами Приманивает нас нежнее с каждым днем» (П. Вяземский 1874).

Семантический класс «Движение» представлен глаголами, обозначающими движение разного характера и их дериватами. Это наиболее нейтральные слова *идти, прийти, приходиться*², *войти, входить, подойти, уйти, уходить, отступить, пятиться*; слова, обозначающие быстрое движение, — *мчаться, умчаться, носиться, бежать, убежать, добежать, пробежать, побежать, спешить, торопиться*; и, наоборот, медленное движение — *брести, бродить, плестись, забредать*; подгруппа слов со значением быстрого, резкого проникновения куда-либо: *ворваться, вторгаться, ломиться*; подгруппа *красться, подкрадываться, подступать украдкой, прокрасться, вкрасться*; подгруппа *догонять, преследовать, гнать, настигнуть*; подгруппа со значением «Танец»: *плясать, пляска, танцевать, водить хороводы* и пр. Эти элементы образно характеризуют, в общем, все времена года, но их распределение несколько разное. Так, для зимы и осени более, чем для других времен года, характерны подгруппы со значением 'двигаться тайком' — *красться, подкрасться, подкрадываться, прокрасться, вкрасться, подступать украдкой*: «Чтоб сокрыть конечно зло, Прятаться зиме пришло: Прежде подле стенки *кралась*, Опасаяся лучей, А потом с стыда скрывалась От лучей и от людей» (Н. Львов 1791), «Незаметно *подкралась* зима, сразу обрушилась на город гулками метелями <...>» (М. Горький 1924–1925), «И *украдкой* зима *подступает*, как встарь, / воротник роковой серебря» (Б. Кенжеев 1980–1988), «а тут, как на грех, *подкралась* осень» (М. Салтыков-Щедрин 1878–1879), «Он так остро ощущал *подкравиуюся* осень <...>» (Г. Владимов 1994).

² Надо отметить, что в словарные статьи включаются стертые общеязыковые метафоры (типа *Весна идет, Весна пришла* и пр.), если в контексте присутствуют другие олицетворяющие слова, например: *Весна в пенсне идет из-под дивана* (И. Терентьев 1918), *Весна красавица пришла издалека И мир пустой недвижно озирает* (Б. Поплавский 1934), *Вот приходит весна, одиноко стуча каблуками* (Л. Аронзон 1962). Это позволяет увидеть единство общеязыковых и индивидуально-авторских метафор, появление в семантических классах новых образов по сравнению с традиционными элементами, ср., например, *идти* — *брести, плестись*: *Сквозь тусклый, теснящий туман Бредет сиротинка-весна* (И. Коневской 1899), *Весна плелась календарная, формальная, анемичная — недоношенная весна* (М. Палей 1990).

Только зима характеризуется предикатами *догонять*, *преследовать*, *знать*, *настигнуть*: «Мы ехали берегом Лены на юг, а зима *догоняла* нас с севера» (В. Короленко 1900–1901), «Нас всюду *преследовала* зима, от которой мы бежали» (В. Катаев 1975–1977), «И тогда с коробкой шляпной, Как модистка синема, *Настигала* нас внезапно Настоящая зима» (Б. Пастернак 1936), «Бабы на время бросали носить, но зима надвигалась и снова *знала* их — с санками по ночам» (А. Солженицын 1960).

Подгруппы глаголов движения — персонификаторов зимы — пополняются стилистически сниженными элементами: *таскаться*, *тащиться* (ср. *брести*): «Старушка зима уже давно *таскалась* вдоль российских низменностей; шамкала и грозилась» (А. Белый 1901), *свалить* (ср. *уйти*): «зима вот только неделю как *свалила* в свою Лапландию» (С. Таранов 1999).

Слова группы ‘быстрое, резкое проникновение куда-л.’ наиболее частотны в олицетворениях весны: «Вынули вторые рамы, и весна *ворвалась* в комнату с удвоенной силой» (В. Короленко 1886–1898), «Дворы тонули в скверне. Весну за *взлом* судили. Шли к вечерне, И паперти косил повальный март» (Б. Пастернак 1911–1928), «Весна *вторглась* в мой дом, в мою комнату» (В. Некрасов 1977), «Через огромные окна вестибюля в больницу *ломилась* весна» (В. Маканин 1996–1997). Более, чем для других времен года, для весны характерны метафоры семантической подгруппы «Танец»: «Весна румяная там *водит хороводы*» (А. Мерзляков 1805), «Мы с весной молодой, Со блаженной, божественной, Резволегкой ногой *Спляшем танец торжественный*» (В. Кузмин 1906), «Кругом как сон как мгла Весна жила *плясала*» (Д. Бурлюк 1910), «Так шумно Весна *танцевала* фурану» (А. Фиолетов 1915), «Серебряной ночью средь шумного бала *Кружилась* весна на зеркальном полу» (И. Одоевцева 1951).

В семантическом классе персонификаторов «Активные действия» выделяются подклассы «Негативные действия» и «Действия с положительной оценкой». Негативные действия характерны для зимы и осени: ЗИМА — *потрясать мир*, *сорвать*, *свершить набег*, *заградить путь*, *грозить(-ся)*, *пригрозить*, *трепать*: «свирепая зима, от севера несущаяся, *потрясала мир* бурями своими» (Н. Карамзин 1789), «Зима *свершит*, треща от гнева, Опустошительный *набег*» (П. Вяземский 1825); ОСЕНЬ — *губить*, *задушить*, *обломать*, *сокрушить*, *убить*, *изранить*, *стрелять*, *налечь*, *затоптать*, *отнять*: «Нет, осень близилась, рукою беспощадной Хватая и *губя*» (А. Апухтин 1859), «Все, что осень обожгла, *Обломала, сокрушила*, Ткань густая облегла» (К. Случевский 1898), «Ведь обманом осень все *отнимет*, Что сулила нам, как лжец, весна» (В. Шершеневич 1926–1929). Для ВЕСНЫ и ЛЕТА, напротив, характерны действия с положительной оценкой — *целовать*, *лобзание*, *ласкать*, *ласка*, *объятия*: «Вечером длинным вспоминаем *Ласку* весны златокудрой» (А. Тиняков 1910), «Воркуют голуби премило Меж зеленеющих ветвей, Весна *объятия* им *открыла...*» (Г. Иванов 1911), «Дуновенья весны, как незримые девы, с ярким смехом *целуют* меня» (В. Набоков 1919), «И солнце вершины лесные Тоскливым лучом обдаёт:

Знать, в нем уходящее лето *Лобзанье* прощальное шлет» (А. Фет 1847), «Мечтаю в сумраке о *ласках* Лета милых» (А. Кондратьев 1910–1936). Гораздо реже эти положительные действия характеризуют зиму и осень.

Помимо активных действий, содержащих оценку, для времен года характерны следующие подгруппы обозначений действий, которые по-разному распределяются по временам года:

«Действия с тканями, изделиями из тканей». Эта группа образных обозначений характеризует все времена года: ЗИМА — *одеть в саван, прикрыть одеялом, прикрывать пеленой, выстелить ковром*: «И всемогущая зима *Оденет в саван* погребальный Цветущий луг, зеленый бор И всю поблекшую природу» (Н. Некрасов 1839), «Когда зима, берясь за дело, Земли увечья, рвань и гной Вдруг *прикрывает* очень белой Непогрешимой *пеленой*» (И. Эренбург 1964–1966); ВЕСНА — *расстелить ковер, сплести шатер, развернуть знамя, развесить, одевать, раздать одежды, ткать, расшивать*: «Пусть весна *расстелила* в ней мягкий ковер И сплела из ветвей изумрудный шатер» (С. Надсон 1880–1881), «Весна *развернула* Зеленое *знамя*» (Э. Багрицкий 1927), «Весна сушить *развесила* / свое мытье» (В. Маяковский 1928), «Много еще красивых *одежд* *раздала* Весна разным бабочкам, жукам, проворным стрекозам и веселым скакунам-кузнечикам» (Г. Скребицкий 1958), «Весна — большая мастерица Из самого простого ситца *Косоворотки* *расшивает*» (С. Нельдихен 1923–1924); ЛЕТО — *убирать в разноцветную одежду, одевать*: «За весной приходит лето, *Убирает* всю природу *В разноцветную одежду*» (П. Ершов 1837); ОСЕНЬ — *облекать, одевать, развесить флаги, расстелить ковер, резать полотно*: «Царица уныния, мрачная осень *облекает* природу в печальную свою мантию» (Г. Каменев 1804), «Осень ранняя *развесила* *Флаги* желтые на вязах» (А. Ахматова 1911), «*Ковер* шафранный *расстелила* осень» (П. Васильев 1927), «Золотое *полотно* *Режет* ножницами осень» (Ю. Мориц 1970).

Только для осени характерны действия, связанные не с одеванием, как обычно, а с раздеванием, обнажением: «Уж осени холодной рукой Главы берез и лип *обнажены*» (А. Пушкин 1816), «Поздняя осень *оголила* лесные полчища, хмуро стояли старики грабы, пряча морщины под бурым мхом. Безжалостная осень *сорвала их пышные одеянья*, и стояли они голые и чахлые» (Н. Островский 1930–1934).

«Действия с красками». Эта группа образных обозначений характерна для ЛЕТА и ОСЕНИ (ср. обозначения людей *художник, художница*): ЛЕТО: «За весной приходит лето, <...> Куст шиповника *румянит*» (Ершов 1837), «Так лето знойное, готовясь умереть, *Окрашивает* свой чертог незащищенный Такими *красками*, что взгляд на них смотреть Невольно устает, восторгом утомленный» (А. Федоров 1896); ОСЕНЬ: «Осень *рассыпала* по земле последние *краски*. В пролетах между деревьями по земле разливались сиренево-фиолетовые тоны» (А. Богданов 1935), «Осень явилась предательски, как удар в спину, в одну ночь сорвав с деревьев еще не желтые листья; размыла землю потоками дождя и *покрасила* город в *серый цвет*»

(К. Шахназаров 1986), «Вот уже осень *окрасила мир*: словно кудрявый русский художник, живущий на Олд Лэйк Роад, взял огромный холст и размашисто выдавил на него все свои самые яркие краски — золотистую бронзу и желтый кадмий, красный кармин и синий кобальт...» (М. Валеева 2008).

ЗИМА, наоборот, уничтожает яркие краски: «зима захлопывала форточки, проклеивала вырезанными из газеты лентами стыки оконных рам и, главное, *слизывала все краски*, кроме трех — серой, черной и белой, превращая живопись в графику...» (Д. Рубина 1980–2006). Она не рисует, а пишет: «Человек привыкает Ко всему, ко всему. Что ни год получает По письму, по письму. Это в белом конверте Ему *пишет* зима. Обещанье бессмертья — Содержанье письма» (А. Кушнер 1970–1979), «Зима и старость белое слово *пишут* / в воздухе еще жарком» (О. Седакова 1987–1990).

Остальные группы обозначений активных действий отличают времена года друг от друга. Так, только для ЗИМЫ характерны действия со значением 'строительство': «Где лютая зима на грозных высотах *Поставила свои* чертоги лдяны» (Н. Языков 1819), «Зима отслужила безумье каникул своих / и за ночь такие *хоромы воздвигла*, что диво» (Б. Ахмадулина 1979).

Только для ВЕСНЫ характерны действия с цветами: *сыпать цветами, окаймлять цветами* и пр. ВЕСНА *работает, делает дело, дело у нее кипит в руках*, она *хлопочет, убирает снег*: «А весна все делала свое дело, весело и споро» (Б. Садовской 1911), «Как у дюжей скотницы работа, Дело у весны *кипит в руках*» (Б. Пастернак 1946), «Весна *снега ворочала*, Над золотом Москвы Шутя шумела клочьями Внезапной синевы» (И. Эренбург 1921), «И в День Победы, нежный и туманный, Когда заря, как зарево, красна, Вдовою у могилы безымянной *Хлопочет* запоздалая весна» (А. Ахматова 1945).

Для ОСЕНИ специфичны следующие подгруппы обозначений активных действий: «Действия с огнем» (ассоциации, вызванные цветом осенних деревьев): *обжечь, поджечь, раскидать огни, зажечь свечи*: «Горек запах черной гари, Осень рощи *подожгла*» (С. Есенин 1915), «желтые и красные *огни* Кленовых листьев *раскидала* осень» (С. Городецкий 1907), «Под туманною, блеклой вуалью Безутешная осень пришла, Поглядела на Землю с печалью, Погребальные *свечи зажгла*» (А. Тиняков 1906); «Угощение»: *обносить гостей варенухой, накрыть стол, готовить чай*: «Пусть осень густой *варенухой* *Обносит* трущобных гостей» (Н. Клюев 1914), «По старине без серебра богатый *Накрыла стол* не осень ли сама?» (С. Шервинский 1921–1984), «Осень *готовит крепкий чай* Из золотого цвета липы» (И. Юрков 1927).

Обращает на себя внимание семантический класс персонификаторов «Борьба, война», состоящий преимущественно из глаголов. Его элементы становятся опорными словами метафорических описаний смены времен года. Особенно частотны в художественных текстах описания борьбы зимы и весны. ВЕСНА при этом осуществляет нападение, слово сочетается с предикатами *гнуть, победить* (и с однокоренным существительным *победа*),

одолевать, ломать (зиму): «Зима недаром злится, Прошла ее пора — Весна в окно стучится И *гонит* со двора» (Ф. Тютчев 1836), «Чтоб от песни твоей содрогнулись леса, Чтоб при песне твоей звери дикие умирились, Чтоб лютую зиму *победила* весна! (А. Добролюбов 1899–1904), «Бесстыдно яркая и напористая весна, ликуя, праздновала свою легкую и полную *победу*» (Р. Полищук 2003), «Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсем *одолевает* зиму весна» (И. Бунин 1912), «Ночь выпала на редкость бурная, весна с хрустом *ломала* зиму» (Л. Леонов 1950–1952) — и с более специфичной военной лексикой: *объявлять ультиматум, штурмовать, атака*: «Каждогодно все так же, из миллионолетия в новые, В срочный час *объявляет* весна *ультиматум*, Под широтами дальними на время основывая Царство, где оборона отдана ароматам» (В. Брюсов 1923), «Весна *штурмует* напролом, Дымя теплом и льды тараня» (М. Тарловский 1928), «Там где-то морозом закована слякоть, И крепость не будет взята, Там где-то весны захлебнулась *атака* В березовых черных кустах» (В. Шаламов 1937–1956). ЗИМА находится в позиции обороны, ее характеризуют предикаты *уступить, обороняться, отступить, не сдаваться, сдаться, бросаться в контратаку*: «Весне *уступая*, зима присмирела И ищет приюта на снежных горах» (Э. Губер 1838), «А там прилетала и весна, ласковая да горячая. <...> Зима, напрягая силы, еще *оборонялась*. <...> Зима в страхе пятилась, *отступала* в горы, на коренное становище» (А. Веселый 1924–1932), «Зима умирала, но *не сдавалась*. Собирая последние резервы, она *бросалась в контратаку*, и снова падала, и снова подымалась, каждый свой шаг укрепляя колючим норд-остом» (В. Катаев 1927), «Зима на исходе в порыве бессильной злобы, сознавая, по-видимому, свою обреченность, исхлестала город ветрами и вьюгами. Потом вдруг враз обессилела и *сдалась*» (Р. Полищук 2003).

Развитие и смена времен года изображаются в художественных текстах и с помощью олицетворяющих метафор семантического класса «Жизненный цикл» и его подкласса «Возраст». Приближение определенного времени года к концу и его конец представлены метафорами *умирать, умереть, скончаться, погибать, доживать, кончина, агония; стареть, постареть, состариться, старая, пожилая*. Начальный период времени года и его расцвет отражаются в метафорах *родиться, жить, молодая (молодое), юная (юное)*, дальнейшее развитие — словами *зрелая пора, повзреть*. Распределение этих метафорических обозначений у каждого времени года разное. ЗИМА чаще всего характеризуется традиционными предикатами *умирать, умереть, доживать*; эта уже достаточно стертая образная параллель обновляется в конце XX в. просторечным синонимом глагола *умереть* — *сдохнуть*: «Хорошо еще, ни дождя, ни снега, кончилась зима, *сдохла* гадина, уступила место весне» (С. Лукьяненко 1998) — и существительным *кончина*: «Клонясь ко сну, / я вижу за окном *кончину* / зимы, и не найти весну» (И. Бродский 1970). Что касается слов, обозначающих возраст, то зиму характеризуют метафоры обоих возрастных по-

люсов: *младая, молодая, молоденькая* — и *старая, пожилая* (ср. также субстантивы *старуха, старушка*, о которых говорилось выше): «Борева кума Катит в санях — Зима. <...> Кати к нам, белолика, Кати, Зима *младая*» (Г. Державин 1787), «Зима была такой *молоденькой*, Такой веселой и бедовой!» (В. Аксенов 2007) — «Молодая зима стала *пожилой*, а потом и *старой* — не то что в декабре, когда она была еще совсем девчонкой» (В. Каверин 1963).

При характеристике ВЕСНЫ чаще всего употребляются слова *младая, молодая, юная*; их частотность значительно превышает показатели других слов из класса «Жизненный цикл»: «Когда везде весна *младая* С улыбкой распустила грязь» (А. Пушкин 1821), «Зима уходила, рыдая, В сияньи безбурного дня, И следом Весна *молодая* Пришла, все в лесу зеленыя» (В. Нарбут 1909), «Ты *молода*, бурна, звучна, Юна — тебя не старят годы, Ты все такая же, весна!» (М. Светлов 1957). Гораздо реже, но все же со словом ВЕСНА сочетаются персонификаторы, обозначающие в прямом значении конечный период жизненного цикла человека, а в метафорическом — конец весны и приход лета: «*Умирает* весна, *умирает*, Водворяется жаркое лето» (Н. Некрасов 1854), «На глазах у всех *погибала* весна. Пыль гнала ее с площадей, жаркий ветерок оттеснял ее в переулки» (И. Ильф, Е. Петров 1927), «Глухарь пел без умолку, словно хотел допеть все, пока не *состарилась* весна, не растаяли последние блинчики снега <...>» (А. Ливеровский 1966).

ЛЕТО с одинаковой частотой характеризуют слова, относящиеся к противоположным полюсам жизненного цикла: *умирать, умереть, гибнуть, доживать, стареть, постареть* — и *молодое, юное*. Только для лета характерны метафоры, обозначающие середину жизненного цикла: *зрелая пора, повзрослеть*: «Еще не пахло пылью, еще лето только вступало в *зрелую пору* свою» (В. Шукшин 1974), «Лето просто *повзрослело* и постепенно превращается в осень...» (Е. Велтистов 1985). Обращает на себя внимание индивидуальная метафора О. Мандельштама «*моложавое, стареющее* лето» (1937).

ОСЕНЬ характеризуют исключительно метафоры конца жизненного цикла: *кончина, агония, гибнуть, умирать*: «осень бледная, когда, изнемогая И томною рукой венки свой обрывая, Она *кончины ждет*» (Н. Карамзин 1800), «*Гибнет осень* от кровопотерь, Улица пустынна и безлиства» (И. Елагин 1939–1953), «*Агония* осени. Антагонизм Пехоты и морских дивизий» (Б. Пастернак 1926–1927).

Конечный период времен года образно характеризуют и слова с семантикой 'усталость, бессилие' и 'болезни, травмы', тоже относящиеся к категории «Физический план человека»: «Давно лежит зима в измявшихся подушках, старушка бедная *водянкою больна*» (С. Петров 1959), «Но в городе весна *больна туберкулезом* И, собственно, должна скончаться уж давно!» (Н. Агнiewicz 1915–1921), «*Утомленное* лето гибло в холодных порывах ветра» (К. Шахназаров 1986).

Яркие образы персонифицированных времен года рисуют метафоры семантического класса «Внешность»: ЗИМА — *согбенная, белоликая, седая, седина, черная, худая, широкоплечая*; ВЕСНА — *красивая, прелестная*³, *румяная, соблазнительная, прекрасная, нарядная, светлоокая, светлоглазая, синеокая, голубоглазая, синеглазая, нагая*; ЛЕТО — *нагое, синеглазое, красота, прелесть, смуглень*; ОСЕНЬ — *румяная, златовласая, бледная, нагая, обнаженная, смуглая, прекрасная, элегантная, седины*.

Наибольшим многообразием проявлений отличается семантический класс персонификаторов «Характер». Хотя всем временам года свойственны как негативные, так и позитивные черты, их распределение и частотность различны. В отношении негативных свойств характера лидирует ЗИМА: она *свирепая, жестокая, суровая, строгая, лютая, злая, гневная*: «Печально лицо земли во время зимы *свирепой*» (В. Нарезный 1809), «Злая зима в этом тысяча мертвом году зябкой Европе грозила татарским набегом» (С. Кекова 1980–1999). Однако зима может описываться и в позитивном ключе, хотя подобные характеристики встречаются значительно реже: *добрая, милый характер*: «Потом пришла зима, белая, *добрая* зима, остановившая гниение в могилах и прикрывшая всех нас, бедных мертвцов, пушистым, белым, как невинность, одеялом» (М. Арцыбашев 1905), «Зима в этом году упала симпатичная: пушистая, с *милым характером*, без гнилых оттепелей, без изуверских морозов» (А. Макаренко 1934). В описаниях ВЕСНЫ, наоборот, преобладают обозначения положительных черт характера: *кроткая, веселая, игривая, внимательная, щедрая, ласковая*: «Возвратится ли *веселая* весна, Пробудится ли природа ото сна» (Л. Мей 1845), «Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая — нагая, раздрывганная и *ласковая*, обещающая земле скорое тепло, солнце...» (В. Шукшин 1967), — но встречаются, хотя и гораздо реже, и обозначения негативных свойств: *неласковая, скупая, злая*: «Только б как-нибудь, разом, нелепо узнать, Что зима отмахала плащами седыми, Что пришла *безудержная злая* весна» (Г. Гранин 1932). ОСЕНЬ амбивалентна в отношении негативных/позитивных свойств характера, частотность которых в ее описаниях примерно одинакова: она и *суровая, злая, коварная, и приветливая, ласковая, кроткая, щедрая*.

Итак, анализ словарных статей позволяет всесторонне охарактеризовать персонифицированные образы времен года. Результаты показывают, что во многих случаях элементы указанных семантических классов образов связаны друг с другом сильной семантической связью, поэтому часто

³ Прилагательные эстетической оценки (*красивая, прелестная* и пр.), как и стертые глагольные метафоры, включаются в словарные статьи, т. к. в выбранных контекстах они участвуют в создании олицетворяющих образов, ср.: *Весна прелестная, дщерь пламенного Феба, Приди и возврати полсердца моего!* (А. Мерзляков 1805), *Травы, еще не проросшие, / поит весна ручьями. <...> Добрый день, путешественница, / молодая, красивая!* (Б. Окуджава 1955).

можно выделить смысловые инварианты, объединяющие их. Так, в словарной статье ЗИМА в классе «Обозначения людей» среди наименований по возрасту доминируют *старуха, старушка, старая дева*, в классе «Возраст» этот же смысл воплощается в образных обозначениях *старая, пожилая*. В словарной статье ОСЕНЬ обозначения лиц по профессии *художница, рисовальщик* соотносятся с обозначениями активных действий *рассыпать краски, покрасить, окрасить*.

Сравнивая наборы образных элементов в каждом семантическом классе, можно выделить разные типы оппозиций. Во-первых, эти наборы элементов могут быть непересекающимися. Например, в классе «Внешность» ЗИМА характеризуется лексемами *согбенная, побелеть, белоликая, седая, седина, черная, худая, широкоплечая*, а ВЕСНА получает совсем другие характеристики: *краса, красивая, румяная, прелестная, соблазнительная, прекрасная, нарядная, светлоокая, синеокая, голубоглазая, синеглазая*. Во-вторых, классы могут частично совпадать по составу и различаться по количеству и частоте употребления элементов. Так, среди элементов класса «Возраст», характеризующих ЗИМУ, есть как лексемы *старая, пожилая*, так и *молодая, младая, молоденькая*, а среди возрастных характеристик ВЕСНЫ нет слов, указывающих на старость, а слова *молодая, младая* гораздо более частотны. И наконец, некоторые классы образных обозначений характеризуют все или большинство времен года, с минимальными различиями. Это, например, группа слов, обозначающих власть в классе «Социальный план»: *царствовать, царить, властвовать, взойти на трон* и т. д., а также подкласс, связанный со смертью, в классе «Жизненный цикл»: *умирать, гибнуть, кончина* и пр.

Помимо целостных представлений о персонифицированных временах года, их сравнительных характеристиках, словарь позволяет проследить эволюцию семантических классов метафор и сравнений, их расширение со временем, появление новых элементов в рядах традиционных. Например, класс обозначений людей по профессии и роду занятий, характеризующих времена года, традиционно включавший обозначения, связанные с магией, колдовством (*чародейка, волшебница, колдунья*), с конца XIX в. значительно расширяется, пополняясь такими словами, как *учительница, пирожница, модистка, альпинист* (ЗИМА), *танцор, мастерица, рыбачка, сиделка, уборщица, повариха, скотница, гитаристка* (ВЕСНА), *художница, рисовальщик, музыкант, ключница, фальшивомонетчица, садовник, жнея, палач* (ОСЕНЬ). При этом обнаруживается тенденция к появлению во второй половине XX в. стилистически сниженных лексем в рядах образов (см. выше об обозначениях ВЕСНЫ).

Словарь также позволяет делать выводы относительно формально-синтаксической структуры компаративных тропов, в частности получить данные по количественному соотношению сравнений, субстантивных метафор, глагольных и адъективных. Так, материал по временам года демонстрирует явное преобладание глагольных метафор (около 800), далее сле-

дуют субстантивные метафоры, среди которых выделяются обозначения лиц, непосредственно уподобляющие время года человеку (около 120), и обозначения, в которых это уподобление происходит опосредованно: отглагольные, отадекативные метафоры, наименования частей тела человека, предметов, принадлежащих человеку (среди которых преобладают названия одежды), и некоторые другие (таких метафор в словаре около 200). Всего субстантивных метафор, характеризующих времена года, в словаре около 320. Наименее представленными оказались адекативные метафоры (около 200) и сравнительные конструкции (примерно 100).

Таким образом, предпринятое лексикографическое описание компаративных тропов со значением олицетворения в рассматриваемом выпуске словаря позволяет:

- получить персонифицированные образы описываемых предметов сравнения: выяснить, какими обозначениями лиц они репрезентируются, какие движения, физические состояния, свойственные человеку, характерны для каждого из них, как характеризуется их внешность, одежда, какие части тела им приписываются, какие им свойственны черты характера и эмоции;
- выявить общее и особенное в персонифицирующих характеристиках различных предметов сравнения,
- получить представление о количественном соотношении разных формальных типов конструкций и семантических классов олицетворяющих тропов, об их эволюции.

Источники и словари

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Петрова, Фатеева 2021 — З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021.

Шведова 1998–2007 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4 т. М., 1998–2007.

Литература

Афанасьев 1994 — А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 3. М.: Индрик, 1994.

Бурмакова 2017 — Е. А. Бурмакова. Текстовая актуализация базовой метафоры «Весна — это женщина» (на материале произведений В. М. Шукшина) // Вестник ТГПУ. 2017. Вып. 7 (184). С. 25–31.

Гин 2017 — Я. И. Гин. Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер. Электронное издание. Петрозаводск, 2017.

Горяинова 2013 — Н. В. Г о р я и н о в а. Антропоморфная метафора в языке поэзии Ф. И. Тютчева (когнитивный аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2013.

Душечкина 2010 — Е. В. Д у ш е ч к и н а. Антропоморфизация и персонификация времен года в окказиональной поэзии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 280–287.

Евсеева 2018 — О. А. Е в с е е в а. Ассоциативно-смысловое поле «Зима» в межтекстовом пространстве русской поэзии XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2018.

Закиров 2011 — А. И. З а к и р о в. Атрибутивная характеристика лексем, обозначающих времена года в русских народных приметах // Филология и культура. 2011. № 1 (23). С. 140–144.

Коковина, Жилина 2021 — Н. З. К о к о в и н а, М. А. Ж и л и н а. Антропоморфные образы времен года в поэтике Пимена Карпова // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел: МГПУ, 2021. С. 190–199.

Ладохина 2021 — О. Ф. Л а д о х и н а. Символика времени года в стихотворении А. Фиолетова «Апрель городской» // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел: МГПУ, 2021. С. 332–336.

Петрова, Фатеева 2019 — З. Ю. П е т р о в а, Н. А. Ф а т е е в а. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46.

Петрова, Фатеева 2024 — З. Ю. П е т р о в а, Н. А. Ф а т е е в а. Персонификация судьбы в метафорической картине мира русской литературы (по данным «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 1. С. 243–261.

Сунь Мэйцзы 2016 — С у н ь М э й ц з ы. Образы и мотивы времен года в русской и китайской классической поэзии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 175–178.

Усманова 2014 — Л. А. У с м а н о в а. Ассоциативно-образная интерпретация номинативов, обозначающих природное время в поэзии Серебряного века // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 5 (133). С. 148–155.

Хайрутдинова 2014 — Г. А. Х а й р у т д и н о в а. Семантика и образный потенциал лексемы зима (на материале поэзии XIX–XXI вв.) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 156. Кн. 5. 2014. С. 155–161.

Чернявская 2014 — Н. А. Ч е р н я в с к а я. Образная репрезентация концепта «осень» в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 205–208.

Чеснокова 2019 — Т. Г. Ч е с н о к о в а. Образные олицетворения зимы и весны в европейской и русской поэзии (от Алкуина до Ф. И. Тютчева) // Русистика и компаративистика. 2019. № 13. С. 42–63.

Шестеркина 2021 — Н. В. Ш е с т е р к и н а. Мифоконцепты «Времена года» в русских и немецких народных загадках // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел: МГПУ, 2021. С. 27–39.

Шохина 2017 — Е. В. Шохина. Семантика времен года в поэзии пушкинской поры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017.

Статья получена 20.12.2025

Zoya Yu. Petrova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
nafata@rambler.ru

**MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF METAPHORS AND SIMILES
OF THE 19TH – 21ST CENTURIES RUSSIAN LITERATURE
AS A SOURCE OF RESEARCH
INTO THE PERSONIFYING COMPARATIVE TROPES**

The paper presents a methodology for lexicographic description of personifying comparative tropes in the 6th issue of the “Materials for the dictionary of metaphors and similes of the 19th- through 21st-century Russian literature”. The material in the dictionary is arranged according to an ideographic semantic classification of vehicles and tenors of the described tropes; the chronological principle is also taken into account. This methodology allows us to show the repertoire of figurative imagery of Russian literature in its evolution. All of the aforesaid is illustrated by a fragment of the 6th issue of the dictionary, namely, the description of the semantic class of tenors of metaphors and similes “Seasons”. Semantic classes of vehicles characterizing WINTER, SPRING, SUMMER, AUTUMN are identified. Their figurative characteristics in synchrony and diachrony are compared, a tendency towards the appearance, starting from the second half of the 20th century, of stylistically low lexemes is revealed.

Keywords: metaphor, simile, personification, repertoire of figurative imagery of Russian literature, seasons.

References

- Afanas'ev, A. N. (1994). *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* (Vol. 3). Moscow: Indrik.
- Burmakova, E. A. (2017). Tekstovaia aktualizatsiia bazovoi metafory «Vesna — eto zhenshchina» (na materiale proizvedenii V. M. Shukshina). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7(184), 25–31.
- Cherniavskaia, N. A. (2014). Obraznaia reprezentatsiia kontsepta «osen» v poeticheskom tekste. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2(32), 205–208.
- Chesnokova, T. G. (2019). Obraznye olitsetvoreniiia zimy i vesny v evropeiskoi i russkoi poezii (ot Alkuina do F. I. Tiutcheva). *Rusistika i komparativistika*, 13, 42–63.

Dushechkina, E. V. (2010). Antropomorfizatsiia i personifikatsiia vremen goda v okkazonal'noi poezii XVIII veka. In P. Bukharkin, U. Ekuch, & N. Kochetkova (Eds.), *Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka* (pp. 280–287). St Petersburg: Izd-vo SPbGU.

Evseeva, O. A. (2018). *Assotsiativno-smyslovoe pole «Zima» v mezhtekstovom prostanstve russkoi poezii XX veka* (Doctoral dissertation summary). Tambov State University, Tambov.

Gin, Ya. I. (2017). *Poetika grammatiki*. Petrozavodsk: [s.n.].

Goriainova, N. V. (2013). *Antropomorfnaia metafora v iazyke poezii F. I. Tiutcheva (kognitivnyi aspekt)* (Doctoral dissertation summary). Briansk State University, Orel.

Khairutdinova, G. A. (2014). Semantika i obraznyi potentsial leksemy zima (na materiale poezii XIX–XXI vv.). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 5(156), 155–161.

Kokovina, N. Z., & Zhilina, M. A. (2021). Antropomorfnye obrazy vremen goda v poetike Pimena Karpova. In A. I. Smirnova (Ed.), *Semantika vremen goda v russkoi slovesnosti* (pp. 190–199). Moscow: Knigodel; MGPU.

Ladokhina, O. F. (2021). Simvolika vremeni goda v stikhotvorenii A. Fioletova «Aprel' gorodskoi». In A. I. Smirnova (Ed.), *Semantika vremen goda v russkoi slovesnosti* (pp. 332–336). Moscow: Knigodel; MGPU.

Petrova, Z. Yu., & Fateeva, N. A. (2019). Slovarnoe opisanie olitsetvoreniiia kak problema poeticheskoi leksikografii. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 1(18), 33–46.

Petrova, Z. Yu., & Fateeva, N. A. (2024). Personifikatsiia sud'by v metaforicheskoi kartine mira russkoi literatury (po dannym «Materialov k slovariu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.»). *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 1, 243–261.

Shesterkina, N. V. (2021). Mifokontsepty «Vremena goda» v russkikh i nemetskikh narodnykh zagadkakh. In A. I. Smirnova (Ed.), *Semantika vremen goda v russkoi slovesnosti* (pp. 27–39). Moscow: Knigodel; MGPU.

Shokhina, E. V. (2017). *Semantika vremen goda v poezii pushkinskoi pory* (Doctoral dissertation summary). Voronezh State University, Voronezh.

Sun', M. (2016). Obrazy i motivy vremen goda v russkoi i kitaiskoi klassicheskoi poezii. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 4, 175–178.

Usmanova, L. A. (2014). Assotsiativno-obraznaia interpretatsiia nominativov, oboznachaiushchikh prirodnoe vremia v poezii Serebrianogo veka. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(133), 148–155.

Zakirov, A. I. (2011). Atributivnaia kharakteristika leksem, oboznachaiushchikh vremena goda v russkikh narodnykh primetakh. *Filologiya i kul'tura*, 1(23), 140–144.

Received on December 20, 2024

Ж. Ж. ВАРБОТ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
zhannavarbot@yandex.ru

МЕТЛА И МЕСТИ (СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ)

Русск. *метла*, как и продолжения праслав. **metъla* в других славянских языках, обозначает не только орудие для подметания, но и различные растения с разветвленными стеблями. В статье лексическими материалами обосновывается гипотеза о первичности для **metъla* значения ‘связка, пучок’ и наличия соответствующего значения ‘связывать’ у производящего глагола **mesti*. Возможно, оно появилось на базе первичного ‘бросать’ в результате вхождения глагола в сферу терминологии прядения.

Ключевые слова: семантика, отглагольное словообразование, этимологическое гнездо, терминология прядения.

Семантические и генетические отношения слов *метла* и *мести* представляются однозначно определенными: *метла* образована от *мести*, потому что ею метут. Таково мнение и всех этимологических словарей. Слово *метла* имеет точные соответствия по форме и значению в большинстве славянских языков: укр. *метла*, *мітла*, блр. *мятла*, болг. *метла*, макед. *метла*, сербохорв. *мѐтла*, словен. *métla*, чеш. и слвц. *metla*, полаб. *metlã*, польск. и словин. *miotła*. Поэтому праформа **metъla* реконструируется как составляющая праславянского лексического фонда, входящая в этимологическое гнездо глагола **mesti* [ЭССЯ, 18: 123–127].

Помимо орудия для подметания, во многих славянских языках соответствующие слова обозначают также различные растения, часто злаковые и кустарники, особенно с ветвящимися стеблями: полынь, чернوبольник — *Artemisia*, береза — *Betula alba*, сухоцвет — *Xeranthemum annuum*, василек — *Centaurea cyanus*, марь — *Chenopodium album* и под. [Там же]. Соотношение обозначения метлы и названий растений обычно молчаливо толкуется как метафорический перенос названия в направлении с метлы на растение. При этом, однако, как-то опускается основание для метафоры: очевидно, это отнюдь не функция метлы, а ее структура — связка прутьев, стеблей, веток, т. к. именно ветвистость растения, часто и используемого для изготовления веников-метел, может обосновывать перенос названия. Но в таком случае, является ли семантика орудия первичной для слова **metъla*

или историческая последовательность обратная: от ‘растение с ветвящимся стеблем = связка веток, прутьев’ → ‘орудие для подметания’? И если ‘метла’ ← ‘связка’, то возможна ли производность **metъla* от **mesti*?

Лексический материал славянских языков обосновывает реконструкцию для праславянского глагола **mesti, meto* двух значений: ‘бросать’ и ‘мести, подметать, чистить’, так что многие исследователи предполагали разные глаголы (см. о подобных сомнениях [Vaillant, III: 150]), несмотря на естественность связи двух соответствующих действий — броска и удаления. Значение ‘бросать’ объединяет праславянский глагол на индоевропейском уровне с балтийскими глаголами: лит. *mèsti, metù* и лтш. *mest, metu* ‘бросать’ при др.-прус. *metis* ‘бросок’ [Pokorný: 903]. Представляется, что и сомнения в родстве слав. **mesti* ‘бросать’ и лат. *meto, metere* ‘косить, жать’ [Verneker, II: 41; Vaillant, III: 150] могут быть преодолены при рассмотрении косьбы как удаления. Семантика подметания рассматривалась также в связи с семантикой беспорядочного движения (русс. *снег метем*), так что как исходное для **mesti* было реконструировано значение ‘крутить’ [Verneker, II: 41]. Эта реконструкция аргументируется также производными от **mesti* глаголом **motati* и существительным **motъ(kъ)*. Очевидна близость семантики кручения и вязания, связывания, и русская лексика представляет производные от **mesti*, обозначающие связки: см. ст.-русс. *меть* ‘связка копченой рыбы’ (пск., моск.) [СлРЯ XI–XVII, 9: 129], *мотокъ* ‘моток, связка’: «100 *мотков* вязиги осетровой» (Там. кн. I, 42. 1634 г. [Там же: 278]), русск. диал. брян., курск. *мот* ‘петля’, курск. *мот* ‘силлок’ [СРНГ, 18: 295].

Для более полного представления о семантической сфере праслав. **mesti* необходимо учесть его место в славянской ремесленной терминологии. К производным от **mesti* относятся **motovidlo*, название одного из орудий прядения, глагол **motati* ‘сматывать, наматывать нитки’ и их непосредственное производящее **motъ*. Последнее является закономерным производным от **mesti*, что дает дополнительный аргумент в пользу реконструкции для **mesti* значения ‘крутить’ (см. выше). Основным генетическим источником славянской терминологии прядения было этимологическое гнездо **presti, *predo*, но, очевидно, привлечено и гнездо **mesti*.

Исследуя формирование славянской терминологии гончарного ремесла, О. Н. Трубачев обнаружил семантическую универсалию — отражение последовательности этапов керамического производства в генетической связи соответствующих терминов, а именно: «термины ‘рвать, рубить, резать, ломать’ > термины плетения > термины гончарного дела, глиняная посуда» [Трубачев 1966: 250]. Можно думать, подобным образом и глаголы праславянского этимологического гнезда **mesti, *metati, *motati* были использованы в обозначении последовательных этапов комплексного процесса прядения, а именно: выделение = вырывание волокна из кудели (**mesti* ‘бросать’) → ссучивание нити = вязание (отсюда **metati* — русск. диал. терск., кубан. *метать* ‘вязать’ [СРНГ, 18: 135] > **motъ* — перм., иркут.

мот ‘пряжа, нитки’ [Там же: 295]) → сматывание нитей в моток на мотовиле (*motati*). Очевидна вторичность семантики вязания для **mesti* по отношению к семантике бросания.

Вне сферы прядения семантика вязания для **mesti* подтверждается уже цитированными выше ст.-русск. *меть* ‘связка копченой рыбы’ (пск., моск.) [СлРЯ XI–XVII, 9: 129], *мотокъ* ‘моток, связка’: «100 *мотков* вязиги осетровой» (Там. кн. I, 42. 1634 г. [Там же: 278]), русск. диал. брян., курск. *мот* ‘петля’, курск. ‘силлок’ [СРНГ, 18: 295]. Лексический материал свидетельствует также о первичности для производного **metъla* значения ‘связка’ = ‘пучок (веток, розог), разветвленный стебель, растение с таким стеблем’: см. сербохорв. *мѣтла* диал. ‘сноп’, польск. *miotła* ‘пук, бич, розги для битья’ [ЭССЯ, 18: 124–125]. Обиходное использование связки прутьев обусловило последующее появление значения **metъla* ‘орудие для подметания’ и соответствующее представление о мотивационной основе слова **metъla* — от ‘мести, подметать’. Тождественное толкование происхождения этого слова в этимологической литературе является одним из случаев ошибочного следования научной этимологии по следам народной этимологии, о реальности которого писал В. Н. Топоров [1986: 206].

С л о в а р и

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. Вып. 1–30–. М., 1975–2022–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов, С. А. Мызников. Вып. 1–52–. М.; Л./СПб., 1965–2021–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

Berneker — E. B e r n e k e r. Slawisches etymologisches Wörterbuch. В. II. Heidelberg, 1924.

Pokorny — J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959.

Л и т е р а т у р а

Топоров 1986 — В. Н. Т о п о р о в. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986. С. 205–211.

Трубачев 1966 — О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966.

Vaillant — A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves. Т. III. Paris, 1966.

Статья получена 02.05.2025

Zhanna Zh. Varbot

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
zhannavarbot@yandex.ru

МЕТЛА AND МЕСТИ
(SEMANTICS AND ETYMOLOGY)

The Russian noun *metla* alongside the continuations of Proto-Slavic **metъla* in other Slavic languages denotes not only ‘a tool for sweeping’, but also various plants, especially such as have multiple branches or branchy stems. The article presents lexical evidence to substantiate the hypothesis that the original meaning of **metъla* was ‘bundle, bunch’, and that the corresponding verb **mesti* could mean ‘to tie, bind’. The latter meaning could have arisen on the basis of the primary meaning ‘to throw’ as the result of the verb’s entry into the sphere of spinning terminology.

Keywords: semantics, deverbative derivation, etymological family, spinning terminology.

References

- Toporov, V. N. (1986). O nekotorykh teoreticheskikh aspektakh etimologii. In V. N. Toporov, & O. N. Trubachev (Eds.), *Etimologiya. 1984* (pp. 205–211). Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N. (1966). *Remeslennaya terminologiya v slavianskikh iazykakh*. Moscow: Nauka.
- Vaillant, A. (1966). *Grammaire comparée des langues slaves* (T. 3). Paris: Éditions Klincksieck.

Received on May 2, 2025

М. Н. ШЕВЕЛЁВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В СФЕРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Статья посвящена проблеме диалектных различий в сфере посессивных конструкций в восточнославянском ареале древнерусской эпохи: исследованы с точки зрения представленности, семантики и типов употребления конструкции с глаголом *имѣти* и с глаголом *быти* с посессивным показателем *оу* + Р.п. или беспредложным Д.п. по данным древнерусских не книжных текстов (прежде всего, берестяных грамот) и ранних летописей разной диалектной принадлежности. Показано, что основной предикативной посессивной конструкцией во всем восточнославянском ареале – как северной, так и южной его части — с древнейших времен была конструкция с глаголом *быти* и *оу* + Р. п. в значении посессора, диалектных различий в употреблении этой конструкции между диалектами севера и юга Древней Руси не обнаруживается. Посессивная конструкция с глаголом *имѣти* на всей древнерусской территории была специфически книжной, восходящей к южнославянской традиции, однако употребление *имѣти* в составе перифраз с абстрактными существительными и именами родства, можно полагать, представляет независимый от церковнославянского влияния праславянский архаизм, отражающий исконную семантику этого глагола как глагола состояния; для древненовгородского диалекта *имѣти* был еще менее характерен, чем для других древнерусских. Архаичное посессивное употребление Д.п. в составе именных и предикативных конструкций было известно на всей древнерусской территории, но регулярно оно представлено только у энклитических местоимений 1-2 лица, в южнодревнерусской зоне — возможно, также у местоимения 3 лица. Принципиальных диалектных различий, противопоставлявших в сфере грамматического выражения посессивных отношений разные древнерусские ареалы, не обнаруживается – различия были связаны прежде всего с более или менее устойчивым сохранением архаизмов.

Ключевые слова: посессивные конструкции, диалектные различия, глагол *имѣти*, *у* + родительный падеж, дательный принадлежности.

Вопрос о глаголе *имѣти* и его месте среди древнерусских предикативных посессивных конструкций уже обсуждался в работах [Шевелева 2019; 2024], однако некоторые новые данные, позволяющие дополнить или уточнить представленные в этих публикациях факты, побуждают обратиться к проблеме выражения посессивности в древнерусском языке снова. Настоящая статья посвящена не только глаголу *имѣти* и статусу *быти-*

и *имѣти*-конструкций обладания в древнерусском языке по данным не-книжных текстов, но и способам выражения посессора с помощью Р. п. или Д. п. и проблеме посессивного дательного в древнерусском языке, традиционно считающегося маркированно книжным церковнославянизмом. Весь этот комплекс проблем непосредственно связан с вопросом о диалектных различиях в сфере выражения посессивности внутри восточно-славянской диалектной зоны древнерусской эпохи. Постановка такого вопроса тем более актуальна, что в работах по ареальной типологии последних лет выдвигается гипотеза о принадлежности посессивной конструкции с глаголом *быти* и *у* + Р. п. в значении посессора в качестве основной (что отличает русский язык от остальных славянских языков, даже близкородственных) изначально только северодревнерусской диалектной зоне, где эта исконная праславянская модель получила поддержку со стороны финно-угорских и других языков, входящих в ареал Северной Евразии, и стала одной из характерных для этого обширного ареала черт (см. [Yurayong 2019], там же обзор литературы)¹. Вопрос состоит в том, как соотносятся данные древненовгородских берестяных грамот, на которых базируется названная гипотеза, с материалом южнодревнерусских и других «несеверных» источников — как в отношении представленности *быти*- и *имѣти*-конструкций обладания, так и в отношении дательного падежа принадлежности в глагольных и именных конструкциях, до сих пор сохраняющегося в некоторых русских говорах разной локализации ([Кузьмина 1993: 44–45] и др., см. ниже).

1. *Имѣти*- vs. *быти*-конструкции обладания в древнерусских текстах

Как сейчас уже очевидно, посессивные конструкции с глаголом *имѣти* были для древнерусских текстов принадлежностью преимущественно книжной традиции. В не-книжных текстах они практически отсутствуют: случаи употребления *имѣти* единичны, причем большинство из них — не в значении ‘обладать’, а в сочетании с абстрактными именами или терминами родства.

В известных на сегодняшний день берестяных грамотах это шесть примеров. Из представленных в [Шевелева 2019: 38–39; 2024: 333–334] пяти примеров один — из грамоты № 1014, прежде приводившийся как не вполне надежный (причем единственный из грамоты, не содержащей черт книжности!) — получил новое прочтение с иным членением на слова, снимающим предположение о наличии в тексте глагола *имѣти* (см. [Гиппиус, Сичинава 2021: 229]). К имеющимся известным четырем примерам из грамот — № 752, любовного письма образованной молодой женщины (два примера):

¹ Я признательна А. А. Гиппиусу за указание на эту работу.

- (1) *цѣтъ до мьнь зѣла имееши* ‘Что за зло ты против меня имеешь...’ (№ 752, XII в.);
 (2) *а азъ та есмѣла* (вместо *есмь имѣла*) *акы братъ собѣ* ‘А я к тебе относилась как к брату’ (Там же) [Зализняк 2004: 249–254];

содержащего церковнославянизмы монашеского письма — грамоты № 503:

- (3) *...л[ъ] века ж в[а]сѣ а нына не [и](м)[амь въ]лости лише въсѣ* (вместо *васѣ* — описка) <...> ‘[Я провел (?) пол]жизни у вас и ныне не имею [никакого] достояния, кроме вас <...>’ (№ 503, XII в.) [Там же: 295], причем *имѣти* здесь выступает в специфически книжной нетематической форме презенса;

и маленького фрагмента № 886:

- (4) *али ма имѣ[т]*... (№ 886, перв. треть XII в.) [Там же: 275] —

прибавились еще два примера в найденной в 2024 г. грамоте № 1229 кон. XI — нач. XII в. (см. подробнее [Гиппиус 2025: 33–35]):

- (5) *Ѧ НЕ ЕМЬЛЬ ОУТѢХЕ РАЗВЪ ТЪБЕ²*;
 (6) *КОЛКОУ ТИ Ѧ БЕДОУ ЕМЕ[Ѧ]*.

Эта грамота представляет собой длинное письмо обиженной женщины — вдовы, матери маленьких детей, — адресованное переставшему общаться с ней человеку (другу семьи? родственнику? возлюбленному?). Аналогия с грамотой № 752 несомненна как в содержании, так и в форме этого текста: автор также явно знакома с литературной традицией, в ее письме церковнославянские формы и риторические обороты сосуществуют с новгородскими диалектизмами [Там же: 34–37]. Именно в таком письме образованной жительницы Новгорода появляется (и опять, как и в грамоте № 752, дважды!) глагол *имѣти*.

При этом появляется глагол *имѣти*, так же как и в грамоте № 752, не в собственно посессивном значении ‘владеть, обладать’, а в сочетании с абстрактными существительными: *оутѣхоу имѣти*, *бѣдоу имѣти*. В связи с этим позволю себе напомнить принципиально важное для понимания ситуации с глаголом *имѣти* в древнерусском языке обстоятельство, выявляемое в сопоставлении данных берестяных грамот с данными древнерусских летописей, а данных летописей — с материалами стандартных церковнославянских и старославянских текстов.

В берестяных грамотах, как мы видим, *имѣти* употребляется в сочетаниях-перифразах с абстрактными существительными (примеры (1), (5) и (6) из грамот № 752 и 1129) и с терминами родства — в формулах указания родственных/социальных отношений типа *имѣти братѣмь (отѣцемь) / акы братъ собѣ / въ отѣца мѣсто* и под. (пример (2) из грамоты № 752

² Написание с начальным *e-*, видимо, отражает фонетическое изменение начального *и* (**ъ*)- > *j-*, прочие замены принадлежат смешениям бытовой графики.

и, вероятно, пример (4) из фрагмента № 886)³, только в одном специфически книжном примере (3) из грамоты № 503 *имѣти* имеет собственно значение обладания. В ранних древнерусских летописях превалирует именно такое употребление глагола *имѣти*: в перифразах с абстрактными именами и с терминами родства, тогда как случаи использования *имѣти* в собственно посессивном значении ‘habere’ значительно более редки.

Соответствующие примеры из южнодревнерусских летописей — Повести временных лет (ПВЛ) и Киевской летописи XII в. (КЛ) — уже приводились в работах [Шевелева 2019: 34–37; 2024: 338–340]. Напомним некоторые наиболее типичные.

Употребление в составе перифрастических сочетаний с абстрактными именами, преобладающее в летописях:

- (7) на Дѣда пришесть есмь. а с вама хочю **имѣти миръ и любовь** (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 90 об. = Ипат., л. 92 об.);
- (8) И начаста **гнѣвъ имѣти** на Олга како не шедю юму с нима на поганька (ПВЛ, 1095 г., Лавр., л. 76) — ср. в Ипат. синонимичный перифразе с *имѣти* глагол состояния: *И начаста гнѣватиса на Олга како не шедю ему на поганька с нима* (1095 г., Ипат., л. 84);
- (9) И рѣша емоу моужи его безлѣпа ѿ немь **печаль имѣши** (КЛ, 1147 г., 130а) и др.

Употребление в формулах указания значимых родственных/социальных отношений:

- (10) **имѣти тѣ** хочю во **ѡца** мѣсто (ПВЛ, 980 г., Лавр., л. 24);
- (11) И тако цѣловаста хрѣтъ оу стою мѣнку на гробѣ на томѣ Издаславу **имѣти ѡцемь** Вѣчеслава. а Вѣчеславу **имѣти сѣмь** Издаслава (КЛ, 1150 г., 1456);
- (12) Мы тѣ до сихъ мѣстѣ **акы ѡца имѣли** по любви (КЛ, 1174 г., 2036) и др.

Употребление *имѣти* в собственно посессивном значении ‘habere’, наиболее редкое для древнерусских летописей:

- (13) Что можете створити на^н. **имѣемь** бо кормлю ѡ землѣ (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44 об. = Ипат., л. 48) ‘мы имеем пищу из земли’ — рассказ о белгородском киселе;
- (14) И рѣша юму мужи смыслени. не кушаиса противу имѣ. **яко мало имаши** вои. он же рѣ^н **имѣю** отрокѣ свой^н. ѡ. иже могутъ // противу имѣ стати (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об.–73 = Ипат., л. 80 об.);

³ Словари выделяют такие контексты в особое значение ‘считать кого-л. кем-л., признавать в качестве кого-л.’ [СДРЯ XI–XIV, IV: 152], ‘считать, признавать за кого-л.’ [СРЯ XI–XVII, 6: 229] — в действительности это вполне устойчивые формулы указания на значимые родственные или социальные отношения.

- (15) *Дюрди же не имѣше нибѣкуль помочи. а дружина его блшесть оно избита оно изоимана* (КЛ, 1151 г., л. 160а) и некоторые другие.

Обнаруживающееся в древнерусских летописях существенное преобладание случаев употребления *имѣти* в составе перифраз с абстрактными существительными, обозначающих состояние/свойство субъекта, над числом его употреблений в собственно посессивном значении решительно отличает ранние русские летописи от старославянских текстов — это обстоятельство принципиально важно для характеристики статуса глагола *имѣти* и посессивных *have*-конструкций в восточнославянских диалектах древнерусской эпохи. В ранних южнорусских летописях это соотношение оказывается в пользу перифрастических оборотов с именами более чем в два раза в ПВЛ (14 : 33) и более чем в четыре раза (!) в менее книжной КЛ (10 : 43) — см. подробнее [Шевелёва 2024: 343]. Заметим, что в северо-восточной Суздальской летописи (СЛ) соотношение этих значений оказывается сходным с южнорусскими ПВЛ и КЛ (СЛ — 9 : 19), причем более близким к ПВЛ — очевидно, в силу большей книжности СЛ сравнительно с КЛ.

Таким образом, доля собственно посессивных употреблений *имѣти* напрямую зависит от степени книжности летописного текста.

При этом в старославянских текстах соотношение данных значений глагола *имѣти* прямо противоположно наблюдаемому в древнерусских летописях: в старославянском переводе Евангелия (причем по всем четырем евангелистам) значение ‘*habere*’ значительно преобладает над описательными перифразами с абстрактными именами (по данным Мар. Ев., почти в два раза в Ев. от Иоанна и почти в 10 раз в Ев. от Матфея!) [Шевелёва 2024: 343]. Важно отметить, что сходное соотношение значений глагола *имѣти* наблюдается и в старейших оригинальных южнославянских текстах, близких по времени создания и диалектной основе к основному корпусу старославянских переводов, — в житиях солунских братьев — Житии Константина Философа (ЖК) и Житии Мефодия Моравского (ЖМ), где значение ‘*habere*’ преобладает примерно в три раза над употреблением в составе перифраз с абстрактными именами (ср. данные по старейшим славянским спискам паннонских житий: ЖК — 17 (+ 5 в цитатах) : 6, ЖМ — 3 : 1) [Там же: 346–347]⁴.

Употребление же в формулах родственных/социальных отношений, тоже довольно частотное в древнерусских летописях (в КЛ, например, оно хоть и уступает перифразам с абстрактными существительными, но почти вдвое превышает число употреблений *имѣти* в значении ‘*habere*’ [Шевелёва 2024: 340]), в старославянских памятниках фиксируется лишь единичными примерами, в евангельском тексте — фактически только в сочетании *имѣти ѣко пророка* (Мт. XIV: 5, XXI: 46; Мк. XI: 32) [Там же: 345].

⁴ Подробно данные старославянских текстов в сопоставлении с материалом раннедревнерусских летописей и соответствующие примеры приведены в работе [Шевелёва 2024: 343–349] — ограничимся здесь только констатацией основных результатов.

Как мы видим, отличия в характере использования *имѣти* в древнерусских летописях от такового в старославянских текстах несомненны. Обнаружившаяся в летописях зависимость числа собственно посессивных употреблений от степени книжности текста полностью этим различиям соответствует: в старославянском языке *имѣти* — это прежде всего глагол основной посессивной ‘have’-конструкции, для древнерусского языка ранних летописей это не так — собственно посессивное значение ‘habere’ связано у глагола *имѣти* в первую очередь с книжной церковнославянской традицией, восходящей к старославянскому употреблению, тогда как использование его в составе описательных перифраз с абстрактными существительными относится за счет старославянской традиции нет оснований⁵.

На последнее обстоятельство надо специально обратить внимание. Старославянский был, несомненно, *иметь*-языком, причем отнюдь не только в силу следования греческому оригиналу: это подтверждается и данными оригинальных ранних южнославянских текстов (см. выше о материалах ЖК и ЖМ), и последующей судьбой *иметь*-конструкции в южнославянских диалектах. Появление *иметь*-конструкции обладания в восточнославянских памятниках — в собственно церковнославянских и в гибридном языке летописей — есть все основания связывать с книжной традицией, отражающей южнославянское употребление (уже, можно полагать, времени первых переводов). С утверждением А. В. Исаченко о том, что старославянский язык в использовании глагола *имѣти* всегда только калькирует греческий оригинал [Isachenko 1974: 50], вряд ли можно согласиться и в силу обсуждавшихся выше данных непереводных текстов и южнославянских диалектов, и в силу того, что полного совпадения между старославянским переводом и греческим оригиналом нет, особенно в отношении некоторых перифраз (прежде всего с существительным **вѣбра**, см. [Шевелева 2024: 346,

⁵ Высказанный в работе Дж. Дингли вывод о наличии в древнерусском языке посессивных *имѣти*-конструкций на основании употребления глагола *имѣти* в Повести временных лет, в том числе в её оригинальных «vernacular sections» [Dingley 1995: 84–85], на который ссылаются многие последующие исследователи (например, [Гиро-Вебер, Микаэлян 2004; Yurayong 2019]) — в последней работе этот тезис принят как основополагающий для заключения о принадлежности южнодревнерусских диалектов к типу *иметь*-языков и, соответственно, о принципиальном диалектном различии по данному параметру между северной и южной частями древневосточнославянского ареала [Yurayong 2019: 217–218 и др.]), в действительности нуждается в существенной корректировке. Во-первых, летописный текст в силу своей гибридной природы может содержать специфически книжные черты отнюдь не только в библейских цитатах и риторических церковнославянских пассажах — жесткое разделение его на «Church Slavonic sections» и «vernacular sections» по сути своей невозможно (см. об этом в связи с обсуждаемой проблемой [Шевелева 2019: 33]); во-вторых, в работе Дж. Дингли не делается различий между употреблением *имѣти* в собственно посессивном значении ‘habere’ и в составе перифраз с абстрактными существительными, а именно это представляется принципиально важным.

354–357], ср. также [Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 165], см. также критику утверждения А. В. Исаченко об исключительно калькированном характере *имѣти* в старославянском в [Dingley 1995: 80]). Однако в том, что праславянский исконно принадлежал к типу *быть*-языков, а древнерусский язык таким и оставался, с А. В. Исаченко можно полностью согласиться (см. [Isačenko 1974]).

Различия в употребительности глагола *имѣти* в собственно посессивном значении и в перифразах с абстрактными именами между старославянскими и ранними древнерусскими (причем южнодревнерусскими!) летописями в высшей степени показательны. Мне уже приходилось в связи с этим отсылать к замечательной идее Э. Бенвениста о вторичности значения ‘обладать, *habere*’ как типологической закономерности, прослеживающейся в том числе и в и.-е. языках: более древним было выражение обладания с помощью *быти*-конструкций в сочетании с падежными группами имени обладателя, «развитие идет от типа “*mihi est*” к “*habeo*”, но не наоборот» [Бенвенист 1952/2002: 212]; сами же глаголы типа «иметь», возникшие уже в отдельных группах и.-е. языков, исконно были глаголами *состояния* и первоначально употреблялись в перифрастических оборотах с абстрактными существительными, передающих *состояние субъекта*: «испытывать голод, холод, желание, ... жар», страх и т. д. — значение ‘*habeo*’ по отношению к этому первичному значению состояния у и.-е. глаголов типа «иметь» вторично [Там же: 213–214]. Данные древнерусских текстов в сопоставлении со старославянскими подтверждают на славянском материале гипотезу Э. Бенвениста о большей архаичности перифрастического употребления глагола *имѣти* сравнительно с его собственно посессивным значением: преобладание употребления в описательных оборотах с абстрактными именами в ранних древнерусских летописях, причем с различиями в конкретном составе таких перифраз между древнерусскими и старославянскими текстами, указывающими на отсутствие в их использовании прямой зависимости от старославянской традиции, — все это говорит о том, что употребление *имѣти* в перифрастических сочетаниях с именами восходит к праславянской эпохе и отражает древнейшую семантику рассматриваемого глагола как глагола состояния (см. подробно в специально посвященной этой проблеме работе [Шевелёва 2024: 350–352 и др.]). Показательно, что данные древнерусских летописей коррелируют и с древнегерманскими данными, где в эпических текстах глагол типа «иметь» (др.-исл. *hafa*) употребителен в сочетаниях с абстрактными существительными, а собственно посессивное значение выражается преимущественно конструкцией с бытийным глаголом (др.-исл. *vera + dativus possessivus*) [Смирницкая 1970; Циммерлинг 2002: 643–649]⁶.

⁶ Благодарю А. В. Циммерлинга за высказанные в связи с моим докладом на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (июнь 2024 г.) соображения и указание на эти работы.

По всей видимости, употребление *имѣти* в описательных оборотах с абстрактными существительными было известно и древнерусскому языку — это был праславянский архаизм (а не книжная калька с греческого, вопреки [Isačenko 1974: 50]). Вспомним, что именно такого рода примеры обнаруживаются и среди редких случаев употребления глагола *имѣти* в новгородских берестяных грамотах (см. выше примеры (1), (5), (6)). В старославянском же это известное, но не преобладающее значение глагола *имѣти* — в старославянском стало доминирующим значение ‘habeo’, в южнославянских диалектах эпохи первых письменных памятников *имѣти*-конструкция обладания уже, судя по всему, получает распространение: движение ее в славянском ареале, можно полагать, шло в направлении с запада на восток. В эпоху ранних славянских памятников в славянском мире, очевидно, уже существовали диалектные различия в отношении предикативных конструкций выражения обладания.

Надо сказать, что и употребление в составе формул родственных и социальных отношений типа «иметь в качестве кого-л.» (см. выше примеры (2), (10)–(12)), видимо, было достаточно древним, скорее всего, праславянским, хотя этот вопрос еще требует отдельного исследования. Такие конструкции вполне частотны в древнерусских летописях, известны и в берестяных грамотах при отсутствии их в основном корпусе старославянских текстов — древнерусский язык их, скорее всего, тоже знал.

Итак, характер употребления глагола *имѣти* в ранних южнодревнерусских летописях в сравнении с данными старославянских текстов не позволяет отнести древнерусские диалекты южной части восточнославянского ареала к типу *иметь*-языков — в отличие от старославянского языка, отражающего диалектную систему болгаро-македонских диалектов той же эпохи. Глагол *имѣти* в диалектной системе Южной Руси, очевидно, преобладает в архаичном употреблении — в описательных оборотах с абстрактными именами и в формулах родственных/значимых социальных отношений, а не в посессивном значении ‘habeo’.

Важно отметить, что в южнорусских летописях хорошо известна и *быти*-конструкция обладания, что подтверждает высказанное предположение о принадлежности древнерусских диалектов юга Руси к типу *быть*-языков. В ПВЛ *быти*-конструкция с *оу* + Р. п. в значении посессора не уступает по частотности *имѣти* в посессивном значении, а в КЛ, летописном тексте менее книжном, его частотность более чем в два раза превосходит (см. подробнее [Шевелева 2019: 41; 2024: 337–338]). Ср. некоторые характерные примеры:

- (16) *Се дружина оу тебе отъна и вои. поиди сади Киевъ на столъ отни* (ПВЛ, 1015 г., Лавр., л. 45 об. = Ипат., л. 49 об.);
- (17) *Нынѣ оу васъ нѣ меду ни скоры* (ПВЛ, 946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат.: *нынѣ оу ва нѣту* меду ни скоры, л. 23 об.);
- (18) *кнѣже сила его велика а оу тебе мало дружины* (КЛ, 1150 г., л. 145 об.) и др.

Подробнее вопрос об этой конструкции с Р. п. посессора в древнерусских источниках, в том числе в новгородских берестяных грамотах, будет специально обсуждаться ниже — сейчас нам важно подчеркнуть, что показания летописей Южной Руси свидетельствуют о принадлежности древнерусского языка этой диалектной зоны к *быть*-типу и о связи посессивной конструкции с глаголом *имѣти* с книжной традицией, восходящей к старославянской. С реальным употреблением архаичного происхождения было связано, по всей видимости, использование глагола *имѣти* в составе перифраз с абстрактными именами и в формулах родства.

Остается вопрос о том, существовали ли диалектные различия в сфере рассматриваемых предикативных посессивных конструкций внутри древневосточнославянского ареала — древнерусского языка раннего периода.

Напомню, что в отношении употребления глагола *имѣти* северо-восточная СЛ демонстрирует картину, сходную с южнодревнерусскими летописями (см. выше). Вряд ли это можно отнести только за счет связи владими́ро-суздальской летописной традиции с южнорусской, для СЛ действительно очень тесной. Обнаруживается глагол *имѣти* и в деловых грамотах северо-восточной Руси XIV–XV вв. — правда, исключительно в составе устойчивых формул указания родственных/социальных отношений, встречавшихся нам и в летописях и даже в берестяных грамотах (см. выше). В духовных и договорных грамотах северо-восточного происхождения такие контексты вполне употребительны: по данным дипломной работы А. А. Калининой, в изданных в [ДДГ] грамотах фиксируется полтора десятка контекстов типа *имѣти отъцем (братом, сыном себѣ) / въ отъца мѣсто*, ср., например:

- (19) *Имѣти ти мене себѣ братом старѣишим, а кн(а)за Володимера, брата моего, братом* (Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем, 1375 г.) [ДДГ, № 9: 26];
- (20) *И имѣти ему мене о(т)ц(о)мѣ, а с(ы)на моего, князя Василья, братомъ старѣишимъ, а князя Юрья братом, а дѣти мои меншиѣ братьею молодшею* (Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, 1389 г.) [ДДГ, № 11: 29];
- (21) *Имѣти ми брата своѣго старѣишего, князя великого Дмитрия, въ о(т)ца мѣсто* (Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, ок. 1367 г.) [ДДГ, № 5: 19] и др. (полностью материал представлен в работе-[Калинина 2023]).

Правда, в тех же грамотах в аналогичных формулах встречается и глагол *держати* в сходном значении [Там же] — складывается впечатление, что для делового языка северо-восточной Руси позднерусской и старорусской эпохи в таких формулах *имѣти* и *держати* вариативны, ср.:

- (22) *держати тобъ нас, з(осподи)не, собъ брат(ъ)ю молодшею. А нам, з(осподи)не, добе [так!] держати, великого кн(а)за, собъ братом старъ(и)и* (Докончание вел. кн. Василия Васильевича с князьями можайским Иваном Андреевичем и верейским и белозерским Михаилом Андреевичем, 1434 г.) [ДДГ, № 31: 81];
- (23) *держати во w(т)ца нашег(о) мѣсто <...> держати въ братствѣ и въ ч(е)сти, безъ wбиды* (Докончание вел. кн. Василия Дмитриевича с князьями можайскими Андреем Дмитриевичем и дмитровским Петром Дмитриевичем, около 1401–1402 гг.) [ДДГ, № 18: 51] и др. (примеры из работы [Калинина 2023]).

Круг употреблений *держати* в таких формулах социальных отношений несколько шире, чем *имѣти* (по наблюдениям А. А. Калининой, в некоторых контекстах эти глаголы получают определенное распределение⁷), однако в большинстве подобных устойчивых оборотов возможны оба глагола. Для деловых документов северо-восточной Руси *держати* и *имѣти* в «посессивных» формулах такого рода в равной мере допустимы.

Приведенные данные памятников делового языка северо-восточной Руси XIV–XV вв. указывают на то, что статус глагола *имѣти* здесь вряд ли принципиально отличался от реконструируемого по данным южнорусских летописей для диалектов юга Руси: глагол *имѣти*, несомненно, был известен этой диалектной системе, но не в собственно посессивном значении ‘habeo’, а в сочетаниях с именами — в силу жанровой специфики этих текстов, в формулах родственных и социальных отношений, употребительных также и в летописях южной и северо-восточной Руси.

Таким образом, предположение о противопоставлении по типу предикативных конструкций выражения обладания диалектов северной и южной частей древнерусской территории (ср. об этом выше [Yurayong 2019]) не подтверждается: северо-восточные источники не обнаруживают в этом отношении отличий от южнодревнерусских.

Иная картина предстает по данным древненовгородских памятников — летописей и пергаменных грамот. О новгородских берестяных грамотах мы уже говорили: на сегодня имеется шесть примеров глагола *имѣти* в четырех грамотах, большинство из которых — в грамотах с чертами литературности, при этом все, кроме одного (в насыщенном церковнославянскими монашеском письме), представляют употребление в описательных

⁷ Встречаются контексты типа: *Имѣти вам мене собъ w(т)цемъ. А мнѣ, великому князю, васъ держати в сыновствѣ и во ч(т)и, безъ wбиды* (Докончание вел. кн. Юрия Дмитриевича с князьями можайским Иваном Андреевичем и верейским и белозерским Михаилом Андреевичем, 1434 г.) [ДДГ, № 32: 82], где *имѣти* употреблен в известной нам формуле обозначения ближайших родственных связей *имѣти отцемъ*, а *держати* — с дополнительным семантическим компонентом владения и распоряжения (обращения с кем-л.), определяемом в [СДРЯ XI–XIV, III: 140] как ‘иметь в собственной власти, владеть’, — см. [Калинина 2023: 74–75].

оборотах с абстрактными существительными или с терминами родства, хорошо известных и в летописной традиции южной и северо-восточной Руси (см. выше). Однако обращает на себя внимание то, что в новгородской летописной традиции *имѣти* встречается значительно реже, чем в южнорусской и северо-восточной: в Новгородской 1 летописи старшего извода (НПЛст) фиксируются всего четыре примера глагола *имѣти* (в КЛ их в общей сложности более 70 (!), в ПВЛ тоже более полусотни, в СЛ — более 30 примеров). При этом два из примеров НПЛст восходят к неновгородским источникам, причем отличаются несомненной книжностью:

- (24) *и въсаженъ бысть въ бочку, **имуци 3 дни** при единѣмъ конци* (НПЛст, 1204 г., л. 65, вставная Повесть о взятии Царьграда);
 (25) *сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ, **имѣя поспешика Костянтина, брата своего*** (НПЛст, 1218 г., л. 88 об.–89, рассказ о заговоре рязанских князей, чтение совпадает с СЛ).

Оставшиеся два примера представляют сочетания с абстрактными существительными, при этом употреблены тоже в контекстах достаточно книжных и относительно поздних, ср.:

- (26) *И бяше градъ твердъ Юрьевъ въ 3 стѣны, и множество людии в немъ всякихъ, и бяху пристроили собѣ брань на градъ крѣпку, но честнаго креста сила и святой Софьи всегда низлагаетъ **неправду имѣющихъ**: тако и сии градъ, ни во чтоже твердость та бысть* (НПЛст, 1262 г., л. 139);
 (27) *Бяше бо мѣсто велми силно, твердо, на камени висоцѣ, **не имѣя пристуна ниоткуда же*** (НПЛст, 1311 г., л. 156 об.).

С другой стороны, по наблюдениям А. А. Калининой [2023], в НПЛст часто в сходных контекстах используется глагол *держати*⁸.

Возможно, столь малая употребительность глагола *имѣти* в НПЛ связана с меньшей книжностью новгородской летописной традиции сравнительно

⁸ *Держати* в ранних летописях — как южнодревнерусских (КЛ), так и северо-восточных (СЛ) и новгородских — в значительной степени пересекается в своем употреблении с глаголом *имѣти*, может выступать и в собственно посессивных контекстах, и в сочетаниях с абстрактными существительными, ср., например, в устойчивом сочетании *перевѣть держати (имѣти)* ‘находиться в тайных отношениях с противником’ [СДРЯ XI–XIV, VI: 450]: *Бяхоу бо **перевѣть держаче** с Нѣмци пльсковичи* (НПЛст, 1240 г., л. 127 об.); *и убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е **перевѣть дрѣжаще** к Святославу* (НПЛст, 1167 г., л. 34 об.) — *Гюрги же оубоявса Киянъ зане **имѣють перевѣть** ко Изаславу* (СЛ, 1150 г., л. 110). Специфика семантики *держати* в зоне пересечения с *имѣти* должна быть предметом специального исследования — сейчас нам важно отметить сам факт такого пересечения и некоторые обнаруживающиеся различия в употребительности *имѣти* сравнительно с *держати* между древнерусскими источниками разной диалектной принадлежности.

с южнодревнерусской и близкой к ней северо-восточной (что тоже небесспорно применительно к КЛ, особенно диалогической ее части), однако обратим внимание и на полное отсутствие *имѣти* также в пергаменных грамотах Великого Новгорода (по данным публикации [ГВНП]) — в отличие от деловых грамот северо-восточной Руси (см. выше). Если в северо-восточных грамотах *имѣти* распространен в формулах родственных/социальных отношений, где он варьируется с глаголом *держати* в сходных контекстах, то в деловых грамотах северо-западного происхождения (новгородского и псковского) примеров *имѣти* нет вовсе, *держати* же довольно широко используется, однако не в составе таких формул, которые здесь фактически отсутствуют⁹.

Отличие формуляра делового регистра, как и отличие новгородской летописной традиции от южнорусской и северо-восточной, несомненно, однако остается вопрос, связаны ли эти различия в употреблении конструкций с *имѣти* со спецификой северо-западной диалектной системы — во всяком случае, последнее не исключено. Вполне вероятно, что в древне-новгородском диалекте глагол *имѣти* еще более периферичен, чем на остальной части древнерусской территории. Если собственно посессивные конструкции с *имѣти* не были свойственны всем древнерусским диалектам, то на северо-западе, возможно, этот глагол малоупотребителен и в составе описательных оборотов с абстрактными существительными и в формулах с терминами родства. Не исключено, что и по этому признаку древне-новгородский диалект отличался от остальных древнерусских диалектов — вопрос еще нуждается в исследовании. Возможно, шире в посессивных конструкциях здесь представлена роль глагола *държати*, как можно предположить из общих типологических соображений, более древнего средства выражения посессивной семантики (см. об этом, например, [Isačenko 1974: 44, там же указание на литературу; Иванов Вяч. Вс. 1983: 50–51; Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 164] и др.) — и северо-западная система в таком случае более архаична. Однако эта проблема для отдельного исследования.

2. Древнерусские посессивные конструкции типа *оу мене (есть)*: некоторые дополнительные замечания

Основной предикативной конструкцией обладания во всех восточнославянских диалектах с древнейших времен была *быти*-конструкция с *оу* + Р. п.

⁹ *Държати* в новгородских пергаменных грамотах широко представлен в формулах владения-распоряжения (управления) типа: *Новъгородъ ти държати въ старинѣ, по пошлинѣ* (Договорная грамота Новгорода с вел. князем Ярославом Ярославичем, 1264 г.); *А въ Бежицахъ, княже, тебе, ни твоєи княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ приимати* (Там же), аналогичные контексты повторяются в более поздних договорных грамотах Новгорода (посессивные конструкции в новгородских деловых грамотах по [ГВНП] в сравнении с северо-восточными документами описаны в работе [Калинина 2023]).

в значении посессора. Как мы видели, эта конструкция не уступает или превосходит по частотности собственно посессивную конструкцию с *имѣти* даже в южнорусских летописях — достаточно книжной ПВЛ и в уже представляющей традицию гибридного церковнославянского КЛ (см. выше); сходная с ПВЛ картина отмечается в северо-восточной СЛ (примерно равное число употреблений сравнительно с собственно посессивным *имѣти*) и близкая к КЛ (преобладание почти в три раза) в северо-западной НПЛст. Диалектных различий между летописными традициями северной и южной Руси в относительной употребительности этой конструкции сравнительно с книжной *имѣти*-конструкцией обладания не обнаруживается, хотя в новгородской НПЛст преобладание *быти*-конструкции несколько более значительно¹⁰. В новгородских некнижных текстах доминирование *быти*-конструкции с Р. п. огромно.

Нет сомнений в том, что конструкция типа *оу мене (есть)* восходит к праславянской древности — она представлена фактически во всех славянских языках, кроме словенского (литературного), с возрастанием употребительности с запада на восток славянского ареала (см. данные [Молошная 1987; Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 159, 164–166]), ср. также приведенные выше общие аргументы Э. Бенвениста, А. В. Исаченко и др. о первичности этой конструкции относительно конструкции с *имѣти*. В период древнейших памятников в старославянском она уже уступает конструкции с *имѣти* (хотя нечастые примеры *быти*-конструкции с посессивным *оу* + Р. п. отмечены и в старославянских текстах — см. [Шевелёва 2024: 341–342]), однако в восточнославянских диалектах древнерусской эпохи сохраняется архаичное состояние.

Чрезвычайно высокая употребительность конструкции типа *оу мене (есть)* как основной посессивной конструкции живого древнерусского языка прекрасно прослеживается по материалам берестяных грамот. В имеющихся на сегодня грамотах, по подсчетам моей студентки М. К. Беляковой, таких примеров около 500, что почти в сто раз (!) превышает число прочих предикативных конструкций обладания в том же корпусе берестяных текстов. Конечно, столь высокая частотность этой конструкции обусловлена еще и спецификой прагматики берестяных грамот: именно так оформляются списки долгов, разнообразных выплат и повинностей — это самый распространенный в берестяных грамотах тип использования данной конструкции. Примеров множество и в ранних, и в поздних грамотах, приведем несколько типичных:

¹⁰ Надо иметь в виду, что общее количество посессивных конструкций в НПЛст существенно меньше, чем в КЛ (всего четыре примера глагола *имѣти*, из которых два в собственно посессивном значении, и девять примеров *быти*-конструкции с *оу* + Р. п. посессора, из которых один с абстрактным именем, — данные [Калинина 2023]), поэтому сравнивать здесь можно только соотношение числа употреблений обсуждаемых конструкций.

- (28) *оу Рьтъкъгъ : гри^ѣ : оу Хвалыса : гри^ѣ : оу Тъшадгъ / .ѣ̃* (№ 905, посл. четв. XI в. [Зализняк 2004: 248]);
- (29) *оу Мила гривена : оу Михала гривен(а) : оу Ильикъ д(в)овгъ гръвенгъ оу Коснилъ / довгъ : оу К[л]опоушигъ довгъ гръвенгъ : оу [Ар]ингъ гривена : оу Поутилъ гривена / (оу)-----гривена : ~ оу Снови-гъ гривена : ~оу Неговита поло (гривенгъ)* (Ст.Р. 19, перв. пол. XII в. [Там же: 336]);
- (30) *у попа на церменце .в. горошка масла. а у Нездыле у старосте поло деже пшенице. а у Кюриле гороху четвртина. у свт^о же Петра. а т[о] приказахо Нездыле же. а у Мануиле поло деже рожу ту же* (№ 220, сер. — третья четв. XIII в. [Там же: 487])¹¹;
- (31) *У Радошка пать деже рожу <...> у Пантелеа пать деже рожу. овса полотретеі дежи жита .в. дежи і зобница. семени зобница. пшеници зобница у Офоноса рожу дежа овса лонеского три дежи у Жихна поло шесты дежи рожу...* (№ 1109, перв. четв. XIV в.) [Гиппиус 2019: 57–58];

ср. целый документ:

- (32) *҃ Хотѣ[н]а сроцекѣ ‘У Хотуна сорочок’* (Торж. № 3, сер. 80-х — кон. 90-х гг. XII в. [Зализняк 2004: 456]).

Надо заметить, что в подобных долговых списках посессивность имеет специфический характер, поскольку это указание долга: предполагается, что названный посессивным показателем *оу* + Р. п. обладатель должен передать обладаемое другому лицу¹². Замечу также, что конструкции *оу* + Р. п. могут конкурировать в долговых списках с моделями *на* + М. п. (типа *на Боане въ Роусгъ гри^ѣна* № 526) и *за* + Т. п. (типа *за тобою 12 коунгъ* № 335), для которых, по-видимому, характерен семантический компонент временности владения (о *за* + Т. п. см. [Зализняк 2004: 163]), у конструкции *оу* + Р. п. отсутствующий, — эта модель из них наиболее нейтральна (см. об этом [Шевелева 2019: 42]). Несмотря на специфику семантики обладания в долговых реестрах, конструкция *оу* + Р. п. в них представляет собственно посессивное значение, хотя с точки зрения субъекта обладания она и оказывается более сложной (с подразумеваемым вторым актантом).

¹¹ Любопытно, что в грамоте встречается аорист (*приказахо*) — редкий случай книжных аористов в берестяных грамотах, при этом отмеченный еще одним примером в грамоте № 211 из того же блока [Зализняк 2004: 489]. Грамота № 220 связана с церковью святого Петра на озере Черменец, на берегу которого находился Петровский погост (упоминается в грамоте № 211) [Там же: 487–489], — авторы, несомненно, знакомы с книжным языком, однако посессивная конструкция здесь употребляется та же «живая», что и в прочих реестрах и списках.

¹² Как отметил анонимный рецензент, которому я признательна за это замечание, конструкции типа *оу Мала гривьна* могут включаться в один ряд с распоряжениями типа *Возьми у Мала гривьну*.

В берестяных грамотах эта конструкция встречается и вне долговых списков и подобных реестров — естественно, реже, но свободных от формульности примеров в берестяной переписке тоже немало.

Ср. примеры «свободного» собственно посессивного употребления:

- (33) *ино у тебе солоду было* (№ 363, втор. пол. XIV в.) [Зализняк 2004: 159];
- (34) *Много кланяюмса [к]----- кстьчь не кхале. занеже. кунь. у насъ (нету ни иного) [цего]* ‘Много кланяюсь вам в связи с тем, что в этот раз посыльный к вам не поехал, поскольку нет у нас ни денег, ни чего иного’ (№ 1169, втор. пол. XIV в. [Гиппиус 2024: 15];
- (35) *У кого грамота, у того полторъ грѣвни* ‘У кого грамота, у того полторы гривны’ (№ 1054, втор. пол. XIII в.) [НБГ XII 2015: 155];
- (36) *у кого конь ть худъ. а у нихъ нѣтъ* ‘У кого есть кони, и те плохи, а у иных [вовсе] нет’ (№ 242, нач. XV в. [Зализняк 2004: 673–674]).

Показательна приводимая А. А. Зализняком параллель для последнего примера (грамоты № 242) из Жития Феодосия Печерского: *не имыи оу себе ничсоже развъ одежда въ неи же хожаше, и та хоуда* (Усп.сб., 28в) [Там же: 674] — в аналогичной фразе в книжном тексте представлена конструкция обладания с *имѣти*, при этом посессивный распространитель *оу* + Р. п. оказывается включенным в *имѣти*-конструкцию; подобные примеры совмещения *быти*- и *имѣти*-моделей известны и в других книжных текстах, в частности в ранней части ПВЛ (*имаши оу собе мужи* 987 г., Лавр., л. 36 об.; *грѣци имуть оу собе* 941 г., Лавр., л. 10 об. = Ипат., л. 17 об.) [Шевелёва 2019: 41–42].

Однако в большинстве случаев некнижные примеры собственно посессивного употребления конструкции типа *оу мене (есть)* находят прямое соответствие в летописях, в том числе в южнодревнерусских, ср. выше примеры (16)–(18) (*Нынѣ оу васъ нѣ меду ни скоры* ПВЛ, 946 г., Лавр., л. 16 об. — Ипат.: *нынѣ оу ва нѣту меду ни скоры*, л. 23 об.; *кнѣже сила его велика а оу тебе мало дружины* КЛ, 1150 г., л. 145 об.), ср. также многочисленные примеры в КЛ:

- (37) *блхоуть бо и оу нихъ кони тоучни велми* (1185 г., л. 223б);
- (38) *а дѣтеи оу него нѣтуть* (1175 г., л. 209г);
- (39) *оу тебе снѣвъ з а та ихъ ѿ тебе не ѿгоню а оу мене ѿдина два снѣ* *Изаславъ и Ростиславъ* (1151 г., л. 156а) и др.

Диалектных различий между северо-западными берестяными грамотами и южнорусской КЛ в употреблении этой основной древнерусской посессивной конструкции не обнаруживается.

Не ставя перед собой задачи детального описания семантических типов конструкции с посессивным показателем *оу* + Р. п., обратим внимание на то, что спектр их достаточно широк, что свидетельствует в пользу широкой употребительности такого способа выражения предикативной посессивности в древнерусском языке.

Кроме собственно посессивного значения, конструкция типа *оу мене (есть)* встречается в локативном или локативно-посессивном значении, совмещающем первичный пространственный и развившийся на его основе посессивный компоненты семантики¹³.

Ср. яркий пример собственно пространственного значения конструкции:

- (40) *Мої кони оу тебе а твої конь оу мене не буде моїхъ конвъ оу тебе і ты дай ми рубель* 'Мои кони у тебя, а твой конь у меня. Если не окажется моих коней у тебя, то ты дай мне рубль' (№ 374, перв. пол. XV в. [Зализняк 2004: 679]).

Часто пространственный и посессивный компоненты в значении конструкции сосуществуют, ср., например:

- (41) *погибло сено оу Дорофела* (№ 416, втор. пол. XIV в. [Зализняк 2004: 640]);
 (42) *а выправита корову повгдаю оу него* 'Так вы (двое) выправьте [это дело]: корова, сказывают, [есть] у него' (№ 1020, втор. пол. XII в. [НБГ XII 2015: 117]);
 (43) *а судно љсть у мене а хлѣбъ сухъи су и ть саме ѡпразновавъ да пождь стъмь а хлѣбе здѣсе* 'А судно у меня есть и хлебы сухие есть, и ты сам, помянув, поезжай сюда. А хлеб здесь...' (№ 19, нач. XV в. [Зализняк 2004: 644]);

аналогичные примеры из ранних южнорусских летописей:

- (44) *Кнаже естѣ оу мене снъ меншеи дома. а с четырьми љсмь вышель а онъ дома* (ПВЛ, 992 г., Лавр., л. 42 об. = Ипат., 993 г., л. 46);
 (45) *А се оу тебе естѣ Итларевичь. любо убиши любо и дай нама* (ПВЛ, 946 г., Лавр., л. 76 = Ипат., л. 84).

Подобные примеры совмещения пространственного и посессивного компонентов семантики известны и поныне, при этом важно обратить внимание на то, что многие из таких случаев несобственно посессивного значения в действительности представляют не чисто локативный семантический компонент, а более сложное значение, которое можно обозначить как «нахождение в сфере субъекта» [Циммерлинг 2021: 318], в сфере его ответственности и распоряжения¹⁴.

¹³ Семантика многих из подобных примеров, по-видимому, может быть описана с применением введенного в типологии понятия «личного локатива» [Daniel 2003] — пограничной зоны между локативностью и посессивностью, совмещающей указание на место проживания человека и принадлежность ему (благодарю анонимного рецензента за это высказанное соображение).

¹⁴ А. В. Циммерлинг предлагает для такого типа посессивных отношений ввести понятие «объект распоряжения», который может не совпадать с объектом обладания, что проявляется в моделях с двумя актантами (типа совр. рус. разг. *У ме-*

Таков пример *быти*-конструкции с посессивным показателем *оу* + Р. п.:

- (46) *поклонъ ѿ Настасъи къ ѣну къ моѣи братьи. оу мене Бориса в животъ нѣтъ* ‘Поклон от Настасьи господам моим братьям. У меня Бориса [больше] нет в живых’ (№ 49, нач. XV в. [Зализняк 2004: 651–652]);

см. также примеры (41), (44), (45), а возможно, и другие приведенные выше.

В связи с этим значением *быти*-конструкции с *оу* + Р. п. интересен контекст из известной ранней берестяной грамоты № 605 — письма одного монаха к другому с извинениями за то, что автор не смог прийти к своему адресату (очевидно, как было условлено):

- (47) *а чемоу са гневаеши а а въсьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо мълвлаше и покланю ти са братьче мои то си хота мълви ты еси мои а а твои* ‘Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя (при тебе). А зорно мне, что ты злое мне говорил. И [все же] кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой’ (№ 605, нач. XII в. [Зализняк 2004: 271]) — здесь ‘я всегда у тебя’, т. е. ‘при тебе, с тобой, в твоём распоряжении’. Ярким подтверждением такого прочтения является заключительное заверение в преданности, представленное через конструкцию принадлежности с притяжательным местоимением, — ‘ты мой, а я твой’, т. е. мы всегда вместе, я в твоём распоряжении (см. о переводе заключительной части грамоты [Там же; Попр.-IX: 177–178]).

Как мы видим, данный тип семантики посессивности известен в древнерусских текстах с самого раннего времени.

Обратим внимание на то, что такое значение посессивный показатель *оу* + Р. п. может иметь и в конструкциях не с глаголом *быти*, т. е. выступать не в *быти*-конструкциях обладания, а при других глагольных предикатах. Подобные примеры принадлежности ситуации сфере ответственности субъекта встречаются в берестяных грамотах, ср.:

ня тут у жены нога заболела), и высказывает предположение о древности происхождения таких двухактантных моделей в и.-е. языках («их нет нужды считать вторичными» по отношению к моделям с единственным актантом» [Циммерлинг 2021: 315–318]). В исследуемом материале древнерусских источников примеров таких двухактантных моделей не встретилось, однако контексты, где посессивное отношение представляет собой не собственно обладание, а принадлежность «социальному пространству» субъекта, сфере его «распоряжения» и ответственности, в древнерусских памятниках засвидетельствованы. Обращу при этом внимание на замечание анонимного рецензента о том, что контексты долговых списков типа у *Мила гривна* в силу специфики их семантики, предполагающей необходимость передачи обладаемого другому лицу (см. выше), можно рассматривать как «свернутую» версию двухактантной конструкции — если принять это соображение, надо признать, что в таком «свернутом» виде двухактантные посессивные модели древнерусским текстам были известны.

- (48) *[у н]асо неможете Микула...* ‘У нас занемог (= болеет) Микула’ (№ 1162, кон. XIII в. [Гиппиус 2024: 10]);
- (49) *[сно]ху есть у мьнь убилъ а живото есть у мьнь розграбилъ* (№ 252, втор. пол. XIV в. [Зализняк 2004: 639]);
- (50) *...у мьнь кона познали* ‘...у меня коня опознали’ (№ 305, кон. XIV — нач. XV в. [Там же: 668]).

Особый случай представляет употребление посессивного показателя *оу* + Р. п. при глаголе *слышати*, ср. пример из хорошо известной грамоты № 705:

- (51) *а оу тебе слышоу цето ты моловише* ‘Я слышу, что ты говоришь (т. е. мне прочтено твое послание)’ (№ 705, нач. XIII в. [Там же: 422]) —

как отмечает А. А. Зализняк в комментарии к грамоте, «*[с]лышати у кого* слегка отличалось по смыслу от *слышати отъ кого*. По-видимому, предлог *у* был более уместен в случаях, где коммуникативный акт был чем-то осложнен (например, услышавший получал лишь пересказанную информацию или обращенную не специально к нему). Ср.: *и слыша королеву ргъчь оу брата* (‘в передаче брата’) *своего* (Ипат., 1150, л. 148)», причем поздние переписчики правят здесь *оу брата* на *от брата*, уже не чувствуя этого различия [Там же: 423].

Очевидно, *оу* + Р. п. в таких контекстах задает то же значение принадлежности сфере ответственности субъекта, что и в предыдущих примерах: *слышу оу тебе*, *слышу оу брата* — букв.: ‘слышу это твое, у тебя (в твоей сфере распоряжения, т. е. тобой) сказанное и переданное мне’. Как мы видим по приведенной параллели из КЛ по Ипат.сп., такое употребление посессивного *оу* + Р. п. знают как древненовгородские источники (в [Зализняк 2004: 423] приведен также пример из Вопр.Кир.), так южнодревнерусская летопись. Диалектных различий между севером и югом Древней Руси во всех приведенных типах употребления посессивного показателя *оу* + Р. п. не обнаруживается — это явно древняя конструкция, восходящая к праславянской или более ранней эпохе (ср. [Циммерлинг 2002: 649]).

Специфически северо-западным было, по всей видимости, употребление показателя *оу* + Р. п. со значением агенса в конструкции со страдательным причастием, до сих пор хорошо известное в северо-западных говорах и фиксирующееся в новгородских берестяных грамотах с самого раннего времени, ср.: *Жизнобоуде погублене оу Сычевичь* ‘Жизнобуд убит Сычевичами’ (№ 605/562, посл. четв. XI в. [Зализняк 2004: 183, 245]); *оу Михала ѡберан(а по)ловина [б]еле* ‘Михалем отобрана половина беличьих шкурок’ (№ 225, кон. XII в. [Там же: 183, 379]) и др. — ср. диал. *одни косточки оставлены у волков*; *Святые все замучены у людей*; *у кого-то рыба ужена* и под. [Кузьмина, Немченко 1971: 22–24] и др. (см. об этом [Зализняк 2004: 183], также [Шевелева 2019: 43]). Агентивное значение *оу* + Р. п. развивается на базе посессивного, часто они могут быть представлены

синкретично как агентивно-посессивное значение (ср. примеры типа *У меня после мужа этот (самовар) куплен; брюква посажена у меня* — см. об этом [Трубинский 1983: 221]), однако посессивность здесь представлена того же типа, что и в рассмотренных выше примерах (48)–(51), — как принадлежность сфере ответственности (распоряжения) субъекта, его социальному пространству. Семантический мостик от контекстов типа *слышати у тебя* ('у тебя, в твоём пространстве, т. е. тобой сказанное' — см. выше) к агентивному значению конструкции просматривается вполне отчетливо, однако собственно агентивная конструкция с *оу* + Р. п. была и остается специфически диалектной, ограниченной псковско-новгородским ареалом¹⁵. Возможно, она утверждается в этой диалектной системе не без влияния контактов с неславянскими языками, но это уже предмет отдельного обсуждения.

Все прочие типы употребления конструкций с посессивным показателем *оу* + Р. п. по данным древнерусских памятников диалектных различий не обнаруживают — они известны во всем древнерусском ареале с самого раннего времени.

3. Вопрос о дательном принадлежности в древнерусском языке

Конструкции с дательным падежом принадлежности — как примененным, так и в составе глагольной *быти*-конструкции обладания — хорошо известны в старославянском языке и в современных славянских языках, прежде всего в южнославянских. В древнерусских памятниках и последующей истории русского языка его употребление, встречающееся в литературном языке вплоть до XIX в., связывают обычно с книжной церковнославянской традицией (см. [Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 148–153, 170–171], там же обзор литературы). Современный русский язык в этом отношении отличается от большинства славянских языков: посессивный дательный в литературном языке практически вытеснен родительным падежом как в именных, так и в глагольных конструкциях, в то время как в других славянских языках (и не только южнославянских) его употребление значительно шире, чем в русском [Там же].

Однако в современных русских говорах посессивные конструкции с Д. п. принадлежности все же известны, хоть и нечасты, причем фиксировались они в разных говорах: по данным И. Б. Кузьминой, преимущественно в северных (архангельских), но есть и в других — западных и южных (псковских, тверских, курских, орловских и др.), ср. примеры: *мне там доцька есь; ему горячка была; именины были Володе-пареньку; отцу сестра была*

¹⁵ Впрочем, в работе [Кузьмина, Немченко 1971: 22–24] отмечается, что причастная конструкция с *оу* + Р. п. в значении агенса сейчас известна на довольно широкой территории не только северо-западных, но и собственно северных говоров.

там взамужем [Кузьмина 1993: 44–45], ср. также о единичных примерах приименного Д. п. посессивного типа *сын Анне, жала пчале* в южнорусских говорах на территории Курской и Белгородской областей [Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 153], примерах приглагольного Д. п. «внешнего посессора» типа *мне был парень хороший, мне болят ноги очень сильно* — в недавних записях из псковских говоров Тверской области [Ронько и др. 2023: 253–255]. Известны конструкции с посессивным Д. п. и в белорусских и украинских говорах [Сравнит.-ист. синтаксис 1968: 202–203; Кузьмина 1993: 45].

Такая диалектная картина (спорадические случаи употребления на довольно значительной части восточнославянской территории — как северной, так и южной), как можно предполагать из общих соображений, говорит скорее в пользу реликтового сохранения некоторого архаичного явления, в более раннее время представленного во всей восточнославянской зоне. Встает вопрос о том, как эти данные соотносятся с материалом древнерусских памятников и насколько справедливо устоявшееся представление о принадлежности посессивного Д. п. книжной восточнославянской традиции, восходящей к старославянской, т. е. отражающей исконно южнославянское употребление.

Принципиально важными здесь оказываются данные древнерусских некнижных текстов.

Как выяснилось, в некнижных текстах есть примеры употребления посессивного Д. п., причем как приименного Д. п. принадлежности, так и в составе предикативной *быти*-конструкции обладания, а также при других глагольных предикатах — как и в современных говорах. Специально надо отметить, что примеры посессивного употребления Д. п. фиксируются и в новгородских берестяных грамотах и берестяных грамотах неновгородского происхождения, и в южнорусской КЛ, причем особенно часто в прямой речи персонажей, известной широким отражением черт некнижного синтаксиса (см. [Зализняк 2008: 23–24 и др.]).

В берестяных грамотах примеров Д. п. принадлежности немного, они значительно уступают по численности конструкциям с посессивным *оу* + Р. п., но важно обратить внимание на то, что такие употребления в бытовых текстах есть.

Примеры **посессивной конструкции с приименным Д. п. принадлежности** встречаются и в ранних, и в поздних берестяных грамотах, при этом все отмеченные случаи — с энклитическими формами Д. п. личных местоимений 1–2-го л. *ми, ти*.

Наиболее явный пример приименного Д. п. принадлежности из новгородских берестяных грамот:

- (52) *оу котораго ти сыноу вър[ь]шь повели оти ѿѿдада дати Марене* ‘Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно (букв.: ‘у которого твоего сына зерно’), прикажи, чтобы отдали дань Марене’ (№ 798, XII в. [Зализняк 2004: 321]).

В следующем примере из грамоты № 934 посессивное значение Д. п. осложнено семантикой предназначенности (бенефактива):

- (53) *Иди око стоа во гъродъ выправиле **ти** есмъ сыно съ Гавошею* ‘Иди немедленно в город: я выручил твоего (букв.: ‘тебе’) сына с Гавшей’ (№ 934, XII/XIII вв. [Там же: 410]) — местоимение *ти* здесь соотносится не только с существительным *сын<ъ>*, но и с глаголом *выправиле*.

В берестяных грамотах есть примеры **предикативной посессивной быти-конструкции с Д. п.** possessора с теми же формами энклитических личных местоимений *ми, ти*.

Наиболее надежные примеры:

- (54) *присли привитъкоу и повои ци **ти** многи повои а присли и до .ē.ти повои* ‘Пришли привитку и повоев (или: повой). Если у тебя повоев много, то пришли их до пяти штук’ (№ 717, XII в. [Зализняк 2004: 396]);
- (55) *како приде са грамота. тако пришли ми цоловѣкъ на жерециѣ. зане **ми** здѣсе дѣлъ много* ‘Как придет эта грамота, пришли мне человека на жеребце, потому что у меня здесь дел много’ (№ 43, кон. XIV в. [Там же: 651]).

Видимо, к тому же типу относится контекст из грамоты № 713 и сходный пример из грамоты № 42, XIV в.:

- (56) *цето **ти** воудоро: цето **ти** церѣмени: цето **ти** роудавещене : и голоубине добре...* ‘[Всё], сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани, сколько у тебя есть хорошей красно-бурой и голубой ткани...’ (далее следовало указание, что со всем этим товаром нужно сделать) (№ 713, перв. четв. XIII в. [Зализняк 2004: 426]);
- (57) *что **ми** кобыл[ъ]ке и .ѡ. рубля вѣдатис[а бра](т)ии можи* ‘Что касается моих кобылок и двух рублей (т. е. тех, которые у меня есть. — *М. Ш.*), то производить расчет братьям моим’ (№ 42, XIV в. [Там же: 619]).

Часть примеров такого рода из берестяных грамот допускают двоякую интерпретацию — *ти* может трактоваться и как частица, хотя посессивное прочтение как *ти*-местоимения в них тоже вполне возможно, ср.:

- (58) *нѣ ли **ти** тамо повоица, а крѣвоши присоли* ‘Если же у тебя там нет повойничка, то купи и пришли (или: если же там нет)’ (№ 731, сер. XII в. [Зализняк 2004: 392]);
- (59) *чѣа **ти** естъ корова да молови емѣ* ‘чья у тебя корова (или: чья [это] корова), скажи ему’ (№ 8, кон. XII — нач. XIII в. [Там же: 434–435])¹⁶;

¹⁶ Обратим внимание, что обе возможности трактовки отражены в переводах и комментариях к грамотам А. А. Зализняка, ср. по поводу грамоты № 8: «Фраза

ср. также в грамоте № 112, где *ти* может быть либо частицей, либо Д. п. с значением потенциальной посессивности (предназначения — ‘для тебя’):

(60) или **ти** *тѣжа а поеди во городо* ‘Если же [будет] тяжба (или: если ты [предпочтешь] судиться), то поезжай в город’ (№ 112, кон. XII — нач. XIII в. [Там же: 443])¹⁷ —

и некоторые другие подобные примеры.

Обратим внимание на то, что пример с посессивным Д. п. в предикативной конструкции фиксируется и в берестяной грамоте из Смоленска — это не только новгородское явление, ср.:

(61) *да же ти ми боудете дѣбр[о] (а) прислоу ти...* ‘Если же у меня (все) будет хорошо, то я пришлю тебе...’ (Смол. 12, XII в. [Там же: 344–345]).

Как мы видим, примеры конструкций с посессивным Д. п. в берестяных грамотах есть, хоть они и немногочисленны, при этом все имеющиеся случаи — с энклитическими местоимениями *ми*, *ти*. Древненовгородскому диалекту такие конструкции явно были известны, они, по всей видимости, были известны и другим диалектам древней Руси, насколько можно судить по единичным имеющимся примерам из грамот неновгородского происхождения.

Но главный материал в отношении представленности посессивных конструкций с Д. п. в диалектах южной части древнерусской территории дает, несомненно, КЛ.

В КЛ широко и в соответствии с закономерностями не книжного языка употребляются древнерусские энклитики, в том числе местоименные, — по этому параметру прямая речь персонажей КЛ максимально близка к отраженному в берестяных грамотах не книжному древнерусскому синтаксису, А. А. Зализняк рассматривает её, наряду с берестяными грамотами, как образцовый памятник, отражающий реальные закономерности функционирования энклитик в живом древнерусском языке [Зализняк 2008: 23–24, 86–90 и др.].

Широко употребительны в КЛ и энклитические формы Д. п. личных местоимений *ми*, *ти*. Они отмечаются здесь в разных значениях (агентивном в инфинитивных конструкциях типа *что руски^x городовъ, то ти все възворотити* 163а; основном для Д. п. значении адресата в разных его вариантах, включая осложненный «направительным» компонентом типа *повѣда ему Володимиръ. Идет ти Володимиръ Галичьскыи*, и др.) —

чьа ти есть корова может пониматься как ‘чья [это] корова’ (где *ти* — частица, *есть* — связка) или как ‘чья у тебя корова’, ‘чья у тебя находится корова’ (где *ти* — ‘у тебя’, *есть* — ‘имеется, находится’)» [Зализняк 2004: 435].

¹⁷ Ср. комментарий А. А. Зализняка: «*Ти* в *или ти тѣжа* может быть частицей (‘если же [будет] тяжба’) или местоимением (‘если тебе [предпочтительна] тяжба’; в последнем случае ср. *зане башеть емоу тѣжа с Рюрикомъ* (Ипат. 1190, л. 232)» [Там же: 443].

и значительное число употреблений этих энклитических форм представляют посессивное значение Д. п.

Как и в новгородских берестяных грамотах, Д. п. принадлежности с местоименными энклитиками *ми*, *ти* встречается в КЛ и в приименных посессивных конструкциях, и в приглагольных предикативных.

Примеры **приименного Д. п. принадлежности** с терминами родства в КЛ отмечаются регулярно (более десятка случаев с местоимениями 1–2-го л.), ср.:

- (62) *брата ти Романа бѣ поалъ* (1180 г., 217а);
 (63) *Володимиръ же посла къ Стославоу Ольгови^ти повѣда емоу бра^тти Игоря оубили* (1147 г., 130б);
 (64) *И постиже вѣсть Мъстислава за Каневомъ. братъ ти велми не можетъ* (1170 г., 192в);
 (65) *Погѣдь страпять вѣца ти есмы кати* (1173 г., 201а);
 (66) *Стрѣи ти оумерлъ* (1164 г., 186г);
 (67) *а самъ пакы хотѣлъ ти сѣна кати Киевѣ* (1161 г., 183г);
 (68) *Мъстиславъ же крѣпко прашеса по Климъ река тако. не будетъ Константинъ въ митропольи зане клалъ ми вѣца* (1159 г., 180б) ‘потому что клял моего отца’ и др.

Ср. аналогичный контекст с существительным *князь*, в данном случае выступающим тоже как термин родства (‘твой князь’ по отношению к княгине = ‘твой муж’):

- (69) *И начаша са слати к неи Стополкъ и ина дружина ваблче ю опать. а княза ти имемъ* (КЛ, 1173 г., 201а) ‘твоего князя (т. е. твоего мужа) возьмем в плен’.

Как мы видели выше, в берестяных грамотах встречаются именно такие примеры приименного Д. п. принадлежности (см. выше (52), (53)) — и во всех случаях с энклитическими формами личных местоимений *ти*, *ми*. В свое время А. Б. Правдин, детально описавший семантику и употребление дательного падежа в старославянских и в древнерусских текстах и в целом считавший Д. п. принадлежности явлением книжного языка, отметил широкое использование энклитических форм личных местоимений 1–2-го л. при именах родственников в Ипат.летописи (примеры в большинстве своем приводятся из КЛ) и осторожно предположил, что «<в>озможно, дательный падеж этого типа в некоторой мере был свойствен древнерусскому языку старшего периода независимо от старославянского языкового влияния» [Правдин 1957: 110] (ср. о том, что Д. п. принадлежности в прочих случаях не представлял собой явления живого языка и объяснялся, как правило, влиянием церковнославянской традиции [Там же]). Это предположение о принадлежности посессивного Д. п. энклитических форм личных местоимений живому древнерусскому языку замечательно подтверждается имеющимися у нас сейчас данными берестяных грамот — сходст-

во берестяных грамот и КЛ в отношении посессивного употребления энклитических форм *ти, ми* несомненно, оно не менее явно, чем установленное А. А. Зализняком сходство между берестяными грамотами и диалогической частью КЛ в употреблении энклитик в целом. Значимых диалектных различий в сфере таких приименных конструкций с энклитическими местоимениями не обнаруживается (может быть, только бóльшая частотность их в КЛ сравнительно с берестяными грамотами).

При этом аналогичных посессивных конструкций с полноударными формами Д. п. личных местоимений ни в КЛ, ни в берестяных грамотах не отмечено.

Однако в КЛ, в отличие от берестяных грамот, в приименных посессивных конструкциях встречается и Д. п. местоимения 3-го л. *ему* — такие примеры в КЛ нередки. Некоторые из них представлены в довольно книжных контекстах, но все-таки не все, ср.:

- (70) *и положишиа тѣло его оу стѣго Феодора идеже ему ѿць лежитъ* (1170 г., 192г; Х.П. его);
 (71) *В то же время преставилься башеть братъ ему мгъншии* (1173 г., 2006);
 (72) *Приде вѣсть к Ростиславу в Киевъ ѿже ему катъ снѣ Новгородъ* (1161 г., 182г).

В берестяных грамотах подобных примеров не встретилось, но есть пример из Русской Правды (РП) с местоимением *имъ* (приведен А. Б. Павлиным), показывающий, что посессивное употребление местоимения 3-го л. при именах родства в не книжных текстах тоже было возможно, ср.:

- (73) *Аже будутъ въ дому дѣти малы, а нед(у)жи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь...* (РП, л. 626 [Правдин 1957: 108])¹⁸.

¹⁸ В берестяных грамотах формы местоимения 3-го л. ж. р. в Р. и Д. падежах могут передаваться написаниями как *ei* (для Р. п. с отражением утраты конечного гласного и, соответственно, превращением окончания в односложное), так и *eъ, ee* (последнее для Д. п. также с односложным окончанием и передачей конечного *j* через *e*) [Зализняк 2004: 127] — в результате такой графической двусмысленности на письме эти формы не различаются, проверка по всему материалу грамот показала, что для обеих форм в берестяных грамотах встречаются варианты написаний *ei* и *ee*. Некоторые контексты из грамот с такими формами в принципе допускают трактовку как Д. п. принадлежности при терминах родства, аналогичные приведенным выше примерам, ср. в № 531: *како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи* ‘после того как ты возложил поручительскую ответственность (букв.: ‘поручительство’) на мою сестру и на её дочь’ (№ 531, кон. XII — нач. XIII в. [Там же: 417]), однако А. А. Зализняк однозначно трактует этот и подобные контексты как Р. п. — см. словоуказатель, см. также примеры к парадигмам склонения местоимений [Там же: 127]. В пользу справедливости такого решения свидетельствует грамота № 1122, где в одном ряду при терминах родства оказываются формы м. р.

Вопрос о локализации текста РП, как известно, сложен [Тихомиров 1953: 17–25], но в основе своей она, видимо, отражает киевскую традицию (см. [РП, т. 1; Живов 2017: 273–276]). Не исключено, что в данном случае перед нами следы диалектного различия: в диалектах юга Древней Руси посессивный Д. п. приименных конструкций сохранялся и у местоимения 3-го л. (*ему* и под.), тогда как в древненовгородском диалекте такое употребление, скорее всего, было утрачено — посессивный приименной Д. п. здесь встречается только для энклитических местоимений 1–2-го л.

В КЛ обнаруживаются и примеры **предикативной быти-конструкции с Д. п. обладателя**, при этом с теми же энклитическими формами личных местоимений 1–2-го л. и местоимением 3-го л. *ему*. Как и в берестяных грамотах, посессивное значение Д. п. здесь часто бывает осложнено семантикой предназначенности, но есть и довольно чистые случаи актуальной (не потенциальной) посессивности, ср. примеры:

- (74) *посла моужь свои рька емоу. обиды ти до него нѣтоуть* (1179 г., 214в.);
- (75) *а ты са прави с кимь ти обида есть* (1149 г., 140б) — ср. показательное синонимичное употребление с притяжательным местоимением: *и тако ти молвить. кдѣ твоя обида а се ти полци. тамо же с ними гди своа дѣла обиды мцать* (1150 г., 148г);
- (76) *есть ми к тобѣ орудие* (1161 г., 183б);
- (77) *пережду и гще мало вргма. суть ми орудьца* ‘есть у меня дела (делишки)’ (1168 г., 189г) — ср. в сходном контексте в берестяной грамоте № 43: *зане ми здѣсе дѣль много* (см. выше пример (55));
- (78) *блшет емоу тлжа с Рюрикомь* (1190 г., 232);
- (79) *бѣ же ему болгзнь крѣпка* (1172 г., 199в.) — ср. диалектные примеры: *ему горячка была* и под. [Кузьмина 1993: 45]¹⁹.

его и ж. р. *ei*, ср.: на *Илинархи* и *на его брати* на *Ивани* на *Ивлелихъ дитехъ три рубли <...> на Пугвици на еи дѣтхъ полтина да коробья ржи. На Осташки на его дѣтхъ полтина* (№ 1122, нач. XV в. [Гиппиус 2021: 68]) — правда, это грамота поздняя, а для ранней грамоты № 531 сходство с примерами с Д. п. принадлежности личных местоимений все-таки значительно, тем более с постпозицией местоимения относительно существительного — ср. с приведенным примером из РП. Как кажется, бесспорно однозначное решение здесь принять трудно, однако отсутствие примеров с посессивными формами Д. п. *ему*, *имѣ* говорит о нехарактерности такой конструкции с формами местоимения 3-го л. для берестяных грамот — в древненовгородском диалекте с раннего времени широко употребительна конструкция с Р. п. этого местоимения при терминах родства. Заметим, что распространенные в диалектах, особенно северо-западных, суффиксальные формы притяжательных местоимений 3-го л. *ейный*, *овоный* (см., например [Добрушина 2013: 182]) также свидетельствуют в пользу Р. п. односложной формы ж. р. *ei* в посессивном значении.

¹⁹ Как известно, такие конструкции с Д. п. принадлежности при предикатах со значением болезни и боли регулярно представлены в восточнославянских диалектах западной локализации — русских, белорусских и северных украинских (см.

В отличие от приименных конструкций, сходное употребление можно встретить и у неэнклитических форм личных местоимений *мнѣ*, *тебѣ*, но в случае с полноударными формами посессивное значение, как кажется, практически всегда осложнено значением предназначения, как в примерах типа:

(80) *мнѣ* ѿѿина Киевѣ а не *тебѣ* (КЛ, 1155, л. 172) —

условия выбора полноударной, а не энклитической формы, часто связанные с некоторой эмфазой или противопоставлением (сопоставлением) [Зализняк 2008: 130–133], актуализируют основное значение Д. п. как падежа адресата; ср. также с семантикой предназначения и потенциальной принадлежности:

(81) да ни *мнѣ* будѣ^{тѣ} Переаславла ни *тебѣ* Киева (КЛ, 1154 г., 170г).

В контекстах так называемого значения «отношения» [Правдин 1957: 108] при указании родственных связей (неотчуждаемой принадлежности родственных отношений) возможны и те и другие формы, ср.:

(82) како *мнѣ* снѣ братъ твои Изаславъ тако *ми* ты (КЛ, 1151, 153а);

ср. такое же варьирование в НПЛст., но с обратным порядком следования полноударной и энклитической форм: *ты ми еси сынъ, а язъ тебѣ отецъ* (НПЛст., 76) и др.

Подобное употребление Д. п. родственных и социальных отношений известно в русском литературном языке и поныне, оно встречается с полноударными формами личных местоимений и в берестяных грамотах — видимо, с раннего времени такие конструкции близки к формульным, ср. из ранних берестяных грамот:

(83) а не сестра а *вамо* (№ 644, нач. XII в.); а боудоу люди на томо. *тобе* не се{s}тра а *моужевѣ* не жена ‘если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена’ (№ 531, кон. XII в.) [Зализняк 2004: 416–417] и под.

В конструкциях с полноударными формами личных местоимений посессивное отношение является лишь одним из семантических компонентов — семантика здесь более сложная; обратим внимание, что в таких контекстах возможны и существительные в Д. п. (см. пример (83)).

К значениям из широкой семантической сферы посессивности относятся и летописные формулы сообщений о рождении детей — с двойной зависимостью Д. п. от глагола (в данном случае это глагол *родитисѧ*, т. е. не *быти*-конструкция обладания) и от имени — в Д. п. принадлежности в них выступают существительные-собственные имена:

[Кузьмина 1993: 45; Лопатина 1998; Ронько и др. 2023: 253–254; Манусов и др. 2024] и др., там же о проблеме их диалектного распределения с конструкциями *оу* + Р. п.). Как мы видим, в древнерусских источниках подобные контексты с посессивным Д. п. при предикатах болезни тоже известны.

- (84) *Того же лѣта родиса Игорю снѣ* (КЛ, 1175 г., 211); *Том же лѣтѣ родиса Олгу снѣ* (КЛ, 1166 г., 188а) и под. — наряду с *родиса оу Игоря снѣ* (КЛ, 1173 г., 200в).

В древнерусских летописных текстах Д. п. представлен с широким кругом значений, включающих в том числе посессивный семантический компонент (особенно потенциальной принадлежности, предназначения) (см. [Правдин 1956; 1957]), однако в собственно посессивном значении актуальной принадлежности и в северо-западных берестяных грамотах, и в южнодревнерусских летописях отмечаются только энклитические формы личных местоимений, а в южнорусских памятниках — еще местоимение 3-го л. *ему, имѣ*.

Вопрос о посессивном Д. п. от имен существительных в древнерусском языке составляет отдельную проблему. Собственно посессивные конструкции с Д. п. существительных в не книжных текстах крайне редки: единичные примеры Д. п. с семантикой части целого (партитивного отношения) встречаются в летописях, но примеры эти довольно книжные, к тому же синтаксически Д. п. в подобных контекстах зависит и от глагола, т. е. представляет, строго говоря, не собственно посессивную конструкцию, ср.:

- (85) *затворяше двери пещерь* (ПВЛ, Лавр. 1074 г., л. 62 об.; Ипат. — *пещ(е)ры*, л. 68 об., Х.П. *пещерь*); *высѣкоша врата монастырю* (ПВЛ, Лавр. 1096 г., л. 77; так же Ипат., л. 85 об.) — примеры Лавр. приведены в [Правдин 1957: 109].

В берестяных грамотах тоже нет надежных примеров с Д. п. принадлежности существительных — имеющиеся случаи демонстрируют не собственно посессивное значение (типа *семьку цѣна* ‘стоимость семка (натурального оброка в седьмую часть урожая или семницы)’ № 532, кон. XIV в. [Зализняк 2004: 630; Гиппиус 2021: 71] — конструкция, известная и поныне, или неоднозначный пример *А земля тому селу по зарубѣ Синофоновъ* № 368, кон. XIV в. [Зализняк 2004: 640]).

Единственный памятник, в котором регулярно употребляется Д. п. принадлежности существительных, — это «Слово о полку Игореве» (СПИ). На архаичную посессивную конструкцию с Д. п. неотчуждаемой принадлежности (части целого) в «Слове...» уже обращали внимание исследователи (см. [Якубинский 1953: 181–182; Правдин 1957: 109–110] и др., см. также комментарий в [Николаев 2020: 185, 560, 562 и др.]), ср.:

- (86) *Уныша бо градомъ забралы* (92)²⁰;
 (87) *Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ* (177);
 (88) *се бо Готскія красныя дѣввы въспѣша на брѣзѣ синему морю* (109);
 (89) *Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть постѣянии* (158) и др.

²⁰ Указана нумерация звеньев текста в соответствии с изданием А. А. Зализняка (см. список источников — [СПИ]).

Ср. пример отчуждаемой принадлежности с одушевленным существительным:

- (90) *усобыица княземъ на поганья погыбе* (77) — см. перевод и комментарий С. Л. Николаева: ‘княжеская усобыица’, *княземъ* — дательный принадлежности [Николаев 2020: 562].

Вряд ли эти примеры в СПИ следует однозначно трактовать как церковнославянизмы, тем более что в современных говорах встречаются случаи приименного Д. п. принадлежности существительных, хоть и еще более редкие, чем Д. п. принадлежности местоимений, ср. в диалектных записях: *я ня вижу морю дна* (орл.), *жала пчале* (курск.), *хозяин дому*, *операция соску*, *отцу сестра*, *мужику брат* (арх.) и др. [Кузьмина 1993: 44–45].

Наиболее вероятно, что такие посессивные структуры с существительными были уходящим на периферию архаизмом уже в древнерусскую эпоху — возможно, широкое употребление их в СПИ объясняется прежде всего жанровой спецификой этого текста, способствовавшей сохранению архаичной конструкции. Но нельзя исключать также возможности существования ранних диалектных различий, связанных с утратой или сохранением посессивной конструкции с Д. п. существительного: в таком случае происхождение СПИ следует связывать, видимо, не с диалектом Киева (поскольку в КЛ рассматриваемая конструкция принадлежности не представлена), а с каким-то иным диалектом Древней Руси — ср. гипотезу С. Л. Николаева о более северной локализации языка СПИ (связи его с западной частью тверских говоров, торопецко-селижаровским ареалом) [Николаев 2020: 245–246]. Этот вопрос, однако, требует специального внимания и обсуждения. Сейчас нам важно констатировать, что собственно посессивное употребление Д. п. существительных уже в древнерусскую эпоху было более ограниченным, чем соответствующее употребление личных местоимений. Скорее всего, эта ограниченность обусловлена выходом соответствующих конструкций из активного употребления на значительной части древнерусской территории — как северной, так и южной, и сохранением их в эпической поэзии, а возможно, и в некоторых диалектных зонах (наиболее вероятно, западной локализации). С противопоставлением диалектов северного vs. южного ареалов восточнославянских диалектов это различие никак не связано.

Таким образом, в древнерусских не книжных и гибридных текстах представлено широкое употребление Д. п. из семантической зоны посессивности, но собственно в значении актуальной принадлежности как в приименных конструкциях, так и в глагольных *быти*-конструкциях обладания используются только энклитические формы личных местоимений, а в южно-древнерусской КЛ (и в РП) — также местоимение 3-го л. *ему*, *имъ* в именных конструкциях с терминами родства. По всей видимости, это то, что осталось в реальном употреблении в древнерусскую эпоху на всей территории Древней Руси от архаичного Д. п. принадлежности, восходящего своими корнями к и.-е. древности.

Как известно, в славянском мире собственно посессивное значение Д. п. сохранилось прежде всего у энклитических форм личных местоимений в приименном употреблении: в южнославянском ареале — в болгарском, сербском и хорватском, словенском языках — энклитические формы Д. п. личных местоимений (болг. *ми, ти, му* и т. д.) выступают фактически в роли несогласуемых притяжательных местоимений (грамматиками болгарского языка они и трактуются как краткие формы притяжательных местоимений), составляя архаическую посессивную конструкцию типа болг. *майка ти, снаха ми, брат му*, серб. *сестра ми, жена му, брат joj* и под. [Молошная 1986; Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 117–118, 191 и др.]. Особенно употребительна эта архаичная конструкция с терминами родства²¹.

Как мы видим, ситуация с сохранением в древнерусском языке собственно посессивного употребления Д. п. именно для энклитических форм личных местоимений и частотность приименных конструкций с такими формами при терминах родства находит соответствие в других славянских языках, прежде всего в тех, где использование Д. п. и в прочих конструкциях из семантической сферы посессивности представлено значительно шире, чем сейчас в русском языке литературного типа. Есть основания предполагать, что в отношении статуса Д. п. принадлежности древнерусский язык находился в состоянии более близком к современным южнославянским языкам, хотя, возможно, все же более продвинутом по пути выхода посессивного Д. п. из активного употребления. Судя по данным древнерусских не книжных текстов, архаическая посессивная конструкция с энклитическими формами Д. п. личных местоимений была известна на всей древнерусской территории по крайней мере до XV в. Последующая её утрата может быть связана в том числе с разрушением древнерусской системы энклитик: активный процесс этой перестройки происходит в старорусскую эпоху (см. [Зализняк 2008]). Вполне вероятно, что утрата большей частью русских говоров архаичной конструкции с Д. п. принадлежности была еще одним следствием утраты древнерусских энклитик для грамматической системы русского языка (как, например, утрата связки 1–2-го л. перфекта [Там же: 239–262] или изменение грамматического статуса *ся* [Там же: 217–220]), способствовавшим вытеснению посессивного употребления Д. п. Заметим при этом, что в современных русских говорах в посессивных конструкциях с Д. п. чаще встречаются именно личные место-

²¹ Как отмечают исследователи, в современном болгарском языке существительное в этой конструкции в нормальном случае стоит в членной форме (*писмото ви, книгите им* и под.), однако исключение составляют термины родства, которые могут быть и без определенного члена (*снаха ми, майка ти* и пр.) ([Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989: 117], там же указание на литературу). Таким образом, именно с терминами родства посессивная конструкция с приименным Д. п. принадлежности сохраняется здесь в своем исконном виде, тогда как развитие болгарских членных форм (и, соответственно, включение их в эту конструкцию) представляет собой уже более позднюю инновацию.

имения (хотя, естественно, уже в единственно имеющейся «полной» форме) (см. материалы [Ронько и др. 2023]).

4. Некоторые итоги

Итак, резюмируем основные итоги изложенных наблюдений.

Основной предикативной посессивной конструкцией во всем восточнославянском ареале с древнейших времен была конструкция с глаголом *быти* (в презенсе, как правило, опущенным) и посессивным показателем *оу + Р. п.* Диалектных различий в употреблении этой посессивной конструкции, явно восходящей к праславянской эпохе, на древнерусской территории не обнаруживается — предполагать противопоставление по данному признаку диалектов древнерусского севера и древнерусского юга нет оснований.

Посессивная конструкция с глаголом *имѣти* в древнерусскую эпоху была специфически книжной, связанной с церковнославянской традицией, восходящей к старославянской. Эта инновационная для славянского мира *have*-конструкция обладания в восточнославянских диалектах древнерусской эпохи не получила распространения (экспансия ее шла, судя по всему, с запада на восток славянского ареала); однако перифрастические сочетания *имѣти* с абстрактными существительными и именами родства, представляющие древнейшее праславянское значение этого глагола как глагола состояния, в древнерусских диалектах, очевидно, были известны независимо от старославянской традиции, в летописных и некнижных текстах они встречаются шире, чем собственно посессивное употребление *имѣти*. Возможно, для древненовгородского диалекта глагол *имѣти* был еще менее характерен, чем для остальных диалектов Древней Руси, даже в сочетаниях с именами — в таком случае эта северо-западная древнерусская система была в данном отношении более архаичной; в пользу данного предположения свидетельствует и более широкое использование здесь глагола *държати* в посессивных контекстах, однако этот вопрос еще требует специального исследования.

Архаичное употребление *Д. п.* в посессивных конструкциях явно было известно на всей древнерусской территории. Посессивный *Д. п.* имеет еще более древние корни, чем посессивная конструкция *оу + Р. п.*, — несомненно, восходит к раннему праславянскому, а скорее даже к и.-е. состоянию системы. В древнем восточнославянском ареале он, видимо, уже оттесняется конкурирующей широко употребительной конструкцией с посессивным *оу + Р. п.*, но все же сохраняется в реальном использовании на всей древнерусской территории; зона конкуренции этих конструкций при этом оказывается ограниченной предикативной посессивностью, тогда как сфера употребления посессивного *Д. п.* включает и приименные конструкции. В собственно посессивном значении в древнерусском языке *Д. п.* пред-

ставлен у энклитических личных местоимений: такие формы Д. п. принадлежности встречаются как в приименных конструкциях, так и в предикативных с глаголом *быти*. Особенно распространены конструкции с Д. п. принадлежности при терминах родства — как и в современных славянских языках (болгарском, сербском, словенском), где эта архаичная посессивная конструкция сохраняет особый статус конструкции принадлежности с несогласуемой формой личного местоимения. Утрата русским языком этой конструкции с Д. п. принадлежности может быть связана в том числе с разрушением древнерусской системы энклитик.

Видимо, приименные конструкции с Д. п. при терминах родства в южно-древнерусской диалектной зоне были возможны и для местоимения 3-го л. **и* (*ему, имь*) — в древненовгородских источниках таких примеров не зафиксировано.

Конструкции с Д. п. принадлежности имен существительных, по-видимому, утрачивались раньше конструкций с местоимениями: вероятно, в древнерусскую эпоху они сохранялись уже только местами по говорам (скорее всего, преимущественно западной локализации) — и сохраняются в таком спорадическом употреблении в разных говорах, большей частью тяготеющих к западной зоне, и поныне.

Как мы видим, диалектные различия в сфере посессивных конструкций в древнерусскую эпоху имели достаточно деликатный характер и были связаны прежде всего с более или менее долгим сохранением архаичных конструкций, как в случае с исконно общеславянским Д. п. принадлежности, или более или менее ранним распространением инновационного употребления глагола *имѣти* в конструкциях обладания, в целом для всей восточнославянской территории остающегося принадлежностью книжной традиции (а в собственно посессивном значении — исключительно церковнославянской). Принципиальных диалектных различий, противопоставлявших в сфере грамматического выражения посессивных отношений разные диалектные ареалы, на древнерусской территории не обнаруживается. Основной предикативной посессивной конструкцией для всех древнерусских диалектов была *быти*-конструкция с посессивным показателем *оу* + Р. п.; конструкции с Д. п. принадлежности были известным, но уже уходящим на периферию употреблением архаизмом; конструкции с глаголом *имѣти* принадлежали книжной традиции.

Источники, сокращения

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

ЖК — Житие Константина Философа // П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1–39.

- ЖМ — Житие Мефодия Моравского по списку Успенского сборника кон. XII — начала XIII вв. (см. Усп.сб.).
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Манусов и др. 2024 — А. В. Манусов, А. С. Кузьмина, Р. В. Ронько. Банк диалектологических карт [Электронный ресурс]. URL: <http://dm.ruslang.ru/2024>
- НБГ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.
- НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат.).
- РП — Русская Правда по Новгородской Кормчей 1282 г. // Правда Русская. Т. 1–3. М.; Л., 1940–1963.
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. М., 1988–.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).
- СПИ — Слово о полку Игореве // А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Усп.сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Литература

- Бенвенист 1952/2002 — Э. Бенвенист. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика / Пер. с франц. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 203–224.
- Гиппиус 2019 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.
- Гиппиус 2021 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 66–92.
- Гиппиус 2024 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 7–26.
- Гиппиус 2025 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41.
- Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 178–259.
- Гиро-Вебер, Микаэлян 2004 — М. Гиро-Вебер, И. Микаэлян. В защиту глагола *иметь* // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 54–68.
- Добрушина 2013 — Е. Р. Добрушина. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или двести лет вместе с «ихний» // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.

- Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Иванов Вяч. Вс. 1983 — Вяч. Вс. И в а н о в. Заметки по категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. С. 40–53.
- Иванов Вяч. Вс. (ред.) 1989 — Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989.
- Калинина 2023 — А. А. К а л и н и н а. Предикативные посессивные конструкции в языке древнерусских и старорусских деловых и летописных памятников XII–XVI веков. Магистерская диссертация. М.: МГУ, 2023.
- Кузьмина 1993 — И. Б. К у з ь м и н а. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.
- Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
- Лопатина 1998 — Л. Е. Л о п а т и н а. Сочетания типа *у меня болит голова* (рус.) — *мне галава болиць* (бел.). Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *a*-склонения // Восточнославянские изоглоссы / Отв. ред. Т. В. Попова. Вып. 2. М.: Институт русского языка РАН, 1998. С. 245–251.
- Молошная 1986 — Т. Н. М о л о ш н а я. Посессивные синтаксические конструкции в сербскохорватском языке // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 10]. Проблемы диалектологии, категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 179–188.
- Молошная 1987 — Т. Н. М о л о ш н а я. Глагольные конструкции со значением обладания и посессивный перфект в славянских языках // Советское славяноведение. 1987. № 4. С. 91–104.
- Николаев 2020 — С. Л. Н и к о л а е в. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
- Попр.-IX — А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993 (НБГ IX). С. 123–180.
- Правдин 1956 — А. Б. П р а в д и н. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения. Т. XIII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–120.
- Правдин 1957 — А. Б. П р а в д и н. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического факультета. 1957. Вып. 51. С. 106–121.
- Ронько и др. 2023 — Р. В. Р о н ь к о, А. С. А з а н о в а, А. Д. А н и с и м о в, Е. Е. В о й т о в и ч, Е. А. З а л и в и н а, С. А. З е м л я н с к а я, И. А. М а р ч е н к о, Д. И. М о ч у л ь с к и й. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262.
- Смирницкая 1970 — О. А. С м и р н и ц к а я. Семантическое взаимодействие глаголов «hafa» и «vera» в древнеисландском // Вестник Московского ун-та. 1970. № 5. С. 69–74.

Сравнит.-ист. синтаксис 1968 — Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения / Под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1968.

Тихомиров 1953 — М. Н. Т и х о м и р о в. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953.

Трубинский 1983 — В. И. Т р у б и н с к и й. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций / Отв. ред. В. П. Недялков. Л.: Наука, 1983. С. 216–226.

Циммерлинг 2002 — А. В. Ц и м м е р л и н г. Посессивная конструкция предложения // А. В. Циммерлинг Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 643–705.

Циммерлинг 2021 — А. В. Ц и м м е р л и н г. Обладать и быть рядом // А. В. Циммерлинг. От интегрального к аспектному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 308–318.

Шевелева 2019 — М. Н. Ш е в е л е в а. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.

Шевелева 2024 — М. Н. Ш е в е л е в а. Глаголы *имѣти* — *яти* — *имати* в ранних древнерусских памятниках в сравнении со старославянскими // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 24.] Палеославистика — 5 / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 333–362.

Якубинский 1953 — Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953.

Daniel 2003 — M. D a n i e l. Towards a typology of personal locatives. Problem setting // Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology. Cagliari, September 2003.

Dingley 1995 — J. D i n g l e y. IMĚTI in the Laurentian Redaction of the Primary Chronicle // The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday. Moscow: Vostochanya Literatura, 1995. P. 80–87.

Isačenko 1974 — A. I s a č e n k o. On 'Have' and 'Be' languages // Essays in linguistics and literature. Slavic Forum / M. Flier (ed.). The Hague-Paris, 1974. P. 43–77.

Yurayong 2019 — Ch. Y u r a y o n g. Predicative possession in the Novgorod Birch Bark documents in the Ural-Altaic context // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 97. 2019. P. 183–233.

Статья получена 21.03.2025

Maria N. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

mnsheveleva@mail.ru

ON THE DIALECTAL DISTINCTIONS IN THE SPHERE OF OLD RUSSIAN POSSESSIVE CONSTRUCTIONS

The paper discusses dialectal distinctions in the sphere of possessive constructions in Early East Slavic area according to the data of Old Russian vernacular texts (especially birch

bark letters) and chronicles of different regional localization. *Iměti* and *byti*-constructions with *u* + Genitive or non-prepositional Dative in the role of possessor are examined. It is shown that *byti*-construction with *u* + Gen. was the main predicative possessive construction throughout the Old Russian area without distinctions between northern and southern Old Russian dialects. Possessive construction with *iměti* was specifically literary, originated from South Slavic, but periphrastic combinations with abstract nouns might be Proto-Slavic archaisms independent of the Church Slavonic tradition; in the Old Novgorod dialect *iměti* was even less common than in other Old Russian dialects. The archaic possessive dative case could be used in both nominal and predicative constructions throughout the Old Russian area, but such use was regular only with enclitic pronouns of the 1st and 2nd persons, and in the southern Old Russian dialects probably also with the 3rd person pronoun. There were no fundamental dialectal differences that contrast different Old Russian areas in the sphere of grammatical expression of possessiveness – the distinctions were mainly due to the greater or lesser retention of archaisms.

Keywords: possessive constructions, dialectal distinctions, verb *iměti*, *u* + Genitive case, Dative possessive case.

References

- Benveniste, É. (2002). *Obshchaia lingvistika* (2nd ed., transl. from French). Moscow: Editorial URSS.
- Borkovskii, V. I. (1968). *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov. Chleny predlozheniia*. Moscow: Nauka.
- Dingley, J. (1995). IMĚTI in the Laurentian Redaction of the Primary Chronicle. In H. Birnbaum, & M. S. Flier (Eds.), *The Language and Verse of Russia. In Honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday* (pp. 80–87). Moscow: Vostochnaya literatura.
- Dobrushina, E. R. (2013). Norma-kodifikatsiia protiv normy-intuitsii, ili dvesti let vmeste s «ikhni». *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(26), 181–204.
- Gippius, A. A. (2019). Berestiane gramoty iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 47–71.
- Gippius, A. A. (2021). Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2020 g. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 66–92.
- Gippius, A. A. (2024). Berestiane gramoty iz raskopok 2023 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 7–26.
- Gippius, A. A. (2025). Berestiane gramoty iz raskopok 2024 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 7–41.
- Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh gramot [XIII]: predvaritel'naia publikatsiia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 178–259.
- Giro-veber, M., & Mikaelian, I. (2004). V zashchitu glagola *imet'*. In Yu. D. Aprelian (Ed.), *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutiunovoi* (pp. 54–68). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Isachenko, A. (1974). On 'Have' and 'Be' languages. In M. Flier (Ed.), *Essays in linguistics and literature. Slavic Forum* (pp. 43–77). The Hague-Paris.
- Ivanov, Viach. Vs. (1983). Zametki po kategorii pritiiazhatel'nosti. In Viach. Vs. Ivanov (Ed.), *Kategoriia pritiiazhatel'nosti v slavianskikh i balkanskikh iazykakh: Tezisy soveshchaniia* (pp. 40–53). Moscow: Nauka.

- Ivanov, Viach. Vs. (Ed.). (1989). *Kategoriia posesivnosti v slavianskikh i balkanskikh iazykakh*. Moscow: Nauka.
- Kuz'mina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.
- Kuz'mina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1971). *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow: Nauka.
- Lopatina, L. E. (1998). Sochetaniia tipa *u menia bolit golova* (rus.) — *mne galava balits'* (bel.). Okonchaniia roditel'nogo, datel'nogo i mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh *a*-skloneniia. In T. V. Popova (Ed.), *Vostochnoslavianskie izoglossy* (Iss. 2, pp. 245–251). Moscow: Institut russkogo iazyka RAN.
- Moloshnaia, T. N. (1986). Possessivnye sintaksicheskie konstruktii v serbskokhorvatskom iazyke. In L. E. Kalnyn', & T. E. Moloshnaia (Eds.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Iss. 10: Problemy dialektologii, kategoriia posesivnosti* (pp. 179–188). Moscow: Nauka.
- Moloshnaia, T. N. (1987). Glagol'nye konstruktii so znacheniem obladaniia i posesivnyi perfekt v slavianskikh iazykakh. *Sovetskoe slavianovedenie*, 4, 91–104.
- Nikolaev, S. L. (2020). «*Slovo o polku Igoreve*»: rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pravdin, A. B. (1956). Datel'nyi priglago'l'nyi v staroslavianskom i drevnerusskom iazykakh. *Uchenye zapiski Instituta slavianovedeniia*, 13, 3–120.
- Pravdin, A. B. (1957). K voprosu o vyrazhenii prinadlezhnosti v russkom iazyke. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta*, 51, 106–121.
- Ron'ko, R. V., Azanova, A. S., Anisimov, A. D., Voitovich, E. E., Zalivina, E. A., Zemlianskaia, S. A., Marchenko, I. A., & Mochul'skii, D. I. (2023). Pskovskii govor der-even' Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terekhovo i Stepan'kovo Zapadnodvinskogo raiona Tverskoi oblasti. Elementy korpusnogo opisaniia i polevye materialy. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(45), 216–262.
- Sheveleva, M. N. (2019). O drevnerusskom glagole *iměti*, possessivnykh konstruktiiakh i slozhnom budushchem s *imam' / imou* v rannikh vostochnoslavianskikh tekstakh. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 32–50.
- Sheveleva, M. N. (2024). Glagoly *iměti* — *jati* — *imati* v rannikh drevnerusskikh pamiatnikakh v sravnenii so staroslavianskimi. In V. S. Efimova (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika — 5* (pp. 333–362). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Smirnitskaia, O. A. (1970). Semanticheskoe vzaimodeistvie glagolov «hafa» i «vera» v drevneislandskom. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 5, 69–74.
- Tikhomirov, M. N. (1953). *Posobie dlia izucheniia Russkoi Pravdy*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Trubinskii, V. I. (1983). Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh. In V. P. Nedialkov (Ed.), *Tipologiia rezul'tativnykh konstruktii* (pp. 216–226). Leningrad: Nauka.
- Tsimmerling, A. V. (2002). *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh iazykov*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Tsimmerling, A. V. (2021). *Ot integral'nogo k aspektivnomu*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Yakubinskii, L. P. (1953). *Istoriia drevnerusskogo iazyka*. Moscow: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR.

Yurayong, Ch. (2019). Predicative possession in the Novgorod Birch Bark documents in the Ural-Altai context. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja = Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 97, 183–233.

Zalizniak, A. A. (1993). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot. In V. L. Yanin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* (pp. 123–180). Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 1). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke.

Received on March 21, 2025

И. С. ЮРЬЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iriwonok@yandex.ru

**СЛЫШАВЪ ѠЖЕ, РЕЧЕ ЯКО,
ИЛИ О ВЫБОРЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ**

Статья посвящена изъяснительным союзам в оригинальных древнерусских памятниках. В различных непереводах текстах древнерусского периода встречается большое разнообразие изъяснительных союзов: в этой роли представлены *аже, ако, да, еже, иже, како, оже, око, яко*. Большинство из них не слишком частотны. Наиболее распространённые изъяснительные союзы в древнерусском языке — *яко* и *оже*. Между ними и разворачивается основная конкуренция. Как показывают данные исследованных текстов, вариант *яко* употреблялся без каких-либо жанровых или стилистических ограничений и может считаться нейтральным («нулевым») вариантом, изначально опирающимся на книжную традицию. Если в памятнике возможно употребление *оже* (этот союз отсутствует в таких жанрах, как жития, гомилетика, гномические сочинения и хождения), то древнерусский союз вытесняет *яко* из употребления в первую очередь при глаголах ‘(у)видеть’, ‘(у)слышать’ и ‘(у)знать’. Вероятно, это связано с семантическим противопоставлением *яко–оже* в живом древнерусском языке. Прочнее всего *яко* держится при глаголах речи и разных контекстах клятвы (в том числе с конструкциями типа *цѣловати кръсть*). Два менее распространённых союза *аже* и *како* в изъяснительной функции распределяются в зависимости от структуры: *к-ак-о*, так же как *ј-ак-о*, прежде всего употребляется при глаголах речи и конструкциях *цѣловати кръсть*, а *а-же*, как *о-же*, тяготеет главным образом к ‘(у)слышать’ и ‘(у)знать’.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнерусский синтаксис, изъяснительные союзы.

В древнерусских оригинальных памятниках¹ встречается большое разнообразие союзов для присоединения придаточных предложений, заполняющих объектную валентность глагола в главном. Ни один из этих союзов

¹ Материалом исследования послужили непереводаемые древнерусские памятники разных жанров: жития, гомилетика, вопросы клирикам и ответы на них, хождения и летописи. Для сравнения привлекаются данные деловых и бытовых текстов. Все памятники перечисленных жанров, представленные в древнерусском подкорпусе НКРЯ, а также в указанных в настоящей статье изданиях, были подвергнуты сплошному обследованию.

не был специализированным для выражения изъяснительной функции. Задача настоящей работы — охарактеризовать весь набор средств присоединения придаточных изъяснительных, а для наиболее распространённых конкурирующих союзов — показать мотивацию выбора того или иного варианта.

Редкие союзы

В древнерусских текстах в изъяснительном значении изредка встречаются союзы *иже* и *єже*, более распространённые в переводных церковнославянских памятниках. О редкости употребления изъяснительных *иже* и *єже* в древнерусских сочинениях упоминает ещё В. И. Борковский [1979: 117].

Вариант *єже* практически не зафиксирован. Отмечается он, например, в девяти контекстах из Жития Феодосия, ср.:

- (1) *прѣдвѣнын же ѿѿодоси разоумѣвъ кже неправьдно соуще изгънаник* (ЖФП 58а:17–20²) ‘поняв, что’.

Среди древнерусских оригинальных произведений изъяснительный *иже* фиксируется не в самых книжных из них — в летописях. Контексты с ним единичны. По одному примеру обнаруживается в Повести временных лет, Киевской, Галицкой и Волынской летописях:

- (2) *и посемъ паки возропта[ша] на монѣга. и арона иже не бы воды* (ПВЛЛавр, л. 32 об., 986) ‘стали роптать, что’;
 (3) *и за ними боуда. оузрѣ иже половци вси побѣгли* (КЛ 1396:33/139в:1, 1149) ‘увидел, что’;
 (4) *и ѿиде мыслъ си. иже бѣ послѣже ѿмьстѣе створи держателю града того. и въдасть и в роуцѣ данилоу* (ГЛ 788: 12–14, 1240) ‘размышляя, что’.

Ещё один летописный пример вводит прямую речь:

- (5) *и повѣдаша володимерови. гарѣтакъ прихалъ. и не вѣле емоу перѣ сѧ. но рѣ княгини своен. иже роспроси его. с чимъ прихалъ* (ВЛ 908: 25–28, 1287) ‘...сказал своей княгине (, что): «Расспроси его, с чем он приехал»’.

При этом ни в бытовых (берестяные грамоты), ни в деловых текстах (пергаменные грамоты Новгорода и Пскова, Русская Правда) вообще нет союза *иже* ни в одной из функций. Приходится признать, что приведённые летописные контексты с изъяснительным *иже* в древнерусских сочинениях оригинальных жанров абсолютно маргинальны.

² Здесь и далее цифра (с буквенным индексом или без) перед двоеточием обозначает страницу, цифры после двоеточия — строки.

Из общеславянских союзов, изредка выступающих в изъяснительной функции, следует отметить *да*. Этот союз присоединяет придаточные изъяснительные только в летописях.

Союз *да* обыкновенно употребляется как сочинительный (ср. [СРЯ XI–XVII, 4: 163–164]). В древнерусских памятниках изъяснительный *да* встречается очень редко [Борковский 1979: 120–121]. Этот союз во всех зафиксированных контекстах вводит прямую либо косвенную речь, ср.:

- (6) **ФЕДОСИИ ЖЕ РЕ^ч ИМЪ. ДА АЩЕ Ѡ МЕНЕ ХОЩЕТЕ ИГУМЕНА ПРИАТИ. ТО АЗЪ СТВОРИЮ ВА[М]Ъ. НО НЕ ПО СВОЕМУ. ИЗВОЛЕНИЮ НО ПО БЖИЮ СТРОЕНЬЮ** (ПВЛ 69а: 10–15, 1074) ‘А Феодосий им сказал (,что): «Если вы хотите принять игумена от меня, то я сделаю [это] для вас...»’;
- (7) **І РЕ^ч СТОПОЛКЪ ДВДВИ. ДА АЩЕ ПРАВО МОЛВИШИ. ДА БЪ ТИ БУД[І] ПОСЛУХЪ** (ПВЛ 88с: 3–4, 1097) ‘И Святополк сказал Давыду (, что): «Если ты говоришь правду, то пусть Бог будет тебе свидетелем»’;
- (8) **И РѢКОША ВОЛОДИМѢРЬЦИ ДА КТО С ВАМИ В ДУМѢ ТО БУДИ ВАМЪ. А НАМЪ НЕ НАДОБѢ** (КЛ 208б: 26–29, 1175) ‘И владимирцы сказали (, что): «Кто с вами в сговоре, тот пусть будет ваш, а нам не нужен»’;
- (9) **УБѢЩА ЕМОУ. ДА СЕЛО ЕГО НЕ ПОЖЬЖЕНО БОУДЕТЬ** (ГЛ 832: 8–9, 1256) ‘Он обещал ему, что его огород не сожгут’.

Во всех придаточных, присоединяемых союзом *да*, речь идёт о гипотетической ситуации: чаще всего объектную валентность заполняет условная конструкция; встречаются также отсылки к будущему, в том числе обещания. Можно предположить развитие такого союзного употребления *да* из оптативной частицы *да* [Кореѣнѹ 1980: 140].

Изредка в оригинальной древнерусской письменности встречаются примеры употребления изъяснительных *ако*³ и *око*. Для обоих союзов изъяснительная функция не единственная: *ако* отмечается в древнерусских памятниках также как сравнительный [СРЯ XI–XVII, 1: 26], а *око* — как союз причины и следствия [СДРЯ, VI: 131].

Союз *ако* в изъяснительном употреблении фиксируется только в Киевской и Суздальской летописях, причём, несмотря на наличие в обеих летописях текста, восходящего к общему протографу, все употребления изъяснительного *ако* в двух памятниках независимы.

Круг предикатов главного предложения при этом ограничен⁴. В большинстве случаев изъяснительный *ако* встречается в контексте крестного целования — наиболее распространена конструкция типа **цѣловати крѣстъ**⁵, ср.:

³ Древнерусский подкорпус НКРЯ даёт только один контекст с изъяснительным *ако* в переводном памятнике — в Пчеле.

⁴ О возможных причинах такого ограничения см. ниже о союзах *яко* и *како*.

⁵ К этой конструкции здесь и далее относятся также существенно менее распространённые **цѣловати [икону]**, **водити ко крѣстоу** и под.

- (10) **ты ѿ намъ хрѣтъ цѣловалъ ако ти поити с нами <на> изъслава** (КЛ 132г: 27–29, 1148) ‘Ты целовал нам крест [в том], что тебе должно пойти с нами против Изъслава’;
- (11) **на томъ ксмъ цѣловали крѣ ако поити ны суждалю** (СЛ 335: 127–128, 1151) ‘Мы целовали крест [в том], что[бы] нам пойти к Суздалю’;
- (12) **и цѣлоуи ко мнѣ стоюю бѣю ако мене не примеши. но поустиши ма къ ѿцю своемуу** (КЛ 143г: 30–33/144а:1, 1150) ‘И целуй мне [икону] Пресвятой Богородицы [в том], что меня не захватишь, а отправишь к отцу’.

Реже встречаются глаголы речи и ментальной деятельности, например:

- (13) **рекоша же ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопли соутъ. в хирии** (КЛ 220г: 7–10, 1183) ‘И они сказали, что во время той битвы осадные приспособления, и кони, и много скота утонуло в Хирии’;
- (14) **володимеръ же мна ако к нему идуть** (СЛ 311: 26–27, 1144) ‘думая, что’.

На протяжении всего древнерусского и старорусского периода употребления союза *ако* остаются спорадическими: как в Киевской, так и в Суздальской летописях в более поздних списках он заменяется на *яко/якоже*; в текстах старорусского подкорпуса НКРЯ примеры изъяснительного *ако* крайне малочисленны.

Изъяснительный *ако* исключительно редок и, по-видимому, закреплён за новгородской зоной. Среди исследованных текстов примеры с этим союзом обнаружены только в Новгородской Первой летописи, их всего два, оба — в контексте крестного целования. Соответственно, область употребления *ако* в изъяснительных придаточных совпадает с предпочтительными контекстами для *ако*:

- (15) **и цѣловаша новгородци чѣтныи хѣ ако не хочемъ оу себе държати дѣтти дмитровыхъ** (75: 15–18, 1209) ‘И новгородцы целовали честный крест [в том], что «мы не намерены у себя держать Дмитровых детей»’;
- (16) **и тѣ оканьныи воквода цѣловавъ крѣ чьныи къ мьстислави и къ овѣма кнѣзема ако ихъ не избити. нѣ поити ихъ на искоупъ. и сълга оканьныи прѣда ихъ изважавъ татаромъ** (99: 3–9, 1224) ‘целовав крест... [в том], что не перебьёт их’.

Помимо этих двух контекстов, среди всех древнерусских памятников на настоящий момент с союзом *ако*, выступающим, возможно, как изъяснительный, отмечены только малочисленные примеры из берестяных грамот [Зализняк 2004: 770]: с некоторой долей вероятности можно предположить изъяснительную функцию у союза *ако* в грамотах № 581 (1180–1200) и № 38 (1380–1400).

Ещё четыре союза в изъяснительной функции представлены шире. Это *яко*, *оже*, *аже* и *како*.

Пара *яко*–*оже*

Самые распространённые союзы, употребляющиеся в древнерусских текстах в изъяснительной функции, — мультифункциональные *яко* и *оже*. Общеславянский (ср. [Кореѣнѹ 1980: 233–237]) союз *яко* в сложноподчинённых предложениях выступает в оригинальных и переводных восточнославянских текстах ещё как союз следствия, причины, цели, условный, уступительный [Срезн, III: 1654–1655] и временной [ССЯ, IV: 946]. Восточнославянский (ср. [Кореѣнѹ 1980: 567–569]) союз *оже* бывает условным, причинным и целевым [СДРЯ, VI: 112–113; СРЯ XI–XVII, 12: 296–298]. В абсолютных цифрах *яко* встречается намного чаще и распространён шире, а употребление *оже* имеет ограничения.

Основной союз, выступающий в качестве изъяснительного в произведениях всех жанров, — *яко*. Исключение одно — «Слово о полку Игореве», но в этом памятнике просто нет придаточных изъяснительных предложений.

В непереводах древнерусских произведениях наиболее книжных жанров, таких как гомилетика и агиография, практически⁶ единственный изъяснительный союз — *яко*. В гномических сочинениях Даниила Заточника придаточные изъяснительные возможны только с *яко*, ср.:

- (17) *Се бо был есмь в велицеи мнозе нужи и печали и под работным ером пострадах; все то искусих, яко зло есть* (МДЗ 60: 10–12) ‘убедился на опыте, что’.

То же верно и для древнерусских хождений игумена Данила и Антония-новгородца: немногочисленные примеры изъяснительных придаточных присоединяются с помощью *яко*, ср.:

- (18) *И о семъ похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго имена князей рускихъ написати* (ХДИ 140: 7–8 = ХДИ РНБ 151: 12–15) ‘за то восхваляю, что’;
- (19) *се же рече г҃ь. яко печалую. не зане умрети хошу. но зане їзль ти своі быша. ї ти хотѣ ма распати* (ХАН 4а: 3–6) ‘сказал, что «Скорблю...»’.

В произведениях прочих жанров допускается союз *оже*.

⁶ См., например, выше о *еже* в Житии Феодосия. В любом случае примеры *иже*, *аще* (см. [Борковский 1979: 118]) и некоторых других союзов, часть которых будет упомянута далее, в изъяснительной функции представляют собой лишь редкие вкрапления в текст.

Основная конкуренция изъяснительных союзов разворачивается между *яко* и *оже* — в тех памятниках, где употребление *оже* возможно.

Исследователи отмечали, что союз *яко* вводил прямую речь, в отличие от *оже*, который мог маркировать только начало косвенной речи [Преображенская 1991: 141]. О конкуренции *яко* и союзов на *-же* (*оже* и *аже*) в Киевской летописи пишет М. Н. Шевелева: *яко* чаще всего употребляется при глаголах речи для передачи прямых цитат, *оже* закреплён за косвенной речью при ментальных и перцептивных глаголах, *аже* может использоваться при прямой речи, а также с предикатом *слышати* [Шевелева 2009: 146–150]. Р. Перельмуттер связывает использование *яко* для передачи прямой речи с эвиденциальной семантикой этого союза и, соответственно, с потребностью указать на дистанцирование летописца от говорящего (ср. совр. *якобы*) [Perelmutter 2009: 125–126]. Выбор между *яко* (прямая речь, модальность недостоверности, сомнительности) и *же*-союзами (косвенная речь) применительно к ранне летописным контекстам передачи чужой речи обсуждается также в работах Е. А. Власовой (см. [Власова 2013: 196; 2016: 146]).

Как показывает настоящий анализ, в тех древнерусских оригинальных памятниках, где отмечается минимальная пара *яко–оже*, эти два союза в придаточных изъяснительных распределяются в зависимости от семантики предиката в главном предложении.

Не все употребления *оже* ‘что’ учитываются в дальнейшем рассуждении. Так, в одном контексте из Вопросания Кирика союз *оже* также выступает в изъяснительной функции, но употребляется с частицей *то*:

- (20) *А смердъ дѣла помолвихъ оже по селомъ живоуть а покають оу насъ оже то друзги падають вѣверичиноу и ино злѣ* (Вопр 531: 35–47, реплика Кирика) ‘А из-за смердов сказал я, которые живут по деревням и каются у нас, что некоторые едят мясо белок...’

Приведённый контекст — единственный среди всех рассмотренных памятников, а также единственный в древнерусском подкорпусе НКРЯ с *оже то* в изъяснительном употреблении, в связи с чем из дальнейшего рассуждения о соотношении *яко–оже* Вопросание исключается.

Памятники, полностью отвечающие условию «наличие минимальной пары *яко–оже*», — Поучение Иоанна-Илии (ПИИ) и все раннедревнерусские летописи, за исключением Галицкой, где *яко* — единственный изъяснительный союз⁷.

Если посчитать все употребления двух самых частотных изъяснительных союзов в релевантных памятниках, соотношение будет следующее:

⁷ Эта летопись среди всех древнерусских нарративных памятников в наибольшей степени ориентирована на употребление книжных форм и конструкций, вплоть до искусственно образованных (см. [Юрьева 2013: 144]), что отражается и на практике употребления изъяснительных союзов, совпадающей со стратегией таких жанров, как гомилетика и жития.

Таблица 1

Распределение *яко–оже* в зависимости от семантики предиката

	<i>яко</i>	<i>оже</i>
‘(у)видеть’ ⁸	19	23
‘(у)слышать’	26	76
‘(у)знать’	43	45
‘(по)думать’	18	1
глагол речи ⁹	119	28
‘клясться’	8	0
крестное целование ¹⁰	42	6

Уже из этих данных видно, что распределение *яко–оже* по опорным предикатам явно коррелирует с представлением о достоверности/недостоверности сообщаемых сведений. Древнерусский *оже* максимально преобладает с предикатами ‘(у)слышать’, а *яко* существенно чаще встречается с глаголами речи и ментальными глаголами и служит единственно допустимым союзом при глаголах и конструкциях со значением ‘клясться’, кроме *цѣловати крѣстѣ*, — но и в последнем случае он в несколько раз частотнее. Закреплённость «*цѣловати крѣстѣ + тако*» как устойчивых сочетаний в языке древнерусских летописей отмечает Е. А. Власова [2016: 158]. С предикатами ‘(у)видеть’ и ‘(у)знать’ контекстов с *яко* и *оже* примерно поровну. В целом можно сказать, что *яко* лучше всего сохраняется с предикатами порождения информации, а *оже* изначально допускается в текст при глаголах получения информации. В первом случае речь идёт о передаче чужих слов, мнений, непроверенных или сомнительных сообщений либо о ещё не исполненных обещаниях. Во втором — о точных сведениях.

Данные источников, максимально близких к живому древнерусскому языку, не противоречат представленному распределению. В бытовой письменности присутствуют крайне редкие примеры и с *яко*, и с *оже*. Изъяснительный *яко* имеется в берестяной грамоте № 752 1110–1120 гг.:

(21) *а азъ тѣ есмѣла акы братъ совѣ ци оуже ти есмь задѣла
съялюци а товѣ вѣдѣ яко есть не годѣнъ* ‘А я к тебе относилась
съялюци а товѣ вѣдѣ яко есть не годѣнъ

⁸ В летописных контекстах с изъяснительными придаточными *-видѣти*, как правило, значит ‘осознать, понять’, однако с точки зрения распределения союзов предикаты с первоначальной семантикой ‘(у)видеть’ и ‘(у)знать’ в некоторых случаях различаются, поэтому здесь и далее они разведены.

⁹ Сюда включены также предикаты со значением ‘договориться’ — например, глагол *сѣдоумати*.

¹⁰ Конструкция *цѣловати крѣстѣ* (и аналогичные) вынесена из рубрики ‘клясться’, поскольку в одном из памятников ведёт себя особым образом — об этом см. далее.

как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]?
А тебе я понимаю, что не любо...’ (см. [Зализняк 2004: 249–250]).

В процитированном контексте в главном предложении употреблён глагол с семантикой ‘знать’ — как видно из таблицы выше, в относительно более книжных памятниках при таких глаголах *яко* и *оже* встречаются почти с равной частотой. Оба изъяснительных придаточных Русской Правды присоединены союзом *яко*, оба употреблены рядом и в обоих выступает одна и та же конструкция *ротѣ ити / ходити*. Семантика предиката, соответственно, ‘клясться’, а в таких контекстах в релевантных источниках, данные которых приведены в Таблице 1, абсолютно предпочитается *яко*, как и в Русской Правде:

- (22) *то ити кмоу ротѣ· како не вѣдалъ ксмь вже ксть холопъ* (627: 18–20) ‘ему следует идти к присяге, что’;
(23) *ротѣ ходивше· како не вѣдала ксмь коупилъ* (627: 37–38) ‘придя к присяге, что «я купил, не зная»’.

Изъяснительный *оже* в берестяных письмах отмечается дважды — с предикатами ‘слышать’ и ‘знать’, что тоже не противоречит распределению *яко–оже* в летописях и Поучении Илии-Иоанна:

- (24) *се есме слышани оже грамът[ѣ]...* (№ 870, 1120–1140) ‘вот мы слышали, что грамоты...’ (см. [Зализняк 2004: 316]);
(25) *вы ведаета оже ѿ тѣже не добыте* (№ 603, 1160–1180) ‘вы оба знаете, что я тяжбы не выиграл’ (см. [Там же: 404]).

Можно предположить, что в древнерусском языке выбор изъяснительного союза был изначально семантически мотивирован, что находит отражение в относительно более близких к живому языку произведениях. Однако существование книжной традиции, в которой отсутствуют семантические ограничения для изъяснительного *яко*, делает соотношение *яко–оже* менее прозрачным, и поэтому следует говорить не о чисто семантическом противопоставлении двух союзов в релевантных текстах, а скорее о вытеснении общеславянского союза древнерусским в отдельных позициях.

Возвращаясь к основным текстам, рассматриваемым в данной работе, следует отметить, что уже в Повести временных лет, где обнаружены всего три контекста с изъяснительным *оже* из 145 придаточных такого типа, этот союз выступает с предикатами ‘(у)слышать’ (дважды) и ‘(у)знать’.

Оба примера с предикатом *слышати* + *оже* зафиксированы в прямой речи летописных персонажей — т. е. древнерусский союз используется в летописи в контекстах, наиболее близких по параметрам к живому языку:

- (26) *се слышу вже идеть володимеръ и стѣполкъ на двѣ* (ПВЛ 91a: 6–8, 1197);
(27) *се азъ слышу вже ма хочеть двѣ давати лахомъ* (ПВЛ 91b: 7–9, 1097) ‘слышу, что’.

Логично, что собственно древнерусский союз проникает прежде всего именно в прямую речь. Контекст с глаголом '(у)знать' в само летописное повествование не входит — он из Договора с греками 945 г. и отмечается поэтому только в Ипатьевском списке (и параллельных ему):

- (28) и ѿ тѣхъ да оувѣмы и мы. ѡже с миромъ приходѣт (ПВЛ 19а: 18–25) 'узнаем, что'.

При этом *яко* не имеет никаких ограничений в употреблении — так, с предикатом *слышати* он выступает 14 раз. Летописный нарратив Повести временных лет полностью ориентирован на книжную традицию.

В прочих релевантных текстах изъяснительный *оже* более частотен.

В Поучении Илии-Иоанна не слишком много придаточных изъяснительных, но при этом союз *оже* в них не только допустим, но и значительно преобладает над *яко*.

Таблица 2

Изъяснительные союзы в Поучении Илии-Иоанна

	<i>яко</i>	<i>оже</i>
'(у)видеть'	1	1
'(у)слышать'	0	5
'(у)знать'	1	14
'думать'	4	0
глагол речи	1	0

При предикатах '(у)слышать' в памятнике возможен только *оже* — т. е. общая тенденция, продемонстрированная в Таблице 1, доведена до предела. Ср.:

- (29) А се слышѣ же ѡже прѣже м̄. днѣи хр̄титѣ дѣти оугодѣмъ члкомъ творѣце (179: 9–11) 'А вот я слышу, что вы до (исполнения) 40 дней крестите детей, поступая в угоду людям'.

С предикатами 'узнать' (*вѣдати*, *вѣдѣти*, *свѣдати* и *испытати*) союз *оже* безусловно предпочитается — например:

- (30) сами бо вѣдаете ѡже всего е̄ лоуче же имѣеть члкъ житіе свое что въ покаяньи (183 об.: 3–5) 'Ведь вы сами знаете, что лучше всего, если человек проводит свою жизнь чисто, в покаянии';
- (31) сами бо свѣдаете оже въ пѣтїи боуши всего бывае̄т дши пагоуба (175 об.: 1–3) 'Ведь вы сами знаете, что в пьянстве страшнее всего погибель для души'.

Таким образом, концентрация древнерусских союзов при этом предикате вновь значительно выше средней. Единственное исключение с *яко* — кон-

текст с упоминанием Бога и Богородицы, включающий оборот *Dativus absolutus*, т. е. заведомо максимально книжный¹¹. Глагол используется атематический — **свъѣдѣти** (изъяснительный **оже** употребляется со **свъѣдати**):

- (32) **Нъ то бѣи свѣдѣщию и прѣчи мѣри его тако не са его възиска нъ оубо авса соуда бжѣа и вашен лювви** (174: 5–6/174 об.: 1–2) ‘Но о том знает Бог и Пречистая Его Матерь, что не сам я взялся за это, но устранившись суда Божьего и (по) вашей любви’.

Все придаточные изъяснительные при глаголах ментального восприятия и глаголах речи в Поучении присоединяются только с помощью **яко**, что тоже соответствует общей тенденции, — ср.:

- (33) **Нъ азъ мною тако то лжа е** (179 об.: 23) ‘Но я думаю, что это ложь’;
 (34) **Не рците тако тако слышали есмѣ и видѣли есме оу прьвхъ поповъ** (178 об.: 23–25) ‘Не говорите так, что [, мол,] «мы слышали и видели у прежних священников»’.

Вернёмся к летописям.

Суздальская летопись, наряду с Галицкой и Повестью временных лет, входит в группу более книжных древнерусских летописей. Союзы **яко** и **оже** в Суздальской летописи в количественном отношении употреблены практически с одинаковой частотой, но в зависимости от предиката главного предложения распределены по-разному.

Таблица 3

Изъяснительные **яко** и **оже** в Суздальской летописи

	яко	оже
‘(у)видеть’	0	1
‘(у)слышать’	4	24
‘(у)знать’	7	5
‘думать’	4	0
глагол речи	12	2
‘клясться’	1	0
крестное целование	1	0

Во-первых, в полном соответствии с усреднёнными данными релевантных памятников в контекстах клятвы употребляется только **яко**:

- (35) **ониѣм же кленуци са и ротации тако нѣ то тако** (431: 6–7, 1207) ‘А они клялись и божились, что это не так’;

¹¹ И, таким образом, употребление изъяснительного союза соответствует традиции, отражённой в наиболее книжных памятниках.

- (36) и цѣлова крѣ к ни^с· тако иду оуже суждалю (336: 17–18 = КЛ 160г: 10–11) ‘И он целовал к ним крест, что «я уже иду на Суздаль»’.

При глаголах речи изъяснительный *яко* существенно (в восемь раз) преобладает. С предикатами, имеющими значение ‘(у)слышать’, наоборот, в шесть раз частотнее союз *оже*, а при ‘(у)знать’ он встречается реже, чем *яко*, но допустим.

Только союз *оже* употреблён после глагола *видѣти* — тоже в значении ‘узнать, понять’. Этот единственный контекст с *видѣти* в летописи имеет параллельное чтение в Киевской летописи:

- (37) и видѣвшѣ вже нѣтъ ѿ изаслава ни вѣсти (СЛ 321: 12 = КЛ 1286: 17–18, 1147).

При прочих глаголах с семантикой ‘(у)знать’ все контексты с *яко* не совпадают с чтениями Киевской летописи, из пяти примеров с *оже* три восходят к общему с Киевской летописью источнику. Таким образом, если убрать параллельный текст, соотношение *яко/оже* после ‘(у)знать’ будет 7 : 2, а не 7 : 5. Видно, что в собственном тексте Суздальской летописи при предикатах с такой семантикой однозначно предпочитается *яко*. Ср. похожие примеры из непараллельных чтений:

- (38) и оувѣдѣша вже Ярополкъ доспѣлъ· с братьєю своєю (305: 25–26, 1138) ‘И они узнали, что подоспел Ярополк со своими братьями’;
 (39) оувѣдавъ вже идеть Ярополкъ съ братьєю к Чернигову· и иде таможе (303: 1–2, 1138) ‘он, узнав, что Ярополк с братьями идёт к Чернигову, пошёл туда же’;
 (40) и тако оувѣдѣвшѣ олеговичи· тако андрѣви не вѣ помоци ѿ братьѣ (305: 17–19, 1138) ‘И вот Олеговичи узнали, что Андрей не (получил) помощи от братьев’.

В собственном тексте Суздальской летописи среди предикатов со значением ‘(у)знать’ *оже* употребляется только с *оувѣдати* и *оувѣдѣти*. Для *яко* выбор шире: это *познати*, *оувѣдѣти*, *вѣдѣти* и *разоумѣти* ‘понять’. Как существенное преобладание *яко* над *оже* в собственном тексте памятника, так и ограничения на употребление *оже* свидетельствуют, что и в этом пункте Суздальская летопись демонстрирует большее устроение по сравнению со средними данными, т. е. книжная традиция употребления изъяснительных союзов в памятнике оказывается предпочтительной.

То же верно и для глаголов речи: выбор делается в пользу более книжного варианта. Оба контекста Суздальской летописи с *оже* после глагола речи восходят к общему с Киевской летописью протографу, во всех прочих чтениях выступает *яко*, ср.:

- (41) и сказа кмѣ· уже ко ѿступили^с князи черниговьстни· и цѣловали на нь крѣ (СЛ 316: 3–5 = КЛ 126г: 24–27, 1147) ‘И он сказал ему, что отступились от него черниговские князья и целовали против него крест’ —

- (42) и начаша глѣти кѣмꙋ рекꙋще · тако ростиславъ гюргевичъ подмолви^л на тѣ люди и берендичи и кияны · а хотѣлъ съѣсти кыевѣ (СЛ 320: 21–24, 1149) ‘И они стали говорить ему, сообщая, что «Ростислав Юрьевич подговорил против тебя людей, и берендичей, и киевлян — а собирался княжить в Киеве»’.

Что касается ‘(у)слышать’, то с этим предикатом изъяснительный союз *оже* в Суздальской летописи в шесть раз частотнее, что совпадает с общей тенденцией. Контексты при этом явных различий не имеют, ср.:

- (43) пото^м же оꙋслышавше половци тако Ѹмерлъ ксть володимеръ князь (295: 15–16, 1125) ‘А потом половци, услышав, что умер князь Владимир...’ —
- (44) оꙋслышав же романъ · [и] игорь и володимеръ · *уже* воротились *впять* (402: 13–14, 1186) ‘А Роман, Игорь и Владимир, услышав, что те вернулись обратно...’.

Глаголов, при которых используется исключительно *оже*, кроме единственного контекста с *видѣти*, приведённого выше, в Суздальской летописи нет, с большинством предикатов существенно преобладает *яко*; *оже* частотнее своего синонима только при глаголах со значением ‘(у)слышать’.

Употребление подчинительных союзов в Новгородской Первой летописи, которая имеет множество не книжных черт, часто демонстрирует близость к более книжным нарративным памятникам (см., например, о временных союзах в [Юрьева 2021б]). В распределении *яко–оже* Новгородская летопись даже ближе к книжной архаичной Повести временных лет, чем Суздальская. Изъяснительный *оже* выступает в Новгородской летописи всего в пяти случаях. Но контексты, в которых *оже* появляется, всегда содержат глаголы получения информации.

Таблица 4

Изъяснительные *яко* и *оже* в Новгородской Первой летописи

	<i>яко</i>	<i>оже</i>
‘(у)видеть’	4	1
‘(у)слышать’	6	2
‘(у)знать’	1	2
‘думать’	1	0
глагол речи	14	0
крестное целование	10	0

С конструкцией *цѣловати крѣстъ* из двух основных изъяснительных союзов в Новгородской Первой летописи возможен только *яко* — как практически и во всех релевантных памятниках, например:

- (45) человали бо вѣху хъ чѣнгын· кѣ мѣстиславоу· съ всѣми новгородци· ако всѣмъ одинакъмъ бѣгги (83 об.: 4–7) ‘Они целовали честной крест к Мстиславу со всеми новгородцами, что[бы] всем быть заодно’.

Глаголы речи тоже допускают только *яко*, как в Повести временных лет и в независимом тексте Суздальской летописи.

Во всех примерах Новгородской летописи с придаточными изъяснительными при глаголах ‘(у)знать’ представлены разные предикаты. Теоретически можно предположить, что в контекстах такого типа предпочитается *оже*, но примеров всего три, так что серьёзных выводов здесь сделать нельзя. Из трёх опорных предикатов с *оучюти* и *оувѣдати* употреблён *оже* (примеры (46) и (47)), с *оурозоумѣти* — *яко* (48):

- (46) и оучювъ гюрги оже въ мале шли (26: 18/26 об.: 1, 1149) ‘И узнал Юрий, что они пошли с небольшим войском’;
 (47) тѣгда же оувѣдавше татари· оже идоутъ роустни кнѣзи (97: 20–21, 1224) ‘И тогда татары узнали, что идут русские князья’ —
 (48) оурозоумѣвъ· яко си съгаша имъ (115 об.: 1–3, 1232) ‘узнав/поняв, что те им солгали’.

В придаточных изъяснительных при ‘(у)слышать’ союз *яко* частотнее в три раза, существенных отличий в употреблении нет, например:

- (49) онъ же оуслышавъ оже идоутъ на нь (34: 9–10, 1167) ‘А он, услышав, что на него идут...’;
 (50) се слышимъ оже идете противоу насъ· послоушавше половць (97 об.: 2–4, 1224) ‘А вот мы слышим, что вы выступаете против нас, послушавшись половцев’ —
 (51) и оуслышаша новѣгородѣ· яко стѣпѣкъ идеть кѣ нимъ (22 об.: 5–7, 1142) ‘И услышали в Новгороде, что Святополк идёт на них’;
 (52) и слышавше пльсковичѣ яко идеть к нимъ кнѣзь (104: 6–7, 1228) ‘И псковичи, услышав, что на них идёт князь...’

По употреблению изъяснительных союзов *яко–оже* Новгородскую Первую следует отнести к группе более книжных летописей, к которым по этому параметру относятся Повесть временных лет и Суздальская летопись.

В Волынской летописи, достаточно широко отражающей явления живой речи, изъяснительный *яко*, в отличие от нарративных памятников, описанных ранее, употребляется редко. Контекстов с этим союзом всего два. Первый из них — с глаголом речи, т. е. в позиции, где в более книжных текстах всегда делается выбор в пользу *яко*. Второй — с предикатом, имеющим семантику ‘(у)знать’, для которого в относительно книжных летописях *яко* предпочтительнее. Но и с такими предикатами *оже* всё равно частотнее. Правда, нельзя не упомянуть, что в целом придаточных изъяснительных в Волынской летописи весьма немного.

Таблица 5

Изъяснительные *яко* и *оже* в Волынской летописи

	<i>яко</i>	<i>оже</i>
‘(у)видеть’	0	4
‘(у)слышать’	0	4
‘(у)знать’	1	2
глагол речи	1	4

Глагол речи с *яко* встретился в контексте с цитатой из Писания (Иак. 5: 19):

- (53) приведемъ в тебе ѿ стѣхъ. псани. реное. яко вративы. грѣшника ѿ заблужения поутни его спѣти и дшю. и покрыеть множество грѣховъ (915: 22–24/916: 1–2, 1288) ‘сказанное, что’.

Глагол ‘знать’ с тем же союзом тоже зафиксирован в чтении, где упоминается Бог, причём в составе панегирика:

- (54) вѣде же яко аще не тѣломъ но дхмъ показывает ти гъ вса си (924: 14–15, 1289) ‘Я знаю, что если не в теле, то в духе показывает тебе Господь всё это’.

Во всех неспецифических контекстах памятника употреблён *оже*. Это основной нейтральный изъяснительный союз в Волынской летописи, ср. примеры:

- (55) и придоша ко червнюу. и видиша уже села горать. а ляховѣ воюють (865: 25–27, 1268) ‘увидели, что’;
- (56) а нынѣ господине ... слышалъ есмь. уже еси далъ землю свою всю и города. братоу своему Мьстиславоу (906: 16–18, 1287) ‘я слышал, что’;
- (57) и привѣже ратиславко мьстиславль. нагъ и босъ. и начатъ повѣдати в бывшемъ. уже извѣтъ богарѣ. вси мьстиславль и лвовѣ слоугы вси извѣты а друззи помани (877: 20–24, 1277) ‘стал рассказывать, что’;
- (58) вѣдаешъ самъ. уже га не двою рѣчью. ни га пакъ ложь былъ (911: 21–23, 1288) ‘Ты знаешь сам, что я не двуличный и не был обманщиком’.

Волынская летопись демонстрирует здесь картину, зеркальную по отношению к более книжным нарративным памятникам: создаётся впечатление, что в ней не *оже* вытесняет *яко* при глаголах ‘видеть’, ‘слышать’ и ‘знать’, а *яко* сохраняет лишь свои самые устойчивые позиции. Важно отметить, что ключевых контекстов, характерных только для *яко* (крестное целование, клятва), с изъяснительными придаточными в памятнике нет.

Ситуация с изъяснительными союзами в Киевской летописи наиболее интересная и разнообразная среди всех древнерусских памятников. Это касается и минимальной пары **яко–оже**. Как и в Волынской летописи, **оже** в этом памятнике существенно частотнее, чем **яко**.

Таблица 6

Изъяснительные **яко** и **оже** в Киевской летописи

	яко	оже
‘(у)видеть’	1	16
‘(у)слышать’	2	39
‘(у)знать’	7	22
‘думать’	5	1
глагол речи	13	22
крестное целование	31	6
‘клясться’	3	0

Данные полного текста летописи показывают, что даже глаголы речи чаще употребляются в памятнике с союзом **оже**, а не с **яко** — в этом отношении Киевская летопись скорее ближе к Волынской, чем к прочим древнерусским нарративам.

Только с **яко** ‘что’ зафиксированы предикаты ‘клясться’ — как и во всех релевантных текстах.

Что касается конструкции **цѣловати крѣстѣ**, то её отход от общей тенденции, который демонстрируют данные Таблицы 6, имеет своё объяснение. Киевская летопись по многим грамматическим и лексическим параметрам делится на шесть текстологически разнородных частей (см. [Юрьева 2021a]). Все контексты с **цѣловати крѣстѣ** + **оже** сосредоточены в одной из них — во второй (листы 116в: 20–146г: 15, статьи 1144–1150 гг.). Но даже в этой части летописи при конструкции **цѣловати крѣстѣ** преобладает **яко**.

Таблица 6а

Изъяснительные **яко** и **оже** в КЛ-2

	яко	оже
‘(у)видеть’	0	7
‘(у)слышать’	1	11
‘(у)знать’	2	8
‘думать’	1	0
глагол речи	2	7
крестное целование	10	6
‘клясться’	0	0

Интересно отметить, что в контекстах крестного целования в рассматриваемой части Киевской летописи выбор придаточных с *яко* и *оже* представляется мотивированным. При конструкциях *цѣловати крѣстъ с яко* обычно нет соотносительного местоимения *то*, хотя в одном примере из десяти оно всё же имеется, ср.:

- (59) *азъ цѣлоую крѣтъ за братомъ своимъ. тако не боудеть въ насилья никотороже* (119а: 30–33, 1146) ‘Я целую крест вслед за своим братом [в том], что к вам не применяют никакого принуждения’;
- (60) *и на томъ хрѣтъ целоваша. тако переяславскомъ. полку что будеть. погреблено. или стада или челядь. что ли кому будеть. свое познавши. помати. же по лицу* (143б: 9–15, 1149) ‘И они целовали крест в том, что из того, что будет захвачено в переяславском сражении и случится кому признать своё, следует забрать что обнаружится’.

В случае употребления союза *оже* местоимение *то* используется всегда, например:

- (61) *на томъ азъ. цѣлова к нимъ хрѣтъ. оже ти га имѣти въ правдоу и любити* (119б: 1417, 1146) ‘В том я целовал им крест, что [буду] с тобой обращаться по справедливости и оказывать расположение’;
- (62) *цѣлоуимы. на то стою бѣю оже не дати ва на полонъ* (123а: 13–15, 1146) ‘Поцелуем же в том (икону) святой Богородицы, что не сдадим вас в плен’;
- (63) *ны же цѣлоуйте на томъ хрѣтъ оже въ про игора ворожды не имѣти ни того оучинити. што есте хотѣли преди оучинити* (133г: 21–26, 1148) ‘А теперь целуйте крест в том, что вы не будете враждовать с Игорем и не устройте того, что раньше собирались устроить’.

Во всём остальном тексте Киевской летописи, как и в других нарративных памятниках, примеры из которых были приведены выше, контексты крестного целования с *оже*-придаточным не встречаются — можно, наверное, считать это стилистической особенностью одной из текстологически обособленных частей памятника. Однако сама возможность появления *оже* в подобных контекстах может свидетельствовать о разрушении изначального семантически мотивированного противопоставления *яко–оже* в живом языке (или по крайней мере в одном из его диалектов) и расширении функций древнерусского союза. Теми же причинами можно, по всей видимости, объяснить и универсальность *оже* ‘что’ в Волынской летописи.

Союз *яко* ‘что’ с глаголом со значением ‘(у)видеть’ зафиксирован в Киевской летописи один раз — в первой текстологической части (до л. 116в: 19, статьи до 1144 г.), в оборванном контексте, что затрудняет анализ:

- (64) *видиши. тако га к тобѣ крѣта и еще* (113в: 5–6, 1140) ‘ты видишь (смотри/обрати внимание на то), что’.

Как показывает материал по другим подчинительным союзам (см. [Юрьева 2021б; 2022]), в летописях контексты, связанные с крестным целованием, как правило, требуют использования более книжного варианта. Возможно, в приведённом примере союз **яко** выбран по той же причине. Во всех прочих случаях с глаголом **видѣти** употреблён только **оже**, ср.:

- (65) **на оутрѣи же днь изаславъ видѣвъ вже днѣпръ казится** (132в: 8–10, 1148) ‘А назавтра Изяслав, увидев, что Днепр вскрывается...’

Глагол ‘(у)слышать’ с **яко**-придаточным в Киевской летописи отмечен всего дважды (против 39 употреблений **оже**). Один из примеров вновь зафиксирован во второй части, где изъяснительные придаточные в контекстах крестного целования, как было показано выше, ведут себя нестандартно:

- (66) **оуслышавшю же изаславоу како гюрги идеть в помощь стѣславоу** (КЛ-2 122в: 8–10, 1146) ‘Когда же Изяслав услышал, что Юрий идёт на помощь к Святославу...’

Контекст при этом книжный, с конструкцией *Dativus absolutus*. Союз **оже** в изъяснительных контекстах при ‘(у)слышать’ даже в этой части зафиксирован уже 11 раз — например:

- (67) **слышавъ же изаславъ двѣчь и стѣсла^в оуговѣ^чи и половци^ч уже оуже изаславъ скоупилъса съ брамъ ростиславѣ. и идета к нимъ** (КЛ-2 131а: 17–22, 1147) ‘Изяслав же Давыдович, и Святослав Ольгович, и половцы, услышав, что Изяслав уже объединился с братом Ростиславом, и оба идут на них...’

Второй контекст летописи с изъяснительным **яко** при глаголе ‘(у)слышать’ встретился в пятой части (листы 195а: 1–222б: 16, статьи 1171–1183 гг.), но сложных предложений такого типа с **оже** в том же отрывке Киевской летописи в шесть раз больше. Контексты существенных отличий не имеют, ср.:

- (68) **ярославъ же слышавъ. како стонть кыевъ. безъ князя** (КЛ-5 205а: 24–26, 1174) ‘А Ярослав, услышав, что Киев стоит без князя...’ —
- (69) **москвлани же слышавше. уже идеть на нѣ ярополкъ** (КЛ-5 211в: 31–33, 1177) ‘А москвичи, услышав, что идёт на них Ярополк...’

Предикаты со значением ‘думать’ в летописи, как правило, выступают с союзом **яко**, и единственное исключение с **оже** встречается в первой части памятника. Интересно, что все случаи употребления **яко** + ‘(по)думать’ в других сочинениях, где изъяснительных союзов больше одного, отмечены только при глаголе **мынѣти** (это контексты из Повести временных лет, Суздальской и Новгородской Первой летописей). В Киевской же летописи **яко** употреблён не только при **мынѣти**, но и с глаголом **помыслити**, ср.:

- (70) **мыстиславъ же мынѣвъ како повѣжени соуть** (КЛ 218г: 9–10, 1180) ‘подумав, что’;

- (71) и помысли во оумѣ своемь. тако двѣда имоу. а рюрिका въжженоу изъ зѣмлѣ (КЛ 216в: 10–12, 1180) ‘и он подумал про себя, что «Давыда я схвачу, а Рюрика прогоню из волости»’.

А изъяснительный союз *оже* встретился при глаголе *съдоумати* (именно в значении ‘сообразить’, а не ‘договориться’):

- (72) и послѣдѣ съдоумавъ. вже. емоу безъ нихъ. нѣлзѣ быти (КЛ 113в: 31–33, 1140) ‘И потом он пришел к мысли, что ему без них нельзя быть’.

В Киевской летописи союз *оже* начинает вытеснять *яко* при глаголах речи, и придаточные с *оже* в памятнике почти в два раза частотнее, но контексты с этими союзами имеют отличия. Прежде всего, прямая речь зафиксирована только с *яко* (ср. также [Преображенская 1991; Шевелёва 2009; Власова 2013; 2016]). Все контексты с однозначно понимаемой прямой речью в изъяснительном придаточном отмечены в памятнике исключительно с глаголом *речи* (*рещи*), например:

- (73) река имъ. тако не могоу ити. изъ вчнъ своемѣ (214а: 21–23, 1178).

Только с *яко* встречаются глаголы *мълвити* и *глаголати*. Оба примера с *мълвити* допускают трактовку контекста как прямой речи:

- (74) и молвахуть тако дна есть. подъступила (166г: 10–12, 1152) ‘И говорили, что ломота началась’; (75) и ини тако молвахуть тако съ штравы бѣ ему смръть (КЛ 185в: 7–8, 1162) ‘А некоторые говорили, что от яда была его смерть’.

Все отмеченные контексты с *глаголати* относятся к заключительному панегирическому тексту летописи, например:

- (76) поминага га глшаго. тако вса мощна въроушемоу (243г: 7–9 — ср. Мк. 9:23);
 (77) овни во глху. тако златомъ власомъ повержена есть цркви ѿ небесе и тѣмъ же оутвержена. а вни тако постоупаетъ цркви в монастырь (244г: 8–14).

Основной глагол речи в сложных предложениях с придаточными изъяснительными в Киевской летописи — *повѣдати*. С союзом *оже* он встречается намного чаще, чем с *яко*, но существенных контекстных различий при этом нет, ср.:

- (78) и повѣдаша володимироу тако поверженъ есть на торговици (129г: 7–9, 1147) —
 (79) и повѣдаста ему вже гюрги идеть на нь (137в: 7–8, 1149) ‘сообщили, что’;
 (80) и повѣда ему колодникъ. вже кобакъ и кончакъ. шлѣ къ переяславию (202а: 31–33/202б: 1, 1174) —

- (81) повѣда кнѣзю своему игореви. яко ждеть его лаворъ (227а: 1–3, 1185) ‘сообщил, что’.

С союзом *оже* обнаружен единственный контекст с глаголом *сѣказати*:

- (82) приѣхавъ и сказа изаславоу. ѡже ѿстоупила его соугъ (127в: 1–3, 1147) ‘Он, приехав, сообщил ему, что те двое отступили от него’.

Можно отметить, что в Киевской летописи одна из твёрдых позиций изъяснительного *яко* — при глаголах речи — начинает расплываться. Прочнее всего *яко* держится в предложениях с прямой речью и, разумеется, в заведомо более книжных контекстах, содержащих цитаты из Писания или упоминание Бога или церкви.

Союзы *како* и *аже*

Употребление ещё двух союзов — *како* и *аже* — тесно связано с особенностями функционирования *яко* и *оже*, поэтому целесообразно рассмотреть эту пару изъяснительных союзов после наиболее частотных. У древнерусского (см. [Борковский 1979: 181]) союза *како*, помимо изъяснительной функции, фиксируется роль целевого, условного, сравнительного и временного союза [СРЯ XI–XVII, 7: 28–29]. Союз *аже* используется также в сложноподчинённых предложениях с условными, причинными и целевыми придаточными [СДРЯ, I: 76; СРЯ XI–XVII, 1: 23].

Если обратиться к данным только тех источников, где имеются все четыре союза (Новгородская Первая, Киевская и Суздальская летописи), мы увидим следующее распределение:

Таблица 7

Соотношение четырёх основных изъяснительных союзов

	<i>яко</i>	<i>како</i>	<i>оже</i>	<i>аже</i>
‘(у)видеть’	5	0	18	1
‘(у)слышать’	12	0	65	15
‘(у)знать’	15	0	29	6
‘(по)думать’	10	1	1	0
глагол речи	40	5	24	8
‘клясться’	5	0	0	0
крестное целование	41	9	6	1

Как видно по данным таблицы, основная ниша изъяснительного союза *како* — та же, что у *яко*. Основная ниша *аже* — такая же, как у *оже*. Ситуация с глаголами речи будет разобрана ниже.

Примеры изъяснительного употребления союза *како* периодически встречаются в текстах самых разных жанров — как в очень книжных, таких как жития и гомилетика, так и, например, в деловых, ср.:

- (83) и тѣгда сѣказаша кмѹ таже слышаша ѿ приходашинѹхъ отъ-тоудѹ · како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ поустѣ мѣстѣ (СкБГ 166: 14–18) ‘рассказали..., что видели свет’;
- (84) на томъ крѣтъ. человалѣ. за весь новъ. городъ. како то. держати по сарынѣ. в хресноѣ целованиѣ. безо всакон хитрости (ГВНП 46: 43–45, 1392, Нибуров мир) ‘И они целовали крест за весь Новгород в том, что будут соблюдать по-старому...’

При этом контекстов с изъяснительным *како* нет в гномических сочинениях, древнерусских хождениях и поучениях.

Во всех памятниках, за исключением летописей, такие примеры единичны, но и в летописях тоже немногочисленны.

Видно, что приведённые примеры с изъяснительным *како* из текстов, контрастных по книжности, содержат глаголы речи или связаны с крестным целованием, т. е. союз *како* употребляется в тех же условиях, что и *яко*.

Изъяснительный *како* среди релевантных текстов (т. е. в данном случае таких, где присутствуют минимум *яко*, *како* и *оже/аже*) имеется в Вопрошании Кирика и в ранних летописях, кроме Галицкой и Повести временных лет.

В единственном контексте из Вопрошания союз *како* ‘что’ отмечен при глаголе речи (т. е. входит в область употребления *яко* для большинства памятников):

- (85) А се прочтохъ кмѹ како опитемьн избавляють ꙗ. литургии за 4. мѣцѣ... (529 об.: 5–8) ‘А вот я прочёл ему, что от епитимьи избавляют 10 литургий за 4 месяца...’

В летописях союз *како* в изъяснительной функции чаще всего употребляется в контексте договора, обещания, крестного целования (как и *яко*), например:

- (86) и цѣловаша стѹю бѣю меншии. како стати всѣмъ. любо животъ любо смѣтъ. за правдоу новгородскою. за свою очиноу (НПЛ 133 об.: 16–20, 1255) ‘И целовали (икону) Пресвятой Богородицы..., что все встанут... за правду новгородскую’;
- (87) оутвердивъшеса. с ростиславичема. крѣтънымъ цѣлованиемъ. како не створити има никакого зла городѹ (КЛ 210в: 28–32, 1175) ‘подтвердив с Ростиславичами крестным целованием, что они не причинят городу никакого зла’;
- (88) крѣ кси цѣловалъ како ти ити сѹждалю (СЛ 335: 21–22, 1151) ‘Ты целовал крест, что должен пойти к Суздалю’.

Интересно отметить, что только *како*, по данным всех исследованных текстов и исторических подкорпусов НКРЯ, возможен при глаголе *доконь-*

части 'заключить договор' (в более поздний период при этом глаголе появляется *что*), например:

- (89) и докончаша с горожаны. како города имъ не имати. а своѣ богары вѣнмати (ВЛ 878: 15–16, 1277) 'И они заключили с жителями города договор, что не возьмут город...';
- (90) і докончаша съ кнѣзьмь михаиломь. како не вѣстоупатиса ни по одиномь (НПЛ 161: 10–12, 1318) 'И они заключили договор с князем Михаилом, что не (станут) нарушать границы...';
- (91) і докончаша с михаиломь кнѣзьмь миръ. како іти въ ордоу обѣма (НПЛ 161об: 4–6, 1318) 'И они заключили с князем Михаилом мирный договор, что они оба пойдут в Орду'.

При глаголах речи (ниша *яко*) контексты с *како* в изъяснительном употреблении встречаются в Киевской летописи, ср.:

- (92) повѣда ему како са с королемъ видилъ въ здоровьи (164а: 2–4, 1152) 'И он рассказал ему, что виделся с королём, и тот был здоров';
- (93) възвратише (!) имъ и лазорь тысяцкон и рагоуило. володимиръ тысяцкон. како быша не оубили. игора (128б: 32–33/128в: 1–2, 1147) 'И предостерегал их и тысяцкий Лазарь, и Рагуйло, Владимиров тысяцкий, чтобы они не убили Игоря'.

С другими типами предикатов изъяснительный союз *како* в рассматриваемых текстах не отмечен, т. е. его специализация достаточно узкая, но покрывается областью употребления *яко* в тех памятниках, где возможен как минимум один союз на *-же*.

Древнерусский союз *аже* в изъяснительной функции среди текстов оригинальных жанров встречается в летописях, Вопрошании Кирика и Поучении Евсевия. Почти всегда это единичные случаи. Редкие примеры зафиксированы также в бытовых и деловых текстах.

В Вопрошании и Поучении Евсевия присутствует всего по одному контексту с изъяснительным *аже*, оба раза с предикатами '(у)знать' (область употребления союза *аже* в наименее книжных из рассмотренных выше текстов):

- (94) А уже дыакъ пойметъ женоу и оурозоумѣкътъ аже кътъ не дѣвка (Вопр 530: 35–38, вопрос Кирика) 'А если дьяк возьмёт себе жену и поймёт, что она не девица...';
- (95) и сами вѣсте аже во мнозѣ питъи всего горѣ дѣи пагѣва (ПЕвс 48: 1–3) 'знаете, что'.

Интересно, что единственный контекст из берестяных грамот с изъяснительным *аже* тоже содержит в главном предложении предикат 'знать':

- (96) что слешь ко мнѣ про серебро то вѣдаю аже ты дале серебро на совѣ (БГ № 30, 1360–1380) 'я знаю, что ты давал за себя деньги' (см. [Зализняк 2004: 614–615]).

Почему же изъяснительный **аже** попал не только в Вопросание Кирика, где всё же имеется один контекст с **оже**, упомянутый выше, но и в очень книжное Поучение Евсевия? Если судить по ситуации с **аже** в условном употреблении (см. об этом в [Юрьева 2021б]), данный союз воспринимался как более книжный вариант **оже** и, возможно, именно поэтому оказался допущен в оба памятника.

Что касается летописей, то **аже** в изъяснительной функции встречается в Новгородской, Киевской и Суздальской. Но если в Новгородской и Суздальской летописях зафиксировано 2 и 3 случая соответственно, то в Киевской их насчитывается 29.

В первых двух летописях **аже** ‘что’ употребляется с глаголами ‘(у)слышать’ и ‘(у)знать’, т. е. с предикатами, либо предпочитающими, либо допускающими союз **оже** во всех релевантных для пары **яко–оже** памятниках:

- (97) **слышалъ есмь аже** Ярославъ идеть на новъгородъ. со всею силою своею. і дмитріи с перяславци. і глѣбъ съ смолнаны (НПЛ 149: 3–7, 1270) ‘я слышал, что Ярослав идёт на Новгород’;
- (98) **слышав же** галичане. с романовичема **аже** идеть рать на насилна ѿвсюду. и оубоашася зѣло (СЛ 426: 29–31, 1206) ‘услышав, что на них со всех сторон идёт сильное войско’;
- (99) **володимеръ снъ всеволожь. слышавъ аже** идутъ половци к перяславу (СЛ 438: 32–33, 1215) ‘услышав, что идут’;
- (100) **не вѣдаше бо аже** о немь мѣсль злоу свѣщаша. самого патн (НПЛ 134: 11–13, 1255) ‘ведь он не знал, что против него сговорились о дурном намерении схватить его’;
- (101) **мы вѣдаемъ аже** того бра твон не казалъ. ни велѣлъ творити. но мы хочѣ оубити игора (СЛ 317: 7–9, 1147) ‘мы знаем, что твой брат ни говорил, ни приказывал делать...’

Если рассматривать Киевскую летопись без последней текстологической части, то в памятнике обнаруживаются три примера: один — во второй части и два — в пятой. Контексты из пятой части такие же, как и в других ранних летописях. В главном предложении употребляется глагол ‘слышать’ (ниша **оже**):

- (102) **и слыша ѿ некого. аже** брата его князь велѣлъ казнити (207а: 28–30, 1175) ‘И он услышал от кого-то, что князь велел казнить его брата’;
- (103) **слышав же** всеволодъ. **аже** прислалъ стѣславъ снѣ своего (216б: 9–11, 1180) ‘слышав, что’.

Контекст из второй части более любопытен. В главном предложении выступает **жаловати**, т. е. скорее ожидался бы тот же союз, что при глаголах речи, — **яко** (или **како**):

- (104) **пакы ли брате не поѣдеш на мѣ. не жалѣи. аже** мои волости поженѣ бѣгги (140в: 23–26, 1149) ‘Если же ты, брат, не поедешь за мной, не жалуйся, что «мою волость сожгут»’.

Но именно с глаголом **жаловати(сѧ)** во всём древнерусском подкорпусе зафиксирован только **ажє** — прочие варианты отсутствуют. К тому же, если судить по распределению **яко/оже**, вторая часть Киевской летописи и в других пунктах демонстрирует отклонение от усреднённой тенденции.

Большая часть примеров Киевской летописи (24 контекста) относится к последней текстологической части (листы 222б: 17–245а: 3, статьи 1184–1200 гг.) — именно здесь наблюдается аномально высокая концентрация **ажє** во всех значениях. Да и в изъяснительном употреблении **ажє** на этих 23 листах безусловно частотнее любого другого варианта.

Таблица 8

Изъяснительные союзы в КЛ-6

	яко	оже	ажє	како
‘(у)видеть’	0	1	1	0
‘(у)слышать’	0	5	10	0
косвенная речь	6	0	0	0
прямая речь	0	0	7	0
‘(у)знать’	2	1	4	0
‘клясться’	1	0	0	0
крестное целование	0	0	1	5

Исходя из привязки большей части контекстов к одному из текстологически обособленных фрагментов Киевской летописи, можно заключить, что выбор союза **ажє** здесь скорее стилистический, особенно если учесть данные старорусского подкорпуса НКРЯ, где обнаруживаются исключительно редкие примеры изъяснительного **ажє**. Видимо, поэтому союз **ажє** в заключительной части летописи занимает и традиционную нишу **оже** (предикаты ‘(у)слышать’, ‘(у)знать’), и традиционную нишу **яко** (глаголы речи, **цѣловати крѣстѣ**), ср.:

- (105) **и се оувѣдавъ романъ. ажъ моужи галичкни не добро живоутъ [с] моужемъ с [с] (sic!) княземъ своимъ** (229в: 4–7, 1188) ‘И Роман узнал, что галичане не в добрых отношениях [живут] со своим князем’;
- (106) **и слышавъ романъ. ажъ король за горою оуже. и бѣжа не мога стати противоу емоу** (229г: 11–13, 1188) ‘И Роман, услышав, что король уже за горой, побежал, не будучи в силах выступить против него’;
- (107) **и кртъ к нему целовалъ. ажъ емоу под нимъ. не ѿдати никомоуже** (236а: 27–29, 1195) ‘И тот целовал к нему крест, что [надел, находящийся] под его [властью,] никому не отдаст’;

- (108) **и посла ко всеволодоу река емоу. ажъ брате жаловалса на мене про волость. которыеже еси просилъ** (236в: 4–7, 1195) ‘И он отправил послов к Всеволоду, говоря ему, что «брат, ты жаловался на меня по поводу волости, которую ты просил»’.

Тем не менее появление *же*-союза в нетипичных контекстах возможно только в случае расшатывания семантического противопоставления **яко** (*како*) — *оже* (*аже*) в живом языке (ср. также выше примеры **цѣловати кръсть** + *оже*), поскольку не поддерживалось никакой письменной традицией.

Интересно, что на этом текстовом отрезке видна разница в употреблении **яко** и *аже* с глаголами речи: первый союз присоединяет только косвенную речь (и употребляется при предикатах **повѣдати** и **глаголати**), второй — в большинстве случаев прямую (**повѣдати** и **речи**). Таким образом, в рассматриваемом фрагменте нарушается и тенденция сохранять при прямой речи союз **яко**. См. примеры:

- (109) **и повѣдаша имъ. како повѣци стогають. на хоролѣ** (222в: 19–20, 1183) ‘И им сообщили, что половцы стоят на Хороле’ —
- (110) **рюрикъ же посла к романови повѣдаша емоу. аже всеволодъ проситъ подъ тобою волости. а жалоується на мене про тебе** (236б: 25–29, 1195) ‘А Рюрик отправил послов к Роману, сообщая ему, что «Всеволод просит [себе] надел [, находящийся] под тобой (властью)»’;
- (111) **повѣдаша емоу ажъ есмь состоупилъса витевьска тобѣ. ты же того не дождавъ. послалъ еси сѣвца своа. ко витевьскоу** (238г: 28–32, 1195) ‘говоря ему, что «я отказался от Витебска ради тебя...»’.

Данные древнерусских памятников свидетельствуют, что **яко** в придаточных изъяснительных как союз, употребляемый без жанровых или стилистических ограничений, нужно рассматривать как нулевой (нейтральный) вариант, исходно опирающийся на книжную традицию. Если в текст допустим второй по частотности изъяснительный союз *оже*, то он вытесняет **яко** в первую очередь при глаголах ‘(у)видеть’, ‘(у)слышать’ и ‘(у)знать’, т. е. предикатах, обозначающих получение (достоверной) информации, — в соответствии с изначально семантически мотивированным противопоставлением **яко–оже** в живом древнерусском языке. Прочнее всего **яко** держится при глаголах речи и разных контекстах клятвы (в том числе с конструкциями типа **цѣловати кръсть**), т. е. предикатах, обозначающих порождение/передачу информации. Два менее распространённых союза *аже* и *како* — в тех памятниках, где они есть, — в изъяснительной функции распределяются в зависимости от структуры: *к-ак-о* параллелен *ж-ак-о*, т. е. занимает место прежде всего при глаголах речи и конструкциях **цѣловати кръсть**¹², а *а-же* параллелен *о-же* и тяготеет главным образом

¹² Как видно из примеров в начале статьи, точно так же себя ведёт и более редкий изъяснительный *ако*.

к предикатам ‘(у)слышать’ и ‘(у)знать’. Отклонения от этой схемы в памятниках древнерусского периода, как правило, стилистически ограничены, что хорошо видно на примере отдельных текстологически разнородных частей Киевской летописи.

Источники

- БГ — см. [Зализняк 2004].
 ВЛ — Волынская летопись // [ПСРЛ II: 848–938].
 Вопр — «Вопрошание Кириково». Новгородская кормчая. ГИМ. Син. № 132. Л. 518–539 [НКРЯ].
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 ГЛ — Галицкая летопись // [ПСРЛ II: 715–848].
 КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
 МДЗ — Моление Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 53–73.
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).
 НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
 ПВЛ — Повесть временных лет // [ПСРЛ II: 2–285].
 ПВЛЛавр — Повесть временных лет // [ПСРЛ I: 1–286].
 ПЕвс — Поучение святого Евсевия [Баранкова 2021].
 ПИИ — Поучение Илии-Иоанна // Сборник слов, полемических произведений и апокрифов. РГБ. Ф. 236, № 147. Л. 174–184 об. + РГБ. Ф. 304.1, № 204. Л. 239–239 об. [НКРЯ].
 ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
 ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
 Русская Правда — Русская Правда в Пространной редакции по Новгородской кормчей 1282 г. ГИМ, Синод. № 132. Л. 615 об.–627 [НКРЯ].
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–12. М., 1988–2019 (Т. 6, 2-е изд. М., 2009).
 СкБГ — Сказание о житии Бориса и Глеба по Успенскому сборнику. Л. 86–186 // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 43–48.
 СЛ — Суздальская летопись // [ПСРЛ I: 287–540].
 Срезн — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. I–III. СПб., 1901–1903.
 СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–32. М., 1975–2023.
 ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. I–IV. Прага, 1966–1997.
 ХАН — Хождение Антония, или Книга Паломник Антония-новгородца // РНБ Q.IV.412. Л. 1–13 об. [НКРЯ].
 ХДИ — Житие и хожене Данила Русьскыя земли игумена 1106–1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885.
 ХДИ РНБ — Книга глѣмая странникъ: хоженіе игумена данила. русьскаго въ сѣя мѣста // РНБ О.XVII.23, сер. XV в.

Литература

Баранкова 2021 — Г. С. Баранкова. Цикл поучений иереям в древнерусских сборниках // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2 (14). С. 207–238.

Борковский 1979 — В. И. Борковский. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979.

Власова 2013 — Е. А. Власова. Состав и распределение опорных предикатов при чужой речи в русской летописной традиции XI–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 194–222.

Власова 2016 — Е. А. Власова. О судьбе конструкции *jako recitativum* в русских летописях XI–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 143–174.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Преображенская 1991 — М. Н. Преображенская. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (Сложноподчиненное предложение). М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.

Юрьева 2013 — И. С. Юрьева. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2012–2013>. М., 2013. С. 135–151.

Юрьева 2021a — И. С. Юрьева. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. С. 305–331.

Юрьева 2021б — И. С. Юрьева. Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 246–266.

Юрьева 2022 — И. С. Юрьева. Условные союзы в древнерусских памятниках разных жанров // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2. С. 85–124.

Kopečný 1980 — F. Kopečný. Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Svazek 2 Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha: Academia, 1980.

Perelmutter 2009 — R. Perelmutter. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics. 2009. Vol. 10. № 1. P. 108–131.

Статья получена 13.02.2025

Irina S. Yuryeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
iriwonok@yandex.ru

**SLYSHAVЪ OZHE, RECHE YAKO, OR ON THE CHOICE
OF THE OBJECTIVE CONJUNCTION IN OLD RUSSIAN TEXTS**

The present article is devoted to an investigation of objective conjunctions in the original Old Russian manuscripts. A survey of various non-translated texts from the Old Russian period reveals a wide range of objective conjunctions, including *azhe*, *ako*, *chto*, *da*, *izhe*, *kako*, *ozhe*, *oko*, *yezhe* and *yako*. The majority of these are not frequently used. The most common objective conjunctions in Old Russian are *yako* and *ozhe*. The analysis of the data from the studied texts reveals that the variant *yako* was employed without any genre or stylistic constraints, thus qualifying as a neutral variant. When *ozhe* is applicable in a text (with the exception of genres such as hagiography, homiletics, gnomics and pilgrimages), this conjunction displaces *yako*, particularly in combination with verbs such as 'to see', 'to hear' and 'to know'. *yako* is most steadily retained with verbs of speech and in various oath contexts (including constructions such as *tselovati krъstъ*). Two less common conjunctions *azhe* and *kako* are distributed in the objective function according to their endings: *ka-ko*, akin to *ya-ko*, is predominantly employed with verbs of speech and constructions such as *tselovati krъstъ*, while *a-zhe*, akin to *o-zhe*, is primarily used with verbs 'to hear' and 'to know'.

Keywords: Old Russian language, Old Russian syntax, objective conjunctions.

References

- Barankova, G. S. (2021). Tsikl pouchenii iereiam v drevnerusskikh sbornikakh. *Paleorosiia. Drevniaia Rus' vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2(14), 207–238.
- Borkovskii, V. I. (1979). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie*. Moscow: Nauka.
- Kopečný, F. (1980). *Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Sv. 2: Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia*. Prague: Academia.
- Perelmutter, R. (2009). Pragmatic functions of reported speech with *jako* in Old Russian Primary Chronicle. *Journal of Historical Pragmatics*, 1(10), 108–131.
- Preobrazhenskaia, M. N. (1991). *Sluzhebnye sredstva v istorii sintaksicheskogo stroia russkogo iazyka XI–XVII vv. (Slozhnopodchinennoe predlozhenie)*. Moscow: In-t russkogo iazyka AN SSSR.
- Sheveleva, M. N. (2009). «Soglasovanie vremen» v iazyke drevnerusskikh letopisei. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(18), 144–174.
- Vlasova, E. A. (2013). Sostav i raspredelenie opornykh predikatov pri chuzhoi rechi v russkoi letopisnoi traditsii XI–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(25), 194–222.
- Vlasova, E. A. (2016). O sud'be konstruktсии *jako recitativum* v russkikh letopisiakh XI–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(32), 143–174.
- Yuryeva, I. S. (2013). Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki Galitsko-Volynskoi letopisi po Ipat'evskomu spisku. In A. M. Moldovan, & E. A. Mishina (Eds.),

Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka <2012–2013> (pp. 135–151). Moscow: Drevlekhranilishche.

Yuryeva, I. S. (2021a). K opredeleniiu tekstologicheskikh granits vnutri Kievskoi letopisi: nekotorye grammaticheskie i leksicheskie dannye. *Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*, 1, 305–331.

Yuryeva, I. S. (2021b). Osobennosti upotrebleniia vremennykh soiuзов so znacheniem ‘kogda’ v drevnerusskikh tekstakh raznykh zhanrov. In A. A. Pichkhadze et al. (Eds.), *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 246–266). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Yuryeva, I. S. (2022). Uslovnye soiuzy v drevnerusskikh pamiatnikakh raznykh zhanrov. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 85–124.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on February 13, 2025

А. В. ПТЕНЦОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт языкознания РАН
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
МГУ-ППИ в г. Шэньчжэне
(Шэньчжэнь, Китай)
anna.ptentsova@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИИ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА *АНЬ* (*АНО*)*

В статье на материале Национального корпуса русского языка прослеживается семантическое развитие служебного слова *ань* (*ано*) — «предка» современного коннектора *ан*. В древнерусский период наиболее частотным было употребление *ань* (*ано*) в противительном значении; кроме того, коннектор использовался в причинном и в указательно-усилительном значениях. Эти значения регулярно фиксируются и в текстах старорусского периода; противительное *ань* (*ано*) в подавляющем большинстве случаев демонстрирует дополнительный семантический компонент ‘нарушение ожиданий’. В текстах XVIII–XIX вв. указательно-усилительное и противительное значения остаются по-прежнему частотными; противительное *ань* начинает активно использоваться в качестве первого элемента в ответных репликах диалогов. Указательно-усилительное *ань* в этот период может присоединять компонент ‘внезапность возникновения ситуации’. Компонент ‘нарушение ожиданий’ становится обязательным для противительного *ань*. Что касается вопроса о происхождении *ань* (*ано*), то наиболее предпочтительной представляется гипотеза, согласно которой данное служебное слово является результатом контаминации двух первоначально независимых единиц: противительной, возникшей из **a + нь* (*но*), и указательной, возникшей из **a + оно*. Однако нужно отметить, что возведение *ань* (*ано*) во всей совокупности его значений к указательной семантике также кажется допустимым решением.

Ключевые слова: история русского языка, полисемия, служебные слова, Национальный корпус русского языка.

1. Объект описания и источники

В настоящей статье обсуждается история служебного слова *ань* и его варианта *ано* в древнерусский и старорусский периоды, а также в XVIII–

* Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00528п «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации». Автор выражает глубокую признательность анонимным рецензентам за замечания и ценные советы, высказанные в отзывах.

XIX вв.; дополняется и уточняется описание, предложенное в работах [Птенцова 2024] и [Птенцова, в печати].

Исследование истории *ань* (*ано*)¹ опирается в первую очередь на материалы памятников, представленных в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ), — в его древнерусском подкорпусе (включая подкорпус берестяных грамот), в старорусском и основном подкорпусах (с ограничением XVIII–XIX вв.); кроме того, учитываются данные [СРЯ XI–XVII] и [СДРЯ].

2. Гипотезы о происхождении *ань* (*ано*)

В связи с наблюдениями над употреблением *ань* (*ано*) в разные периоды развития языка представляется интересным затронуть проблему происхождения данного служебного слова.

Вопрос об этимологии *ань* (*ано*) является дискуссионным. Согласно [ЭССЯ 1974], эта лексическая единица восходит к праславянскому **a jьno* или **a ono*, причем «из двух указанных <...> реконструкций более вероятна праформа **a ono*, где второй компонент словосочетания <...> — местоимение» [Там же: 37]². Однако, отмечается в словаре, «следует также считаться с иным объяснением — из **a no/nь*» [Там же].

Приведем некоторые славянские параллели из числа зафиксированных в словарной статье этого слова: болг. *ано* ‘потому что’, словен. *ап* ‘но’, ‘кроме’; *ано* ‘и’, ‘но’, ‘а’; чеш. *ано* ‘да’; слвц. *ано* ‘да’; диал. *ап*, *ап* ‘тут’, ‘там’; польск. *ано* ‘да’, ‘ну да’, ‘конечно’, ‘итак’, ‘вот’; укр. диал. *ано* ‘но’, ‘только’ [Там же: 36–37]. Как видим, здесь представлен весьма широкий спектр значений: причинное, противительное, утвердительное, ограничительное, указательное.

Упомянутая в [ЭССЯ 1974] альтернативная гипотеза изложена, в частности, в [Фасмер 1964: 77]. Согласно данному источнику, эта единица, скорее всего, является результатом сложения служебных слов *a* и *но*. Образование путем стяжения праславянских *a* и *оно* оценивается здесь как менее вероятное.

Близкой точки зрения придерживался и А. А. Зализняк, считавший, однако, исходным вариант *ань*, где вторая часть представляла собой первоначально противительную частицу *нь*, семантически близкую союзу *нь*

¹ Никаких семантических, синтаксических или иных различий между *ань* и *ано* ни в одном из перечисленных периодов не наблюдается, поэтому будем обозначать данное служебное слово как *ань* (*ано*) (или **АНЬ** (**АНО**) применительно к древнерусскому периоду).

² Отметим в связи с этим следующую параллель: в [Gebauer 1903: 11–12] указывается, что старочешское местоимение *ап*, *апа*, *ано*, как и связанный с ним союз, произошли из сочетаний *a-op*, *a-опа*, *a-оно*. Автор выражает благодарность И. В. Вернер за эти сведения.

и выступавшую в качестве энклитики в составе проклитико-энклитического комплекса *a + нь*³. «Проклитико-энклитические комплексы развивают собственные значения, уже не равные сумме исходных значений, и постепенно превращаются в самостоятельные цельные слова. Разные единицы этой категории в разной степени продвинулись по этому пути» [Зализняк 2008а: 72–73]. *Ань* (*ано*) трактуется как один из случаев полного сращения, достигнутого уже в древнерусский период. Ср. также: «В большинстве известных примеров она (противительная частица *нь*. — *А. П.*) уже выступает в несвободном употреблении — в качестве конечного элемента сложных союзов <...>: *ань* (и *ано*), *инь* (и *ино*), *небонь* (и *небоно*), *али нь* (и *али но*)» [Зализняк 2008б: 265].

Вариант *ано* оценивается А. А. Зализняком как вторичный: «В позднерусский период частица *нь* обычно получает, как и союз, вид *но*. В составе единой ритмической группы с предшествующим словом возможна и утрата гласной; ср. варианты *ано* и *ань*» [Там же: 264]⁴.

В [Корецьký et al. 1980: 64] высказывается гипотеза, в значительной степени объединяющая приведенные выше мнения. Согласно ей, *ано* может быть результатом контаминации омонимов, один из которых возник из *a + оно*, а другой из *a + но* (для второго случая допускается, что компонент *a* усиливался при помощи *но*)⁵. Отметим, что, кроме перечисленных выше значений *ан(о)* в славянских языках, в словаре фиксируется также его употребление в относительном, изъянительном, условном и уступительном значениях [Ibid.: 62–63].

3. Данные исторических словарей

В исторических словарях исследуемое служебное слово характеризуется прежде всего как союз или частица с противительной и противительно-сопоставительной семантикой. Так, [СДРЯ: 88] описывает *ано* как противительный союз (вариант *ань* в словаре не рассматривается); [СРЯ XI–XVII, 1: 36, 39] выделяет для *ань* и *ано* функции союза, который авторы

³ Вот как определяется это понятие в [Зализняк 2008а: 72–73]: «Сочетание проклитики и энклитики <...> может стоять в начале клаузы <...>. Проклитика принимает на себя роль базиса, к которому непосредственно присоединяются энклитики, то есть возникает проклитико-энклитический комплекс».

⁴ Следует, впрочем, отметить следующую оговорку: «В праславянском существовало не только **нь*, но и **но* (по-видимому, с тем же значением), ср. польск. и чешск. *ano* и т. п. На вост.-слав. почве в ряде случаев невозможно отличить *но* из *нь* от исконного *но*» [Зализняк 2008б: 264].

⁵ «Je velmi dobře možné, že některé tvary an, ana, ano... vznikly ze spojený *a on, a ona, a ono* <...> Ano může být a-no, tj. n-ovou partikulí zesílené a (jako je sch teno ‘a’ zesílené te) <...> Obě možnosti vzniku se patrně křížily». Выражаю признательность И. В. Вернер за помощь в переводе.

переводят как *но, а* (для *ано* добавлено еще *однако*), и частицы⁶ — с переводом *ань* при помощи *а между тем, а тут, а в действительности* и с переводом *ано* при помощи *даже*, что иллюстрируется примером из сочинения Аввакума: *Проспалися бедные с похмелья, ано и самим себя сором* [Там же]. Перевод *ано* при помощи *даже* представляется весьма неточным, поскольку он обусловлен исключительно конкретным контекстом. *Ано*, как кажется, выражает здесь указательно-усилительную семантику; подобные случаи будут рассмотрены в разделе 5.

4. Анъ (ано) в древнерусский период

Обратимся непосредственно к истории русского *анъ (ано)* — «предка» современной частицы *ан*⁷. Прежде всего рассмотрим данные древнерусского подкорпуса НКРЯ. К сожалению, число контекстов, содержащих **анъ (ано)**, в корпусе весьма ограничено — всего восемь употреблений⁸.

В части указанных контекстов **анъ (ано)** действительно выражает противительную, а также противительно-сопоставительную семантику, что соответствует описанию [СДРЯ] и [СРЯ XI–XVII] (ниже в переводах противительное значение передается союзом *но*, противительно-сопоставительное — союзом *а*). Ср. (1)–(3):

- (1) <...> **ДА ТАТА ОУ Н[и]** (sic!) **ВЫНАЛИ РЫКШЬ НА ПОРУКУ АНО СИЛОЮ** <...> ‘А вора у них отобрали — как бы [взяли] на поруки, но силой’ (берестяная грамота 1137, 1400–1410; пер. А. А. Гиппиуса)⁹;
- (2) **А ЧТО СА ОУЧНИИ(Т)**¹⁰ **МЕЖИ НА(С) КНЯЗЕН КАКОВО ДЪЛО ИНО СЪЪДУТСА** **БОГАРЪ НАШИ <...> А НЕ ОУГОВОРАТСА ИНИ ЁДУТЬ НА ТРЕТТИ НА КНЪА**

⁶ Следует отметить, что принципы разграничения союза и частицы здесь не вполне ясны; ср. две иллюстрации из памятника XVII в.: *Ждал дѣдь внучки, анъ ему ни сучки* и *Ты за пирогъ, анъ чортъ поперегъ* [СРЯ XI–XVII, 1: 36], — где *анъ* охарактеризовано как частица.

⁷ О значении современного *ан* и о типичных контекстах его употребления см. работу [Левонтина 2022: 306–314].

⁸ Выдача древнерусского подкорпуса НКРЯ по запросу **анъ** и **ано** содержит контексты из следующих памятников: две берестяные грамоты XII в. (один из контекстов не вполне надежный ввиду очень неполной сохранности текста); Киевская летопись по Ипатьевскому списку; Новгородская I летопись по Синодальному списку; договор Смоленска с Ригой и Готландом 1233–1240 гг., договор князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем 1376 г. по списку XV в.; История Иудейской войны Иосифа Флавия XI–XIII вв. по списку XV в.; Слово псевдо-Иоанна Златоуста о лживых учителях XIII–XIV вв. по Софийскому сборнику XV в.

⁹ Подробный разбор берестяной грамоты 1137 см. в работе [Гиппиус 2022: 9–11].

¹⁰ Скобками условно обозначается подтительная выносная буква.

на великого на ольга на кого помолви(т) виноватын пере(д) правымъ поклонитса а взѣтое отдасть а чьи судьи на третини не поѣду(т) или на кого третини помолви(т) ань взѣтого не отдасть то правому отнати ‘А если случится между нами, князьями, какое-либо разбирательство, то пусть съедутся бояре наши <...>, а если они не договорятся, то пусть едут на третейский суд к князю великому Олегу; кого он назовет виновным, [тот пусть] правому поклонится и взятое отдаст, а чьи судьи на третейский суд не поедут, или кого назовет третейский судья виновным, а [тот] взятого не отдаст, то это правому надлежит взять силой’ (Договор князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем, 1376);

- (3) или роусьскыи гъстьь свои тъварь дасть въ дългъ или въ ризѣ или на гътьскомь бѣрѣ (sic!) · немъчичю · ань дъдълженъ (sic!) воудеть инемъ · роусьскомоу же гъстьи наперѣдѣ възѣати ‘Если русский купец даст свой товар в долг в Риге или на Готском берегу немчичу¹¹, а [тот] будет должен и другим [купцам], русскому купцу надлежит раньше всех взять [свой] долг’ (Договор Смоленска с Ригой и Готландом («Договор неизвестного князя»), 1233–1240).

Однако древнерусское *ань* (*ано*), как кажется, способно выражать не только противительное и противительно-сопоставительное значения. Ср.:

- (4) андрѣевичъ же перемета мостъ на горинѣ и не пусти его (Владимира Мстиславича. — *А. П.*) к собѣ ань оуворотаса та на радимичѣ къ андрѣви суждалю ‘[Владимир] Андреевич разрушил мост на реке Горыни и не пустил его к себе, и вот, повернув, [он пошел] через землю радимичей к Андрею (Боголюбскому. — *А. П.*) в Суздаль’ (Киевская летопись, запись под 1168 г.).

Исходя из контекста, в (4) нужно предполагать скорее указательно-усилительное значение с оттенком следствия. Как будет показано в разделе 5, это значение фиксируется также для старорусского периода.

- (5) и приде вестъ въ новъгородъ баше же новъгородцевъ мало *ано* тамо измано вачышѣ мѹ(ж) а меньшек они разидоша са а инок помьрло голодомъ ‘И пришла весть в Новгород [о действиях князя Ярослава в Торжке]. Новгородцев же было мало — «вячшие» были схвачены [Ярославом], а «меньшие» разошлись, а иные умерли от голода’ (Новгородская I летопись по Синодальному списку, под 1215 г.).

В [СРЯ XI–XVII, 1: 39] контекст (5) служит иллюстрацией употребления *ано* в функции союза со значением ‘а’, ‘но’, ‘однако’. Но ни один из перечисленных эквивалентов не может быть предложен в переводе (5) на современный язык. Наиболее подходящим решением, по-видимому, здесь

¹¹ *Немчичь* — «иностранец немецкого, датского, шведского и т. п., а также вообще западноевропейского происхождения» [СРЯ XI–XVII, 11: 179].

является интерпретация **ано** как передающего значение причины — значение, которое достаточно регулярно реализуется этим служебным словом в контекстах среднерусского периода, что также будет продемонстрировано в разделе 5¹².

5. *Ань* (*ано*) в среднерусский период

Рассмотрим данные среднерусского подкорпуса НКРЯ. Прежде всего отметим безусловное преобладание двусложного варианта этого служебного слова: на 40 употреблений *ано* в подкорпусе приходится лишь 4 случая *ань*¹³.

Противительное и противительно-сопоставительное значения по-прежнему остаются частотными в текстах старорусского периода; ср.:

- (6) *А инии глаголють, будто де вино горячее потихоньку в кѣлию к Шереметеву приносили, ано по монастыремъ и фряские вина зазорь, не токмо что горячие. Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? <...> Но (или: а между тем) в монастырях даже фряские вина зазорны, не только что горячие <...>* (Иван Грозный. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573).

Отметим, однако, одно существенное отличие большинства старорусских противительных употреблений от соответствующих древнерусских. Рассмотрим (7):

- (7) *Понеже, господине, вы чаете мене здѣсе, что яз добръ и святъ, ано, господине, въистинну всѣх есми челоувѣкъ окаяннее и грѣшнее и всяго студа исполненъ <...>* Вы здесь ждете, что я добр и свят,

¹² По-видимому, не выражает противительности и **ано** в следующем тексте берестяной грамоты: <...> [а пон]д[и во] городо борог[о] а рожн не продан цето е[си с] <...> ль **ано** пѣ[рѣ] <...> (берестяная грамота 920, 1180–1200 гг.). «Это фрагмент средней части письма; частично сохранились три строки» [Янин и др. 2015: 16]. А. А. Зализняком был предложен такой перевод: ‘А пойдн в город срочно. А ржн не продавай. Что (или: Если что-то) ты...л, то...’. Тем самым значение **ано** оказывается здесь близким к указательному (ср. данный в переводе эквивалент *то*), что согласуется с его регулярной фиксацией в указательной (или указательно-усилительной) функции в текстах XVII–XIX вв. Однако наличие лакун по обе стороны от интересующего нас слова не позволяет сделать уверенного вывода относительно его семантики (строго говоря, здесь нельзя даже твердо поручиться за точность словоделения).

¹³ В древнерусском подкорпусе соотношение **ано** и **ань** составляет 4 : 4. Количество зафиксированных древнерусских употреблений слишком невелико, чтобы делать какие бы то ни было выводы, но обратим внимание на тот факт, что **ано** представлено в том числе в двух раннедревнерусских памятниках — в берестяных грамотах XII в.

но я воистину всех людей окаянее <...>' (Три послания Кирилла Белозерского, 1399–1422).

Противительное *ано* имеет здесь семантическое наращение: оно указывает на то, что вводимая ситуация противоречит ожиданиям адресата (ср. глагол *чаяти* в левом контексте). Это делает *ано* в (7) практически идентичным современному *ан*¹⁴. Ср. также (8), где противительно-сопоставительное *ано* обладает тем же семантическим наращением:

- (8) *Люди подняли его, пришедъ, да повели его* (посадника Григория Кирилловича. — А. П.), *ано у его ни рукъ, ни ногъ, по пророчеству Михайлову* 'Люди подняли да повели его — а у него и руки, и ноги отнялись <...>' (Повесть о житии Михаила Клопского, 1477–1480).

Близость *ано* современному *ан* здесь также очевидна: глагол *повести* указывает, что люди не ожидали увидеть посадника неспособным владеть своими ногами. Ср. еще два аналогичных контекста:

- (9) *Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталось, все отнесено на погребъ* (Иван Грозный. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, 1573);
 (10) *И жена зреть: прилетѣли двѣ птицы велики и, взяша отроча и пеици, полетѣша на небо. Ей ся видѣли птицы, ано то ангели* (Волоколамский патерик, первая половина XVI в.).

В (9) *ано*, так же как в (7) и (8), маркирует несоответствие ожиданиям субъекта, в (10) — несоответствие тому, как первоначально представлялась данная ситуация¹⁵. Ср. еще несколько аналогичных примеров из текстов XVII в.:

- (11) *Ехал тут мим[о] кн(я)зь Семенов крестьянин Андреявича д(е)-р(е)вни Пошунковаи Мос(ь)ка Остахов з братом и украл[и] два зипуна да три косы, и хватилися [зи]понов да кос, ан и не бывала*

¹⁴ Ср. отмеченную в [Левонтина 2022: 308–309] регулярную сочетаемость современного *ан* с семантически близкими *чаяти* глаголами типа *казаться*, *думать*, *рассчитывать*, *надеяться* в левом контексте: «*Ан* маркирует здесь противопоставление между первоначальным видением ситуации и тем, как ситуация выглядит в момент речи».

¹⁵ Сделаем, однако, важную оговорку: хотя противопоставление древнерусского противительного **анъ** (**ано**) старорусскому по признаку отсутствия указания на нарушение ожиданий очевидно для случая (3) (**роуцьскыи гъстьь свои тъваръ дастъ въ дългъ <...> немъчичю · анъ дъдълженъ боудеть ннемъ**), вполне возможно, что в контекстах (1) (**ръкшь на порѣкѣ ано силою**) и (2) (**или на кого третин помолви(т) анъ вздатога не отдаст**) подразумевается некоторое нарушение стандартных ожиданий, поскольку в норме освобождение обвиняемого под чье-либо поручительство исключает насильственные действия, и в той же степени нормой является подчинение решению третейского судьи.

‘Ехал тут мимо крестьянин князя Семена Андреевича из деревни Пошунковой Моська Остахов с братом и украл два зипуна и три косы. И хватились зипунов и кос — а их как не бывало’ (Грамотка приказчика М. Антипова из белевской вотчины, 1660 г.);

- (12) *Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился; ано и стѣны разорены моих храминъ* ‘<...> Я пришел — но и стены моего дома разрушены’ (Житие протопопа Аввакума, 1672–1675);
- (13) *И богатырь тому учал дивитися: «На той на малой заводе не наживал я ни гусей, ни утят, ан нынеча вижду многия лебеди* (Повесть о Сухане, XVII в.).

Кроме описанных случаев использования *анъ (ано)* в противительном значении, в текстах XV–XVI вв. встречаются употребления *анъ/ано*, где данное служебное слово имеет значение причины:

- (14) *А из Сава поидох к Султаню, а из Султания поидох до Тервизя, а ис Тервизя поидох в орду Асанбѣгъ. В орду же бых 10 дни, ано пути нѣтъ никуда — ‘...Пошел в ставку Хасан-бека. В ставке пробыл 10 дней, потому что [оттуда] никуда нет пути’* (Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1468–1474).

По-видимому, то же значение передает *ано* и еще в одном контексте из того же памятника:

- (15) *А мы поехали к ширъванше <...> и били есмь ему челом, чтобы нас пожаловалъ, чѣм дойти до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да разошлись кои куды* ‘<...> А он нам не дал ничего, потому что нас много’¹⁶ (Там же).

Ср. еще аналогичный случай:

- (16) *А кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разыдошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи остаиша: ано земля не раступитца, а вверхъ не взлетѣть* ‘Иноземцы разошлись по своим землям, потому что в Пскове невозможно стало жить; остались только псковичи, потому что [для них] земля не расступится и вверх не взлететь’ (Повесть о Псковском взятии, 1510)¹⁷.

Начиная с XVII в. *анъ (ано)* регулярно используется в указательно-усилительном значении. Ср.:

¹⁶ Ср. перевод Л. С. Семенова: «Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас» [Хождение 1999].

¹⁷ Напомним, что именно причинное значение, вполне возможно, реализуется *ано* и в древнерусском фрагменте (3): ‘Было новгородцев мало, потому что «вячшие» были схвачены, «меньшие» разошлись...’

- (17) *Слышали, з(о)с(у)д(а)рь, твои крес(ь)яна <...>, ш[то] рож(ь) и авес таскал староста ноч(ь)ю, — я в ту пору как приеду...¹⁸ поля, пришел — ан мешки ставят с рож(ь)ю и с овсом, а не тут же стоят, где ево хлеб — в ьном месте* (Грамотка приказчика боровской вотчины о расследовании злоупотреблений приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова, 1669).

Отметим, что, как и в (7)–(13), *ан* в (17), безусловно, вводит неожиданную для говорящего ситуацию, однако в данном случае на первый план выходит именно указательность: ‘Я пришел — а тут вот мешки ставят’.

Аналогичным образом обстоит дело и в некоторых фрагментах Жития протопопа Аввакума, где семантический вклад *ано*, так же как и в примере выше, можно передать при помощи современной частицы *вот* в сочетании с наречием *тут*, усиливающим указательную семантику (нарушение ожиданий говорящего, по-видимому, предполагается и в этих случаях):

- (18) *Осипъ Саловъ со стрел[ь]цами повез меня к Николъ на Угръшу в м[о]н[а]ст[ы]рь. Посмотрю — ано предо мною и дякона тащатъ ‘<...> Смотрю — а тут вот передо мной и дякона тащат’* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672–1675);
- (19) *И егда я вошелъ в трапезу, тутъ иная бѣсовская игрушка. Мертвецъ на лавке стоял в трапезе, непогребеной; и бѣсовским дѣйством верхняя доска раскрылас[ь] <...> Егда же вошел в олтарь, ано ризы и стихари шумятъ и летаютъ с мѣста на мѣсто: дьяволъ дѣйствуетъ, меня устрашая ‘<...> Вошел в алтарь — а тут вот ризы и стихари шумят и летают’* (Там же).

Таким образом, контексты (17)–(19) объединяются общей идеей, которую можно передать так: ‘Посмотрел — и (неожиданно) увидел вот что’.

Рассмотрим еще два близких употребления указательного *ано*:

- (20) *Есть стало нѣчева, люди стали мерет[ь] з голоду и от водяныя бродни. Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые <...> пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, лишю станут бит[ь], ано и умретъ, и без битья насилу ч[е]л[о]вѣкъ дышитъ ‘Лишь станут бить — вот человек и умрет’* (Житие протопопа Аввакума, 1672–1675);
- (21) *Я был в Даурахъ с Пашковымъ с Афонас[ь]емъ на озеръ Ирѣгене: гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нѣтъ, от глада исчезаем. Помоля я б[о]га, взявъ двѣ сѣти, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мнѣ б[о]гъ далъ шесть язей да двѣ шуки ‘Помолился Богу — и вот дал мне Бог шесть язей и две шуки’* (Там же).

¹⁸ В оригинальном тексте здесь лакуна.

Хотя клаузы, вводимые здесь посредством *ано*, указывают на следствие того, о чем говорилось в левом контексте, было бы ошибкой приписывать самому служебному слову самостоятельное значение следствия. Вклад его в обоих случаях, остается тем же, что и в (17)–(19): это указательно-усилительная семантика.

Завершая обзор случаев употребления *ань* (*ано*) в указательно-усилительном значении, рассмотрим еще один контекст:

- (22) *и прииде к нѣкоей к старой полате, бѣ бо не заперта, и походи в ней и узрѣ мечь велми стародавней и без ножен, особь лежащъ. И взем его, начат осматривати, и усмотри, — ано острый велми, угоден ему бысть* (Повесть о Брунцвике, XVII в.).

На первый взгляд может показаться, что *ано* здесь обладает той же семантикой, что и в (7)–(13), — выражает противительное значение и указывает на нарушение ожиданий субъекта. В самом деле, вряд ли можно было ожидать, что «стародавний» меч, найденный без ножен в «старой палате», окажется острым. Однако обратим внимание на то, что непосредственный левый контекст *ано* содержит в данном случае два глагола зрительного восприятия: *начат осматривати* и *усмотри*, — что заметно сближает (22) с (17)–(19), описывающими, как уже говорилось, ситуацию типа ‘Посмотрел — и (неожиданно) увидел вот что’. Тем самым и здесь правомерно предположить наличие семантического компонента указательности (впрочем, никаких современных аналогов с указательным значением для перевода этого *ано* найти не удастся).

Отметим, что, в отличие от (22), в (17)–(21) семантика *ань/ано* полностью лишена компонента противительности.

Итак, в среднерусских текстах *ань* (*ано*) демонстрирует способность выражать широкий спектр значений — противительное без дополнительных семантических наращений, противительное с компонентом ‘нарушение ожиданий’, а также причинное и указательное.

6. *Ань (ано)* в XVIII–XIX вв.

Судя по данным НКРЯ, вариант *ано* к началу XVIII в. выходит из употребления — по-видимому, в результате стандартной редукции заударного гласного, весьма характерной для «мелких» служебных слов (ср. *ж* из *же*, *б* из *бы*, *чтоб* из *чтобы*).

При этом противительное значение по-прежнему регулярно выражается данным служебным словом, причем указание на нарушение ожиданий из частотного, но все же факультативного становится, по всей видимости, обязательным; ср.:

- (23) *Он надеялся, что все расхохочутся до смерти, а_н право, никто из наших сестр и учтивых мужчин и не улыбнулся* (Н. И. Новиков. Живописец, 1775);

- (24) *Анюта-та твоя хоть куды; я было трухнул, как даве она про любовь-та болтала: ан она из воли-та твоей не выходит* (П. А. Плавильщиков. Бобыль, 1790).

Отметим для обоих приведенных случаев наличие в левом контексте слов-маркеров, предсказывающих нарушение ожиданий говорящего, — глагола *надеялся* и частицы *было*¹⁹.

Ср. еще:

- (25) *Ты <...> как барин — норовишь все в трактир: давай чаю, заморской водки, того-сего <...>; а там хватъ, хватъ, ан и сенца не на что купить* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830).

О наличии ошибочных ожиданий в (25) свидетельствует глагольное междометие *хватъ*; ср. чрезвычайно близкий пример (9), где клауза, содержащая *ано*, предваряется контекстом *Да хватился хлебнуть испити*.

Отметим способность противительного *ан* употребляться в контекстах, выражающих потенциальность, ср.:

- (26) *Разве между кустами крапивы не растет фиалка? — сказал вспльчиво Никанор, и отец отвечал: — Конечно, растет; но попытайся сорвать ее, ан больно обожжешь руку* (В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам, 1825).

Эта особенность сближает *ан* в (26) с древнерусским **анъ** (**ано**): ср. фрагменты договоров (2) и (3), где **анъ** входит в состав условной клаузы, но противопоставляет современному русскому *ан*, способному лишь вводить указание на реальную ситуацию, опровергающую ожидания субъекта.

Судя по данным НКРЯ, в текстах XIX в. противительное *ан* начинает регулярно использоваться в ответных репликах диалога; указание на нарушенные ожидания при этом также имеет место, ср.:

- (27) *Экой мужлан! — Ан врешь! Я не мужик* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830);
 (28) *Ну что, проигрался? — сказал проснувшийся Тихонов. — Ан нет, семнадцать рублей выиграл, и клико бутылочку распили* (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат, 1896);
 (29) — *Нет, не обгонишь. — Ан нет, обгоню. — Не обгонишь* (А. И. Куприн. Картина, 1895).

Как и в предшествующий период, в текстах XVIII–XIX вв. встречается *ан*, выражающее указательно-усилительное значение:

¹⁹ Тот факт, что за «плюсquamперфектной» частицей *было* часто следует «очень интересный союз *ан*, означающий нарушение ожиданий», отмечается и для современного русского языка (см. [Сичинава 2009: 392]).

- (30) *Пора, право пора тебе, дружок, опомниться. — Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее; ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные дома; а ты с легкой моей руки станешь богатеть* (Н. И. Новиков. Живописец, 1775);
- (31) *Захотелось выпить по другой, так покажешь на рюмку да скажешь: «Нох!» — ан глядишь: тебе и подают другую; ведь языкто их не мудрен, братец!* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830);
- (32) *А человеку, который ежели заскучит: первое дело работа. Ан — скука-то и пройдет* (К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне, 1895).

Как и в предыдущих случаях, эквивалентом *ан* здесь может служить современное *вот*: ‘Напиши два-три портретца — вот и разбогатеешь’; ‘Скажешь: «Нох!» — вот глядишь, тебе и подадут рюмку’; ‘Станешь работать — вот скука и пройдет’.

Подобно аналогичным старорусским употреблением, едва ли можно утверждать, что *ан* здесь выражает значение следствия — оттенок следствия, как и прежде, возникает лишь под влиянием контекста. Кроме того, компонент противительности в семантике *ан* здесь полностью отсутствует, поскольку первая из двух ситуаций, описанных в соединяемых им клаузах, является предпосылкой для возникновения второй.

Новым же типом употребления в данный период становится использование *ан* для передачи идеи неожиданности (и даже внезапности) возникновения ситуации:

- (33) *Я ж им (вином. — А. П.) еще и ушибся и облился, стал вынимать пробку, ан как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел* (А. П. Сумароков. Ссора у мужа с женой, 1750);
- (34) *Только лишь я за дверцы (кареты. — А. П.), — вот не лгу, Бог свидетель! — ан как выскочит, как вопьется в меня, что же сударыня? Собачица с медведя* (Ф. В. Ростопчин. Ох, французы! 1812).

Показательно, что и в (33), и в (34) употреблена конструкция *как* + глагол совершенного вида в форме будущего времени, также передающая идею внезапности. Ср. еще семантически близкие контексты, в составе которых использованы другие лексемы, указывающие на внезапность возникновения ситуации (*глядь, вдруг*):

- (35) *Нелегкая занесла меня в болото, глядь — ан тут куличок перебегает да перелетывает с кочки на кочку; я за ним — он дальше и дальше* (О. М. Сомов. Роман в двух письмах, 1830);
- (36) *Идет девушка по лесу и думает: «Ах, кабы мне ленточку найти... розовенькую ленточку!» — идет, идет она, вдруг... ан ленточка-то и лежит на дороге* (В. С. Серова. Встреча с Л. Н. Толстым на музыкальном поприще, 1894).

Способность передавать идею неожиданности возникновения ситуации не позволяет, однако, говорить о том, что у нашего служебного слова полностью сформировалось соответствующее самостоятельное значение: как показывают примеры (33)–(36), в подобных случаях слишком сильна поддержка контекста. Как кажется, правильнее считать, что данный компонент представляет собой лишь семантическое наращение значения указательности — подобно тому, как с противительным значением оказался соединен компонент ‘нарушение ожиданий’.

Таким образом, в период XVIII–XIX вв. семантика *ан* претерпевает ряд изменений по сравнению со старорусским периодом: указание на нарушенные ожидания становится практически обязательным семантическим компонентом противительного *ан*, как и в современном языке; начиная с XIX в. регулярной становится его функция в ответных репликах диалога; наконец, новой семантической возможностью данной единицы оказывается способность передавать идею внезапности возникновения ситуации. Употребление же данного служебного слова в причинном значении, напротив, в текстах позднего периода в НКРЯ уже не фиксируется.

Вместе с тем некоторые семантические свойства наследуются из старорусского периода: противительное *ан* по-прежнему регулярно выражает идею нарушения ожиданий; кроме того, сохраняется способность выражать указательно-усилительное значение.

7. Обсуждение последовательности развития значений

Итак, на различных этапах своей истории служебное слово *ань* (*ано*) могло передавать следующие значения: противительное (в том числе с семантическим наращением ‘нарушение ожиданий’); причинное; указательно-усилительное (в том числе маркирующее неожиданность возникновения ситуации). Как видим, спектр значений весьма широк и полностью совпадает с частью приводимых в [ЭССЯ 1974] и [Кореšný et al. 1980] значений соответствующих лексических единиц в других славянских языках.

Какое же из этих разнообразных значений следует признать исходным? Как кажется, одна из возможностей состоит в том, чтобы признать таковым указательно-усилительное значение. Можно предположить, что, выражая это значение, *ань* (*ано*) как бы «педалирует» факт наличия той ситуации, которая описывается вводимой им клаузой: ‘Имеет место именно это положение дел’. Отсюда может развиваться противительное значение (‘Но имеет место именно это положение дел’), в том числе включающее компонент ‘нарушение ожиданий’ (‘Но, вопреки ожиданию, имеет место именно это положение дел’), а также значение причины (‘Именно это положение дел служит причиной чего-л.’).

Наиболее спорным моментом в высказанной гипотезе представляется выведение из указательно-усилительной семантики значения противитель-

ности. Однако в качестве косвенного подтверждения возможной правильности изложенного рассуждения можно привести типологическое наблюдение, сделанное в [Giacalone, Mauri 2011]. Согласно данной работе, одним из источников адверсативных коннекторов является эмфатическое усиление второй клаузы (в качестве параллели авторы приводят англ. *in fact* и итал. *bensí* 'but rather'): «Adversative connectives may also derive from strategies expressing an emphatic reinforcement of the second clause, on which a special focus is given as opposed to the preceding one».

Развивая это предположение, отметим, что обе изложенные в разделе 2 гипотезы о происхождении *анъ* (*ано*) можно считать подтверждающими первичность именно указательно-усилительного значения.

Поскольку местоимение *оно*, с которым связывает наше служебное слово первая из гипотез, само является указательным, возможность принятия этой гипотезы не нуждается в пояснении. Следует лишь добавить, что в таком случае первому компоненту исходного сочетания **а оно* должна приписываться присоединительная функция, ср.: «Как противит., так и присоединит. функции праслав. союза **а* представлены практически на всей слав. территории» [ЭССЯ 1974: 33]. Что же касается частицы *но* (*нъ*), входившей в состав слова согласно второй гипотезе, то обращает на себя внимание то, что ее первое значение в [СРЯ XI–XVII, 11: 392] описывается следующим образом: «Выражает призыв к вниманию, оформляет переход к новой мысли». Ср.: **нынѣ ѡтгьсюдоу оуже начьноу съповѣдати <...> житие блжнаго ѿоудосиа нъ послоушанте братик съ вьстацѣмь прилежаникѣмь** 'Теперь уже начну рассказывать о жизни блаженного Феодосия. Послушайте, братья!...' (Нестор, Житие Феодосия Печерского, 1080-е гг.). Ср. также начальный фрагмент ктиторской надписи в новгородской церкви Спаса на Нередице: **нъ о блюбивы княже вторый всеволодъ** 'О боголюбивый князь, второй Всеволод!...' [Рождественская 2008: 48]²⁰. Таким образом, и данная частица могла выполнять усилительную функцию, и ничто не мешает предположить, что именно эту функцию она исполняла первоначально в составе сложения **анъ** (**ано**). Первому элементу сложения здесь, как и в случае с гипотезой *а + оно*, следует приписывать присоединительную функцию. Тем самым и вторая гипотеза не противоречит выводу о первичности указательно-усилительного значения для данного слова.

Однако, с другой стороны, необходимо отметить, что обсуждавшаяся выше связь указательно-усилительного значения с адверсативным не является общепризнанным фактом. Так, в работе [Diessel 1999], где рассматривается грамматикализация различных типов демонстративов и обсуждается, в частности, их переход в относительные и изъяснительные коннекторы,

²⁰ Т. В. Рождественская датирует эту надпись следующим образом: «Есть все палеографические и лингвистические основания относить ктиторскую надпись к 1199 г., т. е. к летописной дате создания <...> фресок знаменитой Нередицы» [Рождественская 2008: 57].

а также в коннекторы, выражающие причинно-следственные отношения (ср. приведенный в разделе 2 набор значений для *ано*, зафиксированный этимологическими словарями), отсутствует указание на возможность трансформации демонстратива в адверсативный коннектор. Отсутствует подобное указание и в монографии [Heine, Kuteva 2004: 291, 327], где для адверсативов отмечается лишь происхождение из слов с темпоральной семантикой²¹.

Это дает основания склониться к предпочтению иной гипотезы, близкой к изложенной в [Кореšný et al. 1980] (см. раздел 2): возможно, восточнославянское **анъ** (**ано**) представляет собой результат контаминации двух независимых лексических единиц, одна из которых восходила к сочетанию **a + нь* или **a + no*, а вторая — к сочетанию **a + ono*. В таком случае следует считать, что первая из единиц первоначально выражала лишь противительное или противительно-сопоставительное значение (присущее как минимум компоненту *нь*, но, весьма вероятно, и компоненту *a*); вторая же единица имела первоначально указательную семантику, на базе которой в дальнейшем развилась ее способность маркировать причинно-следственные отношения между клаузами.

Заключение

Сопоставление материала НКРЯ трех периодов — древнерусского, старорусского и «нового» периода XVIII–XIX вв. — позволяет описать (по крайней мере, предположительно) семантическое развитие служебного слова *анъ/ано*.

В древнерусский период наиболее частотным, по-видимому, было употребление данного коннектора в противительном значении (при этом для двух случаев есть основания предполагать в качестве дополнительного семантический компонент ‘нарушение ожиданий’). Кроме того, эта служебная единица использовалась также в причинном и, возможно, в указательном значениях. Подчеркнем, однако, еще раз, что крайняя скудость древнерусских примеров в НКРЯ не позволяет сделать уверенных выводов относительно семантических возможностей **анъ** (**ано**) в XI–XIV вв.

Противительное, указательное и причинное значения регулярно фиксируются у коннектора в текстах старорусского периода; при этом противительное *анъ/ано* в подавляющем большинстве случаев демонстрирует дополнительный семантический компонент ‘нарушение ожиданий’.

В XVIII–XIX вв. семантика *ан* несколько изменяется: мы не находим в НКРЯ контекстов этого периода, где данное слово передавало бы причинное значение, однако употребления в указательно-усилительном и противительном значениях остаются по-прежнему частотными, а противи-

²¹ Выражаю благодарность Н. В. Сердобольской за помощь в поисках работ по типологии.

тельное *ан* начинает активно использоваться в качестве первого элемента в ответных репликах диалогов. Встречаются также контексты, где указательно-усилительное *ан* передает идею внезапности возникновения ситуации. Компонент ‘нарушение ожиданий’, по-видимому, становится обязательным для противительного *ан*.

Что же касается вопроса о происхождении *ань* (*ано*), то наиболее предпочтительной представляется гипотеза, согласно которой данное служебное слово является результатом контаминации двух первоначально независимых единиц: противительной, возникшей из **a + нь* (*но*), и указательной, возникшей из **a + оно*. С другой стороны, нужно отметить, что возведение *ань* (*ано*) во всей совокупности его значений к указательной семантике также кажется допустимым решением.

Источники и словари

- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988.
 СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975; Вып. 11. М., 1986.
 Хождение 1999 — Хождение за три моря Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси // РАН. ИРЛИ. Т. 7. СПб., 1999. С. 348–379.
 Фасмер 1964 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.
 ЭССЯ 1974 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974.
 Gebauer 1903 — J. G e b a u e r. Slovník staročeský. Vol. I. Praha, 1903.
 Kopečný et al. 1980 — F. K o p e č n ý, V. Š a u r, V. P o l á k (věd. red. B. N a v r á n e k). Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 2: spojky, částice, zájmenná adverbia. Praha, 1980.

Литература

- Гиппиус 2022 — А. А. Г и п п и у с. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 7–20.
 Зализняк 2008а — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
 Зализняк 2008б — А. А. З а л и з н я к. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
 Левонтина 2022 — И. Б. Л е в о н т и н а. Частицы речи. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2022.
 Птенцова 2024 — А. В. П т е н ц о в а. Служебное слово *ань*: пути и переупутья семантического развития // Сборник научных статей по материалам VIII Международного симпозиума «Русская грамматика в динамике» (Нижний Новгород, 9–13 октября 2024 г.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2024. С. 244–247.

Птенцова, в печати — А. В. Птенцова. Семантическая история служебного слова *ан* (на материале Национального корпуса русского языка) // Коннекторы современного русского языка: семантика и синтаксис, прагматика и диахрония / Под ред. И. М. Кобозевой, Н. В. Сердобольской, А. И. Крюковой.

Рождественская 2008 — Т. В. Рождественская. Язык и письменность средневекового Новгорода. Богослужбные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Сичинава 2009 — Д. В. Сичинава. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике / К. Л. Киселева и др. (ред.). М.: Пробел-2000, 2009. С. 362–396.

Янин и др. 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Diessel 1999 — H. Diessel. The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony // Linguistic typology. 1999. Vol. 3. P. 1–49.

Giaccalone, Mauri 2011 — A. Giaccalone Ramat, C. Mauri. The grammaticalization of coordinating interclausal connectives // Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 656–667.

Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Статья получена 16.03.2025

Anna V. Ptentsova

Lomonosov Moscow State University

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science

(Moscow, Russia)

Shenzhen MSU-BIT University

(Shenzhen, China)

anna.ptentsova@gmail.com

ON THE ORIGIN AND HISTORY OF THE FUNCTION WORD *АНЬ/АНО*

The article, based on data from the Russian National Corpus, describes the semantics of the function word *ань* (*ано*) — the 'ancestor' of the modern connector *ан*. In the Old East Slavic period, the most frequent usage of *ань* (*ано*) was in an adversative meaning; in addition, the connector was used in causal and demonstrative-emphatic meanings. These meanings are also regularly attested in texts from the Middle Russian period; the adversative *ань* (*ано*) in the vast majority of cases exhibits an additional semantic component of 'violation of expectations.' In texts from the 18th–19th centuries in the Russian National Corpus, the demonstrative-emphatic and adversative meanings remain highly frequent; the adversative *ань* begins to be actively used as the first element in dialogic response turns. In texts from this period, the demonstrative-emphatic *ань* may acquire the component of 'suddenness of a situation's occurrence.' The 'violation of expectations' component becomes obligatory for the adversative *ань*. As for the question of the origin of *ань* (*ано*), the most plausible hypothesis appears to be that this function word resulted from the contamination of two originally inde-

pendent units: an adversative one, derived from **a + нь (no)*, and a demonstrative one, derived from **a + оно*. However, it should be noted that tracing *ань (ano)* in all its meanings back to a demonstrative semantics also seems a viable solution.

Keywords: history of Russian language, polysemy, function words, Russian National Corpus.

References

- Diessel, H. (1999). The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony. *Linguistic typology*, 3, 1–49.
- Giocalone Ramat, A., & Mauri, C. (2011). The grammaticalization of coordinating interclausal connectives. In H. Narrog, & B. Heine (Eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (pp. 656–667). Oxford: Oxford University Press.
- Gippius, A. A. (2022). Berestianye gramoty iz raskopok 2021 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 7–20.
- Heine, B., & Kuteva, T. (2004). *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levontina, I. B. (2022). *Chastitsy rechi*. Moscow: Azbukovnik.
- Ptentsova, A. V. (2024). Sluzhebnoe slovo *an''*: puti i pereput'ia semanticheskogo razvitiia. In E. V. Marinova (Ed.), *Sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Mezhduнародного simpoziuma «Russkaia grammatika v dinamike» (Nizhny Novgorod, 9–13 oktiabria 2024 g.)* (pp. 244–247). Nizhny Novgorod: Izd-vo NGLU.
- Rozhdestvenskaia, T. V. (2008). *Yazyk i pis'mennost' srednevekovogo Novgoroda. Bogosluzhebnye nadpisi i berestianye gramoty XI–XV vv.* St Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU.
- Sichinava, D. V. (2009). *Stremit'sia presekat' na korniu: russkaia konstruktsiia s bylo po korpusnym dannym*. In K. L. Kiseleva et al. (Eds.), *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* (pp. 362–396). Moscow: Probel-2000.
- Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zalizniak, A. A. (2008a). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Zalizniak, A. A. (2008b). *Slovo o polku Igoreve. Vzgliad lingvista*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Received on March 16, 2025

И. И. МАКЕЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irinamakeeva2007@mail.ru

СОЮЗ *НО* В ЦИКЛЕ МОЛИТВ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

В статье рассматривается употребление союза *но* в особом типе текста — древнерусских оригинальных молитвах. Их автором является писатель XII в. Кирилл Туровский, который оставил большое творческое наследие: повествовательные произведения, гомилии и цикл седмичных молитв. Молитвы писателя принадлежат к литературным и богослужебным текстам одновременно. В них чередуются славословие, покаяние и прошение. Союз *но* употребляется в одной предикативной единице, противопоставляя однородные члены предложения; в сложной синтаксической конструкции, сопоставимой со сложносочиненным предложением, противопоставляя (и в то же время соединяя) ее части; в сложной синтаксической конструкции, сопоставимой со сложноподчиненным предложением (как соотносительный союз: *аще (и) ... но*); в начале синтаксической конструкции (начинательный, или инициальный, *но*). Для молитв Кирилла характерен союз *но*, находящийся в начале предложения; в молитвах он выступает как текстообразующий. Союз присоединяет, противопоставляя, новую структурную часть текста (обычно прошение после покаяния); употребляется в пределах одной текстовой структуры, присоединяя продолжение покаяния и прошения; маркирует переход от библейской цитаты к авторскому тексту. Союз *но* может быть сверхфразовым, когда он присоединяет не одну, а несколько предикативных единиц.

Ключевые слова: Кирилл Туровский, молитвы, древнерусский язык, союз *но*.

1. Творческому наследию Кирилла Туровского, древнерусского писателя XII в., посвящено большое количество работ, преимущественно литературоведческих; в последнее время рассматриваются также богословие епископа, имеющиеся в его произведениях концепты, лингвотекстология гомилий и др. Синтаксис произведений писателя, в том числе вообще мало изученных молитв¹, практически не исследован.

Помимо повествовательных и риторических произведений, Кирилл создал цикл седмичных молитв, состоящий из 21 текста: по три молитвы на каждый день недели (по утрени, по часах и по вечерне). В русской письменности они существовали независимо от остальных сочинений Кирилла, многократно переписывались как в составе полного цикла, так и по от-

¹ Публикацию текстов, текстологическое и литературоведческое исследования см. в [Рогачевская 1999].

дельности и включались в Псалтири, Часословы и богослужебные сборники. Русские книжники редактировали тексты, в результате чего появились по меньшей мере две вторичные редакции цикла — сокращенная в Псалтири XIV в. (Пс.) и имеющая дополнения киево-печерская в рукописи XV в. (КП). Употребление союзов в них отличается от авторского текста молитв Кирилла, который представляет основная редакция, хотя и в ее списках имеются расхождения. В Ярославском часослове второй половины XIII в. (Яр.) утрачены и потому отсутствуют утренние молитвы, которые составляют около 2/3 общего объема текстов. В связи с этим к исследованию привлекаются рукописи более позднего времени, в частности список основной редакции Вол-405 середины XVI в.²

Кирилл Туровский, следуя византийским традициям, тем не менее был древнерусским оригинальным писателем, использовавшим Священное Писание и сочинения отцов Церкви. Вследствие чего неоднократно вставал вопрос об оригинальности его творчества, прежде всего гомилий, и не всегда ответ на него был в пользу Кирилла³. Однако необходимо учитывать специфику древнерусской литературы, где ориентация, подражание и даже заимствование из сочинений византийских и южнославянских авторов были нормой. В молитвах еще в большей степени, чем в гомилиях, Кирилл использует Библию (Псалтирь), сочинения отцов Церкви (Ефрема Сирина⁴, Василия Великого, Иоанна Златоуста) и другие произведения, включая фрагменты из них, иногда в измененном виде, непосредственно в свой

² Примеры приведены из этой рукописи, имеющей первичные (что особенно важно) и вторичные чтения. В ней есть пропуски букв, слов и даже фраз, которые при цитировании восполнены по другим спискам и заключены в квадратные скобки; при ошибочных формах указано правильное чтение (*вм.*) и (*лишнее*). Сохранено без изменений и комментарий «лишнее и» на конце словоформ, оканчивающихся на ту же букву (*єсни, грѣхѣи*). Такая особенность орфографии встречается в некоторых других рукописях XVI в. Частично расставлены знаки препинания, прежде всего существенные для понимания текста и для темы статьи. Знак «;» поставлен на предполагаемой границе предложений. Поскольку употребление союза рассмотрено на материале списка середины XVI в., в статье он передан как *но*, а не как *нѣ*.

³ С этой точки зрения риторические произведения писателя рассматривал В. П. Виноградов, который пришел к следующему выводу: «...творчество знаменитого древнерусского витии — вполне компилятивного характера. Но и компиляция бывает различного рода и различной ценности. Бывает компиляция грубо-механическая, и может быть компиляция талантливо-художественная. Творчество Кирилла — это художественная мозаика. Здесь отдельные мелкие элементы как драгоценные камни взяты готовыми из различных источников; отсюда же берется и самый план, канва, по которой размечаются эти чудные идейные и словесные перлы... но выбор их, взаимосочетание, наконец, слияние их с канвою нового плана — все это выполнено самостоятельно и высокохудожественным образом» [Виноградов 1915: 176–177].

⁴ Общие суждения о сходстве молитв Ефрема Сирина и Кирилла см. в [Рогачевская 1999: 52–54].

текст либо создавая по их образцу те или иные пассажи. Прямого цитирования (*Монси рече...*) в молитвах меньше, чем в гомилиях. В результате сложнее отделить авторский текст от первоисточника; не исключено его влияние на постановку союза в тексте Кирилла.

Молитвы по сравнению с гомилиями и повествовательными сочинениями несколько ограничивают возможности древнерусского писателя. С одной стороны, они являются богослужебными текстами и написаны в соответствии с жанром: традиционное вступление отсутствует; чередуются прошения, покаяния и славословия; используются устойчивые выражения, общие для молитвословия. С другой стороны, это авторские оригинальные (не переводные) произведения, и Кирилл включает в них то, что считает нужным⁵, имея возможность выбирать языковые средства.

В настоящей статье исследуется постановка союза *нъ* (*но*) в молитвословии древнерусского писателя. Вопрос о том, насколько его употребление соответствует или отличается от переводных молитв византийских авторов, не рассматривается, поскольку для этого необходима публикация корпуса греческих и славянских текстов и изучение их синтаксиса.

2. Большинство статей и монографий посвящено союзу *но* в современном русском языке, в том числе в сопоставлении с соответствующими союзами в других языках. В центре внимания оказываются его семантика (прежде всего однозначность или многозначность) и предложения с этим союзом, когда речь идет о значении таких синтаксических конструкций и об отношениях между их частями. Ср.: «...союзы выражают разнообразные синтаксические отношения функционально однородных или синтаксически сопоставленных и связываемых единиц речи» [Виноградов 1972: 552].

2.1. В. В. Виноградов полагал, что у *но* есть единственное противительное значение: «Все оттенки употребления этого союза, сводящиеся к выражению разных видов противопоставления или исключения, разных мотивов и степеней возражения или уступления, не выходят за пределы его основного противительного значения» [Виноградов 1972: 559]. Схожей точки зрения придерживается В. З. Санников, выделяя как употребления («кандидаты» в особые значения союза) «*но* противоположной оценки» и «*но* ненормального следствия», которые можно (и даже следует) рассматривать как «несоответствие норме» [Санников 2008: 244–255]. Автор замечает, что «вопрос о числе значений союза *но* нельзя считать окончательно решенным» [Там же: 245].

Е. В. Урысон, анализируя этот союз «в свете теории семантических примитивов», рассматривает «*но* ненормального следствия», «*но* противо-

⁵ См., например, упоминания в молитве в четверг по утрени, посвященной апостолам, некоторых событий из жития Иоанна Богослова: воскресение погубленного в бане злым духом, избавление от инцеста Проклиании и ее сына Сосипатра и др.

действия» и «обманутое ожидание», включающее «*но* противоположной ситуации», «*но* противоположной оценки», «*но* метатекстовое» и «*но* неприятия» [Урысон 2011: 171–206]. Как указывает автор, союз «приходится признать многозначным» для системного описания, «все значения *но* имеют большую, причем нетривиальную общую часть — она составляет семантическое “ядро” *но*»; «указание на ожидание является в его семантике центральным» [Там же: 172, 203].

Т. М. Николаева выделяет три значения союза *но*: «обманутого ожидания» (на самом деле «с тремя разными видами сопрягаемой через союз семантики»), «контраста» и «уступительности»; «... всю сумму значений *НО* можно представить себе в виде некоего спектра, где значения переходят друг в друга, выявляясь каждое по принципу: **больше** — **меньше**. В целом же *НО* в дискурсе необходимо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого)...» [Николаева 1997: 15–18].

О. Ю. Инькова-Манзотти, исходя «не из семантического наполнения компонентов, связываемых *но*, а из типа отношения, существующего между ними», выделяет два основных значения русского союза: *но противительное* и *но уступительное*. *Но противительное* имеется в противительно-возмездительных предложениях, собственно противительных, *но* противоположной оценки, распространительно-присоединительных и противительно-распространительных предложениях. Для *но уступительного* при собственно уступительных отношениях автор выделяет противительно-уступительные предложения, предложения противительного несоответствия, предложения со значением независимости результата или вывода, противительно-следственные предложения, *но* ненормального следствия и *но* противодействия. Вне собственно уступительных отношений находятся противительно-ограничительные предложения [Инькова-Манзотти 2021: 171–172]. Автор особо подчеркивает «доминирование второго компонента, вводимого союзом *но*», которое в русистике не отмечается или недооценивается: «именно второй компонент содержит аргумент, имеющий больший вес с точки зрения говорящего» [Там же: 160, 159].

И. Н. Кручинина, посвятившая монографию сочинительным союзам, исходит из того, что «сочинительная связь служит для создания перспективы чисто синтаксической, композиционной» и рассматривает сочинительные союзы «с точки зрения их внутренней смысловой структуры, системных отношений и функций». Союз *но* используется при ограничительных отношениях, его грамматическим значением «является значение внешнего предела следования (ограничительное)». «Там, где речь идет о конечной, результативной фазе в развитии действия/состояния, ограничительное значение может быть интерпретировано как противительное»; «...ограничивая действие... и направляя ход связанных с ним словесных ассоциаций по иному, как бы противоположному руслу, союз *но* развивает в себе значение обратной обусловленности...» [Кручинина 2009: 18, 83, 88, 89].

2.2. В коллективной монографии «Структура предложения в истории восточнославянских языков» в основу описания сочинительных конструкций положена характеристика связи между их частями с указанием союзов, с помощью которых она реализовалась: соединительная связь (союзы *и, да, а*), сопоставительная (союз *а*), связь противопоставления как разновидность сопоставления (союзы *а, и, да, но*) и др. [Структура предложения 1983]. В другом коллективном труде «Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение» рассматриваются структурно-семантические типы сложносочиненных предложений и союзы, осуществлявшие соединение их компонентов. Союз *но* среди прочих (*а, же, ано* и др.) является «показателем сопоставительно-противительной связи» [Историческая грамматика 1979: 40]. В предложениях с союзом *но* их части находятся в противительных отношениях, иногда «противительные отношения приобретают дополнительный оттенок уступительного характера»; «Весьма употребительны сложносочиненные предложения с противительно-ограничительным значением» [Там же: 46–48].

На материале старославянского языка в сопоставлении с другими сочинительными союзами, прежде всего с *а*, союз *нъ* рассмотрен в [Ефимова 1997]. Автор отмечает, что старославянские союзы, являясь в переводах эквивалентами греческих союзов и частиц, испытывают влияние на свою семантику с их стороны и «противодействуют» ему. Общей семантической зоной для *а, нъ* и *и* является смысловая оппозиция. Союз *нъ*, в отличие от *а*, обычно «употребляется при сопоставлении не отдельных слов (объектов), а ситуаций в целом» [Там же: 71]. В то же время оба союза используются в контекстах «обманутого ожидания». Особые функции *нъ* — выражение противодействия в таких типах контекстов, как прерывание и непродолжение действия, уступительность, пресуппозиция. Для памятников старославянского языка характерно употребление *нъ* и других союзов в качестве инициальных; *нъ* в этих случаях указывает на изменение темы повествования.

Синтаксическим функциям союзов *а* и *но* в языке переводного Изборника 1076 г. посвящена статья [Тарланов 1976]. Оба союза многофункциональны и выражают отношения противопоставления, соединения и присоединения, при этом «[ч]аще значение противопоставления выражается в “Изборнике” конструкциями с союзом но, так как в общей семантике последнего оно, несомненно, доминирует» [Там же: 160]. К сожалению, исследование проведено без привлечения греческого оригинала памятника.

2.3. В современной и исторической лексикографии отмечается, что союзом *но*, помимо противопоставления, передается присоединение и более сложные противительно-присоединительные отношения. Уже в старославянском языке *нъ* (*но*) употреблялся при изменении темы повествования, переходе от одной мысли к другой, хотя как самостоятельное такое значение выделяется не во всех словарях.

В [МАС] союз представлен как противительный и противительно-присоединительный. Противительный *но* соединяет противопоставляемые

предложения или члены предложения, а также два предложения, одно из которых выражает несоответствие тому, что выражено в другом и противоречит ожидаемому; он указывает на уступительный характер противопоставления предложений или членов предложения. Для противительного-присоединительного *но* указаны четыре значения: он употребляется «при переходе от одной мысли или темы к другой (в речи одного лица или в диалоге)» (П.3), в разговоре в начале содержащей возражение реплики (П.4), при присоединении предложений, «повторяющих одно из слов первого предложения и развивающих, дополняющих высказанную мысль» (П.1), а также при присоединении предложений и членов предложения, связанных временной последовательностью (П.2) [Там же: 503].

Согласно [СС: 384–385], в памятниках старославянского языка *нь* был противительным, присоединительным, начинательным (начинал новое предложение или период), градационным, ограничительным, а также вводил главное предложение после условного и уступительного *аще (и) ... нь, нь обаче, нь убо*. В [ССЯ: 443–448] у союза выделены те же значения, кроме начинательного.

В [СДЯ: 446–448] *нь* характеризуется как противительный, противительно-присоединительный и присоединительный. Противительный союз указывает на противопоставление членов предложения или частей сложного предложения и вводит ограничение к первому предложению / части предложения, получающему уступительный оттенок; противительно-присоединительный *но* начинает предложение, по смыслу противоположное предыдущему; присоединительный союз вводит, во-первых, предложение, указывающее на переход к новой теме, во-вторых, дополнение либо уточнение к предшествующему предложению. Более-менее последовательное описание, основанное на характеристике присоединяемых предложений, нарушается значениями шестым и седьмым, которые относятся к самому союзу: «Присоединит. Также, да» и «В отриц. конструкциях. Кроме, кроме как».

Согласно [СлРЯ: 392–393], *но* был противительным ('но', 'а'), присоединительным ('и', 'даже', 'да и'), ограничительным в позиции после отрицания и вопроса ('кроме как', 'разве что', 'если не', 'как не'), а также выступал как соотносительный в сложных предложениях с придаточным условия или уступительным.

3. Сочинительный союз *но* в древне- и старорусском языке имеется в разных источниках: «Сложносочиненные предложения с союзом *но* довольно употребительны в древнерусских и старорусских памятниках разных стилей. Союз *но* стилистически был нейтральным» [Историческая грамматика 1979: 46]. По сравнению с союзом *а*, преобладавшим в письменных памятниках, отражавших живую разговорную речь, и союзом *и*, в большей степени свойственным литературно-книжным источникам [Там же: 55], *но* кажется менее употребительным, особенно в деловых документах.

В разных сочинениях Кирилла Туровского преимущественно используется союз *и*, нечасто — *а*; употребление *но* существенно варьируется и отчасти зависит от содержания⁶; в целом для гомилий он менее характерен, чем для молитв. В небольшом «Слове о слепце» Кириллом 12 раз употреблен союз *а* и 29 — *но*; в «Слове памяти отцов Никейского собора» этих союзов соответственно 8 и 14, в «Слове на Фомину неделю» — 5 и 6; в самом большом «Слове о снятии тела Христова с креста» *а* отсутствует, *но* представлен 19 примерами. Такое же варьирование имеет место в повествовательных произведениях: в «Притче о душе и теле» зафиксировано 18 союзов *а* и 59 — *но*, в «Сказании о черноризском чине» — 6 и 17 соответственно. В многочисленных списках этих текстов их авторская постановка сохраняется.

В отличие от гомилий, в молитвах по спискам и редакциям употребление сочинительных союзов, особенно *и*, варьируется. Союз *а* в молитвах используется очень редко; несколько новых позиций появилось в сокращенной редакции цикла в Пс. на фоне замены авторского *а* на другую лексему. Союз *но* в молитвах представлен большим количеством примеров (более 70), и его употребление относительно стабильно в разных списках и редакциях⁷.

В молитвах Кирилла союз *но* находится в одной из четырех позиций: 1) в простой предикативной единице, противопоставляя однородные члены предложения; 2) в сложной синтаксической конструкции, сопоставимой со сложносочиненным предложением⁸, противопоставляя (и одновременно соединяя) ее части; 3) в сложной синтаксической конструкции, сопоставимой со сложноподчиненным предложением, как коррелят соотносительного союза в составном союзе *аще (и)... но*; 4) в начале синтаксической конструкции (начинательный, или инициальный, *но*), где он выполняет частные функции.

Но имеет одно противительное значение. Будучи сочинительным союзом, в зависимости от позиции и контекста он присоединяет, противопоставляет, или противопоставляет, присоединяя, предложения или части предложений.

4. Для молитвословия Кирилла характерен союз *но*, находящийся в начале предложения⁹, что отмечается и в памятниках старославянского языка.

⁶ Ср. в старославянском языке: в Супрасльской рукописи, содержащей агиографические и гомелитические произведения, *нъ* по сравнению с *а* встречается в два раза чаще; в евангельском тексте оба союза почти равно употребительны [Ефимова 1997: 66–67].

⁷ В Вол-405 из бесспорно вторичных чтений имеются четыре замены искомого *но* на союз *и* и пример обратной мены, а также пропуск *но*.

⁸ Для древнерусского языка XII в. корректнее говорить о синтаксических конструкциях, сопоставимых с современными сложносочиненными предложениями.

⁹ Этимологи праславянский союз **нъ* преимущественно относят к и.-е. гнезду *нй*, сопоставляют с лат. *nip*, а также говорят о его «междометной природе». По мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, «слав. **нъ* < и.-е. **ni* / **no*, частица

Начинательный *но*, как правило, присоединяет новый смысловой фрагмент¹⁰, когда имеет место указание на прекращение одной линии повествования и развитие или возобновление другой, а также направление повествования по другому руслу [Кручинина 2009: 112–113].

В молитвах у начинательного союза можно выделить три основные функции:

- 1) *но* присоединяет новую структурную часть текста;
- 2) *но* употребляется в пределах одной структурной части, присоединяя ее продолжение;
- 3) *но* маркирует переход от библейской цитаты к авторскому тексту.

4.1. Чередующиеся в молитвах в разном порядке структурно-тематические части текста — словословие, покаяние и прошение — могут состоять из одной или из нескольких синтаксических конструкций. Начинательный союз *но*, оставаясь противительным, присоединяет новую структурную часть текста и соответствует «*но* введения новой темы». Обычно союз употребляется при переходе от покаяния к прошению: **прогна^x хранителя дша моеа аггла и приахъ гъбитела, неподобнаа възлагающе на мое срце; но не встави мене до конца погнѣти** 47 об.; <...> **вскверни^x телесънью**

с синтаксической функцией первой левой компоненты и.-е. предложения» [ЭССЯ: 50–51]. Конкретизируя последнюю точку зрения, Т. М. Николаева отмечает, что *но* восходит к соединявшей предложения инициальной частице «с не очень четким значением», и добавляет, отсылая к примерам из хеттского языка: «Существенно и важно, что *nu-* всюду переводится В. [Н]. Топоровым и Т. В. Гамкрелидзе как ‘*u*’» [Николаева 1997: 4–5].

¹⁰ Подобное употребление союза сохраняется в современном русском языке. Е. В. Урысон характеризует такой союз как «*но* метатекстовое», замечая, что «...*но* представляет собой фразовую частицу: она обычна в абсолютном начале высказывания» [Урысон 2011: 197–199]. В молитвах Кирилла, несмотря на такую же позицию, *но* остается полноценным союзом, поскольку, как будет показано ниже, выполняет функцию присоединения синтаксических единиц, оставаясь противительным союзом. Тем не менее в памятниках в примерах другого типа представлена и частица *но*, которая «*Выражает призыв к вниманию, оформляет переход к новой мысли: ‘так вот, (и) вот’*» [СлРЯ: 392]. О. Ю. Инькова-Манзотти, говоря о *но*, стоящем между самостоятельными предложениями, абзацами и разделами, отмечает, что здесь союз выполняет «риторическую функцию», благодаря которой сообщение, следующее за *но*, приобретает характер чего-то нового, неожиданного и важного» [Инькова-Манзотти 2021: 182]. И. И. Фужерон вслед за С. О. Карцевским использует понятия *внешний* и *внутренний* союз *но*, ставя вопрос о том, что лежит в основе их разделения: «Внешний союз как бы предостерегает собеседника, может быть, об изменении направления повествования, о безосновательности, непрочности предыдущего рассуждения. Часто в этих случаях после “внешнего” *но* говорящий делает паузу, стремясь подчеркнуть неожиданность следующего и тем самым выразить свое эмоциональное настроение. Во внешнем союзе усиливается значение *ограничения*, присущее союзу *но*» [Фужерон 2004: 64].

ми храмнѣ, и нѣсмь достоинъ приати пречѣаго твоего тѣла; но тако бл҃гъ и чѣколюбець прїими <в>есѣдоу мѣтвы моеѣ в сїи ча 51 об.; Ѡ оуности и доннѣ всѣа злаа сотвори; да к комѣ привѣгнѣх избавленїа просѣ; ли кто ѡ мнѣ к бг҃ѣ помолитсѣ; но ты, престѣа двѣ бѣе всѣх крестнѣанъ застѣпнице, не встави мене Ѡ твоеѣ помощи <...> 78–78 об.; нѣ бо нїедного дѣла зла, егѡ не сотвори х каанныи а; но ты, пречѣа двѣ мрїе и мѣти живот[а н]ашего помощнице вѣрныи и грѣшныи надежа, не презри воздыханїа моего 85–85 об.; все бл҃годѣанне Ѡвергъ Ѡ себе, и всѣа неподобнаѣ вселїшасѣ в ма; но гї гї, тѣне мїлаѣ члѣвскїи родъ тѣне спси ма 102.

Как правило, конкретное содержание покаяния и прошения разные — в прошении речь не идет о согрешениях, названных в покаянии. Лишь иногда благодаря присутствию тематически соотносительной лексики и образности обе структуры оказываются связанными по смыслу: стѣи лѣко <...> к тѣбѣ бо привѣгаю, вдержѣи дѣшевною немощно, все тѣло язвено имѣла; но вѣажї, стѣе, неисцѣлныѣ моѣ стрѣпы 95 об. (*тело язвено — обяжи струпы*); се бо вѣсмѣрдѣша и согнїша раны моѣ Ѡ лица беззѣмїа моѣ; но тѣе молю, излѣи на ма покаянное масло, могѣщее ма вчїтїти Ѡ тѣбѣ 95 об. (*восмердеша и согнїша — очисти*).

Прощение может быть нетипичным по структуре, содержанию и объему. Большое прошение, в котором проведены своеобразные авторские параллели между историей Христа и просьбой молящегося, находится в молитве в пятницу по часах. Оно состоит из нескольких бинарных конструкций, соотносительных благодаря употреблению одной и той же лексемы и/или по смыслу. В первой паре соотносительным словом-понятием является *страсть*, во второй — *терние*, в третьей — *раны*, в четвертой — глагол *пригвоздити(ся)*, в шестой — антонимы *поколебавый* — *неподвижимый*, в седьмой — *тѣма* и *язва*, в восьмой — *очистить* и *очищение*: дзѣ Ѡметникъ бы твоеи щедроу и паче всѣх прогнѣва тѣа; но на ради стрѣть приемъ (1а) исцѣли стрѣть срѣца моего (1б); изволивѣ вѣсѣдїтїсѣ и тернїе венчанъ быти (2а) дѣша моѣ тернїе искорени (2б); свѣзав[ы]исѣа волею и раны приѣ (3а) рѣрешї оузы зѣлѣ моїи и Ѡ ранѣ ма вѣчныи избавї (3б); порѣганїе претѣрпѣвъ и на крѣтѣ пригвоздїсѣ (4а) со (*лицее*) страстѣ твоеѣ плоть мою пригвоздї (4б), истѣкѣшающаго ма врага крѣтѣ твоеѣ нїизложїи (4в); на трѣсти гѣбою шѣта ноужею вѣвсївъ (5а?), заглади рѣкописанїе сластнаго мї грѣха и в книги ма животныѣ впиши (5б?); покаяныѣ Ѡ основанїа землѣа и каменїе расѣудївъ (6а) оутѣрдї ма на каменїи вѣры твоеѣ и неподвижїа ма прочее соблюди (6б); слнцѣ во тмоу прѣложївъ и язвѣ копина в рѣврѣ приѣ (7а) тѣм оума моего просвѣти и великоу язвѣ грѣховѣ моїи оуврачї (7б); кровь и водѣ на вчїщение свое созданїа истѣчилъ еси (8а) даждѣ слезы вчїма своїма до вчїщїю скверныи безаконїи моїи (8б) <...> 114–115. Союз *но* здесь выступает как сверхфразовый, поскольку присоединяет не первое предложение, а все большое прошение, состоящее из нескольких синтаксических конструкций.

4.1.1. Помимо прошения, возможно присоединение союзом *но* другой структурной части молитвы, например близкой к славословию: **НЕ ПРЕЗРЕ МЕНЕ ВЪ СКВЕРНОМЪ ПРИПЪТИ, ВЪ ГРЕХОВНЕ ОУДОЛІИ ВЪ МЫСЛЕНАМЪ РАЗБОИНИКАМЪ ВПАДША И ВСАКНА ДОБРОДѢТЕЛИ Ѡ НИ Х СОВЛЕЧЕНА <...>; НО ТЫ СА, ІСѦ СПСѦНОЕ ИМА, БЕЗНАЧАЛНАГО ѠЦА БЕЗДѢТНЫИ СНЕ И СТГО ДХА ЕДИНОРОДНАА ОУПОСТАСЬ, ТРИСТЫ ЦРЮ, ЕДИНЕ БЕСМЪРТНЕ И ЧЛКОЛЮБЧЕ, НА РАДИ ГРѢШНЫИ Ѡ ЧЪСКСЫХЪ НѢДРОПЪ ПРИШЕДЪ РАНЫИ И РАСПАТІЕ ПРІТЕРПѢТИ ИЗВОЛИ** 108 об.–109.

4.2. Вторая основная функция начинательного *но* — это то же «введение новой темы», только в пределах одной структурной части текста: союз присоединяет другое прошение или иное покаяние, продолжая (но не по смыслу) предыдущее¹¹: **НЕ ВСТАВИ МЕНЕ, ГИ, ѠТИНЪ РАСТАТИИ ВЪ БЕЗАКОНІИИ, НИ ГНѢВА ДОСТОННА ПРОТИВЪ ДѢЛО МОИ ПОСЛИ НА МА; НО ОУСЛЫШИ ГЛА МЛТВЫ МОЕА, БЛГОНЗВОЛИВЪ ПРИВЕСТИ МА ЖИТІИНСКОЮ ПОУЧИНОУ МНОЗЪМИ ВОЛНАМИ ГРѢХОВНЫМИ ПОГРАЗНОУТИ ХОТАЩАГО** 116–116 об.; **СТЫИ ІВАНЕ БГСЛОВЧЕ <...> ПОМОЛИСА И ЗА МЕНЕ ОУБОГАГО, НЕ ПОМАНИ ЗЛОБЫ БЕЗАКОНІА МОЕГО; НО ТАКО ДОМЕНА ВЪ БАНЕ ВОСКРСИ ЖИВА ѠЦЪ ЕГО ПРЕДА, ТИ ТАКО И МЕНЕ МНОЗЪМИ ГРѢХИ ОУМЕРЬШВЕНА ТВОИ ПОСѢЩЕНІЕ ѠЖИВИ** 93 об.–94 об. В отличие от контекстов с *но*, присоединяющих другую структурную часть текста, в подобных случаях в первой синтаксической конструкции почти всегда имеется отрицание¹². Однако и его отсутствие в данной позиции не исключает употребления *но*: **ПРИПАДАЮ ТИ, ХЕ СПСЕ, И НА ВЕЛИЧІЕ ЧЮДЕСЪ ТВОИ ВЪЗІРАА ВЫИНЪ ПРОШУ МЛТИ ТВОЕА ВЕЛИКИА; НО НЕ ѠВЕРЪЗИ (МЕНЕ) Ѡ ЛИЦА ТВОЕГО ЗА МНОСТВО ГРѢХОВЪ МОИ** 130 об.

Выполняя функцию присоединения другой структурной части молитвы или продолжения той же части, союз *но* остается противительным, хотя противопоставление не столь очевидно. Оно выходит на первый план в некоторых контекстах: **НЕ СТЕЖА МЫГТОЕЧА ВЪЗДЫХАННА, НИ РАСЛАВЛЕНАГО СТАНАННА, НИ БЛДНИЦА СЛЕЗЪ, НИ ХАНАНЪА МОЛИТВЫ, НИ СОТНИЧА ДОБРАГО СМРЕНІА, НИ КРОВОТОЧИВЫА ВЪРЫ, НИ РАЗБОИНИЧА ИСПОВѢДАНИА; НО ТАКО КАНИНЪ ПОМЫСЛИ ПОТАНТИ ДША МОЕА ОУВІИСТВО, ЗАБЫВЪ ИСПЫТАЮЩАГО**

¹¹ Утверждение, что сказанное после союза «имеет большее значение, чем то, о чем речь шла до этого», как подчеркивается в [Инькова-Манзотти 2021: 181], кажется сомнительным для молитвословия Кирилла.

¹² С этой точки зрения интересно употребление союзов *и* / *но* в отдельных списках основной редакции, в частности в двух схожих контекстах в кирилловой молитве в субботу по утрени в Вол-405 и Симоновской псалтири: **ПОМАНИ ГИ, РАВЫ СВОА ЛМК. Ѡ ЗДРАВІЕ СПСЕНІЕ, И НЕ ПОСРАМИ ИНЕДИНАГОЖЕ НАСЪ, И (НО Хлуд-3) ПОДАЖЪ НАМЪ ВСАКО ПРЕГРѢШЕНІЕ (вм. прошение) ДШЕВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ** 123 об.–124; **НИ ѠМЕРЪЗИ ВОЗДЫХАННА ОУБОГНА МИ ДША, БЕЗОВОСТВОЮЩА ПРѢ ТОВОЮ, И (НО Хлуд-3) ПОДАЖЪ МИ ДО ПОСЛѢДНАГО ИЗДЫХАННА ТЕБѢ ПРѢСТОЯЩИ ПРОСИТЕ (вм. просити) ѠПОУСТА ГРЕХОВЪ** 124. Синтаксические конструкции с союзом *и* являются полипредикативными; при постановке союза *но* их можно отнести к предложениям «введения новой темы» в одной структурной части текста.

таннаа срѣца 104 об.–105; неединого^ж нрава праведны^х не восприяхъ: не никакова (вм. исакова) послжшаниа, ни такова бѣговѣрна. ни уснѣова воздержаниа. ни монѣшвы кротости. ни швова терпѣнїа <...>; но пребы^х вкаанны^и акн дафанъ и авиронъ, к величествѣ^х чре^с ество^с желаю; и вкрадо^х бжїа тако нечтивын ахаръ, его^ж каменїе^м повиша; и скверненъ бѣви прѣстою^д тако^ж анїи^и и амбрїи <...> 106–106 об. В обоих покаяниях сначала следует сравнение с положительными ветхозаветными или новозаветными персонажами, затем с отрицательными. Союз *но* здесь не только и не столько присоединяет продолжение покаяния, сколько противопоставляет его вторую часть первой. Во втором примере *но* выступает как сверхфразовый союз, присоединяя и противопоставляя не одну предикативную единицу, а сразу три предложения, соединенных начинательным *и*.

Часто предложение с начинательным *но* и предшествующая ему синтаксическая структура различаются грамматически: в одном находится императив, в другом — глагол в значении долженствования (*да* + форма наст.-буд. времени): да не возвращюса в землю тмы мрачныа, идѣ^х нѣ свѣта, ни радости, ни жизни члкъ^м, да не исочнѣ гевна крови моеа; но даждѣ^д ми время покоанїа, тако не тревѣши смрти грѣшника 63–63 об.; не даждѣ^д во сматение ноги моеа; ни да воздремлѣ^т хранни мене англ; но вразуми, и оублажи, избави, очисти, встѣи смѣреннѣю мою дшѣ 97 об.; да тобою храни^м и (лишнее) избавлюса многы^х сѣтен лѣкаваго, по вса дни на ма препина[е]мы^х, и да не похвалатся^с врази мои на раба твоего, оуповающа^т на тѣа; но спси^с ма по мѣти твоеи 100 об.; <...> а^з молю тѣа, снѣ бжїи, да не послеси мене в дѣбри вгненыа за^ж мноство^з зѣ^а мой^х, <...> да не малыа ради сласти вѣка сего ѿ сѣаго твое чертога изгнанъ бѣдѣ, и свѣзанъ по^с рѣцѣ и по нозѣ негасимомѣ^х вгню преданъ бѣдѣ; но вобычною^{тн} мѣтию на мое^д моление призрѣ, и прїими мѣтвѣ^х раба твоего <...> 110–110 об. Глагол в значении долженствования может находиться в обеих предикативных единицах: да не вѣзвращюса оуничженъ, скорбенъ, посрамленъ, но да полѣчу^х иже желаю бесконечныхъ твои^х благъ 97 об.

4.3. Для молитв Кирилла две описанные выше функции «*но* введения новой темы» являются типичными, на них приходится большая часть примеров начинательного *но*¹³. Реже союз употребляется в случае, когда после включенной Кириллом в свой текст очевидной библейской цитаты вновь следует авторский (в широком понимании) текст: нѣсмь достоиннѣ мно^г глати прѣ тобою, поминаа два рѣша: мѣ^ж газыченъ не исправитса на

¹³ Предварительно можно предположить, что для переводных молитв отцов Церкви это не было характерно, как и в целом частое употребление *но*. В трех довольно больших молитвах св. Григория, свт. Василия Великого и св. Ефрема в Ярославском часослове союз использован соответственно 3, 1 и 3 раза, из них один начинательный *но* в функции «введения новой темы» есть только в молитве св. Ефрема [Ярославский часослов 2024: 343–348].

земли (Пс. 139: 12); но сама вѣси стрѣпы срѣца моего и волѣзнь дѣша моеа 85 об.; и порадеетъ врагъ мой ѡ мнѣ гл҃а: сѣи чл҃къ съетѣ оуподобиса, и днѣ его тако стѣнь проидоша (Пс. 143: 4); но ги мои исѣ хе снѣ бж҃и, припадаю молю ти са, призри на ма и помилуи ма 59–59 об.; не може бо ми престати дѣша тревѣюши питатиса твоими словеса, тако слака гор҃тани моему словеса твоа, паче меда оусто мой (Пс. 118: 103); но не шмерзи моего воздыханіа, зане нечтѣ и скверненъ дерзая призывати стое има твое 74 об.–75. Ровно в той же функции, которую можно обозначить как «*но* продолжения повествования», союз используется Кириллом в гомилиях. Специфика такого *но*, когда авторский текст меняет направление повествования, хорошо видна по сравнению с союзом *и*. В этом случае авторский текст является логическим продолжением цитаты: ги исѣ хе, приклони оухо твое к молению моему (Пс. 87: 3), и шпѣсти вса грѣхи моя 54 об.; рѣцѣ твои сотвориша ма и создаша ма (ср. Пс. 118: 73), и живо даровалъ ми еси 62. Употребление *и* после цитаты в следующем примере обусловлено предположительным значением следствия, которое имеет синтаксическая структура с этим союзом: чать твоеа (вм. твоа) съще и жребіи вѣдѣнныи, ѡ нынѣ рече: и ныи ѡвца има (Ио. 10: 16); и нынѣ не попути ги скончати ми са въ гресе, тако к тебѣ приверженъ бы <...> 101–101 об.

5. Начинательный союз, не являющийся «*но* введения новой темы» или «*но* продолжения повествования» и употребляющийся при противопоставлении, в молитвах Кирилла встречается очень редко: <...> ли что ти возда, вечныа жизни подателю; но ничто не има, на негоже бж҃говоли дх҃ъ твои 134 об.–135. В гомилиях, напротив, такой союз не редкость¹⁴. Более того, в этих текстах вместе с *но* в сложных синтаксических структурах, сопоставимых со сложносочиненным предложением, он составляет около половины всех употреблений. Очевидно, что частотность начинательного противительного *но* зависит от типа текста и его содержания.

6. Говоря о союзе *но* в сложных синтаксических конструкциях, сопоставимых со сложносочиненными предложениями, необходимо отметить одно существенное обстоятельство. В молитвах древнерусского писателя не всегда можно разграничить полипредикативные синтаксические конструкции и предложения с однородными членами¹⁵. Молитвословие устроено

¹⁴ В специальном разделе «Начинательно-соединительные союзы в начале предложения» в [Историческая грамматика 1979: 16–22] речь идет о союзах *а*, *и*, *да*; *но* в нем не рассматривается.

¹⁵ Отчасти аналогичная проблема существует при установлении границы предложений, когда предикативные единицы можно считать частями сложной конструкции или самостоятельными предложениями, что актуально для начинательного *но*. См., например: не презри мене ги трѣшгагоа в дѣле непразненскѣи и порева-

таким образом, что друг за другом следует несколько одинаковых глагольных форм с зависимыми словами: 1-е л. ед. ч. (аорист, презенс) в покаянии и императив 2-го л. ед. ч. в прощении. Предложения без выраженного подлежащего были обычными в древнерусском языке. Сложность разграничения касается и синтаксических конструкций с союзом *но*, которые могут быть, кроме того, частью текстовых структур, присоединяемых «*но* введения новой темы»: **того ради не могъ возникнѹти к тебѣ, ни рѹкъ воздѣти на высотѹ; но молюся не престанѹ, днѣ дни избавленна прошю** 63. Однако, даже принимая во внимание подобные неясные случаи, следует отметить немногочисленность сложных синтаксических конструкций с *но*, сопоставимых со сложносочиненными предложениями. В них ярче всего видна противительная семантика союза. Противопоставленные части таких конструкций лишь изредка содержат антонимы: **нѣ бо во мнѣ мѣста чиста, но все скверно** 79 об. Часто в первой части синтаксической конструкции присутствует отрицание: **не всѣди мене, вѣко, тако преждѣ званны на твою вечерю и ѿрекши[х]са свой жестосерднѣ, но възыщи мене на жи стѣмъ распѣти совлаудшаго и твое (вм. твоеа) дшакормныа вечера желающа** 53 об.; **так не мртвѣи восхвала тѣ, ни сѣщи во адѣ исповѣда ти са, но мы грѣшнии недостонни благослови тѣ и молиса, просаще твоеа мѣти** 111–111 об.

Иногда подобные предложения имеют дополнительную семантику уступительности: **вѣдѣ бо, ги, мноство греховъ мой, га оубо числа не емѹ, но надѣюся на починѹ (вм. поучинѹ) твой щедро, возвращаюся тако блудны** 70 об.; **[азъ бо акы брнѣе грѣхи люблю], но ты тако преблгъ спсовъ оучнѣкъ избави ма да не погыбнѹ до конца** 92 об.–93; **недостонна бо сотвори себе неаго цѣтвѣа твое, но единѹ ѿ свители[н] домѹ ѿца твоего подаждь ми** 108–108 об.

В Вол-405 союзом *но*, противительное значение которого было обычным и привычным, был заменен союз *и*, в древнерусском языке среди прочего выражавший отношения последовательности во времени и противопоставления ожиданию [Попова 1945: 48–49]: **самовластенъ бгѹ сотворенъ бы, но волею поработиса похотномѹ бѣсѹ** 78. Первоначальным было чтение **и волею**, оставшееся в других списках и в киево-печерской редакции; в Яр. при сохранении союза появилось другое существительное, за счет чего изменился смысл: **и неволею**; в сокращенной редакции в Пс. *и* заменен на *же*: **волею же**.

7. Противопоставление союзом *но* однородных членов предложения в молитвах Кирилла представлено чаще, чем частей сложных конструкций, сопоставимых со сложносочиненными предложениями. Однородные чле-

ющагоса тѣлгогоу безаконнѣ, но возьми время грѣховнаа ѿ мене, тако имѣли мноство щедро и сподобивыи ма, недостоннаго рава твоего, варити предѣлы дне сего, и в послѣднѣи ча поклонитиса славѣ твоеи, и вечернюю мѣтвѹ приносити ти, ю прѣими ѿ оустъ грѣшенъ 102–102 об.

ны находятся как в главном предложении, так и в придаточном и преимущественно являются сказуемыми, реже — другими членами предложения: **и нынѣ не ѿверзи** молениа раба твоего, **но спси** встрасть[то]ваннѣю ми дшю 49 об.; **не оуничжи** просаща согрѣшени^м прощения, **но** тако разбоиника и влѣднѣго помилви 52; **ты бо еси вѣтъ** мой, имѣа починѣ члѣколюбиа и не ѿдждаа^с ѿ свои^х рабѣ николиже, **но** даржа^с прощеніе любаша^м тѣа 65; **кающа нѣ презри** мене, **но** совокуписѣ с вои нвными, помолисѣ ко влѣцѣ за ма 67; **не ѿрини** мене ѿ твоего застѣпленіа, **но** востави ма оубогаго, многими пашасѣ грѣхи 69 об.—70; **оумоли** хѣ преблѣгаго члѣколюбца да не помане^т многы^х безаконіи мои, **но** избави^т ма плача ѿнѣго бесконечнаго и скрежета зѣвна^г <...> 85 об.—86; **не хитростню** бо словѣ возвышаю гласѣ, **но** горестѣ[ю] дша 134 об.

Первый из двух противопоставленных однородных членов почти всегда имеет отрицание. Отступление представлено в двух цитатах из Евангелия, где отрицание находится при сказуемом, хотя противопоставлены другие члены предложения¹⁶: **ибо не требѣю** здравіи врача, **но** болашци 108 об. (Мф. 9:12; Мк. 20:17; Лк. 5:31); **не пришелъ** бо еси призвати праведны^х, **но** грѣшны^х на покаяние 49 (Мф. 9:13; Мк. 20:17; Лк. 5:32)¹⁷. Кирилл в данном случае повторил евангельский текст, порядок слов в котором соответствует греческому оригиналу: **не требоуѣють** съдрави^и врача **нѣ** болашци (Мф. 9:12; Οὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ἰσχύοντες ἰατροῦ ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες) [Мст. ев. 38в]; **не придохъ** бо праведникъ призывать. **нѣ** грѣшники (Мф. 9:13; οὐ γὰρ ἦλθον καλέσαι δικαίους ἀλλὰ ἀμαρτωλούς) [Там же]¹⁸.

8. Выше сказано о дополнительной семантике уступительности в сложных синтаксических конструкциях, сопоставимых со сложносочиненными предложениями. В молитвах Кирилла в покаянии имеются сложные предложения с уступительным значением с соотносительным союзом *но* в придаточном.

¹⁶ Примеры аналогичного «незаконмерного» расположения отрицательной частицы нередко встречаются в переводных текстах; см., например, [Зализняк, Падучева 2023: 369–370].

¹⁷ Ср. совр.: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные... я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

¹⁸ Союз сохраняется при изменении библейского текста: **такъ не радѣшишѣ** ѿ смѣрти грѣшника, **но** вращеніи и ѿ животѣ его веселишишѣ 107–107 об. (ср.: **не хочѣ** смерти грѣшника, **но** еже вратитисѣ нечестивому ѿ пѣти своего и живѣ быти Иез. 33:11; совр.: «не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был»). Союз *но* остается в этой часто цитируемой фразе в других молитвах в московском старопечатном Требнике 1658 г.: **не хотѣи** смерти грѣшника, **но** вратитисѣ и живѣ быти емѣ л. фѣѣ. (молитва о судимой душе); **не хотѣи** смерти грѣшнаго, **но** вжидай вращеніа и покаяніа егѣ л. хѣ (последование о сухости бездождия). Один раз *но* заменен на другой союз: **хотѣнїемъ** не хочѣ смерти грѣшника, **іакоже** вратитисѣ и живѣ быти емѣ л. фѣѣ-фѣл (молитва о кающихся).

В древнерусском языке наиболее употребительными были условные и уступительные предложения с подчинительным союзом *аще*. Соотносительное слово (союз) в таких предложениях постепенно исчезало. В памятниках XIV–XVII вв. его не было примерно в четверти сложно-подчиненных предложений с *аще*; еще четверть имела соотносительный *то*; в остальных в этой роли употреблялись *да, и, ино, но, а, тогда, ли, бы* [Лавров 1941: 52–53]. В условных предложениях соотносительный союз *но* в древнерусском языке отмечается редко — он скорее свойствен синтаксическим конструкциям со значением уступительности [Там же: 53]¹⁹.

В молитвах Кирилла более чем в половине немногочисленных предложений с *аще* (*и*) соотносительный союз отсутствует²⁰; *то* представлен двумя примерами, *но* — тремя. Синтаксические конструкции с *аще* (*и*)... *но* являются уступительными, причем то, о чем говорится в придаточном предложении, противопоставлено ситуации в главном: **АЩЕ БЫ И БЕС ЧИСЛА СОГРЕШИ, НО НЕ ВОЗДА^х РЖКЪ МОЕЮ КЪ БГ^г ЧЮЖЕМЪ** 47 об.–48; **АЩЕ И СОГР^б[Ш]И ПАЧЕ ВС^х ЧЛКЪ, НО Ѡ ТЕБЕ НЕ ѠСТ^бПИ, НЕ РЖКИ МОЕА К ЫНОМЪ БГ^г НЕ ВОЗДА^х** 60; **АЩЕ БО НЕЧИСТЪ И СКВЕРНЕНЪ ЕСМЪ, НО НА ТВОЕ НАДЪЮСА МЛРДИЕ <...>** 52.

9. Многофункциональность *но* в молитвах Кирилла в сочетании с чередованием покаяний и прошений, для которых этот союз характерен, обуславливают его частотность и нередкое употребление в соседних синтаксических конструкциях: **СТЫИ ПАОУЛЕ <...> ТА МОЛА И ТЕБЪ ВОПИЮ, НЕ ГНДШАИСА МЕНЕ СКВЕРНАГО, НИ ПРИЗРИ УСЛЕПШАГО ДШЕВНЫМА УЧИМА, НО БУДИ МИ ВОЖЬ, ВОЗВРАЩАА МА Ѡ ПРО[ПА]СТИ ПОГИБЕЛНЫА; НО ТЫ ТАКО ПРЕБЛГЪ СПСОВЪ ОУЧНКЪ ИЗБАВИ МА ДА НЕ ПОГЫБНЪ ДО КОНЦА** 92 об.–93; **ЛИ ЧТО ТИ ВОЗДА, ВЕЧНЫА ЖИЗНИ ПОДАТЕЛЮ; НО НИЧТО НЕ ИМА, НА НЕГОЖЕ БЛГОВОЛИ ДХЪ ТВОИ; НО НЕ ПРОГНЪБАИСА НА МА, МНОГО ГЛЮ[ЦА] ПРЕ ТОВОЮ** 134 об.–135. В отдельных молитвах частотность *но* сильно варьируется, что лишь отчасти зависит от величины текста²¹: в молитве в понедельник по вечерне союза нет, в молитве в пятницу по утрени имеется десять примеров. Наиболее интересен «*но* введения новой темы», роль которого как вводящего новую структурную часть близка к текстообразующей. Например, в маленькой молитве в четверг по часах все три союза являются «*но*

¹⁹ Об уступительных предложениях с *аще*... *но* в переводных «Пчеле» и «Истории Иудейской войны» см. [Мушинская 2020: 185–186].

²⁰ Помимо предложений с придаточным перед главным, есть конструкции не вполне обычной структуры, когда придаточное с *аще* находится после главного. Они имеют условное значение: **ОУ БО Ѡ ДЪ НЪ МИ СПСЕНІА, АЩЕ БО НЕ ПОКРЫЕТЕ МЕНЕ Ѡ ВСАКОГО ВЕСТЪДНАГО ЗМІА** 96 об.

²¹ В самой маленькой молитве в субботу по часах около 280 словоформ, в самой большой в пятницу по утрени — около 1680.

введения новой темы»²², в молитве в среду по утрени — четыре из пяти, в молитве в субботу по вечерне — три из пяти.

10. В молитвах Кирилла Туровского, представляющих собой одновременно богослужебные и литературные произведения, преобладает начинательный союз *но*, а именно «*но* введения новой темы», указывающий на прекращение одной линии повествования и начало другой. Он присоединяет либо иную структурную часть текста (обычно прошение), либо новое прошение или покаяние в пределах той же текстовой структуры, а также в функции «продолжения повествования» маркирует возвращение к авторскому тексту после библейской цитаты. В основном *но* выполняет сложную противительно-присоединительную функцию; в зависимости от контекста на первый план выходит противопоставление или присоединение. Иногда союз выступает как сверхфразовый, присоединяя не одну синтаксическую конструкцию, а несколько. В собственно противительном значении в молитвах Кирилла начинательный союз используется редко. Противопоставление обычно представлено в предложениях с однородными членами, как правило, имеющих отрицание, и в немногочисленных сложных синтаксических конструкциях, сопоставимых со сложносочиненными предложениями. В гомилиях Кирилла союз употребляется в тех же позициях, однако их соотношение оказывается иным. Гомилии как тип текста имеют больше возможностей противопоставления, которое реализуется в сложных конструкциях, сопоставимых со сложносочиненными предложениями. Из них иногда состоят фрагменты текста, т. е. противительный союз *но* выступает как текстообразующий. В молитвословии противопоставление реализуется в первую очередь как переход к новой теме. Ключевую роль в организации целостного текста играет начинательный союз, соединяющий как разные структурные части молитв, так и синтаксические конструкции внутри них.

С л о в а р и

МАС — Словарь русского языка. Т. 2. / Под ред. А. П. Евгеньевой и Г. А. Разумниковой. М., 1986.

СДЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991.

СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986.

²² На примере этого текста можно увидеть изменения в употреблении союзов в разных редакциях. В отличие от основной и киево-печерской, в сокращенной редакции осталось только два *но*; третий союз, присоединяющий часть большого и сложного прошения, заменен на *и*: **напои жаждѣ мою ѿ бесчисленнаго члѣкалюбиа твоего <...> и да не похвалятсѣ врази мои на раба твоего, оуповающа на тѣ; но** (Пс.: и) **спси мѣ по мѣти твоен** 100–100 об.

- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 2. СПб., 2006.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 26. М., 1999.

Источники

- Вол-405 — рукопись ОР РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 405, Молитвослов, середина XVI в.
- КП — рукопись НБУ, № 136, Молитвы Кирилла Туровского, XV в.
- Мст. ев. — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983.
- Пс. — рукопись ОР РНБ, Ф.п.1.1, Псалтирь, XIV в.
- Хлуд-3 — рукопись ОР ГИМ, собр. Хлудова, № 3, Псалтирь, последняя четверть XIII в.
- Яр. — рукопись Ярославского историко-художественного музея № 15481, Часослов, вторая половина XIII в.

Литература

- Виноградов 1915 — В. П. В и н о г р а д о в. Уставные чтения. Вып. III // Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 97–178.
- Виноградов 1972 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
- Ефимова 1997 — В. С. Е ф и м о в а. **Нъ** и другие союзы в старославянском // Славянские сочинительные союзы / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: ИСБ, 1997. С. 62–77.
- Зализняк, Падучева 2023 — А. А. З а л и з н я к, Е. В. П а д у ч е в а. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 364–381.
- Инькова-Манзотти 2001 — О. Ю. И н ь к о в а - М а н з о т т и. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Историческая грамматика 1979 — Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979.
- Кручинина 2009 — И. Н. К р у ч и н и н а. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Лавров 1941 — Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
- Мушинская 2020 — М. С. М у ш и н с к а я. Союз *то* в древнерусских памятниках // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А. А. Пичадзе. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 142–235.

Николаева 1997 — Т. М. Николаева. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: ИСБ, 1997. С. 3–24.

Попова 1945 — И. А. Попова. Значение и функции союза «и» в древнерусском языке // Научная сессия ЛГУ 1945 г. (16–30 ноября 1945 г.). Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1945. С. 46–50.

Рогачевская 1999 — Е. Б. Рогачевская. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М.: Языки русской культуры, 1999.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Структура предложения 1983 — Структура предложения в истории восточнославянских языков / Под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1983.

Тарланов 1976 — З. К. Тарланов. Синтаксические функции союзов *а* и *но* в языке Изборника 1076 г. // История русского языка. Древнерусский период / Отв. ред. В. В. Колесов. Л. [б. и.], 1976. С. 157–164.

Урысон 2011 — Е. В. Урысон. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.

Фужерон 2004 — И. И. Фужерон. Еще раз к вопросу о сочинительных союзах // Вербальные и невербальные опоры пространства межфразовых связей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 57–70.

Ярославский часослов — А. А. Андреев, Т. И. Афанасьева, А. Е. Соболева. Ярославский часослов второй половины XIII в. Исследование и издание текста / Отв. ред. Т. И. Афанасьева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024.

Статья получена 12.03.2025

Irina I. Makeeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

irinamakeeva2007@mail.ru

THE CONJUNCTION *NO* IN THE PRAYERS OF KIRILL OF TUROV

The article deals with the use of the conjunction *no* in a special type of text – original Old Russian prayers. Their author is a 12th-century writer Kirill of Turov, who left a rich legacy: narrative works, homilies and a cycle of prayers for the seven days of the week. They alternate between praise, repentance and supplication. The conjunction *no* is used in a single predicative unit, showing opposition between homogeneous members of the sentence; in a complex syntactic construction comparable to a compound sentence, contrasting (and simultaneously connecting) its parts; in a complex syntactic construction comparable to a compound sentence (as a correlative conjunction: *ashche (i)... no*); at the beginning of a syntactic construction (initial *no*). Kirill's prayers are characterized by the conjunction *no* at the beginning of the sentence; it acts as a text-forming conjunction in the prayers. The conjunction adjoins, by contrasting, a new structural part to the text (usually a supplication after repentance); it is used within one textual structure, extending repentance or supplication; it marks transition from a biblical quotation to the author's text. The conjunction *no* can be superphrasal when it joins not one but several predicative units.

Keywords: Old Russian language, Kirill of Turov, the Russian original prayers, the conjunction *no*.

References

- Andreev, A. A., Afanas'eva, T. I., & Soboleva, A. E. (2024). *Yaroslavskii chasoslov vtoroi poloviny XIII v. Issledovanie i izdanie teksta*. Moscow; St Petersburg: All'ians-Arkheo.
- Borkovskii, V. I. (Ed.). (1979). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie*. Moscow: Nauka.
- Borkovskii, V. I. (Ed.). (1983). *Struktura predlozheniia v istorii vostochnoslavianskikh iazykov*. Moscow: Nauka.
- Efimova, V. S. (1997). N" i drugie soiuzy v staroslavianskom. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskie sochinitel'nye soiuzy* (pp. 62–77). Moscow: ISB.
- Fuzheron, I. I. (2004). Eshche raz k voprosu o sochinitel'nykh soiuзах. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Verbal'nye i neverbal'nye opory prostranstva mezhfrazovykh sviazei* (pp. 57–70). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- In'kova-Manzotti, O. Yu. (2001). *Konnektory protivopostavleniia vo frantsuzskom i russkom iazykakh (sopostavitel'noe issledovanie)*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Kruchinina, I. N. (2009). *Struktura i funktsii sochinitel'noi sviazi v russkom iazyke*. Moscow: LIBROKOM.
- Mushinskaia, M. S. (2020). Soiuз *to* v drevnerusskikh pamiatnikakh. In A. A. Pichkhadze (Ed.), *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa* (pp. 142–235). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Nikolaeva, T. M. (1997). Sochinitel'nye soiuzy A, NO, I: istoriia, skhodstva i razlichii. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskie sochinitel'nye soiuzy* (pp. 3–24). Moscow: ISB.
- Rogachevskaia, E. B. (1999). *Tsikl molitv Kirilla Turovskogo: Teksty i issledovaniia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Tarlanov, Z. K. (1976). Sintaksicheskie funktsii soiuзов *a* i *no* v iazyke Izbornika 1076 g. In V. V. Kolesov (Ed.), *Istoriia russkogo iazyka. Drevnerusskii period* (pp. 157–164). Leningrad: [s.n.].
- Uryson, E. V. (2011). *Opyt opisaniia semantiki soiuзов*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* (2nd ed.). Moscow: Vysshaia shkola.
- Zalizniak, A. A., & Paducheva, E. V. (2023). Ob initsial'nom otritsanii v drevnerusskom i staroslavianskom. In A. M. Moldovan, & S. M. Tolstaia (Eds.), *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Minsk, 21–27 avgusta 2013 g.)*. *Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 364–381). Moscow: Indrik.

Received on March 12, 2025

РЕЦЕНЗИИ

doi.org/10.31912/rjano-2025.2.12

***W. R. Thompson. Epifanii Slavinetskii's
Greek–Slavonic–Latin Lexicon between East and West.*** —
Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2024. — 412 p.

Монография посвящена греко-славяно-латинскому лексикону (далее — ГСЛ), составленному в середине XVII в. выходцем из Юго-Западной Руси Епифанием Славинецким. ГСЛ — это первый масштабный восточнославянский словарь на трех языках, содержащий внушительный объем лексики. Появление этого источника знаменует серьезный сдвиг в развитии лексикографической традиции в России раннего Нового времени, напрямую связывая ее с западноевропейской практикой составления многоязычных словарей. В основу книги легло диссертационное исследование автора, посвященное трехязычному лексикону Епифания. В монографии словарь Епифания исследуется в структурном, источниковедческом, лингвистическом и историко-культурологическом аспектах.

Цель работы — не только в том, чтобы дать детальную характеристику ГСЛ как такового, но и в том, чтобы наиболее полно и скрупулезно описать культурные процессы и исторические проблемы, связанные с его созданием, использованием и восприятием (p. 19).

Основное внимание уделяется рукописи лексикона ГИМ, Син. греч. 383, написанной рукой самого Епифания. Этот автограф подвергается всестороннему изучению — от палеографических особенностей до его взаимоотношения с другими известными списками — и в настоящее время готовится к изданию.

Наиболее важными представляются источниковедческая и лингвистическая части исследования лексикона. Аналитическое описание словарного материала приводит автора к двум важным выводам. Во-первых, это присутствие разного рода югозападнорусских регионализмов (от орфографии до лексики), или, в терминологии автора, «рутенских» (Ruthenian) элементов, в церковнославянском языке Епифания, которые отличают данный язык от «московской» разновидности церковнославянского языка. Подобные регионализмы отмечаются и в других его переводах [Иванова 2024; Пентковская 2024]. Во-вторых, это переплетение латинского и греческого влияния в его трудах, включая ГСЛ, что влечет за собой ревизию устоявшегося в науке представления о Епифании как об убежденном пуристе-грекофиле (это положение отражено и в названии самой монографии). Обе указанные особенности, очевидно, связаны с западнорусским происхождением Епифания (p. 260).

Опираясь на исследования С. Н. Браиловского [1890a; 1890б], Б. Л. Фонкича [1994: 25–26] и О. Б. Страховой [Strakhov 2006], автор существенно продвигается в вопросе определения источников лексикона Епифания. Так, С. Н. Браиловский впервые высказал предположение о том, что ГСЛ в значительной мере является переработкой эльзевировского издания словаря Иоганна Скапулы 1652 г. (*Lexicon Graeco-Latinum novum*). В этом словаре, однако, леммы упорядочены не по алфавиту, а скорее по этимологическому/словообразовательному принципу, так что его структура кардинально отличается от алфавитного построения ГСЛ. Тем не менее существенное совпадение с ГСЛ в содержательном аспекте приводит У. Р. Томп-

сона к выводу о том, что этот лексикон был одним из важнейших источников Епифания, но далеко не главным (р. 182, 194).

О. Б. Страхова [Strakhov 2006: 275–276], основываясь на изучении новых лексикографических источников, убедительно продемонстрировала, что лексикон Епифания был не просто переработанной версией лексикона И. Скапулы, а также указала на ряд других словарей, которые, несомненно, были доступны Епифанию Славинецкому и могли послужить дополнительными источниками для ГСЛ (р. 173–174).

Расширяя источниковедческую базу исследования, У. Р. Томпсон оперирует данными не только названных С. Н. Браиловским, Б. Л. Фонкичем и О. Б. Страховой лексиконов, но и привлекает к анализу еще четырнадцать источников, не рассматривавшихся ранее (их перечень см. на с. 188–189). Основным методом сравнения этих источников с ГСЛ служит анализ фрагментов алфавитной последовательности лемм (р. 190). Дополнительными критериями оценки вероятности использования каждого из них Епифанием являются распространенность и доступность издания, его структура, перечень языков и их количество, метаязык.

Автор убедительно доказывает, что базовая микроструктура словарных статей ГСЛ опирается на гуманистическую лексикографическую традицию XVI в., которая восходит в конечном итоге к греко-латинскому лексикону Джованни Крастоне (ок. 1478 г.). Тот же самый принцип структурной организации прослеживается и в польской лексикографии, прежде всего в трехтомном издании Гжегожа Кнапского «Тезаурус польско-латинско-греческий» (Краков, 1621–1632), который мог быть доступен Епифанию. Кроме того, по мнению исследователя, должен быть принят во внимание трехязычный (латинско-греческо-средневерхненемецкий) лексикон Амброджо Калепино, а также его версия, включающая в себя семь языков (р. 168–170). У. Р. Томпсон подводит читателя к выводу, что Епифаний Славинецкий, судя по всему, был знаком со структурой различных словарных источников — как западноевропейских, так и предшествующих восточнославянских, таким образом, ГСЛ должен рассматриваться как компиляция, искусно сочетающая элементы каждого из них (р. 172).

Основными источниками, демонстрирующими самый большой процент совпадения с ГСЛ по заданным параметрам (прежде всего в общей макроструктуре и в рассмотренных фрагментах греческих лемм), являются следующие.

1. Robertus Constantinus. *Lexicon sive dictionarium graecolatinum* (1562; 2 ed. Paris, 1592). Этот лексикон — наиболее вероятный первоисточник лемм в ГСЛ.

2. Guillaume de Leymarie (Guilielmus Leimarius). *Lexicon Graecolatinum recens constructum* (Geneva, 1583).

3. Konrad Gesner (Conradus Gesnerius). *Lexicon graecolatinum denuo impressum* (Basel, 1548).

Определить точный вклад каждого из этих лексиконов в ГСЛ не представляется возможным в силу их значительного сходства между собой и высокой степени компилятивности словаря Епифания (р. 194–198).

Сопоставление словарных статей ГСЛ с этими «источниками первого ряда» позволяет выявить два примечательных факта. 1. Оказывается, что при переработке исходных фрагментов Епифаний опускает имевшиеся там отсылки к произведениям классических или византийских авторов. Этот факт объясняется У. Р. Томпсоном прагматически: книжник берет только то, что считает необходимым для своих целей. 2. Епифаний адаптирует латинские переводы из своих источников,

изменяя в некоторых случаях порядок слов в словосочетаниях с причастиями и заменяя латинские слова близкими синонимами, чтобы формально приблизить латинскую составляющую словаря как к греческим леммам, так и к их славянским поморфемным калькам (р. 196, 200). Это демонстрирует отношение Епифания к латыни как к языку, которому в определенных ситуациях отводится роль утилитарного (ср. соответствующее отношение Федора Поликарпова к латинской составляющей его трехязычного лексикона [Рамазанова 2022: 550]). Заметим, что такое прагматическое отношение к латыни (прежде всего как к языку-посреднику) восходит, по всей вероятности, к западноевропейской практике. Так, Дж. Крастоне в Миланской псалтыри 1481 г. адаптировал латинский текст для передачи специфических греческих оборотов, в частности конструкций с субстантивированным инфинитивом, и провел ревизию латинского текста по Септуагинте [Linde 2012: 154–155].

Серьезное внимание автор уделяет вопросу о происхождении лексики церковнославянской части ГСЛ. Проведенный им анализ подтверждает и конкретизирует предположение О. Б. Страховой о том, что Епифаний мог напрямую заимствовать эти лексемы из греческих источников, которые он сам же и переводил (р. 175).

Исследование У. Р. Томпсона вносит ясность в понимание того, как создавался ГСЛ, практически не оставляя «белых пятен» в определении его источников. Незавершенным, однако, остается вопрос, для чего этот лексикон предназначался самим автором и как он должен был использоваться. В монографии показано, что Епифаний, составляя свой лексикон, учитывал ряд правил грамматики Мелетия Смотрицкого, а кроме того, заимствовал отсюда терминологию. Мог ли ГСЛ мыслиться как необходимое дополнение к грамматическому руководству?

В связи с этим обратимся к «Лексикону трехязычному» 1704 г. Федора Поликарпова-Орлова, для которого лексикон Епифания Славинецкого послужил источником и который, в свою очередь, стал источником для более поздних переводных словарей. Отметим, что сопоставление ГСЛ с лексиконом Федора Поликарпова самому У. Р. Томпсону представляется наиболее перспективным направлением для дальнейших исследований.

Мысли о практическом применении своего лексикона Ф. Поликарпов изложил в одном из предисловий к нему. В соответствии с природой переводного словаря он предполагал, что им могут пользоваться как русские учащиеся и переводчики, так и иностранцы, желающие расширить словарный запас «росского» книжного языка: **Сѣа же сѣтъ наипаче винны, иуже ради пронзведохомъ сѣю книгѣ. Перваа оубв, такъ самый славенскій нашъ дїалектъ... даже до днесъ словоположницы, или источника севѣ не имаше. Ѡкъдѣ бы наши приоднїи славяне, и приходѣщїи иноземцы во шбилїе севѣ вестѣды славенскїа почерпнѣли** (л. 5 об.). Вместе с тем лексикон — это источник для изучения всех трех классических языков: **Тѣмъ прочее намѣренїемъ и сѣа трезязычнаа издадеса книга, да имамы Ѡ немъ рѣководство к познанїю нѣжныхъ намъ языковѣ** (л. 5 об.). Он используется в преподавании и при переводе: **прѣжде въ кїевѣ, а нынѣ и въ самѣмъ црѣвѣющемъ градѣ москвѣ... чрезъ сѣю книжнцѣ преподаемъ** (л. 6 об.); **на греческїй и латинскїй ѣ рвсскагв превода, и что либо наименовати не знаа, здѣ оудобѣ шцѣтиши желаемое, прнсмотралса коеждо рѣчи по алфавїтѣ, сїестъ по азвѣцѣ** (л. 7).

Лексикон Ф. Поликарпова был издан как единый комплект с его же Славяно-греко-латинским букварем, вышедшим в 1701 г. Тираж каждого из этих изданий составил 2400 экземпляров, что позволило Д. Н. Рамазановой высказать идею о том,

что Ф. Поликарпов предполагал их учебное использование не только в Славяно-греко-латинской академии, но и «в будущих духовных школах русской провинции» [Рамазанова 2022: 550–551]. Иными словами, у Ф. Поликарпова имелась определенная просветительская программа, ключевые положения которой были изложены в предисловии к его лексикону, — в отличие от ГСЛ, где подобных деклараций мы не находим.

Примечательно, что Ф. Поликарпов, знавший и использовавший в своем труде лексикон Епифания, тем не менее пишет «до днесь... источника себѣ не имаше», не упоминая ГСЛ. Означает ли это, что ГСЛ не применялся в преподавании? Существует, однако, сокращенный вариант ГСЛ, задействованный в учебном процессе в новгородской школе Лихудов — рукопись РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария) № 76. Этот кодекс, переписанный в нач. XVIII в., вероятнее всего, представляет собой чистовую копию, которая была сделана с подготовленного заранее черновика, содержащего сокращения лексикона Епифания. Судя по этой рукописи, просьба митрополита Великоновгородского и Великолуцкого Иова «об отдаче... на самое малое время... с Печатного двора» лексикона Епифания Славинецкого была исполнена, и переделка этого труда получила практическое применение [Рамазанова 2023: 27–29]. Не исключено, что одной из возможных причин этого умолчания Ф. Поликарпова о труде своего предшественника является бытование ГСЛ только в рукописной форме. Как именно полагал сам Епифаний использовать свои лексиконы (не только ГСЛ, но и славяно-латинский и латинославянский) на практике (в преподавании, в переводческой деятельности), неизвестно. Он не оставил разъяснений на этот счет.

В приложении к исследованию представлены модели распознавания рукописного текста, разработанные для Син. греч. № 383, с помощью которых осуществляется цифровизация текста ГСЛ. Сложность в применении этих инструментов связана со спецификой трехязычного источника, что создает дополнительные трудности, нехарактерные для работы с одноязычными источниками. Обучение модели распознавания почерка Епифания Славинецкого позволяет заложить основу для оцифровки не только ГСЛ, но и других его рукописей, а в перспективе — открывает возможности для работы с многоязычными текстами, включающими в себя церковнославянский компонент, в рамках цифровых гуманитарных проектов.

Детальное аналитическое описание ГСЛ, предпринятое У. Р. Томпсоном, раскрывает новые грани творческой деятельности Епифания Славинецкого, привлекая внимание исследователей к этому ценнейшему восточнославянскому лексикографическому источнику. Готовящееся издание текста, несомненно, сделает его более доступным для специалистов. Таким образом, монография представляет собой весомый вклад в изучение восточнославянской исторической лексикографии раннего Нового времени.

Л и т е р а т у р а

Браиловский 1890а — С. Н. Браиловский. Филологические труды Епифания Славинецкого. Русский филологический вестник, 1890 г. Вып. 2. С. 236–250.

Браиловский 1890б — С. Н. Браиловский. Заметка о Греко-славяно-латинском словаре Епифания Славинецкого. Русский филологический вестник, 1890 г. Вып. 4. С. 231–233.

Иванова 2024 — Е. В. Иванова. Орфографические регионализмы в переводе Епитомий Епифания Славинецкого // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2024. Т. 2. С. 87–96.

Пентковская 2024 — Т. В. Пентковская. Грамматические регионализмы и их статус в переводах Чудовской книжной школы второй половины XVII века // В. А. Богородицкий и современная лингвистика: Труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 18–20 ноября 2024 г.): В 2 т. / Под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Т. 1. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2024. С. 141–145.

Рамазанова 2022 — Д. Н. Рамазанова. Многоязычное книгопечатание начала XVIII века как этап инновации Петровского времени // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции. Российское историческое общество, Институт российской истории РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 546–555.

Рамазанова 2023 — Д. Н. Рамазанова. Рукописи учеников Иоанникия и Софония Лихудов (новые данные) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. Научно-теоретический журнал. 2023. № 17 (4). С. 25–41. DOI: https://doi.org/10.52607/26587157_2023_17_25

Фонкич 1994 — Б. Л. Фонкич. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 18–63.

Linde 2012 — C. Linde. Johannes Crastonus's 1481 Edition of the Psalms, *The Library*. The Transactions of the Bibliographical Society, 7th Series. 13/2, June, 2012. P. 147–163. DOI: <https://doi.org/10.1093/library/13.2.147>

Strakhov 2006 — Olga B. Strakhov. Jepyfanij Slavynec'kyj's Greek-Slavic-Latin Lexicon: The History, Contents, and Principles Underlying the Composition of Its Greek Portion (Preliminary Remarks // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28. P. 269–285.

**[Review of:] W. R. Thompson. Epifanii Slavinskii's
Greek–Slavonic–Latin Lexicon between East and West. —
Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2024. — 412 p.**

References

Fonkitch, B. L. (1994). Grecheskoe knigopisanie v Rossii v XVII v. In D. S. Likhachev (Ed.), *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniia* (pp. 18–63). St Petersburg: Nauka.

Ivanova, E. V. (2024). Orfograficheskie regionalizmy v perevode Epitomii Epifaniiia Slavinet-skogo. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 2, 87–96.

Linde, C. (2012). Johannes Crastonus's 1481 Edition of the Psalms, *The Library*. *The Transactions of the Bibliographical Society*, 7th Series, 2(13), 147–163.

Pentkovskaya, T. V. (2024). Grammaticheskie regionalizmy i ikh status v perevodakh Chudovskoi knizhnoi shkoly vtoroi poloviny XVII veka. In R. R. Zamaletdinov, E. A. Gorobets, & E. A. Islamova (Eds.), *V. A. Bogoroditskii i sovremennaiia lingvistika: Trudy i materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kazan', 18–20 noiabria 2024 g.)* (Vol. 1, pp. 141–145). Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta.

Ramazanova, D. N. (2022). Mnogoiazychnoe knigopechatanie nachala XVIII veka kak etap innovatsii Petrovskogo vremeni. In V. N. Zakharov (Ed.), *Petr Velikii: issledovaniia i otkrytiia*.

K 350-letiiu so dnia rozhdeniia: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (pp. 546–555). Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Ramazanova, D. N. (2023). Rukopisi uchenikov Ioannikiia i Sofroniia Likhudov (novye dannye). *Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii. Nauchno-teoreticheskii zhurnal*, 4(17), 25–41.

Strakhov, O. B. (2006). Jeryfanij Slavynec'kyj's Greek-Slavic-Latin Lexicon: The History, Contents, and Principles Underlying the Composition of Its Greek Portion (Preliminary Remarks). *Harvard Ukrainian Studies*, 28, 269–285.

T. B. Пентковская
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
slav_fil@mail.ru

Tatiana V. Pentkovskaya
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
slav_fil@mail.ru

Получено 19.04.2025

Received on April 19, 2025

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

doi.org/10.31912/rjano-2025.2.13

Хроника VIII Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (25–27 октября 2024 г., Москва)

25–27 октября 2024 г. в Москве в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН прошла VIII Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», организованная отделом диалектологии и лингвогеографии совместно с Научным советом по лексикологии и лексикографии РАН (сопредседатели совета: академик А. Е. Аникин и чл.-корр. С. А. Мызников). Материалы конференции были опубликованы отдельным изданием (М., 2024), видеозапись докладов и тезисы выложены на сайте ИРЯ.

Конференция проводилась в смешанном формате, в ней принимали участие лингвисты из разных научных центров России, а также из Германии, Испании, США; всего было прослушано 76 выступлений. Первый и последний дни были отданы пленарным докладам, посвященным важнейшим проблемам современной науки: автоматизации диалектологических исследований, многоаспектной интерпретации текста, русской просодической системе — как диалектной, так и литературной, проблемам ареалогии и динамики развития современных говоров, типологии славянских языков и диалектов.

Во второй день работало три секции: 1. «Фонетика. Грамматика»; 2. «Лексикология и лексикография»; 3. «Лингвокультурология. Речевая коммуникация».

Первое пленарное заседание открыл **С. А. Мызников** (Санкт-Петербург), в докладе которого «К этимологии неисконной лексики в западнорусском пограничье» шла речь о диалектном лексиконе территорий пограничья: псковско-новгородского и брянско-смоленского регионов — зонах этноязыковых контактов. Прибалтийско-финское воздействие локализуется в Псковской области. Материалы, представленные в докладе, и выводы, сделанные на их основе, находятся в русле идей В. Н. Топорова о балтийском субстрате в нижнем Поочье и между верхним течением Западной Двины на юге и оз. Ильмень на севере. «Аксиологический аспект восприятия времени в севернорусской темпоральной лексике» явился темой выступления **М. М. Кондратенко** (Санкт-Петербург). Автор обратил внимание на то, что лексика времени сегментирует не только значимые периоды и циклы, но и содержит в семантике их качественную характеристику. Особенности народной аксиологии предоставляют ценные данные как для семантической типологии славянских языков, так и для изучения их связи с неславянскими языками. В докладе **Е. А. Нефедовой** (Москва) на обширном материале проанализирован метеоним *дождь*, его языковая и культурная семантика в архангельских говорах: атрибутивная глагольная сочетаемость, коннотация, семантические оппозиции, приметы, народные приемы вызывания дождя. Доклад **А. В. Приображенского** и **М. Д. Кольковой** (Санкт-Петербург) был посвящен своду диалектных и региональных словарей, который является информационной системой, или базой данных, позволяющей в автоматизированном режиме осуществлять поиск диалектных слов и словосочетаний как по русским группам говоров в целом, так и по отдельным группам говоров и по географическим пометам. Помимо диалектных, в созданной новой базе

представлены тематические, терминологические, исторические и ономастические словари, а также лингвистические атласы, труды Московской диалектологической комиссии, различные монографии. Результаты использования созданного свода были продемонстрированы на примере ландшафтной лексики. В своем докладе **О. Д. Сурикова** (Екатеринбург) представила проект диалектного словаря «Причитания Северного края» Е. В. Барсова, продолжающий традиции славянской лингвофольклористики. Этот труд ставит своей целью, с одной стороны, системное научное описание языка севернорусской плачевой культуры, а с другой — реконструкцию особенностей заонежского диалекта, включая морфемику, синтаксис и лексический состав. Его уникальность состоит в том, что он фиксирует состояние локального говора середины XIX в. Большой интерес участников конференции вызвал полемически заостренный доклад **Е. Л. Березович** (Екатеринбург) «Больные вопросы русской диалектологии сегодня», основанный на материалах анкетирования, в котором участвовали представители ведущих вузов и академических институтов России, занимающихся русской диалектологией (46 организаций). Обсуждалось состояние исследований в этой области и преподавание диалектологии в вузах за последние 5 лет: полевая работа, публикационная деятельность (особенно издание словарей), возможности получения грантов. Авторы анкет утверждают, что в диалектологии наблюдается кризис. Выездная работа профессиональных полеводов не финансируется, сокращается бюджет студенческих практик, наблюдается уменьшение часов на преподавание русской диалектологии. Резко сократилась издательская деятельность, особенно в самой важной области — подготовке фундаментальных словарей. Выделено крайне мало грантов на диалектологические исследования. Тревожно то, что работа профессионалов в сложившейся ситуации часто подменяется деятельностью непрофессиональной. Обсуждались шаги, которые можно предпринять для исправления положения.

Во второй половине дня прозвучали доклады, посвященные конкретным вопросам фонетики и просодии, грамматики и словообразования. В докладе **Ж. Ж. Варбот** (Москва) показано, что связь народной этимологии и фонетических изменений является двусторонней: закономерные фонетические изменения в каждый исторический период провоцируют действие народной этимологии, определяя направления сближения неродственных слов (**prięti* > др.-русс. *приятти* и *приязнь*), при этом народная этимология вызывает распространение фонетических изменений на новые позиции (*плюха* — *оплеуха* и под). Доклад **Д. М. Савинова** (Москва) был посвящен сопоставительному анализу редукции безударных гласных до нуля в восточных и западных южнорусских говорах и отражению этого явления в лексикографической практике. Автор установил, что территориальные варианты различаются типами ритмической структуры фонетического слова, что, в свою очередь, влияет на степень редукции безударных гласных — вплоть до их полной утраты. Но только утрата позиционной обусловленности и исчезновение вариативности произношения, которые ведут к изменению фонемного состава, дают основание констатировать лексикализацию, оправдывают иное графическое оформление слова и включение его в диалектный словарь в качестве самостоятельной статьи. В докладе **С. В. Князева** (Москва) «Восходящий акцент в акающих говорах: восток — запад?», имеющем лингвогеографическую направленность, исследуется структура восходящего тонального акцента, используемого в общем вопросе и при оформлении немаркированной незавершенности. В результате в акающих русских диалектах выделяются четыре основных типа — центральный, восточный, запад-

ный и собственно южный; делается вывод о том, что в этом отношении акающие русские говоры распределяются не непосредственно по оси «восток — запад», а в направлении «центр — периферия».

В докладе **Т. Е. Янко** (Москва) «Русская просодическая инновация и ее западноевропейские и региональные аналоги» анализируется интонационная конструкция, которая характеризуется подъемом частоты основного тона F_0 на ударном слоге словоформы-акцентоносителя с последующим поступательным подъемом частоты на заударных слогах, если они есть (градуальный подъем). В списке интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой градуальный подъем отсутствует, он замечен в речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга, преимущественно молодых женщин. Используется для выражения незавершенного дискурса. В соответствии с гипотезой автора наиболее подходящим прототипом для градуального подъема в литературном языке служит интонационная конструкция ИК-6, которая является маркером неспецифицированной незавершенности, но, в отличие от ИК-3, не выражает *да-нет*-вопроса. Также рассмотрены просодические и прагматические аналоги градуального подъема в британском, американском и новозеландском диалектах английского языка, в немецком языке и в одесском региональном варианте русского языка. Несмотря на очевидные параллели в европейских языках, причин для выдвижения гипотезы о западноевропейском влиянии на современный русский не обнаружено. В докладе **А. В. Тер-Аванесовой** (Москва) представлен анализ акцентуации кратких прилагательных в говоре с. Роговатое Белгородской области. Сделан вывод о типичном для восточнорусской диалектной зоны характере ударения кратких прилагательных: небольшая их часть сохраняет старую (праславянскую) акцентуацию, однако значительная доля прилагательных а. п. *a* и *b* переходит к подвижному ударению. Тенденция такого развития в говорах восточной диалектной зоны, по наблюдениям А. А. Зализняка, наметилась уже в XVI–XVII вв. Краткие прилагательные с суффиксами *-ък-* и *-ьп-* и правоударным корнем также переходят к подвижному ударению, однако в форме м. р. некоторые из них приобретают насуффиксальное ударение: *видѣн*, *коротѣк*, *должѣн*, *нужѣн*. Вместе с тем в говоре распределение двух рефлексов **o*, обусловленное праславянской акцентуацией словоформ, в целом сохраняется в основах прилагательных в архаичном виде. Доклад **С. Л. Николаева** (Москва–Новосибирск) посвящен рудиментам склонения праславянских консонантных основ мужского рода в украинских говорах Закарпатья и отчасти Прикарпатья. Для старославянского, древнерусского церковнославянского и «наддиалектного» древнерусского языка характерно проникновение в парадигму консонантных основ окончаний *i*-склонения у слов, имеющих окончание *-ь* в Асс. Sg. Карпатоукраинские (в первую очередь закарпатские) говоры сохраняют рудименты праславянского склонения консонантных основ мужского рода. В отличие от старославянского и «наддиалектного» древнерусского, в карпатоукраинских говорах не отмечено проникновение в склонение консонантных основ мужского рода окончаний *i*-склонения, при этом продуктивным является проникновение в их парадигму окончаний *jO*-основ. В докладе **А. В. Малышевой** (Москва) рассматривались модели управления глаголов осуждения и ссоры в русских говорах на материале диалектных словарей. Это исследование проводилось в рамках комплексного описания синтаксической сочетаемости общерусских глаголов в диахронии и синхронии на материале как литературного языка, так и его социальных и территориальных разновидностей — просторечия, сленга, региональных и диалектных вариантов. Для анализа использовались диа-

лектные словари (20 источников), представляющие говоры северного и южного наречий и среднерусские говоры, учитывалось также деление говоров по линии запад — восток. В докладе **Е. Н. Ильиной** (Вологда) «Словарь диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм: к проблеме комментария» была продемонстрирована созданная в университете на основе «Словаря вологодских говоров» электронная база, которая предусматривает различные возможности поиска и сортировки материала. Следующая исследовательская задача — это верификация введенных данных, расширение возможностей электронного поиска и подготовка многоаспектного лингвистического комментария комплексных единиц морфемной системы говора. В настоящее время комментарий включает в себя перечень корневых морфов в составе однокоренных слов, характеристику этих слов с указанием грамматических признаков, описание лексического значения, указание места фиксации слова. **И. Б. Качинская** (Москва) выступила с докладом «Существительные склонения на *-о*, обозначающие лиц мужского и женского пола (по материалам архангельских говоров)», в котором показала, что термины родства в архангельских говорах распределяются по 1–2-му склонениям (существительные мужского рода), по 1–2–3-му и нерегулярному (существительные женского рода), часто встречается субстантивация. К терминам родства примыкают слова из лексико-семантической группы «Половозрастная характеристика». Во 2-м типе склонения лексемы могут изменяться по модели мужского рода или среднего, что характерно для слов, обозначающих не только лиц мужского пола (*дедко*), но и женского (*тётенько*). Подавляющее количество лексем, изменяющихся по модели среднего рода на *-о*, имеют параллели в склонении на *-а*. Существительные на *-о*-скл. могут составлять параллели с вариантами слов с нулевым окончанием в том же типе склонения (*деда* — *дедо* — *дед*; *сынка* — *сынко* — *сынко*). Для многих слов *-о*-скл. зафиксирована неполная парадигма.

Синтаксическое согласование в основном зависит от пола лица и соответствующего ему грамматического рода: мужского (*был один брателко; ихний сватушко*) или женского (*матенко умерла; приехала молодой, девчёнком*). Однако встретились примеры, где морфологический средний род подтягивает к себе синтаксический, осуществляется согласование по среднему роду (*любимое внуцатко; мальчишко уродливо; молодо девчошко; эко худо женчоньшко*). **Сёрен Вихманн** и **Дарья Йонич** (Киль, Германия) выступили с полемическим докладом «Анализ Диалектологического атласа русского языка», в котором поставлен вопрос: в какой степени административное деление, относящееся к различным эпохам российской истории, соответствует диалектному членению русского языка, влияет ли география и численность населения на классификацию русских диалектов? Количественный анализ и предшествующий ему целый ряд процедур показал: тип административной единицы, наиболее соответствующий диалектным кластерам, — уезд (XV в.). Доклад вызвал дискуссию.

Во второй день, как уже отмечалось, работало три секции.

На **секции 1 «Фонетика. Грамматика»** было представлено 20 докладов, охвативших широкий спектр проблем диалектной фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса на синхронном и диахронном уровнях. В серии сообщений, посвященных актуальным вопросам изучения звукового состава русских говоров, были продемонстрированы результаты инструментальных исследований ударного и предупредительного вокализма, полученные путем разметки аудиозаписей в программе PRAAT с применением статистических методов. Доклад **С. В. Дьяченко, С. В. Кня-**

зева (Москва) и **М. Прониной** (Пальма де Майорка) основывался на анализе данных четырех аудиозаписей говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Было показано, что у всех информантов архаический принцип вокализма проявляется в отношении длительности гласных и после твердых, и после мягких согласных. По качеству предударные гласные после твердых согласных четко делятся на две группы: предударный перед ударными гласными верхнего и средне-среднего подъема и предударный гласный перед ударными среднего и нижнего подъема. После мягких согласных у всех информантов противопоставлены три группы гласных: 1) предударный гласный перед ударными гласными верхнего и средне-среднего подъема; 2) предударный гласный перед ударными [a] и [o]; 3) предударный гласный перед ударными [e], [ʰo], [ʰa]. Таким образом, все информанты демонстрируют «умеренную задонскую» разновидность архаического диссимилятивного яканья. Описанию предударного вокализма после мягких согласных в говорах Брятинского района Калужской области был посвящен доклад **А. Б. Колесниковой** (Москва). Инструментальный анализ записей речи двух информанток позволил определить систему вокализма говора как диссимилятивно-умеренное яканье. В ходе исследования проводился анализ частных диалектных систем обеих информанток, в результате которого были выявлены различия в их идиолектах, а также сходство и различие между частными диалектными системами информантов из Брятинского и Мосальского районов. В выступлении **П. А. Пилипец** (Москва) продемонстрированы результаты исследования ударного семифонного вокализма в говоре с. Великий Двор и близлежащих населенных пунктов (Тотемский район Вологодской области). Изучение аудиозаписей двух женщин 1931 и 1963 годов рождения показало, что в говоре последовательно различаются фонемы /ʰ/ и /e/, в то время как различие фонем /ω/ и /o/ на современном этапе можно считать утраченным. **И. И. Исаев** (Москва) рассказал об экспедиции в вологодские говоры и о проблемах собирания диалектных данных в современных условиях: недостаточном количестве информантов, удаленности деревень и постепенном угасании деревенской жизни. **П. И. Горбунов** (Москва) рассмотрел феномен речи представителей казачьих этнических общностей («казачьей речи») и попытался определить ее статус, современное состояние и перспективы развития. В докладе были приведены примеры из Интернета текстов на «гутарице» — разработанной казаками азбуке для записи их речи и включающей символы, отсутствующие в русском алфавите. В обсуждении участники заседания отметили, что тексты производят впечатление искусственности и вряд ли отражают живую речь казаков, а для передачи фонетических особенностей достаточно средств стандартной орфографии и общепринятой фонетической транскрипции.

Ряд докладов был посвящен вопросам словообразования в русских говорах. **Л. Н. Новикова** (Тверь) отметила такие черты диалектного словообразования, как подвижность, сосуществование языковых фактов, генетически принадлежащих к разным синхронным пластам, наличие моделей, которые в литературном языке являются только потенциально возможными, а в говорах широко распространены или, напротив, носят единичный характер и удовлетворяют потребности конкретной речевой ситуации, причем граница между такими «индивидуальными» словами и словами общеупотребительными очень зыбка и динамична. **Е. С. Лунькова** (Смоленск) описала словообразовательную специфику производных конкретно-предметных существительных на территории смоленско-белорусского пограничья. Исследование смоленских говоров и пограничных витебских и могилевских гово-

ров белорусского языка продемонстрировало неоднородность словообразовательного пространства пограничной зоны. **Т. И. Мочалова** (Москва) на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» изучила способы номинации абстрактных существительных в частной диалектной системе и привела примеры некоторых словообразовательных моделей, которые отличаются от системы литературного языка (*ругатство* ‘ругань, брань’, *жадость* ‘скудость, корыстолюбие’, *ловость* ‘ловкость’, *бездорожица* ‘распутица’ и др.).

Особенно широко была представлена диалектная грамматика. В сообщении **С. С. Земичевой** (Москва) шла речь о функционировании в смоленском говоре специальной «счетной формы» в сочетании числительных *два, три, четыре* с существительными II скл. в И. п. (*два глаза/глаза́, два браты́, два яйцы́*); при этом для некоторых существительных эта форма не совпадает с формой И. п. мн. ч. (например: *два годá* или *два годы́, два кони́, два ведры́*, но в И. п. мн. ч.: *годá* или *годы́, кони́, ведры́*). Вариативные окончания существительных *-ы/-и* или *-а/-я* в количественно-именных словосочетаниях указывают на совмещение в пограничном русско-белорусском говоре Хиславичского района Смоленской области элементов русского и белорусского языков. **Р. В. Ширшаков** (Пенза) проанализировал особенности функционирования именной флексии *-у* в говоре с. Ушинка Земетчинского района Пензенской области. В частности, было рассмотрено распространение флексии *-у* в формах существительных ед. ч. м. р. в Р. п.: *нас'эит' л'ну́, мно́го шалку́, ма́ль талку́* — и в П. п.: *в бл'ину́, нь снапу́* и др.; в формах В. п. ед. ч. ж. р. отмечена безударная флексия *-у* и сохранение архаического ударения на основе: *зо́лу, се́мйу*; распространение флексии *-у* расширено за счет существительных исконно ср. р.: *в бал'шуйу́ балóту*. **В. А. Закревская** (Тюмень) на материале архангельских говоров исследовала употребление глаголов однонаправленного движения в значении, свойственном глаголам разнонаправленного движения: *Ему́ приходится ехать́ (ездить) самостоятельно*. Было показано, что глаголы типа *ехать́, идти́*, употребляясь в значении неоднократного действия, обладают большей емкостью семантики и большей категоричностью, характерной для устного высказывания. **С. И. Иорданиди** (Москва) представила уникальную лексему с суффиксом *-тр(о)*, которая в русском языке ограничена единственным диалектным существительным *пя́тро* ‘фронтон’, ‘балкон’, ‘навес над дверью’, ‘навес крыши над входом в амбар’, ‘выступ над дверьми сеновала’ и др. В докладе был приведен материал по функционированию лексемы *пя́тро* и его морфологических и деривационных вариантов в истории русского языка, русских говорах и современных славянских языках.

Неизменный интерес исследователей в последние годы вызывает изучение диалектного синтаксиса. На конференции прозвучало несколько докладов, посвященных падежным и предложно-падежным конструкциям и конструкциям с отсутствием или повторением предлогов. В докладе **М. Н. Шевелевой** (Москва) рассматривался вопрос об исторических корнях встречающихся в современных говорах посессивных сочетаний с дательным падежом принадлежности и о соотношении их с данными древнерусских не книжных текстов. Дательный принадлежности представлял собой праславянский архаизм, известный всем древнерусским диалектам, и наиболее регулярно употреблялся в конструкциях с энклитическими личными местоимениями. Показано, что соответствующее употребление существительных для большей части древнерусских диалектов, видимо, уже архаично, что не исключает реликтового сохранения его по говорам до нашего

времени. **А. В. Анцупова** (Москва) изучила конструкции с отсутствием предлога в говоре деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области и отметила, что употребление беспредложных конструкций, выражающих пространственные и временные отношения, имеет общие черты с употреблением аналогичных конструкций в истории русского языка. Так, наблюдается архаичное употребление временных конструкций с беспредложным аккузативом (например, при указании на день недели совершения действия: *Пятницу приезжают, субботу*) и локативом (при указании на год совершения действия: *Прошлом году мне начали болеть суставы*). Пропуск предлога в конструкциях, выражающих пространственные отношения, в изучаемом говоре происходит преимущественно перед топонимами (*Это когда уже Старую Торону пошли*). Кроме того, было установлено, что вероятность пропуска предлога повышается перед глухим согласным. **Е. А. Галинская** (Москва) исследовала повтор предлога в южнорусских говорах. Правила повтора предлога внутри именной группы, которые сформулированы А. А. Зализняком на материале берестяных и древних новгородских и псковских пергаменных грамот, видимо, были наддиалектными, т. к. действовали, судя по данным южнорусских и среднерусских памятников деловой письменности XVII в., и на территориях, удаленных от северо-запада. В докладе эти правила сопоставлялись с соответствующими правилами, которые можно выявить для современных южнорусских говоров. Анализ диалектного материала показал, что позиции, где в древнерусском и старорусском языке имелся повтор предлога, в современных южнорусских говорах сохранились, причем число этих позиций еще увеличилось. **М. Н. Толстая** (Москва) представила некоторые архаичные падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре с. Русская Мокрая. Таким архаизмом надо признать беспредложный аккузатив для обозначения времени, не полностью занятого действием: *Она загл'анула, другий ден' уже молоко нийе* 'на другой день уже пропало молоко' (ср. аккузатив в конструкциях, обозначающих время, полностью занятое действием: *всю ночь, целый год*); аккузативные конструкции с маркерами *теперь* и *тому*, выражающие предшествующее относительное время, соответствующее русскому (*тому*) *назад*: *дес' три годы тепер'кы* 'где-то три года назад' (букв. 'три года теперь'); предложные конструкции *ЗА + вин.* 'в течение' (с глаголом несов. вида): *догл'адайе тотй коробы, за ц'ильий ден'* (ср. в русском языке с глаголами сов. вида: *построил дом за месяц*); *ЗА + вин.* 'через': *тепер'кы выт сейй нед'ил'и за три Пасха* 'сейчас от этого воскресенья через три — Пасха; *В + вин.* 'спустя', 'через' (так называемое последующее относительное время): *Тепер' у шис' нед'ил' увод'ат* <роженицу в церковь>; *(И)З + род.* (день недели) в значении 'вечером': *ис суботы, в суботу увечер'и* (ср. рус.: *с субботы на воскресенье*). Был сделан вывод о том, что диалектное своеобразие падежных обозначений времени определяется нетривиальным соотношением конкретной конструкции, выбранной из богатого восточнославянского арсенала, и конкретного темпорального значения. В докладе **А. Е. Рулевой** (Томск) рассматривался модальный модификатор *мочь* как индикатор потенциальной модальности в диалектной коммуникации. Контекст функционирования глагола *мочь* анализировался на материалах Лаборатории общей и сибирской лексикографии¹. Выделены модальные субъекты, частотность употребления модального модификатора, а

¹ <https://losl.tsu.ru/>

также его синтаксические и семантические характеристики. **П. Д. Третьякова** (Москва) описывала конструкции с модальным предикатом *надо* в русских говорах в контексте дифференцированного маркирования аргументов. Были проанализированы факторы, влияющие на выбор формы аккузатива, генитива или номинатива в конструкциях типа *надо / не надо воду / воды / вода*, а также в конструкциях с зависимым инфинитивом: *надо / не надо доить корову / коровы / корова*. Комплексный анализ, проведенный на материале 20 диалектных корпусов Международной лаборатории языковой конвергенции ВШЭ², показал, что удельный вес аккузативных объектных конструкций понижается с юга на север, а доля других типов маркирования, соответственно, возрастает.

Актуальным направлением современных диалектологических исследований остается описание частных диалектных систем. В докладе **С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко** (Москва) были представлены предварительные результаты изучения украинского полесского говора с. Юдино и окрестных сел Подгоренского района Воронежской области по данным 2024 г. Анализ трех аудиозаписей позволил выявить фонетические и грамматические особенности исконного говора, проследить влияние русского языка — единственного официального языка в этом регионе, были приведены также примеры адаптации русских заимствований. **Т. И. Мурзаева** (Саратов) привела данные двух говоров Ершовского района Саратовской области (села Орлов Гай и Новорепное). Более ранние фиксации свидетельствовали о совмещении в них черт южнорусского наречия и среднерусских говоров. Записи последних лет демонстрируют тенденцию к утрате некоторых южнорусских особенностей, так что говоры Ершовского района на современном этапе могут быть определены как среднерусские акающие, сближающиеся отдельными чертами с южнорусскими.

На **секции 2 «Лексикология. Лексикография»** прозвучало 17 докладов; обсуждались актуальные проблемы, связанные с диалектным словом и его семантикой, стратификацией лексического состава говоров, взаимодействием диалектных систем и литературного языка, в том числе и языков малых народов России. Открыл работу совместный доклад **Е. Л. Березович** и **Е. Э. Ивановой** (Екатеринбург), посвященный семантике и функционированию наименований центральных персонажей горнозаводского фольклора Урала. Мифонимы *хозяйка*, *хозяйин* (с дериватами) эвфемистичны, широко распространены во многих русских говорах. Отмеченные на Урале образы хозяев гор возникли на основе крестьянских представлений о духах природных локусов, наиболее известное из них — *хозяйка*, связанное, с точки зрения исследователей, с идеей земли, «рождающей» минералы и металлы, должно было воплотиться именно в женском образе. **А. Б. Коконова** (Москва) описала семантическую структуру общерусского глагола «кипеть» в архангельских говорах. Автор, в частности, показала, как осмысление кипящей воды в народном сознании связано с эмоциональной сферой человека, с его умственными способностями и работоспособностью.

Проблема ошибок и неточностей при лексикографировании диалектных фитонимов была поднята в докладе **В. Б. Колосовой** (Санкт-Петербург). Исследовательница обратила внимание на отсутствие в толковательной части фитонимической словарной статьи латинского и русского номенклатурного названия, на упущения в подаче географических помет, а также на многочисленные неточности,

² <http://lingconlab.ru/>

допущенные при работе с первоисточниками. По мнению автора, при составлении словарей диалектных фитонимов необходимо использовать как данные профессиональных ботанических источников, так и материалы региональных словарей, описаний путешествий и экспедиций, в том числе ранее XIX в., а также этнографическую литературу.

На заседании секции обсуждались вопросы диахронического и этимологического анализа диалектного слова. Живой интерес и бурную дискуссию вызвал доклад **Р. В. Ронько**, **А. Д. Анисимова**, **Е. А. Заливиной**, **С. А. Землянской** (Москва), посвященный микродиахроническому анализу лексики говора деревень Западнодвинского района Тверской области. Был зафиксирован процесс утраты в говоре отдельных лексем, входящих в Программу ДАРЯ, и дана характеристика степени их сохранности в речи диалектоносителей разного возраста, а также произведена оценка лексических единиц по разработанной шкале витальности. Итоговые показатели позволили сделать следующий вывод: лексемы находятся на разных стадиях сохранности, утрате подвергаются не только диалектные лексемы, обозначающие ушедшие реалии, но и те, которые обозначают реалии вполне живые; они заменяются единицами литературного языка. **Т. В. Шалаева** (Москва) рассказала о происхождении лексемы *скрозекóзный*, отмеченной в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова, и определила ее как сложение наречия *скрозь* в значении 'абсолютно, полностью, насквозь' и прилагательного **козный* 'коварный'. Словообразовательными аналогами для *скрозекóзный* служат сложные прилагательные с наречными элементами *много-* и *мало-*, называющими высокую или низкую степень признака: ср. *многозначительный*, *многомудрый*; *малозначительный*, *малограмотный* и др.

Ряд докладов был посвящен вопросам изучения топонимики и антропонимики. **О. И. Теуш** (Екатеринбург) детально исследовала вопрос об истоках ойконимии Ивановской области. Большой пласт названий населенных пунктов традиционно образован от антропонимов и гидронимов, имеющих как славянское, так и угрофинское происхождение (марийское, финское, карельское), а также от названий элементов ландшафта и ремесел. **Г. Д. Неганова** (Кострома) на примере лексики тематических групп «Рельеф» и «Почвы» показала, как номенклатура соответствующих терминов, бытующих в говорах Костромской области, коррелирует с особым ландшафтным разнообразием уникального с точки зрения физической географии региона. В докладе были рассмотрены номинации положительных и отрицательных форм рельефа с учетом семантики терминов и географии их бытования. В выступлении **А. В. Войтенко** (Москва) поднимался вопрос о свойствах и источниках микропонимов Лотошинского района Московской области. Автор проанализировала семантическую структуру микропонимов, образование ойконимов от имен собственных — географических и личных, а также переход географических терминов в число топонимов. Живое обсуждение и вопросы вызвал доклад **Е. В. Цветковой** (Кострома) о семантике ландшафтных терминов *кокуй* и *кукуй* в костромских говорах и литературных произведениях, связанных с Костромским краем. В своем выступлении докладчик осветила вопросы этимологии, распространения и восприятия топонимов носителями диалекта. К обсуждению этимологии данных слов присоединились Е. Л. Березович и С. А. Мызников. В докладе **В. С. Кучко** (Екатеринбург) был дан анализ коллективных прозвищ *воры*, *царй* (*царький*), *кочегáры*, *писаные батогй* (*батожки*), *церковные сралй*, *мещáне*, *линдушники*, зафиксированных в полевых материалах Топонимической экспедиции

УрФУ 2023 г. (Поморский берег Белого моря Беломорского района Карелии). Каждая лексическая единица рассматривалась с точки зрения отражения фактов истории, культуры, социальной, этнической и конфессиональной специфики региона в прозвищных рассказах. Вопрос образований прозвищ на базе имен собственных рассматривался в докладе **Н. В. Шевченко** (Санкт-Петербург). Данную группу лексем в воронежских говорах представляют 140 лексических единиц. Большая часть прозвищ связана с национально-прецедентными феноменами, которые являются концептуально значимыми для русской культуры (Адольф, Афоня), или с универсально-прецедентными феноменами (Архимед, Бах, Гулливер).

В нескольких докладах освещались исследования различных тематических групп лексики по материалам «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) и «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА). В докладе **Н. Н. Красовской** (Тула) рассматривалась лексика во вторичной номинации на материале выпуска «Животный мир» (ЛАРНГ): случаи употребления диалектных слов в переносном значении, когда мир фауны именуется лексемами, связанными в прямом своем значении с предметным миром человека (*дóктор* ‘дятел’; *пожáрник* ‘жук’; *матрós* ‘налим’); миром материальных вещей (*фонáрик* ‘светлячок’; *хóхолóк* ‘окунь’; *лáпоть* ‘кап’); природным миром других живых существ или растений (*борóвик* ‘медведь’; *кобы́лка* ‘кузнечик’) и др. **Т. Е. Баженова** (Самара) представила материал лексико-семантической группы «кочковатое болото», демонстрирующий многочисленные однословные диалектные наименования, которые имеют мотивационную основу по их главному отличительному признаку — наличию торфяных кочек: *кочкóвина*, *кочня́*, *кочка́рь*, *кочку́ха*, *кочу́ха* и др. Такие номинации встречаются преимущественно в южнорусском ареале говоров. **Е. А. Жданова** (Ижевск) познакомила слушателей с результатами сопоставления материалов ЛАРНГ, содержащихся в томе «Животный мир», и данных корпуса русских говоров Удмуртии, разметка которого основана на программе ЛАРНГ. В корпусе был зафиксирован как ряд совпадений с ЛАРНГ, так и неизвестный материал специфических ихтионимов в тематической группе названий рыб, записанных в прикамских районах республики. **И. В. Пантелеев** (Тула) посвятил выступление анализу семантики народных названий грибов, извлеченных из книги А. П. Ефремова «Лекарственные растения и грибы средней полосы России». Автором были уточнены принципы номинации и ареал распространения отдельных лексических единиц в сопоставлении с материалами ЛАРНГ. В докладе **В. А. Пыхова** (Москва) были рассмотрены славянские диалектные наименования ящерицы, представленные на карте ОЛА «Животный мир», и установлена их территориальная локализация. Выявлено противопоставление двух праславянских основ **guščer-* и **/aščer-*. Первая из них равномерно покрывает всю южнославянскую территорию, в то время как вторая повсеместно распространена в диалектах западно- и восточнославянской языковых групп. На этом основании исследователь выдвинул гипотезу о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы.

Вопросы коми-пермяцко-русского языкового взаимодействия были затронуты в выступлении **И. И. Русиновой** и **Ю. А. Шкураток** (Пермь). Материал коми-пермяцких заимствований в русских говорах Пермского края показал, что чаще всего заимствуется лексика, активно используемая диалектоносителями в бытовом общении, связанная с природным и социальным окружением людей; при этом

часть коми-пермяцких слов сохраняется в неизменном виде, а часть — с фонетическими или морфемными изменениями.

На **секции 3 «Лингвокультурология. Речевая коммуникация»** было прослушано 13 докладов. В ряде докладов рассматривались рукописные источники, содержащие информацию о говорах различных территорий. Так, **М. Е. Солодягина** (Вологда) рассказала об опыте создания речевого портрета уроженца вологодской деревни В. А. Морозова на основе анализа материалов его архива, включающего биографический очерк, приключенческую повесть и описание народных частушек. Исследуемые тексты позволяют реконструировать вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни, при этом функциональной доминантой коммуникативно-речевого портрета является региональная составляющая. **А. Ю. Козлова** (Коломна) в докладе «Статьи и этнографические записи крестьянина В. К. Влазнева как источник по исторической диалектологии» охарактеризовала диалектный материал, собранный этим крестьянским поэтом, краеведом, исследователем-самоучкой из Рязанской губернии. К сожалению, лишь материалы рукописи в четыре листа со списком местных слов включены в «Словарь русских народных говоров», более 100 листов с этнографическими сведениями остаются неизданными. Они могли бы служить основой для реконструкции истории диалектного пространства пограничья средне- и южнорусских говоров на юго-востоке от Москвы. В выступлении **М. Д. Корольковой** (Санкт-Петербург) была рассмотрена «Вонифатиева тетрадь» — дневник ярославского крестьянина-кузнеца В. И. Ловкова (185?–1932) из Пошехонского уезда, изданный в 2019 г. Письменные крестьянские тексты передают не только грамматические, но и лексические и этнографические особенности говоров. В данном дневнике содержится ценная информация о ремесленной лексике, отражающей деятельность автора и его односельчан. Доклад **О. В. Трофимовой** (Тюмень) «“Этнографические сведения о селе Долгоярском...” 1848 г. как источник по истории русских говоров на территории Тобольской губернии» посвящен анализу рукописи статьи священника И. Беднякова и дьячка С. Кузнецова, основная часть которой представляет собой запись разговора Худяковских крестьян, а в конце помещен словарь, включающий 150 слов и словосочетаний. Авторами статьи сделана попытка описать фонетические, грамматические, лексические и другие особенности говора. Эти материалы являются одним из ранних источников по истории бытования русских говоров в Тобольской губернии. В докладе «Библия как источник усть-цилемской народной фразеологии» **Т. Н. Бунчук** (Сыктывкар) показала, что народная речь русских жителей Низовой Печоры восходит к одному из исторических диалектов, появившихся на этой территории вместе с первыми поселенцами в XVI в. Данный говор, представлявший собой вариант новгородского диалекта, сочетал специфические черты устной речи с элементами письменной традиции. Народная фразеология Усть-Цильмы активно заимствовала понятия и образный ряд из библейских текстов, что свидетельствует о глубоком проникновении христианства в народное сознание. Доклад **Н. В. Марковой** (Петрозаводск) «Литература на заонежском диалекте» был посвящен анализу художественного идиостиля поэта В. А. Агапитова — члена Союза писателей России, выходца из Заонежья, декларирующего свою приверженность местному диалекту. Судьба русской деревни, исчезающие говоры подвигли поэта к творчеству на диалекте. Безусловно, его идиостиль не тождествен диалекту, поскольку писатель избирателен в выборе форм: возвра-

щаясь к материнскому языку, он воссоздает грамматическую систему говора в несколько концентрированном, с точки зрения докладчика, виде. Кроме того, в его художественных текстах получают логическое завершение процессы, которые в обыденной речи отмечены как тенденция. Создание художественных произведений на диалекте — редкое для русской литературы явление, которое, в свою очередь, служит одним из действенных способов сохранения самой диалектной речи.

Н. С. Ганцовская (Кострома) рассказала слушателям о Н. В. Покровском, директоре Церковно-археологического института в Санкт-Петербурге, уроженце с. Подольского Красносельской волости Костромской губернии, который собрал материал в знакомых с детства говорах по программе А. А. Шахматова для Московской диалектологической комиссии (МДК). Материалы содержат ценные наблюдения над фонетикой и акцентологией этих говоров и дают ориентиры для правильного определения их места в диалектном членении русского языка.

В трех докладах была рассмотрена жанровая и культурологическая специфика диалектных текстов. Так, **А. О. Филиппова** (Томск) исследовала жанр «отказа», его статус и место в народно-речевой культуре. Главной особенностью диалектной реализации отказа является объяснение его причины, что служит одним из средств смягчения категоричности жанра. Проведенный анализ позволил установить, что ценностные ориентиры, связанные с отношением к дому, хозяйству, обычаям, традициям, труду, определяют мотивы отказа носителей диалекта и оказывают влияние на их речевое поведение. Выступление **И. А. Букринской** и **О. Е. Кармаковой** (Москва) «Лингвокультурологический анализ диалектных текстов» было посвящено отражению архаической картины мира в диалектном дискурсе. Наряду с автобиографическими рассказами о детстве, семье, труде, буднях и праздниках присутствуют нарративы о колдунах, знахарях, покойниках, мистических болезнях и исцелениях. Эти тексты демонстрируют, что сверхъестественное в сознании диалектоносителей существует не как отвлеченное знание, а как проявление их бытового опыта, в связи с чем границы между повествовательными фольклорными и бытовыми текстами достаточно размыты. На материале рассказов информантки о ее бабушке-колдуне в докладе делается вывод о хорошей сохранности традиционной культуры и «классического» фольклора в диалектной картине мира и в речи людей довоенного поколения (1920–30-х гг. рождения), тогда как у послевоенного поколения (1940–50-х гг. рождения) эти элементы сохраняются лишь фрагментарно и в более разрушенном виде. В докладе **А. Д. Ставровой** (Томск) была представлена структура концепта «колдун», реконструированная на материале речи жителей Среднего Приобья. В результате анализа сформулировано релевантное определение лексемы «колдун»: это человек, который владеет магией и использует ее в любых целях, как правило, для изменения состояния здоровья другого человека. Кроме того, описаны способности и характерные черты внешности колдуна, позволяющие провести границу между концептами «колдун», «ведьма» и «ворожея» как разными проявлениями магического.

Еще три доклада были посвящены описанию говоров русских старообрядцев, проживающих в иноязычном окружении. В выступлении **Р. И. Попович** (Москва) «К вопросу о материнской основе говора села Кунича (Республика Молдова)» высказана гипотеза о том, что его прародиной являются курско-орловские говоры.

Данное предположение, изначально основанное на анализе фонетических, грамматических и ряда лексических особенностей, было проверено на материале лексики свадебного обряда. Сопоставление семантики лексических единиц говора с данными словарей юго-западной диалектной зоны подтвердило высказанную гипотезу.

Доклад **Т. Б. Моррис** (Юджин, США) был посвящен личности, судьбе и языку старовера-беспоповца из Орегона М. А. Зенюхина. Родившийся в Китае в 1938 г., Зенюхин является носителем говора старообрядцев-синьцзянцев — так называют староверов, эмигрировавших в Америку в 1960-е гг. из провинции Синьцзян. Его речь отражает все основные черты этого говора, представляющего собой акающий среднерусский говор, сформировавшийся на севернорусской основе. В Америке Зенюхин прожил 60 лет, владел разговорной формой английского языка, тем не менее в его речи отмечено небольшое число адаптированных заимствований. Несмотря на всю жизнь в ином этническом и языковом окружении, он стремился сохранить свою веру, традиции и родной язык. В докладе «Иностранные слова в говоре старообрядцев Южной Америки» **Е. В. Колесниковой** (Москва) рассматривается процесс проникновения иноязычных лексем в систему говора старообрядцев. При описании заимствованной лексики автор использовал термин *инострannое слово*, поскольку данные лексические единицы сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических и семантических особенностей. Были представлены актуальные тематические группы заимствований, кроме того, иностранные слова были проанализированы с точки зрения их происхождения, освоенности диалектом, наличия/отсутствия эквивалента в системе заимствующего языка.

На втором пленарном заседании, состоявшемся в третий день конференции (27 октября), выступило 10 докладчиков.

В докладе **Н. Е. Ананьевой** (Москва) «Эпонимы в польских и русских диалектах» был проведен анализ этой группы лексики с точки зрения мотивирующих слов (антропонимов, этнонимов, топонимов различного типа) и выделены тематические группы: названия лиц, представителей растительного и животного мира, болезней, бытовых предметов, орудий труда, игр и др. В докладе **А. П. Майорова** (Москва–Улан-Удэ) «Диалектные архаизмы и методика их идентификации» в научный оборот вводится термин «диалектный архаизм». Под этим составным наименованием понимается слово, которое обозначает понятие, знакомое диалектоносителю и сегодня, но которое употреблялось только в определенный исторический период. Особенность подобного наименования также состояла в том, что первоначально оно было общерусским, однако позже становилось в своем употреблении территориально ограниченным. В методике идентификации диалектного архаизма ключевую роль играют региональные письменные памятники, фиксирующие употребление такого слова; исторические словари, либо свидетельствующие об общерусском характере его распространения, либо приводящие только какие-то его однокоренные образования, либо совсем не отмечающие само слово и его следы; областные словари, подтверждающие (или опровергающие) территориально ограниченное функционирование слова в регионе, где составлялись указанные письменные памятники. В докладе **Н. В. Большаковой** (Псков) «Псковский травелог XIX в. как источник диалектной лексики» была подчеркнута роль малоизвестных источников в воссоздании объемной картины одного из исторических периодов прошлого Псковского края. Автор представил

анализ языковых данных XIX в., отражающих региональные речевые особенности, в контексте материалов «Псковского областного словаря» и его картотеки. В текстах путевых очерков в группе названий ветров выявлен универсальный синкретизм этих номинаций (*запад, север* и др.) и названий сторон света, а также обнаружены не зафиксированные до этого наименования (*русский поперечень, чухонский поперечень, вахта*). С отсылкой к картам Псковско-Чудского поозерья предложена семантизация данных наименований для будущих выпусков словаря. Доклад подготовлен в рамках реализации издательского проекта РГО «Псковский травелог XIX в.» (№ 22/2024-Р). В докладе **И. А. Букринской** и **О. Е. Кармаковой** (Москва) «Московская школа диалектологии и лингвистической географии (К 60-летию публикации академического труда “Русская диалектология”»)» рассматривается влияние этого труда на развитие таких фундаментальных идей, как диалектный язык (понимаемый как конструкт), диалектные различия, междиалектные соответствия, которые были использованы при составлении Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Кроме того, в выступлении были представлены современные достижения Московской диалектологической школы: автоматизация исследований и создание на их основе различных классификаций русских говоров (диалектометрических), развитие корпусной диалектологии, подготовка электронного ресурса «Просодия русских диалектов», многоаспектное изучение текстов (коммуникативный подход). В докладе **О. Ю. Крючковой** (Саратов) «Нестандартная лексика в диалектной речи: типы и функционирование» общение на диалекте характеризуется активным использованием разных видов лексики, включающей: собственно диалектную, общерусскую разговорно-просторечную, в частности ее диалектные фонетические и словообразовательные варианты, окказиональные диалектизмы, разновидности диалектного варьирования литературной лексики. В докладе отмечено, что все типы нестандартной лексики находятся в тесном взаимодействии в речи носителей диалекта, вступая в отношения свободного, функционально не обусловленного варьирования. В некоторых случаях наблюдается распределение литературных и нестандартных лексических единиц, обусловленное в том числе характером жанрово-тематического контекста и степенью эмоционального напряжения повествования. Исследование типов лексической нестандартности в диалектной речи имеет также существенное прикладное значение для разметки текстов в диалектных корпусах. **Т. А. Демешкина, С. В. Волошина** (Томск) в докладе «Оценочные речевые жанры в говорах Среднего Приобья: возможности энциклопедического описания» рассмотрели проблемы лексикографической параметризации речевых жанров диалектной культуры. В докладе приведена возможная схема описания оценочных жанров с учетом основных признаков; показаны отличия в актуализации этих признаков в диалекте по сравнению с литературным языком. Типология оценок осуществляется с учетом нескольких параметров: цель, коммуникативный повод, образ коммуникантов и формы оценок, объекты оценивания, языковые средства выражения. Выделяются прямые положительные (похвала, одобрение) и прямые отрицательные оценки (оскорбление, осуждение). Отдельно анализируются самооценка, специфика выражения оценки в мужской и женской речи. Выделяются общие и аспекуализированные формы оценок, а также речевые стратегии их реализации. В докладе **В. В. Напольских** (Екатеринбург) «*Безмен, басман* и *батман* в русских диалектах: этимология и история слова» были подробно рассмотрены значения указанных слов (единицы измерения веса раз-

личной величины, связка лука или чеснока в 120 головок и др.), выражено несогласие с этимологическими словарями, трактующими пути их вхождения в русский язык, и предложена иная версия. Автор убежден, что это два деривата иран. **patiman* ‘мера, мерка’, которые распространились как обозначение единицы измерения разных товаров во второй половине I — начале II тысячелетия: согдийский вариант — в Среднеазиатском Междуречье и далее вдоль Шелкового пути, а хорезмийский — севернее, в Поволжье. На Русь хорезм. **bāsmān* попало через волжско-булгарское посредство и было переосмыслено в связи с формой *безь мѣны*, а потом применено к неравноплечным весам. Термин *batman*, распространившийся в Поволжье, вошел в русский язык, скорее всего, в постмонгольское время. Доклад **Е. В. Колосько** (Санкт-Петербург) «Отражение культурных констант системы народных мифологических представлений в значениях устойчивых диалектных словосочетаний с компонентом ЧЁРТ» был посвящен мотивационному семантическому анализу диалектных устойчивых словосочетаний, содержащих в своем составе наименование мифического персонажа — *чёрта*. В докладе представлены диалектные материалы, собранные для составления статей «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). Автор делает попытку усовершенствовать подачу диалектного фразеологического материала в указанном словаре. Анализ семантически и лексически связанных сравнений, фразеологизмов и паремических единиц подтверждает наличие наиболее востребованных культурных констант в составе народных мифологических представлений, влияющих на формирование лексического фонда фразеологизированных единиц русских говоров. **С. А. Крылов** (Москва) в докладе «Симплиграфия и диалектология» рассказал о возможности графической фиксации звучащих текстов при помощи разновидности письма, которую автор именуется симплиграфией (лат.-греч. «простопись»). Симплиграфический принцип транскрибирования применим к языкам, имеющим письменность: для записи выбирается система графических знаков, сходных с той графикой, которая является для данного языка социально престижной. Отличие симплиграфии от научной транскрипции состоит в том, что последняя следует принципу изофонии, а симплиграфия — нет. В выступлении были приведены примеры «московской» и «ленинградской» систем симплиграфии, их плюсы и минусы. Степень симплиграфичности научных транскрипций бывает разной: она тем выше, чем понятнее созданная запись для неискушенного читателя. Любая транскрипция в известной степени условна, поэтому использование латиницы для записи бесписьменных языков и диалектов мотивировано не тем, что латиница лучше приспособлена для записи звуковых систем этих языков, а тем, что в определенной сфере лингвистики сложилась традиция использовать именно ее. В докладе **Т. И. Вендиной** (Москва) «Лексическая дифференциация русских диалектов» на материале «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА) и «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) определяются отдельные диалектные различия русского языка на лексическом уровне. Например, форма *зѣймище* ‘густой лес’ характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как ее междиалектный синоним *сузѣм* — для севернорусских. В западной группе южнорусского наречия распространена лексема *тхорь* ‘хорь’, которая имеет соответствия в украинском, белорусском и западнославянских языках. Делается вывод о том, что исследование русского диалектного континуума с учетом всех микрзон его лингвистического пространства позволит расширить фактографическую базу для решения проблемы диалектной дифференциации.

VIII International Conference “Current Problems of Russian Dialectology”
(October 25–27, 2024, Moscow)

И. А. Букринская

irbukr@gmail.com

О. Е. Кармакова

okarmakova@list.ru

Е. В. Колесникова

el.kolesnikova@bk.ru

А. В. Малышева

annamalys@mail.ru

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Получено 28.01.2025

Irina A. Bukrinskaya

irbukr@gmail.com

Olga E. Karmakova

okarmakova@list.ru

Elena V. Kolesnikova

el.kolesnikova@bk.ru

Anna V. Malysheva

annamalys@mail.ru

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Received on January 28, 2025

doi.org/10.31912/rjano-2025.2.14

56-е Виноградовские чтения в МГУ

14 января 2025 г. в МГУ состоялись очередные 56-е Виноградовские чтения, тема которых — «Традиции и новации в русской филологической науке (синхрония и диахрония)» — объединила представителей различных научных школ и разных поколений. В год 130-летия со дня рождения В. В. Виноградова преподаватели вузов и научные сотрудники исследовательских институтов из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Донецка, Петрозаводска говорили об актуальности виноградовской филологической традиции в синхронной и диахронной русистике.

С приветственным словом к собравшимся обратилась президент филологического факультета МГУ, заведующая кафедрой русского языка проф. **М. Л. Ремнева**, отметившая огромное значение личности В. В. Виноградова и его научных идей для современной русистики. В наше беспокойное время очень важны те методологические опоры, которые позволят сохранить лучшее из предшествующих этапов развития науки и двигаться вперед, развивая русскую филологию. Такой опорой являются труды академика В. В. Виноградова, в которых утверждается необходимость соединения системности и функциональности, описания языка и анализа текста, синхронии и диахронии.

Программу чтений открыл доклад **М. Ю. Сидоровой** (д.ф.н., МГУ) «Судьба идей В. В. Виноградова в русской грамматике: от грамматики 1952–54 гг. до наших дней», посвященный принципам описания русского языка, сформулированным ученым во Введении ко второму тому академической «Грамматики русского языка» (1952–1954). В. В. Виноградов понимал, что нормативная описательная грамматика обеспечивает единство общенационального функционирования русского языка как языка государственного, что нормативная грамматика должна быть адресована любому носителю русского языка, что грамматические правила должны формулироваться понятно и что избыток терминов не является признаком

научности лингвистического текста. М. Ю. Сидорова обосновала продуктивность разграничения номинативных единиц (слов и словосочетаний) и коммуникативных (простого и сложного предложений), основанного на функционально-коммуникативном понимании языковой системы. Предикативность как важнейшее свойство предложения обеспечивает коммуникативную функцию предложения в единстве его структуры и семантики. Неразличение словосочетания и предложения, характерное для вербоцентрических синтаксических теорий, позволяет создать интегральное описание языка, адресованное искусственному интеллекту или лингвисту-теоретику, но не позволяет построить объяснительную теорию, которая бы соединяла системный синтаксис с анализом текста, не позволяет написать грамматику для человека, говорящего на русском языке. А именно эта перспектива была теоретически обоснована академиком В. В. Виноградовым в Грамматике 1952–1954 гг.

Формирование «лингвистики текста» как особой научной дисциплины обсуждалось в докладе **Т. В. Шмелевой** (д.ф.н., НовГУ) «Лингвистика текста: предчувствие нового, затянувшееся на полвека». Как было отмечено, Грамматика 1952–1954 гг. остановилась на пороге этой дисциплины, но уже в 1970–1980-е гг. были сформулированы идеи, заложившие основы лингвистической теории текста. Грамматика второй половины XX в. не только лингвистически освоила виноградовскую идею «образа автора», которую ученый разрабатывал на протяжении всей своей научной деятельности, но и предложила собственные идеи, позволяющие лингвистике интерпретировать текст. Докладчица выделила «три составляющие» грамматики текста: авторское начало (виноградовский «образ автора»), тематическая основа (идеи чешских лингвистов), «рематический сюжет» (идея рематической доминанты, предложенная Г. А. Золотовой).

В. И. Теркулов (д.ф.н., ДГУ) в докладе «Базовые характеристики синхронного подхода к определению и описанию сокращенных номинативных единиц» рассмотрел «формально-ономазиологические типы словообразования» сложных слов: инициальных аббревиатур, сложносокращенных апеллятивов, квазиаббревиатур и сложносокращенных онимов. В докладе обосновывается необходимость термина «абброконструкт», понимаемого как компонент сложносокращенного слова (включающий в свой состав как минимум две фонемы), выступающий в качестве эквивалента какой-либо лексемы, входящей в мотивационно связанное с данным сложным словом словосочетание. Наличие у абброконструкта набора дешифровальных стимулов (стереотипов развертывания в слово) становится основанием для установления особого рода полисемии. Было показано, что основным семантическим свойством сложносокращенных слов является эмерджентность.

В докладе **Г. И. Кустовой** (д.ф.н., ИРЯ РАН, МПГУ) «Вводность и присоединение», посвященном вводным (ВК) и распространительно-присоединительным (РПК) конструкциям с ментальными глаголами предположения, было продемонстрировано, что и вводные, и присоединительные конструкции обычно не являются результатом преобразования матричных частей сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными и поэтому могут интерпретироваться как самостоятельные стратегии кодирования смысла. Для ВК с глаголом *думать* рассматривались ограничения на 1-е и 2-е лица: ВК 1-го лица употребляются в повествовательных, но не в вопросительных и побудительных предложениях; ВК 2-го лица (*Он, думаешь, уехал?*), наоборот, возможны только в вопросительных предложениях. Были отмечены функционально-семантические особенности ВК настоящего и прошедшего времени как показателей синхронной и ретроспективной позиции на-

блюдателя: в частности, ВК прошедшего времени *как Х думал* имплицитно подразумевает 'прогноз Р не подтвердился' (*Он не уехал, как она думала* ['думала, что уедет']), а ВК *как Х и думал* имплицитно подразумевает 'прогноз Р подтвердился'.

Е. Н. Виноградова (к.ф.н., МГУ) в докладе «Идеи В. В. Виноградова и принципы современного описания русских предлогов» рассмотрела положения фундаментального труда В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», сохраняющие актуальность для современного описания производных предлогов. Докладчица сосредоточилась на описанном академиком В. В. Виноградовым механизме образования предлогов путем грамматикализации словосочетаний и превращения их в «предложные идиоматизмы» (такие, как *по части, по линии, в отношении, применительно к*). Основное внимание в докладе уделялось росту количества производных предлогов в русском языке, полемому принципу описания предлогов с учетом их типологии и обусловленности процесса грамматикализации именных сочетаний в предлоги изменениями в системе функциональных стилей русского языка.

Доклад «Прагматика способов номинации субъектов речи в современном политическом дискурсе», прочитанный **С. В. Вяткиной** (к.ф.н., СПбГУ), содержал результаты диахронного исследования медиатекстов в аспекте категории опосредованной эвиденциальности. Исследование «Ведомостей» (1703–1727) позволило охарактеризовать опосредованную эвиденциальность как формирующуюся текстовую категорию, которой свойственны стандартизированный набор языковых средств, указывающих на информирующий источник, и формульность заголовков. На этом фоне современный политический дискурс (медиатексты XXI в.) отличается многообразием форм номинации субъектов речи (от персонализированного до именованной столицы государства или места принятия решения) и речевых глаголов (*сообщить, рассказать, объявить, информировать, озвучить*); при этом наиболее активным сейчас стал глагол *заявить*, который может быть употреблен при субъектах разного политического и медийного статуса.

А. А. Пичхадзе (чл.-корр. РАН, ИРЯ РАН) в докладе «Предикативные причастия в средневековых славянских языках» рассмотрела четыре функции предикативного причастия: вершина зависимой предикации; вершина вложенной предикации; аргумент; сирконстант. В докладе были указаны хронологические рамки появления определенных конструкций с причастиями: 1) на индо-европейской стадии функционировали причастные вложенные конструкции при глаголах восприятия, мысли и речи и причастие как аргумент фазовых и эмотивных глаголов; 2) на балто-славянской стадии — причастия как вершины предикаций, присоединяемых неопределенными местоимениями без выраженных признаков неопределенности, в нефактивных контекстах; 3) на обще- или восточнославянской стадии — причастные конструкции со значением контактного предшествования; 4) в старорусский период — «гетеросубъектные» причастные конструкции, обозначающие основание/повод.

В докладе **М. Н. Шевелевой** (к.ф.н., МГУ) «О переносном употреблении ирреальных наклонений в древнерусских текстах» обсуждался генезис вторичных значений повелительного и сослагательного наклонений в древнерусских не книжных текстах. Основным материалом послужили все имеющиеся на сегодня берестяные грамоты. Переносное употребление повелительного наклонения в условно-уступительном значении фиксируется с самого раннего времени (примеры в грамотах XI–XII вв., «Русской Правде», «Вопрошании Кирика» XII в.) — как в значении

2-го, так и 3-го лица. Примеров употребления императива в значении прошедшего индикатива (неожиданного действия в прошлом, так называемого «драматического императива») типа [*возьми и*] *спроси* в ранних грамотах не зафиксировано, однако в грамоте рубежа XIV–XV вв. (№ 755) есть контекст, допускающий такую трактовку. Высказано предположение о более позднем формировании данного типа переноса — уже в старорусскую эпоху. Что касается сослагательного наклонения, то его употребление в побудительной функции отмечается и в старорусских документах, и в древнерусских берестяных грамотах. Однако если в современном языке это значение реализуется как совет или (реже) просьба, то в древних текстах возможны более сильные типы побуждения: указание, предписание, просьба-распоряжение и даже требование. Докладчица высказала предположение, что «побудительное» употребление сослагательного наклонения, возможное с раннего времени, активизировалось с XIV в. в связи с ростом его частотности в формуляре деловых грамот.

Н. В. Патронева (д.ф.н., ПГУ) представила доклад «Синтаксис стихотворных произведений Василия Третьяковского: полупредикативные обороты и модальные слова», в котором, опираясь на идеи В. В. Виноградова, рассмотрела функционирование обособленных оборотов и вводных конструкций в поэтическом синтаксисе В. К. Третьяковского: «дательный самостоятельный», конструкции с однородными деепричастным оборотом и лично-глагольным сказуемым, размещение подлежащего внутри оборота и др. Сопоставив частотность субъективно-модальных синтагм в стихотворных опытах Феофана Прокоповича и Василия Третьяковского, докладчица пришла к выводу о значительном увеличении употребления вводно-модальных слов у Третьяковского. Кроме того, в его текстах фиксируется более высокая частотность деепричастных оборотов. В заключение был представлен «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII в.», отражающий типы и частотность синтаксических конструкций, используемых различными авторами этого периода.

В докладе **В. В. Кавериной** (д.ф.н., МГУ) «Грамматическое учение В. В. Виноградова как ключ к проблемам правописания наречий» обосновывалась необходимость применения идей В. В. Виноградова при формулировке орфографических рекомендаций для школьников. Основное внимание было уделено виноградовскому пониманию адвербиализации как непрерывного процесса, так что в каждый временной период мы можем квалифицировать определенные словоформы и как субстантивные, и как адвербиальные. При этом движение возможно не только от существительного к наречию, но и в обратном направлении. Были рассмотрены примеры лексем, которые допускают неоднозначную частеречную квалификацию. Докладчица отстаивала мнение, что в школьном курсе ученики должны изучать продуктивные модели образования наречий, а не уникальные случаи.

Программу чтений завершил доклад **М. А. Пузиной** (к.ф.н., ИРЯ РАН) «Лексика переводных гимнографических текстов на примере Минейного и Триодного стихирарей XII в.», в котором была отмечена недостаточная изученность славянского гимнографического наследия: хотя значительное число гимнографических памятников XI–XIII вв. издано, к ним практически отсутствуют полноценные славяно-греческие и греческо-славянские словоуказатели (исключения составляют Ильина книга, Декабрьская минея и Минейный стихирарь). Это обстоятельство существенно затрудняет исследовательскую работу в области славянской переводной гимнографии. В связи с этим была предложена идея создания греческо-славянского словоуказателя к древнейшим славянским гимнографическим сборникам. Научная значимость проекта в докладе обосновывалась примером сопоставления

словоуказателей Минейного и Триодного стихирарей XII–XIII вв., в том числе с привлечением данных греческо-славянских словоуказателей к Декабрьской минее и Ильиной книге.

Подводя итоги Виноградовских чтений – 2025, **М. Л. Ремнева** поблагодарила докладчиков и слушателей за внимание к научному наследию академика В. В. Виноградова, отметила высокий научный уровень представленных докладов и плодотворность соединения синхронного и диахронного подходов к описанию русского языка.

The 56th Vinogradov Conference in the Moscow State University

Н. К. Онипенко

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

Получено 21.01.2025

Nadezhda K. Onipenko

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
onipenko_n@mail.ru
(Moscow, Russia)

Received on January 21, 2025

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

Венский университет, департамент славистики

Шпитальгассе 2-4/3, Вена 1090, Австрия
Institut für Slawistik Universität Wien
Spitalgasse 2-4/Hof 3, 1090 Wien, Österreich

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1, стр. 1
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
Нижегородская обл., 603155 Нижний Новгород, ул. Минина, 31А
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Minina 31a, Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., 191186 St. Petersburg, Russia

Университет МГУ — ППИ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — Пекинский политехнический институт) в г. Шэньчжэнь
518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Жуи, д. 299
Shenzhen MSU-BIT University
No 299, Ruyi Road, Longgang District, Shenzhen, Guangdong, 518172, China

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 2. 2025

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 28.12.2025. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №